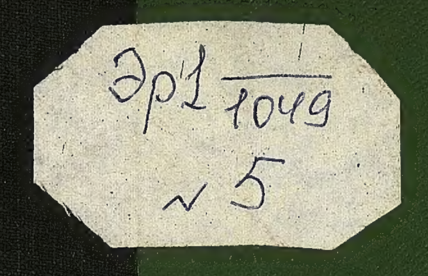
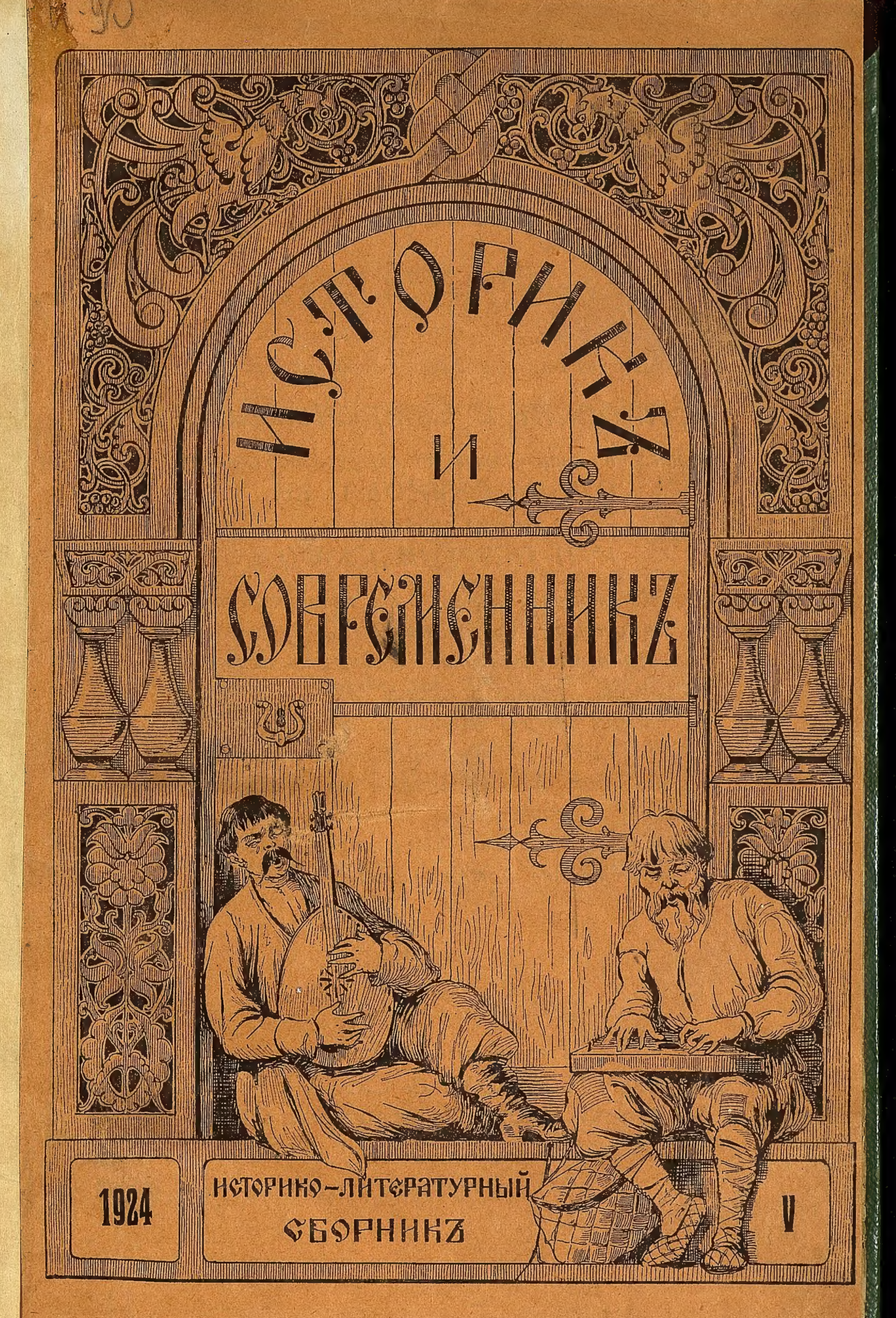

Эр1 1/1049
№ 5

ИСТОРИКЪ
И
СОВРЕМЕННИКЪ
1924
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
СБОРНИКЪ
V

Редакція и контора сборника

„ИСТОРИКЪ И СОВРЕМЕННИКЪ"

помѣщается въ Берлинѣ при издательствѣ
ОЛЬГА ДЬЯКОВА и КО.

Статьи для помѣщенія въ сборникѣ

Историкъ и Современникъ

надлежитъ направлять по адресу издательства
ОЛЬГА ДЬЯКОВА и Ко.
на имя редактора
И. П. ПЕТРУШЕВСКАГО.

Къ статьямъ могутъ быть прилагаемы портреты, рисунки и документы.

При присылкѣ рукописей просятъ г. г. авторовъ обозначать фамилію и точный адресъ, безъ коихъ рукописи не принимаются къ напечатанію.

Въ случаѣ надобности, статьи подлежатъ исправленіямъ и сокращеніямъ по усмотрѣнію редакціи. Непринятыя къ напечатанію рукописи сохраняются не дольше шести мѣсяцевъ и возвращаются обратно по востребованію.

Главный складъ изданія:
OLGA DIAKOW & Co., VERLAG
Berlin W 62, Kleiststrasse 21.

Историкъ и Современникъ

Историко-литературный сборникъ

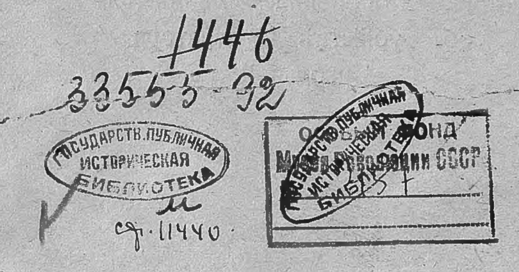
V.

Содержаніе:

*

БЕРЛИНЪ 1924

Оглавленіе:

М. К. Марченко.

Политика Россіи въ вопросѣ объ аннексіи Босніи и Герцеговины.

(Далекія и глубокія причины войны и современной разрухи.)

Въ основу отношеній между Австро-Венгріей и Россіей за послѣднее десятилѣтіе передъ войной, отъ Мюрцштегскаго свиданія между обоими монархами до свиданія ихъ министровъ въ мѣстечкѣ Бухлау, легла глубоко коренившаяся антипатія и недовѣріе между императорами Францомъ-Іосифомъ и Николаемъ II.

Офиціально корректныя, со всей гаммой пожеланій, комплиментовъ и привѣтствій, отношенія эти таили глухое взаимное недовѣріе, неудовольствіе, взаимное раздраженіе и болѣзненную впечатлительность. Неразрывно съ этимъ фактомъ связано было также то взаимоотношеніе, которое существовало между личностями императора Вильгельма II и русскимъ государемъ съ одной стороны и этимъ послѣднимъ и королемъ Эдуардомъ VII съ другой.

Соображенія внутренней политики естественно толкали Россію въ консервативныя объятія Германіи. Съ другой стороны, повелѣвающія финансовыя нужды связывали ее съ соціальнымъ либерализмомъ Франціи и Англіи. Ясно, что если-бы Россія пошла по первому пути — міровая война была бы, вѣроятно, избѣгнута и соціальныя катаклизмы, происшедшія въ итогѣ войны, были бы отсрочены, если не обойдены вовсе.

Отношенія Россіи и ея государя къ императору Вильгельму II прошли фазисы то сближенія, то удаленія и недовѣрія.

Идея императора Вильгельма (раздѣлявшаяся въ Россіи С. Ю. Витте и нѣкоторыми другими государственными дѣятелями) сводилась къ вовлеченію Россіи, а черезъ нее и Франціи, въ военно-экономическій блокъ съ Германіей и Австро-Венгріей. Эта идея и легла въ основу Бьоркскаго соглашенія между Россіей и Германіей.

Въ половинѣ августа 1905 года, едва прибывъ въ Австрію, по приказанію императора Франца-Іосифа, вслѣдствіе совѣта, преподаннаго изъ Петербурга австрійскимъ посломъ, Эренталемъ, я получилъ приглашеніе присутствовать на малыхъ маневрахъ въ Тиролѣ на границѣ итальянскаго Трентино. Эти горныя упражненія длились три дня, послѣ чего всѣ приглашенные должны были спуститься вновь въ долину. Для спуска съ плато у мѣстечка Ромено къ окрестностямъ Боцена пришлось использовать небольшую подъемную желѣзную дорогу.

Здѣсь, во время этого краткаго спуска, произошелъ небольшой историческій разговоръ, имѣвшій отношеніе къ двумъ турецкимъ провинціямъ — Босніи и Герцеговинѣ, которыя по 25 пункту Берлинскаго трактата были, въ качествѣ депозита Европы, временно переданы въ управленіе Австро-Венгріи. Въ этомъ краткомъ путешествіи отъ Ромено къ Боцену участвовало пять лицъ: три австрійскихъ эрцгерцога, германскій высшій агентъ въ Вѣнѣ, Бюловъ (братъ германскаго канцлера) и я. Три эрцгерцога были: Францъ-Фердинандъ д'Эстэ, (наслѣдникъ австро-венгерскаго престола), эрцгерцогъ Фридрихъ и эрцгерцогъ Райнеръ.

Наслѣдникъ австро-венгерскаго престола приходился племянникомъ императору Францу-Іосифу. Онъ сдѣлался престолонаслѣдникомъ послѣ трагической смерти сына императора, Рудольфа, въ замкѣ Мейерлингъ. Францъ-Фердинандъ былъ видный мужчина, высокаго роста, широкій въ плечахъ, безбородый, съ короткими усами, округленнымъ оваломъ лица, выдающимися скулами, толстымъ носомъ, нервными, подвижными, сѣрыми глазами и рѣзкими отрывистыми жестами.

Эрцгерцогъ Райнеръ былъ высокій, худощавый, бритый, симпатичный 80-лѣтній старикъ, бодрый, подвижной, начитанный, образованный, простой, исполненный чувства долга, вѣжливый и очень доступный. Географическое общество въ Вѣнѣ избрало его своимъ предсѣдателемъ и благотворительность была его спеціальностью. Онъ былъ очень популяренъ въ демократическихъ кварталахъ Вѣны, гулялъ по нимъ много пѣшкомъ и добродушно, по стариковски, разговаривалъ съ торговками.

Эрцгерцогъ Фридрихъ съ бритымъ подбородкомъ, пышными усами и легкими баками, былъ маленькаго роста, быстрый, поворотливый, веселый, легко передвигавшійся, съ округленными жестами и пѣтушиной походкой въ припрыжку. Оба эти эрцгерцога занимали должности въ австрійскомъ ландверѣ.

Во время спуска въ finiculaire'ѣ мы занимали впятеромъ маленькій вагончикъ. Три эрцгерцога сидѣли на передней скамейкѣ, а непосредственно за ними сѣли Бюловъ и я.

Обмѣнявшись нѣсколькими словами и впечатлѣніями о монархахъ, эрцгерцогъ Фридрихъ обратился къ Францу-Фердинанду и сказалъ ему:

— Необходимо и интересно въ будущемъ организовать большіе маневры въ Босніи и Герцеговинѣ; я отказываюсь понять, почему до настоящаго времени колеблятся окончательно аннексировать эти двѣ провинціи. Всѣ тамъ уже давно къ намъ привыкли. Особенно благопріятенъ теперешній моментъ, когда Россіи не до того. Это сдѣлалось бы совсѣмъ просто.

Эрцгерцогъ Францъ-Фердинандъ отвѣтилъ ему:

— Да! Я часто объ этомъ думаю. Надо будетъ сказать объ этомъ императору (an höchster Stelle). Стоитъ объ этомъ подумать.

Они говорили въ полголоса. Но вѣтеръ былъ благопріятный; Бюловъ и я слышали каждое слово этого сенсаціоннаго разговора. Вопросъ объ аннексіи былъ, повидимому, на очереди съ начала русско-японской войны и я, съ первыхъ недѣль моего пребыванія въ Австріи, оказался освѣдомленнымъ какимъ образомъ относятся къ этому важному вопросу военныя власти.

1908 годъ былъ годомъ шестидесятилѣтія царствованія императора Франца-Іосифа. За этотъ годъ разрѣшеніе этого животрепещущаго вопроса сдѣлало большой шагъ впередъ. Измѣнялась, собственно говоря, лишь форма, а не сущность, ибо Австрія прочно укоренилась въ этихъ двухъ провинціяхъ, которыя, къ великому огорченію Италіи и Сербіи, обезпечивали за Австріей серьезный «Hinterland» въ тылу узкой прибрежной Далматинской полосы ея владѣній на Адріатикѣ.

Уже къ концу 1907 года легко было констатировать, что Австро-Венгрія намѣчала экономическое проникновеніе на Балканскій полуостровъ. Представитель ея въ Константинополѣ получилъ предписаніе добиться согласія Порты на соединеніе желѣзнодорожнымъ путемъ границъ Босніи съ Митровицей. Въ январѣ 1908 года, австро-венгерскій общеимперскій министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь, заявилъ венгерскимъ делегаціямъ о будущей желѣзной дорогѣ въ Новобазарскомъ Санджакѣ. Ни одному изъ министровъ-президентовъ (ни въ Вѣнѣ, ни въ Будапештѣ) Эренталь до этого не обмолвился ни однимъ словомъ объ этомъ планѣ.

Русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, А. П. Извольскій, въ противовѣсъ этому, выставилъ проэктъ сербской желѣзной дороги, соединяющей Дунай съ Адріатикой. Эренталь отказался поддерживать этотъ проэктъ и, между обоими противниками, Извольскимъ и Эренталемъ, по этому предмету начался ихъ балканскій поединокъ. Оба кабинета обмѣнялись мемуарами (aide mémoire'ами), словесными нотами и прочей, разнаго рода, бумажной перепиской.

Петербургъ 19 іюня (2 іюля) 1908 года указывалъ Вѣнѣ, что соглашеніе 1897 года между Австро-Венгріей и Россіей не ограничивало экономической свободы обѣихъ договаривающихся сторонъ, въ силу чего Австрія имѣла, конечно, право получить концессію на желѣзную дорогу въ Новобазарскомъ Санджакѣ, которая, конечно, географически не

отрѣзала бы Сербію отъ Черногоріи; но что совершенно такое же право, неоспоримо, принадлежитъ и другимъ государствамъ. До этого русское правительство придерживалось иной точки зрѣнія и, напримѣръ въ 1900 году, считало фактъ постройки Австріей желѣзной дороги, соединяющей австрійскую желѣзнодорожную сѣть съ Митровицей — нарушающимъ status quo соглашенія 1897 года, и обмѣнъ мнѣніями, происшедшій по этому вопросу въ 1902 году, не обнаружилъ видоизмѣненій взглядовъ Петербургскаго кабинета.

Въ 1908 году русское правительство становится сговорчивѣе. Оно приняло къ свѣдѣнію декларацію Эренталя, отъ 14 февраля 1908 года, объявило свое принципіальное согласіе на всякій проэктъ желѣзнодорожнаго строительства на Балканахъ и высказывало надежду, что Вѣнскій кабинетъ поддержитъ въ Константинополѣ шаги русскаго правительства о предоставленіи концессіи на постройку желѣзнодорожной линіи, связующей Дунай съ Адріатикой черезъ пограничный постъ Mardare. Со своей стороны, Россія обѣщала *воздержаться* отъ какой-либо оппозиціи въ отношеніи проэкта желѣзнодорожной линіи Увацъ—Митровица.

Вмѣстѣ съ тѣмъ русское правительство объявило Эренталю, что оно продолжаетъ считать, что всякая перемѣна въ положеніяхъ, установленныхъ 25 параграфомъ Берлинскаго трактата, т. е. *вопросъ объ аннексіи Босніи, Герцеговины и Новобазарскаго Санджака носитъ, несомнѣнно, общеевропейскій характеръ и не можетъ быть разрѣшенъ частнымъ соглашеніемъ между Россіей и Австро-Венгріей.* Та-же оговорка должна была быть примѣнена къ вопросу о Константинополѣ съ его территоріей и къ проливамъ.

Вмѣсто того, чтобы удовольствоваться этой положительной частью своего заявленія, А. П. Извольскій условно прибавилъ, что «*тѣмъ не менѣе, ввиду необходимости (vu la necessité) рѣшенія этихъ двухъ задачъ въ соотвѣтствіи съ интересами обоихъ государствъ, русское правительство готово начать переговоры по поводу этихъ вопросовъ въ духѣ дружественной взаимности*».

Этой декларацией Петербургскій кабинетъ помогъ Вѣнѣ выйти изъ затруднительнаго положенія. Подчеркивая европейскій характеръ вопроса, Извольскій, обуреваемый призракомъ пересмотра Берлинскаго трактата, соединялъ вопросъ объ аннексіи съ вопросомъ о проливахъ и давалъ понять, что, въ концѣ концовъ, рубль за рубль, онъ готовъ торговаться съ Австріей по вопросу объ аннексіи. Это уже была двойная игра и почва, на которую вступалъ Извольскій, оказывалась болотистой.

Въ своемъ «aide mémoire», отъ 19 іюня (2 іюля) 1908 года, Извольскій добавлялъ:

«... Что касается другихъ частей соглашенія 1897 года, то онѣ, какъ и прежде, остаются точнымъ выраженіемъ взглядовъ русскаго и австро-венгерскаго правительствъ, какъ это и вытекаетъ изъ содержанія австрійскаго меморандума, отъ 1 мая 1908 года. Русское правительство желаетъ сохранить

въ отношенiи Австро-Венгрiи дружескiя и довѣрчивыя чувства, въ полномъ соотвѣтствiи съ консервативными и монархическими интересами обоихъ государствъ.»

Этотъ «aide mémoire» былъ переданъ Эренталю и доставилъ ему огромное удовольствiе. Игра его упрощалась. Россiя, въ принципѣ, объявляла, что, на извѣстныхъ условiяхъ, она согласилась бы допустить самый фактъ аннексiи. Этого было достаточно.

Въ Австрiи вопросъ объ аннексiи положительно висѣлъ въ воздухѣ. Печать на всѣ лады толковала о немъ, министры перешептывались; въ парламентѣ объ аннексiи говорили вполголоса. Всѣ слои общества интересовались этими двумя провинцiями, составлявшими то, что въ Римскомъ правѣ принято опредѣлять выраженiемъ: hereditas jacens, т. е. наслѣдствомъ еще не присужденнымъ.

Секретъ этого наслѣдства во всѣхъ устахъ дошелъ до того состоянiя, которое англiйскiй писатель, Диккенсъ, опредѣляетъ словами: «голосящiй шепотъ» (roaring whisper). Это была всѣмъ извѣстная тайна. При такихъ условiяхъ, естественно, что особенная нервность должна была захватывать мысль всѣхъ тѣхъ, которые старались орiентироваться въ этой лавинѣ симптомовъ, помогавшихъ расшифровать эту энигматическую тайну.

Въ одно прекрасное iюньское утро генералъ Конрадъ фонъ-Хетцендорфъ, начальникъ австро-венгерскаго генеральнаго штаба, вышелъ изъ вагона на станцiи Земмерингъ, дачномъ мѣстѣ въ двухъ часахъ отъ Вѣны, и длительно посѣтилъ виллу, въ которой жилъ австро-венгерскiй министръ иностранныхъ дѣлъ, баронъ Эренталь. Онъ оставался у него до 6 часовъ вечера и я видѣлъ, какъ Эренталь провожалъ своего гостя на вокзалъ къ Вѣнскому поѣзду.

Въ тотъ же вечеръ, въ hall'ѣ отеля, два австро-венгерскихъ дипломата разговаривали между собою за карточнымъ столомъ. Одинъ говорилъ другому:

— Дѣло было окончательно рѣшено сегодня.

Услышавъ эту фразу я пошелъ къ себѣ и послалъ въ Петербургъ шифрованную телеграмму такого содержанiя: «Аннексiя Боснiи и Герцеговины безповоротно рѣшена» и тотчасъ передалъ это извѣстiе нашему повѣренному въ дѣлахъ.

Извольскiй отнесся къ этому сообщенiю скептически, утверждая, что онъ въ курсѣ событiй, что онъ согласился съ Эренталемъ и что объ аннексiи въ данную минуту нѣтъ рѣчи.

Къ этому времени произошла встрѣча государя Николая II съ королемъ Эдуардомъ VII въ Ревелѣ и 5 iюня н. ст., вслѣдствiе яростныхъ нападокъ австро-венгерской прессы, Извольскiй поручилъ объяснить въ Вѣнѣ, что свиданiе это не заключало въ себѣ ничего враждебнаго въ отношенiи Германiи. 9 iюля н. ст. 1908 года, послѣ того какъ вопросъ объ аннексiи былъ уже въ принципѣ Австрiей рѣшенъ, Эренталь говорилъ съ русскимъ посломъ о своей

дружбѣ къ Россіи и выразилъ надежду, что, вслѣдствіе юбилейнаго года шестидесятилѣтія царствованія австрійскаго монарха, русскій императоръ посѣтитъ Франца-Іосифа. 30 іюля н. ст. Извольскому, послѣ нѣкоторыхъ разговоровъ съ австро-венгерскимъ посломъ въ Петербургѣ, графомъ Берхтольдомъ, показалось, что Австрія накануне заключенія соглашенія съ Турціей по поводу Босніи и Герцеговины и эта мысль его стала тревожить. Эренталь игралъ своими противниками. Рѣшивъ окончательно вопросъ объ аннексіи, онъ имѣлъ смѣлость 20 августа н. ст. 1908 года сказать русскому послу въ Вѣнѣ, что онъ считаетъ, что вопросъ о Босніи, Герцеговинѣ и Новобазарскомъ Санджакѣ носитъ обще-европейскій характеръ.

Въ этотъ же день онъ категорически подтвердилъ нашему послу, князю Урусову, что никакого секретнаго договора между Австро-Венгріей и Турціей заключено не было и что онъ хотѣлъ бы встрѣтиться съ Извольскимъ по случаю поѣздки этого послѣдняго для лѣченія въ Карлсбадъ.

Посолъ на это еще разъ подтвердилъ Эренталю, что о немедленномъ и безповоротномъ рѣшеніи вопроса объ аннексіи, а также о Константинополѣ и о проливахъ не можетъ быть и рѣчи.

Онъ категорически подчеркнулъ, что, по духу русскаго мемуара, отъ 19 іюня (2 іюля) 1908 года, рѣчь шла только о выясненіи точекъ зрѣнія Россіи и Австріи по поводу возможныхъ рѣшеній этихъ вопросовъ въ будущемъ и о созданіи соглашенія обоихъ правительствъ по этому предмету.

Одаренный большимъ природнымъ здравымъ смысломъ, князь Урусовъ былъ человѣкъ, привыкшій къ старымъ условіямъ жизни, размѣренной и строго соображенной съ традиціями. — «Зачѣмъ спѣшить», — говаривалъ онъ, — «дай Богъ, вообще, допищевариться пока живешь.»

Конечно, этотъ символъ вѣры князя Урусова, очень честный, умѣренный и спокойный, вовсе не соотвѣтствовалъ широкой, рѣзкой и крикливой игрѣ, которою были обуреваемы дѣятели австро-венгерскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Князь Урусовъ отказывался вѣрить въ ихъ авантюристическій образъ дѣйствій и каждый разъ, когда обращали его вниманіе на тотъ фактъ, что политическая мысль Эренталя тянется къ Салоникамъ черезъ Бѣлградъ, онъ регулярно отвѣчалъ:

— «Это было бы безуміе и самоубійство съ ихъ стороны. Я считаю ихъ болѣе уравновѣшенными.» — Къ сожалѣнію благоразуміе не принадлежало къ числу аннексіонныхъ добродѣтелей и всѣ эти зрѣлыя разсужденія вовсе не отвѣчали намѣреніямъ австро-венгерскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Однако, прежде чѣмъ окончательно снять маску съ истинныхъ своихъ цѣлей, Эренталь поставилъ себѣ еще одну задачу: въ корнѣ отдѣлить вопросъ объ аннексіи отъ вопроса о компенсаціяхъ Россіи, иначе говоря — взять все, ничего не давъ и оставивъ Извольскаго и Россію ни при чемъ.

Такой образъ дѣйствій, именуемый въ отношеніяхъ между частными лицами мошенничествомъ, въ области международныхъ отношеній назывался ловкимъ дипломатическимъ ходомъ и долженъ былъ завершить ловкую игру Эренталя.

26 августа 1908 года Россіи былъ предъявленъ австро-венгерскій меморандумъ, въ которомъ разъяснялась коренная разница двухъ точекъ зрѣній Россіи и Австро-Венгріи на вопросъ о желѣзнодорожномъ строительствѣ въ Босніи и на Адріатическомъ побережьи.

Вѣнскій кабинетъ заявлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ *предвидитъ возможность аннексіи Босніи и Герцеговины* и, въ этомъ случаѣ, заранѣе отказывается отъ присоединенія Новобазарскаго Санджака, обѣщая дополнительно, когда-нибудь, вступить въ переговоры съ Россіей по вопросу о Константинополѣ съ его территоріей и проливами.

Съ этой минуты вопросъ о компенсаціяхъ Россіи за аннексію оказался отдѣленнымъ отъ послѣдней цѣлой пропастью.

*
* *

16 сентября н. ст. 1908 года оба министра иностранныхъ дѣлъ встрѣтились въ Бухлау, въ замкѣ графа Берхтольда, австро-венгерскаго посла въ Петербургѣ.

Эренталь опредѣленно заявилъ Извольскому, что аннексія Босніи и Герцеговины твердо рѣшена въ принципѣ и что она, вѣроятно, въ недалекомъ будущемъ будетъ осуществлена.

Извольскій, застигнутый врасплохъ, тутъ же предложилъ Эренталю дать нѣкоторыя компенсаціи балканскимъ государствамъ: признать независимость Болгаріи и провозгласить ее королевствомъ и дать Черногоріи право свободно строить желѣзныя дороги. Въ отношеніи Сербіи Эренталь никакихъ обязательствъ на себя не бралъ, изложивъ рядъ неудовольствій Австро-Венгріи образомъ дѣйствій Сербіи.

Съ другой стороны, Эренталь принималъ на себя обязательство поддержать заявленіе, которое Россія намѣревалась сдѣлать отъ имени всѣхъ прибрежныхъ государствъ Чернаго моря — освободить проливы и сдѣлать ихъ свободными для входа и выхода военныхъ судовъ и содѣйствовать въ Берлинѣ, съ цѣлью полученія въ этомъ вопросѣ помощи германскаго правительства. Практически, конечно, эта свобода прохода судовъ, при наличіи Дарданельскихъ укрѣпленій, оставалась мертвой буквой. Кромѣ того, Извольскій объявилъ Эренталю, что придаетъ огромное значеніе отказу Австро-Венгріи отъ Новобазарскаго Санджака, а Эренталь, *якобы*, обѣщалъ Извольскому сохранить за вопросомъ аннексіи международный характеръ.

Извольскій отправился лѣчиться въ Карлсбадъ и имѣлъ наивность думать, что въ Бухлау никакого соглашенія заключено не было, что произошелъ только обмѣнъ мнѣній, который долженъ былъ быть представленъ на усмотрѣніе императора Николая II. Онъ надѣялся, по совершенно необъяснимой афиліаціи мыслей, что ему удалось убѣдить Эренталя

въ томъ, что босне-герцеговинскій вопросъ имѣетъ общеевропейскій характеръ и самоотверженно и щедро обѣщалъ Эренталю подготовить почву для аннексіи въ Италіи, Франціи и Англіи.

Въ концѣ концовъ, Эренталь отказался отъ всѣхъ своихъ словъ, принялъ согласіе Извольскаго на аннексію дословно и, черезъ два дня послѣ пріѣзда Извольскаго въ Парижъ, 4 октября 1908 года, императорскій рескриптъ и актъ аннексіи былъ напечатанъ.

Чешскій депутатъ въ Вѣнскомъ парламентѣ, Крамаржъ, женатый на русской, разсказывалъ мнѣ, что, вернувшись изъ Россіи въ Будапештъ, онъ съ тревогой и удивленіемъ узналъ о совершившемся. Однако Эренталь тотчасъ его успокоилъ, подтвердивъ ему, что Россія дала свое согласіе на аннексію.

Опираясь на общеимперскаго министра финансовъ, Буріана, Эренталь, въ концѣ концовъ, достигъ всѣхъ намѣченныхъ цѣлей, замаскировавъ общую картину намекомъ на политическое приличіе и на международную мудрость.

Опубликованіе акта объ аннексіи произвело впечатлѣніе взорвавшейся бомбы. Повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ, С. Н. Свербеевъ, шифровалъ телеграммы день и ночь, передавая о возбужденномъ нервномъ состояніи прессы и общества.

Русская и сербская печать рвали и метали, посылая свои анафемы и проклятія Австріи. Въ Сербіи и Черногоріи начались враждебныя Австріи демонстраціи. Черногорцы вооружились и общественное мнѣніе въ Россіи становилось агрессивнымъ.

29 сентября 1908 года императоръ Францъ-Іосифъ офиціальнымъ письмомъ увѣдомлялъ государя Николая II объ аннексіи Босніи и Герцеговины и добавлялъ о своемъ намѣреніи дать этимъ провинціямъ автономію и конституцію (втайнѣ опасаясь какъ бы населеніе не отправило своихъ депутатовъ въ турецкій парламентъ въ Константинополь). Вѣсть объ аннексіи стала извѣстна въ Цетиньѣ и Бѣлградѣ 6 октября 1908 года. Въ тотъ же день правительствами этихъ государствъ былъ заявленъ великимъ державамъ протестъ.

Король Черногорскій, Николай, огласилъ манифестъ, въ которомъ, указывая на ударъ нанесенный сербскому дѣлу въ Босніи и Герцеговинѣ, объявлялъ: «Такъ какъ сегодня постановленія Берлинскаго трактата попраны актомъ объ аннексіи, то параграфъ 29, касающійся Черногоріи, уничтожается автоматически».

Въ Бѣлградѣ протесты были не менѣе громогласны.

Императоръ Францъ-Іосифъ, въ своемъ письмѣ къ царю, упоминалъ о депешѣ бывшаго русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, Н. К. Гирса, къ русскому послу въ Вѣнѣ, князю Лобанову, отъ 27 февраля 1897 года. Въ письмѣ этомъ говорилось о непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, которыя могли бы побудить Австрію измѣнить положеніе вещей въ обѣихъ окупированныхъ провинціяхъ.

Эта необходимость перемѣны существующаго порядка въ окупированныхъ Австро-Венгріей земляхъ была, по мнѣнію Франца-Іосифа, предвидѣна еще императорами, Александромъ II и Александромъ III.

Съ цѣлью доказать свое безкорыстіе, австро-венгерскій монархъ объявлялъ о своемъ отказѣ отъ территоріи Новобазарскаго Санджака (прибавимъ, въ скобкахъ, послѣ стратегическаго заключенія его начальника генеральнаго штаба, что эта область является никому не нужной мышеловкой).

Въ Петербургѣ А. П. Извольскій очутился въ затруднительномъ положеніи передъ Государственной Думой и, на свое горе, предложилъ Эренталю въ концѣ сентября опубликовать нѣсколько секретныхъ документовъ:

1. Дополнительную конвенцію, подписанную въ Будапештѣ 15 января 1877 года и 2. Берлинскую декларацію, отъ 13 іюля н. ст. 1878 года.

Такъ какъ акты эти, по мнѣнію Извольскаго, были еще въ силѣ, то общественное мнѣніе могло убѣдиться, что Россія и Австрія оставались связанными предшествующими, взятыми на себя, взаимными обязательствами.

Извольскій утверждалъ, что можно было бы даже опубликовать третій документъ — протоколъ 1881 года, возобновленный на три года въ 1884 году и, слѣдовательно, потерявшій уже силу въ 1887 году. На этотъ протоколъ опиралась Австрія, чтобы доказать свое право на аннексію.

Эренталь по своему разъяснилъ этотъ жестъ Извольскаго. Въ ноябрѣ 1908 года онъ потихоньку напечаталъ въ «Neues Pester Journal» секретные документы 1877—1878 гг. (Рейхштадтское и Будапештское соглашенія, подписанныя 18 марта н. ст. 1877 года). На основаніи этихъ документовъ, въ случаѣ побѣдоносной войны съ Турціей, Россія получала южную Бессарабію, а Австро-Венгрія, какъ вознагражденіе за свой нейтралитетъ, пріобрѣтала право аннексировать Боснію и Герцеговину, за исключеніемъ Новобазарскаго Санджака.

Извольскій объявилъ, что печатать секретные мемуары послѣдняго времени (напримѣръ, мемуаръ, отъ 19 іюля 1908 года) недопустимо, такъ какъ въ нихъ говорилось о третьемъ лицѣ — Турціи.

Эренталь поспѣшилъ сообщить этотъ документъ Лондонскому кабинету. Конфликтъ между Извольскимъ и Эренталемъ уже во время войны сдѣлался предметомъ судебнаго процесса въ Австріи и вотъ по какому поводу: Въ 1916 году австрійское правительство заключило въ тюрьму чешскаго депутата, Крамаржа, который провелъ въ заключеніи цѣлый годъ. Во время судебнаго разбирательства, въ секретномъ засѣданіи суда, графъ Берхтольдъ (послѣ смерти Эренталя сдѣлавшійся министромъ иностранныхъ дѣлъ) давалъ свои показанія. Крамаржа обвиняли въ славянофильскихъ агитаціяхъ, которыя вызвали войну. Крамаржъ утверждалъ, что главный виновникъ войны былъ Эренталь. Берхтольдъ показывалъ довольно уклончиво, говорилъ о размолвкахъ

между Извольскимъ и Эренталемъ и объяснялъ ихъ ссору тѣмъ, что они другъ друга не поняли при встрѣчѣ и собесѣдованіяхъ своихъ въ Бухлау.

Однако, оказалось безповоротно доказаннымъ, что Эренталь преднамѣренно ввелъ Извольскаго въ заблужденіе, выдавая ему общія мѣста и смутныя обѣщанія за дѣйствительность.

Крамаржъ разсказывалъ мнѣ, что, во время ста тридцати первыхъ дней своего заключенія, около ста заключенныхъ съ нимъ умерли отъ голода, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, вслѣдствіе неполученія пищи. Тогда госпожа Крамаржъ написала письмо Берхтольду; послѣдній отправился къ Францу-Іосифу, который не вѣрилъ въ виновность Крамаржа, но, подъ вліяніемъ окружающихъ, предоставлялъ судебный процессъ собственному теченію. Послѣ аудіенціи Берхтольда, Францъ-Іосифъ послалъ военнаго министра, генерала Кробатина, посѣтить Крамаржа. Когда Кробатинъ вошелъ въ камеру и снялъ свой головной уборъ, Крамаржъ увидалъ слезы въ его глазахъ.

Съ этого дня всѣмъ заключеннымъ разрѣшено было получать пищу изъ сосѣдняго ресторана. Тѣмъ не менѣе, Крамаржъ былъ осужденъ на смерть всѣми судьями, выбранными нарочно съ, якобы, чешскими фамиліями; только одинъ подалъ мотивированное особое мнѣніе противъ такого приговора. Дѣло дошло до императора на другой день послѣ его смерти. Новый императоръ не могъ, естественно, начать свое царствованіе съ утвержденія смертнаго приговора. Такова истинная исторія спасенія Крамаржа. Ему, просто, посчастливилось. Вѣроятно, помогла также просьба испанскаго короля.

22 октября 1908 года императоръ Николай II писалъ Францу-Іосифу о томъ, насколько Россія была непріятно поражена образомъ дѣйствій австрійскаго правительства. Казалось неоспоримымъ, что державы, подписавшія Берлинскій трактатъ въ 1878 году, должны были обсудить вопросъ объ аннексіи, тѣмъ болѣе, что Лондонская конференція 1871 года, рѣшенія которой были приняты Австро-Венгріей, установила принципъ, на основаніи котораго ни одна держава не могла измѣнить постановленія трактата, безъ полюбовнаго согласія подписавшихся сторонъ.

Эренталь тотчасъ же отказался участвовать въ международной конференціи по вопросу объ аннексіи и выигралъ время не отвѣчая на программу съ девятью пунктами, выработанную Извольскимъ въ Лондонѣ.

Нескромность корреспондента «Daily Telegraph'а», имѣвшаго свиданіе съ Вильгельмомъ II, повѣдала міру, что Германія обѣщала Австро-Венгріи поддержать ея агрессивную политику на Балканахъ.

Европа была потрясена и государства ея перегруппировывались: Германія и Австро-Венгрія держались вмѣстѣ; Россія, Франція и Англія — составляли противоположную группу.

Италія оставалась въ нерѣшительности. Императоръ Вильгельмъ II нервничалъ, поѣхалъ въ Австрію и здѣсь

вступилъ въ окончательный контактъ съ престолонаслѣдникомъ и, стоявшей за нимъ, воинствующей группой.

Общественное мнѣніе Россіи было въ состояніи броженія, хотя всѣ рѣшили избѣгнуть войны.

Однажды меня вызвали по телефону во дворецъ Бельведеръ къ эрцгерцогу Францу-Фердинанду. Онъ удержалъ меня болѣе 1/4 часа, говорилъ о необходимости немедленнаго сближенія и просилъ меня донести въ Петербургъ «über intensive, mäßigende Wirkung auf öffentliche Meinung in Rußland und Serbien».

Я, конечно, передалъ сущность этого разговора Свербееву, остававшемуся повѣреннымъ въ дѣлахъ и написалъ длинное официальное письмо начальнику генеральнаго штаба, изложивъ все, что произошло, прося инструкцій и освѣщенія того положенія, которое займетъ Россія въ отношеніи совершившагося факта аннексіи.

Въ отвѣтъ я получилъ собственноручное письмо на четырехъ страницахъ, въ которомъ начальникъ генеральнаго штаба, между прочимъ, писалъ: «Разруха арміи, которую я засталъ здѣсь, такова, что если бы мы выступили сейчасъ на защиту Сербіи въ ея конфликтѣ съ Австро-Венгріей, намъ угрожала бы катастрофа, передъ которой Цусимская оказалась бы дѣтской игрой».

Эти пророческія слова заставляли призадуматься.

Между тѣмъ, сербская и австро-венгерская прессы изливали другъ на друга всю желчь и печатали самыя шовинистическія статьи.

Австрійцы упрекали Россію и ея правительство въ тайной поддержкѣ Сербіи въ ея протестахъ противъ аннексіи. Французская пресса отмѣчала сдержанную симпатію къ Австріи. Особенно напряженнымъ былъ ноябрь 1908 года, когда Эренталь категорически отклонилъ европейскую конференцію, австро-венгерская печать продолжала бить въ набатъ и Австрія готовилась къ выступленію противъ Сербіи, оберегая одновременно себя со стороны Россіи и Италіи. 6 корпусъ, въ Кашау, 7 —, въ Темешварѣ и 12 —, въ Львовѣ, части, расположенныя въ Босніи и Герцеговинѣ, а равно и части 8 и 9 чешскихъ корпусовъ — были мобилизованы. Саксонскіе офицеры прибыли въ Львовъ, дабы обсудить съ мѣстными военными властями возможную замѣну нѣмецкими частями тѣхъ галиційскихъ войскъ, которыя оказались бы двинутыми въ Сербію.

Въ самой Вѣнѣ шли лихорадочныя подготовленія. Красный крестъ мобилизовался, дамы и барышни записывались сестрами. Въ ближайшіе дни, въ Петервардейнъ должна была выступить главная квартира арміи, сформированной противъ Сербіи.

Наслѣдникъ подготовлялся къ поѣздкѣ въ армію. Нервное напряженіе дошло до крайняго предѣла и, подъ этимъ впечатлѣніемъ, открылся большой балъ, данный, именно въ это время, германскимъ посломъ въ Вѣнѣ, Чирскимъ-Богендорфъ.

Чирскій былъ человѣкъ эренталевскаго пошиба и полнымъ олицетвореніемъ типа Draufgeher'a, т. е. человѣка, наступающаго на ноги всѣхъ своихъ сосѣдей. Болѣе пруссакъ, нежели полякъ, онъ не любилъ Англіи.

Уже гораздо позже описываемыхъ событій, а именно — весной 1909 года, я былъ приглашенъ на обѣдъ въ германское посольство. За это время Россія, исподволь, сближалась съ Англіей. Послѣ обѣда, между двумя затяжками хорошей сигары, въ разговорѣ со мной Чирскій замѣтилъ: «Es wird Rußland immer schlecht gehen, wenn es sich ins englische Fahrwasser hinziehen läßt»*). Я напомнилъ ему политическое завѣщаніе Бисмарка: «Stets gegen Rußland freundlich gesinnt!»

Чирскій былъ, однако, человѣкъ новой формаціи и отвѣтилъ мнѣ такъ:

— Времена мѣняются. Бисмаркъ принадлежитъ къ великому прошлому. Сегодняшнія, или, быть можетъ, завтрашнія обстоятельства заставятъ вѣроятно произнести другой приговоръ.

Чирскій былъ смѣлъ, наглъ и пренебрежителенъ; онъ былъ не всегда въ ладахъ съ Эренталемъ, въ особенности когда послѣдній игралъ въ независимость отъ Берлина, а когда министромъ иностранныхъ дѣлъ сталъ мягкій и покладистый графъ Берхтольдъ, Чирскій сталъ хозяиномъ политическаго положенія въ Вѣнѣ и, только благодаря ему, передъ самой войной, въ іюлѣ 1914 года, русскій посолъ въ Вѣнѣ, Шебеко, не смогъ договориться съ Берхтольдомъ.

Возвращаюсь къ балу у Чирскихъ.

Было множество приглашенныхъ изъ самыхъ разношерстныхъ круговъ: финансисты, общественные дѣятели, дипломаты, члены парламента, журналисты, военные, знать и дворъ.

Начальникъ Evidenzbureau (развѣдывательнаго бюро) генеральнаго штаба, полковникъ Хордличка, въ крайне дурномъ настроеніи духа подошелъ ко мнѣ и, въ пылу довольно рѣзкаго разговора на злобу дня, между прочимъ замѣтилъ:

— Если Россія станетъ поддерживать Сербію, то Германія немедленно произведетъ мобилизацію.

Я удовольствовался, напомнивъ ему старую римскую пословицу: Юпитеръ! ты сердишься — значитъ, ты не правъ.

Имѣя въ карманѣ письмо начальника генеральнаго штаба и получивъ болѣе чѣмъ опредѣленныя инструкціи, я старался, насколько это было въ моихъ слабыхъ силахъ, уронить то здѣсь, то тамъ успокоительное слово и примирительную мысль.

Я долго бесѣдовалъ со старикомъ Симичемъ, сербскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ, и нашелъ его очень сговорчивымъ.

Нашъ посланникъ въ Бѣлградѣ находился въ эти дни въ Вѣнѣ. Онъ встрѣтился у меня со Свербеевымъ наканунѣ вечеромъ и мы тотчасъ единогласно пришли къ убѣжденію, что необходимо сдѣлать все зависящее, дабы локализировать

---

*) Слова эти оказались пророческими, если вспомнить фатальную роль Бьюкэнена въ Петроградѣ въ февральскіе дни 1917 года.

пожаръ и мирно остановить зарождавшійся конфликтъ въ его зачаткѣ.

Тотчасъ послѣ бала у Чирскихъ, я отправился къ начальнику австро-венгерскаго генеральнаго штаба, генералу Конраду Хетцендорфу и былъ принятъ имъ въ его рабочемъ кабинетѣ, переполненномъ картами сербской территоріи.

Я просто и смѣло спросилъ его — будутъ-ли иностранные военные агенты допущены въ главную квартиру и, если — да, то могъ-ли бы я, какъ представитель русской арміи, быть въ ихъ числѣ.

Лицо генерала, сухое, выжженное солнцемъ и обвѣтренное погодой, казалось худымъ и на немъ особенно выдѣлялись умные и энергичные глаза.

Его тонкіе свѣтлые усы слегка двинулись; онъ проницательно нѣкоторое время смотрѣлъ на меня; нѣсколько секундъ онъ казался поколебленнымъ и нерѣшительнымъ; потомъ, вернувшись къ своей обычной осторожности, сказалъ мнѣ вдумчивымъ, спокойнымъ и яснымъ голосомъ: «Diese Frage wurde noch nicht erörtert».

Этотъ отвѣтъ былъ для меня откровеніемъ. Генералъ Конрадъ долженъ былъ, естественно, разсуждать такъ: онъ хочетъ отъ меня выпытать до какихъ предѣловъ мы дошли. Но, вѣдь, если представитель русской арміи доходитъ до такой степени откровенности, что спрашиваетъ, разрѣшено ли будетъ военнымъ агентамъ (и ему въ томъ числѣ) быть при главной квартирѣ — это означаетъ, съ достаточной ясностью, что Россія Сербіи не поддержитъ вооруженною рукой. Сербія же, одна — не рискнетъ начать борьбу. Слѣдовательно, мирное разрѣшеніе конфликта на лицо и все сведется къ чернильной войнѣ въ печати.

Я покинулъ генерала Конрада до извѣстной степени успокоенный, хотя, конечно, малѣйшій пограничный инцидентъ могъ вызвать взрывъ. Я тотчасъ сообщилъ свой разговоръ повѣренному въ дѣлахъ, Свербееву, и составилъ рапортъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ, чернильная дуэль между дипломатическими канцеляріями продолжалась еще съ большимъ жаромъ.

Эренталь утверждалъ, что Россія сама упразднила 59 параграфъ Берлинскаго трактата, имѣвшій отношеніе къ свободному порту въ Батумѣ. Это утвержденіе было ложно, потому что этотъ параграфъ заключалъ оговорку, дававшую русскому государю право упразднить этотъ пунктъ по своему желанію.

Между тѣмъ, параграфъ 35 того же трактата относительно Босніи такой оговорки не содержалъ.

Такъ какъ Эренталь сообщилъ Лондонскому кабинету секретные документы 1897 года — Извольскій заявилъ, что эти акты представляли личныя обязательства двухъ монарховъ и что императоръ Николай II разсматриваетъ этотъ поступокъ, какъ личное неуваженіе къ нему.

Было приказано прекратить дипломатическія сношенія съ Эренталемъ и ограничиться вербальными нотами.

Въ декабрѣ-январѣ 1908—1909 годахъ, оба императора обмѣнялись нѣсколькими личными письмами.

Французскій посолъ въ Вѣнѣ, Филиппъ Крозье, заявлялъ Эренталю, что необходимо сдѣлать Сербіи экономическія концессіи, такъ какъ, въ концѣ концовъ, Россія могла бы вооруженной рукою явиться защитницей сербскихъ интересовъ.

Эренталь соглашался сдѣлать кое-какіе уступки Черногоріи, но о Сербіи не хотѣлъ ничего слышать. Это былъ одинъ изъ его пріемовъ дабы посѣять рознь между этими двумя родственными странами. Этотъ маневръ не удался и лучшимъ доказательствомъ его неудачи были слова, сказанныя мнѣ въ 1909 году, во время одной изъ аудіенцій у императора Франца-Іосифа. Онъ говорилъ мнѣ: «съ сербами идетъ плохо. Они вооружаются не переставая и ничего хорошаго изъ этого не выйдетъ. Черногорецъ, на своей горѣ, тоже мнѣ не нравится. Есть границы терпѣнія, которыхъ не слѣдуетъ переходить».

Австро-венгерская армія, съ своей стороны, лихорадочно готовилась къ войнѣ. Правительство сдѣлало ассигнованіе крупныхъ суммъ, дабы, въ случаѣ войны, вызвать и поддержать аграрные анархическіе безпорядки въ Россіи. Епископъ Шептицкій, представилъ престолонаслѣднику планъ созданія независимаго украинскаго государства въ Россіи подъ покровительствомъ Габсбурговъ.

Въ январѣ 1909 года Бюловъ и Шенъ въ Берлинѣ хотѣли, чтобы Франція явилась посредницей между Россіей и Австро-Венгріей, надѣясь этимъ скомпрометировать Францію въ глазахъ Россіи и пересѣчь, такимъ образомъ, единство дѣйствія антанты.

Въ началѣ 1909 года я былъ призванъ въ Петербургъ для доклада о событіяхъ аннексіи. Я послѣдовательно представлялся начальнику генеральнаго штаба, военному министру, государю и Извольскому.

Военный министръ былъ очень нервенъ и въ дурномъ расположеніи духа. Онъ негодовалъ на Эренталя и былъ возмущенъ поведеніемъ членовъ австрійскаго посольства въ Петербургѣ, которые до послѣдней минуты категорически отрицали фактъ аннексіи.

Аудіенція въ Царскомъ Селѣ назначена была въ 4 часа пополудни. Здѣсь я нашелъ все тѣ-же обыденныя, неизмѣнныя рамки, ту же столовую передъ кабинетомъ государя съ большимъ столомъ и небольшимъ бронзовымъ изображеніемъ императора Франца-Іосифа въ охотничьемъ костюмѣ. Императоръ былъ въ тужуркѣ и показался мнѣ весьма нервнымъ, удрученнымъ, похудѣвшимъ, съ подведенными глазами; онъ машинально поминутно вращалъ головой, точно воротъ рубашки былъ ему узокъ.

Государь пожелалъ выслушать послѣдовательность всѣхъ событій аннексіи отъ меня, какъ отъ очевидца и просилъ не упускать ни малѣйшихъ подробностей, что и было мною исполнено при помощи заранѣе приготовленной памятки.

Государь сѣлъ за свой столъ и указалъ мнѣ на стулъ вправо отъ себя. Я началъ свой докладъ, длившійся около 10 минутъ.

Когда я кончилъ, государь помолчалъ нѣсколько секундъ, потеръ себѣ лобъ и провелъ рукою по бородѣ; потомъ, вдругъ, неожиданно, указавъ сердитымъ жестомъ на ящикъ съ правой стороны своего письменнаго стола, выдвинулъ его, вынулъ пачку писемъ и показывая ихъ мнѣ, сказалъ: — «У меня здѣсь не мало писемъ отъ старика. Все фалшь, болтовня и притворство.»

Затѣмъ Государь всталъ и взялъ съ вращающейся этажерки экземпляръ атласа Stielers, открылъ его, перелисталъ и, остановившись на листѣ смежно изображавшемъ сѣверъ Италіи и юго-западъ Австріи, сказалъ:

— Разскажите мнѣ, что дѣлаютъ австрійцы на границахъ своихъ союзниковъ.

Въ краткихъ чертахъ я изложилъ общую картину укрѣпленій въ Трентино, южномъ Тиролѣ, на озерѣ Гарда, указалъ на виденные мною лично форты вдоль дороги на Понтеббу, доложилъ о морской австрійской программѣ на Адріатикѣ и о точкахъ зрѣнія австро-венгерскаго престолонаслѣдника.

Государь слушалъ внимательно и, когда я кончилъ, съ улыбкой замѣтилъ:

— Я думаю, Италіи не особенно нравится поведеніе ея союзника и корни, которые австрійцы пускаютъ на берегахъ Адріатики.

Повидимому, уже въ это время въ умѣ Государя созрѣвалъ планъ путешествія въ Италію въ объѣздъ Австріи, съ мыслью заключить, черезъ голову двуединой монархіи, дружеское соглашеніе съ итальянскимъ королемъ, фактъ, охарактеризованный впослѣдствіи Берлиномъ слѣдующимъ выраженіемъ: «Italiens Extratour».

Видимо самолюбіе императора Николая II было сильно задѣто эпизодомъ аннексіи и тономъ писемъ императора Франца-Іосифа. Съ другой стороны, защищая свои оплошности и сдѣланныя имъ политическія ошибки, Извольскій принужденъ былъ поддержать въ Государѣ состояніе неудовольствія и раздраженія.

Общее впечатлѣніе, вынесенное мною изъ этой аудіенціи было, скорѣе, грустное. Императоръ Николай II замкнулся въ самомъ себѣ, былъ разочарованъ и не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, насколько необходимъ былъ государственному организму притокъ свѣжихъ, творческихъ силъ.

Государь невольно испытывалъ воздѣйствіе заколдованнаго круга приближенныхъ, опасаясь сильныхъ и смѣлыхъ рѣшеній, отказываясь отъ услугъ людей новыхъ, обладавшихъ большой энергіей, мужественными и быстрыми импульсами. Укоренившаяся въ немъ недовѣрчивость господствовала надъ нимъ какъ психологическій результатъ наблюденій надъ низостью и скрытностью нѣкоторыхъ ловкихъ придворныхъ, ставшихъ интимными лицами при дворѣ. Къ этому должно было присоединиться вліяніе императрицы,

которая совершенно не знала истинной России и ея народа и направляла своего супруга къ исканію мистическихъ связей съ этимъ народомъ.

Получалось впечатлѣніе, что государь изнемогалъ подъ тяжестью выпавшей на его долю отвѣтственности, не чувствуя, ни нужной подготовки въ дѣлѣ государственнаго строительства, ни силъ для парированія назрѣвавшихъ событій.

Общее впечатлѣніе было, невольно, грустное и вызывало щемящее тревожное чувство неувѣренности за будущее.

Мое посѣщеніе Министерства Иностранныхъ Дѣлъ произошло при весьма интересныхъ обстоятельствахъ. Извольскій производилъ впечатлѣніе человѣка озлившагося и мстительно настроеннаго, а главное, болѣзненно раненаго въ своемъ чувствѣ самоувѣренности и апломбѣ.

Я оставался въ его рабочемъ кабинетѣ около 20 минутъ. Первое мое впечатлѣніе было то, что Извольскій казался недовольнымъ встрѣчѣ съ человѣкомъ, не профессіоналомъ въ политикѣ, не имѣвшимъ рутиннаго политическаго патента, но оказавшимся прозорливымъ.

Тѣмъ не менѣе Извольскій выслушалъ меня внимательно и, когда я кончилъ, обрушился лавиной упрековъ по адресу Эренталя и австрійцевъ.

— Они въ этомъ раскаются! — воскликнулъ онъ.

Передо мной былъ вышедшій изъ равновѣсія сановникъ, задыхавшійся въ своемъ негодованіи, утратившій государственную мудрость и разумное спокойствіе. Въ сердцѣ руководителя русской внѣшней политики, видимо, властвовали только личныя впечатлѣнія и ненасытное желаніе быстраго реванша. Шахматная партія въ Бухлау была проиграна и надо было, во что бы то ни стало, отыграться. Я покинулъ Извольскаго въ убѣжденіи, что онъ безповоротно всталъ на путь личныхъ неприязней.

Другое впечатлѣніе произвелъ на меня С. Д. Сазоновъ, только что вернувшійся въ Петербургъ изъ Ватикана и занявшій постъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ. Небольшого роста, съ вдумчивыми упрямыми глазами, болѣе уравновѣшеннаго, хотя и не столь блестящаго ума, какъ Извольскій, онъ былъ спокойный, низко парящій, бюрократически настроенный чиновникъ съ большой привычкой наблюдать, честный, сдержанный и цѣльный.

Въ собесѣдованіи онъ привлекалъ слушателя простотой, любезностью и кажущейся искренностью. Начавъ свою службу при русскомъ посольствѣ въ Англіи онъ, съ этихъ самыхъ поръ, сдѣлался убѣжденнымъ англофиломъ; не знаю, имѣлъ ли онъ достаточно прозорливой гибкости, чтобы разглядѣть будущія коварныя цѣли англійской политики, логически всегда, вездѣ и всюду враждебной Россіи, несмотря на временныя, внѣшнія видимости.

Онъ внимательно выслушалъ меня. Деликатно и сдержанно далъ мнѣ понять, что онъ не былъ хозяиномъ поло-

женія и что его мнѣніе не выходило за предѣлы частнаго, личнаго мнѣнія. «Конечно», говорилъ онъ, «было не благоразумно въ свое время не провѣрить на мѣстахъ раздававшихся оттуда предпрежденій. Такая провѣрка дала бы возможность предупредить, если не самое событіе въ его всеобъемлемости, то, во всякомъ случаѣ, нѣкоторыя изъ его послѣдствій.»

На этотъ разъ мое посѣщеніе Петербурга оставило во мнѣ твердое убѣжденіе, что отношенія двухъ сосѣднихъ странъ, Россіи и Австро-Венгріи, надолго испорчены.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ дипломатическихъ шаговъ русскаго правительства въ Вѣнѣ потерпѣли неудачу за неудачей.

Россія просила великія державы о воздѣйствіи въ Софіи и Константинополѣ, дабы наладить турецко-болгарское соглашеніе о желѣзныхъ дорогахъ въ Румеліи и о содѣйствіи болгарскому займу въ 82 миллюна франковъ, но Эренталь отказался поддержать этотъ проэктъ, боясь что Болгарія перекочуетъ въ русскій лагерь.

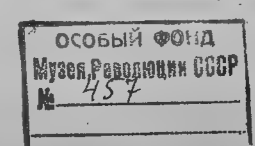
Извольскій мечталъ объ интервенціи великихъ державъ въ Вѣнѣ въ пользу Сербіи, но Германія отклонила свое участіе въ такой комбинаціи.

26 февраля 1909 года было оффиціально и окончательно подписано австро-турецкое соглашеніе по поводу аннекціи. Миролюбивые совѣты, преподанные Россіей въ Бѣлградѣ сдѣлали Австрію еще болѣе воинственной. Эта послѣдняя требовала, чтобы Сербія отклонила всякаго рода посредничество великихъ державъ, въ ея конфликтѣ съ Австріей, до открытія непосредственныхъ переговоровъ между Вѣной и Бѣлградомъ. Эренталь и его довѣренный, графъ Форгачъ (бывшій австро-венгерскимъ посланникомъ въ Сербіи, авторъ извѣстныхъ Фридъюнговскихъ документовъ, оказавшихся сфабрикованными), требовали чтобы Сербія униженно обратилась въ Вѣну, заявила о своемъ отказѣ отъ какихъ-либо земельныхъ пріобрѣтеній и покорно запросила о тѣхъ экономическихъ выгодахъ, которыя Австрія пожелала бы ей предоставить.

Въ газетѣ «Wiener Allgemeine Zeitung» появилась статья, трактовавшая о томъ, что Франція не хотѣла допустить конфликта между Австріей и Россіей, опасаясь чтобы Россія не погибла въ борьбѣ.

Въ началѣ марта 1909 года Эренталь заявилъ, что Сербія, продолжая свои вооруженія, этимъ самымъ бросаетъ вызовъ Австріи. Одинъ изъ австрійскихъ генераловъ на военномъ совѣтѣ высказалъ мнѣніе, что Сербія должна исчезнуть съ карты Европы.

Эренталь настаивалъ, чтобы вопросъ аннексіи былъ разрѣшенъ окончательно простымъ обмѣномъ нотъ между европейскими кабинетами. «Уже время покончить съ этимъ кризисомъ», писалъ онъ, «послѣ всѣхъ тѣхъ кислыхъ словъ,

которыя говорились другъ другу.» Конечно, переписка по вопросу объ аннексіи далеко не носила дружескаго характера.

Въ отвѣтъ на письмо, отъ 30 декабря н. ст. 1908 года, Францъ-Іосифъ 28 января 1909 года писалъ императору Николаю II, между прочимъ, слѣдующее:

«По поводу разногласій между нашими министрами иностранныхъ дѣлъ, мнѣ приходятъ на память подобные же конфликты, которымъ я былъ свидѣтелемъ въ свое время. Подобныя размолвки между государственными людьми разсасываются гораздо легче, если монархи въ нихъ не вмѣшиваются; опытъ научилъ меня терпѣливой сдержанности въ отношеніи такихъ размолвокъ... Въ глазахъ Извольскаго аннексія Босніи и Герцеговины представлялась необходимостью*) и, по первой его мысли, аннексія должна была коснуться также и Новобазарскаго Санджака**); я долженъ былъ нравственно поддержать шагъ, который Ты предпринималъ дабы открыть Твоимъ военнымъ судамъ проходъ черезъ проливы. Эта часть программы не была выполнена по причинамъ, о которыхъ я распространяться не стану и Эренталь въ этомъ не виноватъ.»

Далѣе Францъ-Іосифъ писалъ:

«Ты оцѣниваешь мое отношеніе къ Сербіи и Черногоріи, какъ агрессивное. Броженіе въ этихъ странахъ способствуетъ распространенію противорѣчивыхъ слуховъ, къ которымъ надо относиться съ должной осторожностью. Совѣтники, которые не черпаютъ своихъ свѣдѣній у вѣрныхъ первоисточниковъ, которые не разбираются въ этихъ свѣдѣніяхъ, дѣлая внимательныя выборки прежде чѣмъ представлять ихъ Тебѣ, не отдаютъ себѣ отчета въ отвѣтственности, которую они принимаютъ на себя и не взвѣшиваютъ возможныхъ послѣдствій, которымъ они подвергаютъ общее политическое положеніе. Положеніе, занятое мною съ прошлой осени въ отношеніи сербскихъ государствъ, внушено мнѣ предвидѣніемъ и моимъ долгомъ. Я никогда не думалъ посягать на ихъ независимость и я не хочу ничего пріобрѣтать въ ущербъ имъ. Ихъ фантастическія вожделѣнія внушены имъ, къ сожалѣнію, съ многихъ сторонъ. Я остаюсь въ положеніи обороняющагося. Мы доказали наше долготерпѣніе. Я надѣюсь, что разумъ восторжествуетъ надъ этими заблужденіями, которыя могутъ подвергнуть эти народы худшимъ случайностямъ...»

Тонъ этихъ признаній проникнутъ горечью и не совсѣмъ пріятенъ.

Въ первой половинѣ марта 1909 года Эренталь заявилъ, что если-бы Австро-Венгріи навязали европейскую конференцію, то она допустила бы на ней обсужденіе только

*) Правда, Извольскій въ своемъ мемуарѣ говорилъ о «necessité d'une solution de ces deux questions».

**) Это указаніе было не вѣрно. Напротивъ, австро-венгерскій генеральный штабъ утверждалъ, что Новобазарскій Санджакъ былъ стратегической мышеловкой и что путь къ Салоникамъ шелъ для Австріи черезъ Бѣлградъ.

трехъ вопросовъ: 1. аннексіи, 2. параграфа 29 Берлинскаго трактата и 3. турецко-болгарскаго соглашенія. Всѣ другіе вопросы, въ томъ числѣ и преимущества для Сербіи а также вопросъ о Дунай-Адріатической желѣзной дорогѣ должны быть исключены изъ обсужденія.

Тѣмъ временемъ австро-венгерская мобилизація продолжалась и въ Вѣнѣ утверждали, что если къ 1 апрѣля 1909 года вопросъ аннексіи не найдетъ себѣ окончательнаго полюбовнаго разрѣшенія — война между Австріей и Сербіей станетъ неизбѣжной.

Готовился ультиматумъ Сербіи. Англійскій посолъ въ Вѣнѣ, Картрейтъ, принялся за выработку, совмѣстно съ Эренталемъ, окончательнаго текста сербскаго отвѣта Австріи.

Картрейту удалось въ одинъ изъ параграфовъ отвѣта вставить фразу: «довѣряясь миролюбивымъ намѣреніямъ Австро-Венгріи».

31 марта сербскій посланникъ въ Вѣнѣ, Симичъ, былъ вынужденъ передать Эренталю слѣдующую ноту:

«Сербія признаетъ, что ея права не были затронуты совершившимся фактомъ аннексіи Босніи и Герцеговины и, вслѣдствіе этого, она, слѣдуя рѣшеніямъ, которыя великія державы примутъ въ отношеніи параграфа 25 Берлинскаго трактата, признаетъ себя обязанной покинуть занятое ею въ отношеніи аннексіи съ прошлой осени оппозиціонное и протестующее положеніе; она обязана, кромѣ того, измѣнить настоящій курсъ своей политики въ отношеніи Австро-Венгріи, дабы съ этой поры жить съ нею въ добрососѣдскихъ отношеніяхъ.

Сообразно съ этими декларацiями и, довѣряясь миролюбивымъ намѣреніямъ Австро-Венгріи, Сербія доведетъ свою армію до состоянія, въ которомъ она находилась весною 1905 года, какъ въ отношеніи ея организаціи, такъ и дислокаціи и кадровъ. Сербія распуститъ и разоружитъ своихъ добровольцевъ и банды и будетъ препятствовать новымъ, иррегулярнымъ единицамъ формироваться на своей территоріи.»

2 апрѣля 1909 года германскій посолъ въ Петербургѣ, графъ Пурталесъ, предъявилъ Россіи ультиматумъ, съ требованіемъ признать аннексію Босніи и Герцеговины безъ какихъ-либо условій, согласиться на упраздненіе 25 параграфа Берлинскаго трактата и оставить мысль о созывѣ европейской конференціи.

Черезъ нѣкоторое время, обмѣномъ нотъ между кабинетами, были уничтожены ограниченія суверенныхъ правъ Черногоріи, изложенныя въ параграфѣ 29 того же трактата.

Въ апрѣлѣ 1909 года императоръ Францъ-Іосифъ писалъ государю Николаю II слѣдующее:

«...Богу угодно было избавить меня отъ кровопролитія на Балканахъ и мирно разрѣшить опасный кризисъ. Я не могу среди удовлетворенія, испытываемаго народами Европы,

замолчать то участіе, которое Ты лично принялъ въ счастливомъ разрѣшеніи этого кризиса. Вѣря въ честность моихъ намѣреній, Ты протянулъ мнѣ руку въ рѣшающую минуту. Позволь по этому поводу высказать Тебѣ мою признательность. Мы, тѣмъ болѣе, можемъ поздравить себя съ этимъ мирнымъ исходомъ, который былъ поддержанъ Твоею мудростью, что онъ дастъ главамъ христіанскихъ государствъ свободу приковать все свое вниманіе къ важнымъ событіямъ въ Константинополѣ...»

Мѣсяцъ спустя на это письмо пришелъ въ Вѣну холодный и сдержанный отвѣтъ. Истощенная японской войной и внутренними волненіями, Россія была застигнута врасплохъ въ своемъ невольномъ миролюбіи, которое помѣшало ей извлечь мечъ.

Несомнѣнно, Эренталь, какъ превосходный наблюдатель, съ математической точностью учелъ этотъ фактъ. Инцидентъ аннексіи, взволновавъ страсти, оставилъ въ славянскомъ мірѣ осадокъ горечи и окончательно укоренилъ въ Петербургѣ огромное, затаенное неудовольствіе.

Аннексія сдѣлалась знаменательнымъ событіемъ и послужила магистральной связью въ цѣпи всѣхъ явленій, приведшихъ къ 20 іюля (2 августа) 1914 года, дню, когда Германія объявила войну Россіи.

Осенью 1909 года въ Венгріи произошли большіе маневры. Императоръ Вильгельмъ II захотѣлъ быть приглашеннымъ на нихъ, т. к., послѣ ультиматума Пурталеса, онъ считалъ, что пріобрѣлъ особыя права на признательность со стороны Франца-Іосифа.

Наканунѣ начала этихъ маневровъ, во дворѣ замка Groß-Meseritz, произошла интересная историческая сцена. Императоры, Вильгельмъ II и Францъ-Іосифъ, а вслѣдъ за ними престолонаслѣдникъ, Францъ-Фердинандъ, подходили, по очереди, ко мнѣ и начинали каждый свой разговоръ точно сговорившись съ одного и того же вопроса: — Правда-ли что русскій императоръ ѣдетъ въ Италію?

Избѣгая прямого отвѣта, я отвѣчалъ обоимъ императорамъ, что на маневрахъ, имѣя подъ рукой лишь нѣсколько запоздалыхъ газетъ, я былъ совершенно внѣ курса событій, происходящихъ въ Россіи и что Ихъ Величества, вѣроятно, должны быть гораздо лучше освѣдомлены по этому поводу, чѣмъ я.

Вся манера держаться австрійскаго императора выражала особенную холодность, легкій оттѣнокъ пренебреженія и раздраженія въ отношеніи Россіи.

Наконецъ, окруженный другими эрцгерцогами, ко мнѣ подошелъ Францъ-Фердинандъ; поздоровавшись со мною, онъ положилъ свою руку на бортъ моего сюртука и сказалъ мнѣ съ рѣзкой фамильярностью:

— Скажите мнѣ, наконецъ, съ полной откровенностью, возможно-ли, чтобы эта проклятая поѣздка въ Италію состоялась?

Такимъ образомъ, въ теченіи $^3/_4$ часа, мнѣ былъ заданъ одинъ и тотъ же вопросъ обоими государями и австрійскимъ престолонаслѣдникомъ. Было ясно, что эта русская поѣздка ихъ нервировала, была имъ непріятна и представляла собой инцидентъ, нарушающій полноту удовольствія, доставленную имъ ихъ политической побѣдой въ вопросѣ аннексіи.

Меня особенно поразилъ рѣзкій тонъ эрцгерцога. Я отвѣтилъ ему съ почтительнымъ спокойствіемъ: — Ваше Императорское Высочество, русскій государь ѣдетъ, вообще, туда, куда онъ хочетъ; но я, во всякомъ случаѣ, отказываюсь понять, почему вы хотѣли бы, чтобы онъ, въ отношеніи итальянскаго короля, оказался невѣжливымъ, такъ какъ вамъ извѣстно, что король Италіи былъ въ Петербургѣ и этотъ визитъ до сей поры ему отданъ не былъ.

Эрцгерцоги Фридрихъ, Леопольдъ-Сальваторъ, Карлъ-Францъ-Іосифъ (будущій императоръ) стояли около. Немного далѣе этой группы находился генералъ Георай, министръ ландвера, Кробатинъ (будущій военный министръ), старый лейбъ-медикъ Франца-Іосифа, докторъ Керцль и хозяинъ замка, графъ Гаррахъ.

Эта историческая сцена была увѣковечена присутствующимъ фотографомъ какъ разъ въ ту минуту, когда Францъ-Фердинандъ положилъ свою руку на бортъ моего сюртука. На фотографіи это производило впечатлѣніе, какъ будто онъ навѣшивалъ мнѣ орденъ.

Затѣмъ Францъ-Фердинандъ, смягчивъ тонъ голоса, почти любезно сказалъ: — Мой милый (назвалъ меня по фамиліи), напишите, пожалуйста, домой, чтобы императоръ во время своего путешествія въ Италію, хотя бы на пару часовъ, остановился на австро-венгерской территоріи.

Затѣмъ онъ перемѣнилъ тему разговора и сталъ говорить о постороннихъ вещахъ.

По этому поводу я имѣлъ продолжительную бесѣду съ посломъ и много писалъ въ Петербургъ.

Путешествіе русскаго государя въ Италію первоначально намѣчалось моремъ черезъ Босфоръ, но, вслѣдствіе нѣкоторыхъ разногласій въ Константинополѣ, планъ этотъ былъ оставленъ.

Наконецъ, когда, по настоянію Извольскаго, императоръ отправился въ Ракониджи, онъ проѣхалъ по Германіи, тщательно избѣгая каждаго клочка австро-венгерской территоріи.

Францъ-Іосифъ былъ возмущенъ. Францъ-Фердинандъ въ интимномъ кругу, по обыкновенію, высказался весьма рѣзко: — «Ракониджи — это срамъ (ist eine Schändlichkeit)» и добавилъ нѣсколько ругательныхъ словъ по моему адресу.

Въ отвѣтъ на это свиданіе, три недѣли спустя, произошли комбинированные маневры австро-венгерскаго флота и корпуса войскъ на адріатическомъ побережьи подъ личнымъ руководствомъ престолонаслѣдника и генерала Конрада. Маневры эти чрезвычайно не понравились Италіи и, какъ бы

тамъ ни было, но первый вступительный актъ будущей европейской драмы былъ сыгранъ и лишь продолженіе его отложено до 1914 года.

Въ самомъ государственномъ организмѣ двуединой монархіи фактъ аннексіи вызвалъ разногласія. Венгрія настойчиво требовала включенія Босніи и Герцеговины въ составъ земель короны Св. Стефана, на что Цислетанія отвѣчала отказомъ.

Въ самой Австріи возбужденіе противъ Россіи, Сербіи и Италіи медленно и сильно росло. Сербія не скрывала своего чувства ненависти къ Австріи и политическій горизонтъ темнѣлъ. Боснія и Герцеговина сдѣлались, воистину, исторической могилой двуединой монархіи.

Морисъ Палеологъ.

Императорская Россія въ эпоху великой войны.

(Продолженіе.) *)

Суббота, 1 января 1916 г.

Сегодня у меня былъ сербскій посланникъ Спалайковичъ; видъ у него растерянный, полные слезъ глаза лихорадочно блестятъ. Въ изнеможеніи онъ опустился въ кресло, которое я ему предложилъ.

— Знаете ли вы, — сказалъ онъ, — какъ совершилось наше отступленіе? Извѣстны ли вамъ подробности? Этому мученичеству нѣтъ названія.

Онъ утромъ получилъ нѣкоторыя свѣдѣнія о трагическомъ переходѣ черезъ ледяныя Альпы Албаніи, совершенномъ сербской арміей при хлещущихъ порывахъ снѣжной бури, безъ крова, безъ снабженія, изнеможенной отъ страданій, озвѣрѣвшей отъ усталости, обозначая за собою дорогу непрерывающимся рядомъ, труповъ. И когда эта армія добралась наконецъ до Saint Jean de Médua, на Адріатическомъ морѣ, она подверглась новому, высшему испытанію — голоду и тифу.

Склонясь надъ картой, которую я раскрываю между нами, онъ мнѣ показываетъ путь этого губительнаго исхода.

— Вы видете, — продолжаетъ онъ, — что мы прошли черезъ всѣ историческіе центры нашей національной жизни...

Дѣйствительно, отступленіе началось отъ Бѣлграда, въ которомъ Петръ Карагеоргіевичъ заставилъ турокъ въ 1806 году признать его сербскимъ княземъ. Далѣе армія послѣдовательно прошла черезъ Крагуевацъ — мѣсто резиденціи князя Михаила Обреновича въ первые годы сербской автоно-

*) См. кн. I—IV.

міи, черезъ Нишъ — священный городъ великаго короля Стефана Неманія, освободившаго въ XII вѣкѣ Сербію отъ византійскаго господства, черезъ Кружевацъ — столицу царя-мученика Лазаря Бранковича, обезглавленнаго въ 1389 году на Коссовомъ полѣ на глазахъ умирающаго султана Мурада; черезъ Кралево, гдѣ въ XIII вѣкѣ Святымъ Саввой была основана автокеѳальная Сербская Церковь; черезъ Рашку — колыбель сербскаго народа и старинную вотчину рода Неманіевъ; черезъ Ускюбъ, гдѣ знаменитый Душанъ былъ помазанъ, какъ царь и самодержецъ сербовъ, грековъ, албанцевъ и болгаръ; черезъ Ипекъ, въ епархіи котораго было убѣжище національнаго самосознанія въ теченіи долгаго и темнаго періода турецкаго подданства — короче, черезъ всѣ святилища сербской государственности.

— Вы только представьте себѣ каково было это отступленіе, не говоря уже о тысячахъ бѣженцевъ, слѣдовавшихъ за арміей. Только представьте себѣ... — прибавилъ Спалайковичъ.

Въ волненіи, торопясь, онъ мнѣ описываетъ, какъ престарѣлый, почти умирающій король Петръ, ни за что не желающій оставить войска, совершаетъ походъ на зарядномъ ящикѣ, запряженномъ волами; какъ старый и тоже больной воевода Путникъ переносится на носилкахъ; наконецъ, какъ длинный кортежъ монаховъ, несущихъ на плечахъ церковныя реликвіи, идутъ день и ночь по снѣгу, со свѣчами въ рукахъ, творя молитву.

— Да, — сказалъ я, — то, что вы мнѣ разсказываете, это эпопея, это средневѣковая, легендарная поэма.

Вторникъ, 4 января.

Праздникъ кавалеровъ ордена св. Георгія далъ императору еще разъ случай выразить свою волю продолжать войну. Онъ отдалъ приказъ по арміи, кончающійся слѣдующими словами:

«Будьте совершенно увѣрены въ томъ, что, какъ Я это говорилъ въ началѣ войны, такъ говорю и теперь, Я не заключу мира до тѣхъ поръ, пока послѣдній непріятельскій солдатъ не будетъ изгнанъ съ нашей территоріи. Я заключу этотъ миръ только въ полномъ согласіи съ нашими союзниками, съ которыми мы связаны не бумажными договорами, но истинной дружбой и кровью. Да хранитъ васъ Богъ.»

Четвергъ, 6 января.

По свѣдѣніямъ моего информатора Л., имѣющаго частыя сношенія съ охраной, вожаки разныхъ соціалистическихъ группъ тайно собрались въ Петроградѣ недѣли двѣ тому назадъ, подобно тому, какъ они собирались въ іюлѣ прошлаго года; и на этотъ разъ въ совѣтѣ предсѣдательствовалъ членъ Государственной Думы, трудовикъ Керенскій. Главнымъ предметомъ собранія было обсужденіе программы революціонной дѣятельности, которую максималистъ Ленинъ,

нашедшій прибѣжище въ Швейцаріи, недавно развилъ на конгрессѣ соціалистовъ-интернаціоналистовъ въ Циммервальдѣ.

По свѣдѣніямъ, открытыя Керенскимъ пренія, привели къ всеобщему соглашенію по слѣдующимъ пунктамъ:

1. Непрерывныя пораженія русской арміи, безпорядокъ и небрежность въ административныхъ учрежденіяхъ, ужасныя легенды, циркулирующія объ императрицѣ и наконецъ скандальная исторія Распутина, совершенно дискредитировали идею царизма въ народныхъ умахъ.

2. Народъ питаетъ глубокое отвращеніе къ войнѣ, причинъ и цѣлей которой онъ не понимаетъ. Запасные съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе сопротивляются отправкѣ на фронтъ и, такимъ образомъ, боевыя качества дѣйствующей арміи быстро понижаются. Съ другой стороны экономическія затрудненія возрастаютъ и осложняютъ положеніе.

3. Весьма правдоподобно, что въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, Россія должна будетъ отвергнуть свои союзныя отношенія и заключить миръ сепаратно. Тѣмъ хуже для союзниковъ...

4. Но если этотъ миръ будетъ заключенъ императорскимъ правительствомъ, то онъ очевидно будетъ миромъ реакціоннымъ, миромъ монархическимъ. Поэтому нужно, во что бы то ни стало, чтобы этотъ миръ былъ демократическимъ и соціалистическимъ.

По этимъ свѣдѣніямъ Керенскій закончилъ пренія слѣдующимъ практическимъ заключеніемъ: — Какъ только мы увидимъ, что приближается заключительный кризисъ войны, мы должны будемъ опрокинуть царизмъ, сами взять власть въ свои руки и установить соціалистическую диктатуру.

Суббота, 8 января.

Подъ вліяніемъ Распутина и его клики, авторитетъ русскаго духовенства ослабѣваетъ съ каждымъ днемъ.

Одно изъ событій недавнихъ дней, рукоположеніе архіепископа Іоанна Тобольскаго, вызвавшее минувшей осенью конфликтъ между епископомъ Варнавой и Святѣйшимъ Сѵнодомъ, болѣе всего задѣло сознаніе вѣрныхъ сыновъ церкви.

Два съ половиной года тому назадъ у Распутина явилась фантазія продвинуть своего друга дѣтства и собутыльника по Покровскому, Варнаву, невѣжественнаго и распутнаго монаха, до сана епископа. Это продвиженіе, противъ котораго мужественно боролся Святѣйшій Сѵнодъ, открыло эру большихъ скандаловъ въ церковныхъ сферахъ.

Немедленно по возведеніи въ высокій санъ Варнава рѣшилъ образовать въ своей епархіи мѣсто паломничества, которое могло бы одновременно обслуживать какъ «священные» интересы церкви, такъ и его личные интересы.

Ввиду того, что въ «чудесахъ» не было недостатка, притокъ богомольцевъ и даровъ былъ бы обезпеченъ. Рас-

путинъ сейчасъ же усмотрѣлъ, что отъ этого благочестиваго предпріятія можно ожидать прекрасныхъ результатовъ. Онъ полагалъ однако, что для того, чтобы чудеса были болѣе правдоподобными, болѣе обильными и поразительными, необходимо было бы достать новыя мощи, мощи новаго святого или, еще лучше, мощи святого, открытыя и освященныя совершенно особеннымъ образомъ. Дѣйствительно, онъ часто наблюдалъ, что около вновь открытыхъ святыхъ проявляется гораздо больше чудодѣйственной силы нежели около открытыхъ давно. Новыя мощи были подъ рукой: тѣло архіепископа Іоанна Максимовича, умершаго въ Тобольскѣ въ 1715 году въ духѣ благочестивомъ. Варнава немедленно приступилъ къ процедурѣ канонизаціи, но Святѣйшій Сvнодъ, узнавъ объ истинныхъ основахъ этого дѣла, приказалъ немедленно его отложить. Варнава пренебрегъ приказомъ и собственной властью, въ изъятіе изъ всѣхъ положеній, провозгласилъ открытіе мощей раба Божья, Архіепископа Іоанна. Затѣмъ онъ непосредственно ходатайствовалъ о высочайшемъ утвержденіи, необходимомъ и окончательномъ для всякаго освященія. Еще разъ императоръ поддался вліянію императрицы и Распутина; онъ собственной рукой начерталъ на телеграммѣ Варнавы свое высочайшее утвержденіе.

Въ святѣйшемъ Сvнодѣ сторонники Распутина ликовали, но большинство рѣшило не допустить вопіющаго нарушенія церковныхъ уставовъ. Оберъ-прокуроръ Сvнода Самаринъ, личность цѣльная и мужественная, представленный въ пожеланіяхъ, высказанныхъ московскимъ дворянствомъ государю, въ качествѣ замѣстителя не пользовавшегося уваженіемъ Саблера, всѣми силами поддержалъ оппозицію. Не докладывая даже государю, Самаринъ вызвалъ изъ Тобольска Варнаву и предложилъ ему отмѣнить сдѣланное провозглашеніе. Епископъ рѣшительно и дерзко отказался: «Мнѣніе Святѣйшаго Сvнода мнѣ безразлично», сказалъ онъ, «мнѣ достаточно высочайшаго утвержденія полученнаго отъ Его Величества.»

Тогда, по иниціативѣ Самарина, Святѣйшій Сvнодъ постановилъ лишить священнослужителя, нарушающаго церковные уставы, сана епископа и сослать его въ монастырь. Однако и въ данномъ случаѣ требовалось высочайшее утвержденіе. Самаринъ смѣло рѣшился попробовать уговорить государя, онъ приложилъ все свое краснорѣчіе, всю энергію, всѣ доводы законности и благочестія. Императоръ выслушалъ его нервно и съ скучающимъ видомъ и наконецъ сказалъ: «Можетъ быть моя телеграмма епископу была не совсѣмъ тактична, но что сдѣлано — сдѣлано. Я съумѣю заставить всѣхъ уважать мою волю.»

Черезъ недѣлю оберъ-прокуроръ Самаринъ былъ замѣщенъ незамѣтнымъ, выслуживающимся и находящимся въ сношеніяхъ съ Распутинымъ, Александромъ Волжинымъ.

Вскорѣ послѣ этого первоприсутствующій въ Святѣйшемъ Сvнодѣ митрополитъ Петроградскій Владиміръ, за-

нявшій въ этомъ конфликтѣ наиболѣе достойную позицію, былъ переведенъ въ Кіевъ, чтобы освободить высшее мѣсто церковнаго управленія имперіи еще одному ставленнику Распутина. — Питириму, архіепископу Владикавказскому.

Вторникъ, 11 января.

Несмотря на суровые морозы и крайне затрудненныя сообщенія, русская армія въ Галиціи полна стремленіями къ дѣйствіямъ и воодушевленіемъ.

Среда, 12 января.

Англо-французскія войска благополучно завершили эвакуацію Галлиполійскаго полуострова.

Неудача полная, но разгрома удалось избѣжать.

Отнынѣ усилія турокъ будутъ направлены на Месопотамію, Арменію и Македонію.

Пятница, 14 января.

По случаю Новаго Года ст. ст., императоръ обратился къ арміи въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«На рубежѣ 1916 года, привѣтствую васъ доблестные воины. Сердцемъ и помыслами я съ вами въ бояхъ и въ окопахъ. Твердо помните, что наша, горячо любимая Россія, можетъ упрочить свою независимость и свои права только одержавъ рѣшительную побѣду надъ врагомъ. Проникнитесь мыслію, что не можетъ быть и не будетъ мира безъ побѣды. Какихъ бы усилій, какихъ бы жертвъ ни стоила эта побѣда, мы должны ихъ принести отечеству.»

Суббота, 15 января.

Австрійцы вошли третьяго дня въ Цетинье, которое Черногорцы имъ оставили повидимому съ достаточной угодливостью.

Генералъ Б., сообщившій мнѣ эту новость, прибавилъ:

— Вотъ отступленіе, пахнущее измѣной!

Воскресенье, 16 января.

Эвакуація англо-французскими войсками Галлиполи производитъ угнетающее впечатлѣніе на русское общественное мнѣніе. Со всѣхъ сторонъ я слышу одно и то же замѣчаніе:

— Теперь вопросъ рѣшенъ, мы никогда не получимъ Константинополя. Тогда зачѣмъ же продолжать войну?

Среда, 19 января.

Подъ вліяніемъ постояннаго давленія генерала Алексѣева, снабженіе русской арміи ружьями замѣтно улучшается. Вотъ цифры запасовъ въ настоящее время:

1. Количество ружей въ дѣйствующей арміи: 1 200 000;
2. „ „ выгруженныхъ въ Архангельскѣ: 155 700;
3. „ „ выгруженныхъ въ Александровскѣ: 530 000;
4. „ „ отправляемыхъ изъ Англіи: 113 000.

Перевозка по Бѣлому морю совершается при помощи ледоколовъ при неслыханныхъ трудностяхъ. Для района Александровска организована система саней съ оленьей тягой. Разстояніе отъ Мурманска до Петрозаводска не менѣе тысячи верстъ.

Къ концу апрѣля здѣсь разсчитываютъ на прибытіе максимумъ 850 000 ружей.

Къ несчастью потери, понесенныя русской арміей въ Галиціи ужасны: 60 000 человѣкъ. На одномъ пунктѣ, подъ Чарторійскомъ, 15 000 человѣкъ ослѣпленныхъ снѣжнымъ вихремъ были до единаго скошены германской артиллеріей въ теченіи нѣсколькихъ минутъ.

Пятница, 21 января.

На галиційскомъ фронтѣ, къ сѣверо-востоку отъ Черновицъ, русскіе предприняли новое упорное наступленіе, позволившее имъ захватить цѣлый секторъ австрійскихъ позицій. Этотъ результатъ имъ обошелся очень дорого: 70 000 убитыми и ранеными и 5000 плѣнными. Къ несчастью, общественное мнѣніе сдѣлалось гораздо болѣе чувствительно къ потерямъ, чѣмъ къ успѣхамъ.

Понедѣльникъ, 24 января.

Постоянныя колебанія Братіано ставятъ Румынію въ опасное положеніе. Дѣйствительно, германскія державы начинаютъ принимать по отношенію къ ней угрожающій тонъ.

Русскій посланникъ въ Бухарестѣ Поклевскій вынудилъ Братіано высказаться о его намѣреніяхъ. Предсѣдатель Совѣта Министровъ Румыніи ему отвѣтилъ:

«Я колеблюсь между двумя мнѣніями. Либо языкъ агентовъ Германіи и Австро-Венгріи выражаетъ только недовольство, объясняемое вопросами румынскаго зерна; въ этомъ случаѣ мнѣ будетъ легко предоставить Германіи и Австро-Венгріи нѣкоторое удовлетвореніе, либо этотъ языкъ есть предверіе ультиматума, который могъ бы потребовать, напримѣръ, немедленную демобилизацію нашей арміи. Въ послѣднемъ случаѣ я надѣюсь, что смогу воздѣйствовать на общественное мнѣніе и отвергнуть ультиматумъ.

— Въ предвидѣніи послѣдняго случая, — замѣтилъ Поклевскій, — вашъ главный штабъ долженъ былъ бы немедленно начать переговоры съ нашимъ. Нельзя терять ни одного дня.

Братіано согласился и прибавилъ:

— Для насъ было бы совершенно необходимо быстрое прибытіе русской арміи къ устью Дуная, чтобы прикрыть насъ отъ наступленія болгаръ на Добруджу.

Сазоновъ, отъ котораго я узналъ эти подробности, просилъ генерала Алексѣева немедленно ознакомиться съ этимъ вопросомъ.

Задняя мысль Братіано совершенно очевидна. Онъ хочетъ возложить на русскихъ задачу остановить болгаръ для

того, чтобы направить всѣ усилія румынской арміи на Трансильванію — предметъ національныхъ притязаній.

Сможетъ ли главный штабъ концентрировать новую армію въ Бессарабіи? Я въ этомъ сомнѣваюсь, базируясь на разговорѣ по телефону Сазонова съ военнымъ министромъ въ моемъ присутствіи. Генералъ Поливановъ не думаетъ, чтобы было возможно снять съ фронта армію въ 150 000—200 000 человѣкъ для отправленія въ Молдавію; арміи, находящіяся въ Буковинѣ и Галиціи заняты очень тяжелой операціей; нельзя и думать о томъ, чтобы отвести ихъ назадъ на 600 верстъ отъ ихъ теперешняго расположенія.

Вторникъ, 25 января.

Я пригласилъ сегодня къ себѣ на завтракъ румынскаго посланника Діаманди и высказалъ ему еще разъ опасность двойственной позиціи, занятой его другомъ Братіано.

— Какъ не видитъ г. Братіано, — сказалъ я, — что онъ, держась на этой позиціи, подвергаетъ себѣ крупнымъ неудачамъ. Въ особенности, при переговорахъ съ русскими не хватаетъ положительности, предусмотрительности и точности. Когда я думаю, что въ настоящій моментъ, находясь подъ ударомъ германскаго ультиматума вы даже не заключили военной конвенціи съ русскимъ главнымъ штабомъ, ваша политика мнѣ представляется безуміемъ.

— Вы знаете, что Братіано относится съ недовѣріемъ къ русскимъ. Онъ хочетъ завязать съ ними сношенія только въ послѣдній моментъ. И этотъ моментъ онъ опредѣлитъ самъ.

— Но въ подобномъ колоссальномъ кризисѣ никто не властенъ надъ моментомъ. И затѣмъ подумайте, что будетъ, если въ послѣдній моментъ будутъ изобрѣтать планъ кампаніи, базы снабженія, систему транспорта и т. д. Недовѣріе г. Братіано по отношенію къ русскимъ можетъ быть по моему мнѣнію оправдываемо только съ одной точки зрѣнія: — я говорю о неспособности русскихъ къ организаціи. Однако это является еще однимъ лишнимъ соображеніемъ для того, чтобы возможно скорѣе приступить къ выработкѣ практической программы совмѣстныхъ дѣйствій и секретно подготовиться къ ея выполненію. Въ какую бы область ни были посланы русскія войска, будь то въ Молдавію или Добруджу, одно ихъ снабженіе составляетъ огромную задачу, разрѣшеніе которой потребовало бы быть можетъ нѣсколько мѣсяцевъ. Не забывайте, что румынскія и русскія желѣзныя дороги разной ширины и что соединеніе ихъ возможно только по линіи Унгены, т. к. линія Кишиневъ—Рени доходитъ только до дельты Дуная. Пока эти задачи не будутъ разрѣшены, пока необходимыя и предварительныя условія русско-румынскаго сотрудничества не будутъ поставлены реально. Румынія будетъ предоставлена своимъ собственнымъ силамъ и вполнѣ открыта для вторженія.

Діаманди, очень смущенный, мнѣ отвѣтилъ:

— Да, наше положеніе было бы критическимъ, такъ какъ имѣющимися у насъ 500 000 войскъ мы не были бы въ состояніи прикрыть сразу и 500 верстъ по Дунаю и 700 верстъ по Карпатамъ. Вотъ почему необходимо, чтобы русскіе прикрыли насъ въ Добруджѣ отъ наступленія болгаръ.

— Я не знаю, какое рѣшеніе приметъ высшее русское командованіе, но я знаю отъ генерала Поливанова, что при настоящемъ состояніи желѣзныхъ дорогъ, снабженіе русской арміи къ югу отъ Дуная представляется невозможнымъ.

Уже нѣсколько дней нѣмцы упорно атакуютъ мѣстность у Двинска. Русскіе оказываютъ большое сопротивленіе и даже имѣютъ нѣкоторые успѣхи.

Среда, 26 января.

Часто, когда я размышляю надъ всѣмъ тѣмъ, что имѣется архаическаго, запоздалаго, примитивнаго и отжившаго въ соціальныхъ и политическихъ установленіяхъ Россіи, я говорю себѣ: въ какомъ положеніи была бы Европа, если бы у насъ не было ни эпохи возрожденія и реформы, ни французской революціи.

Четвергъ, 27 января.

Изучивъ различные способы, которыми Россія располагаетъ, чтобы, въ случаѣ надобности, поддержать Румынію, генералъ Алексѣевъ пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Армія, силой десяти дивизій, могла бы быть предоставлена для поддержки Румыніи.

2. Разстояніе, трудности перевозки, состояніе румынскихъ желѣзныхъ дорогъ, ставятъ препятствія для отправленія этой арміи на Дунай, въ мѣстность наиболѣе угрожаемую болгарами, т. е. къ югу отъ Бухареста.

3. Вспомогательная армія должна была бы быть сосредоточена въ сѣверной Молдавіи, съ цѣлью угрозы правому флангу австро-германской арміи; подобная группировка могла бы произойти довольно быстро.

4. Въ связи съ операціями, предпринимаемыми на общемъ фронтѣ, можно было бы предпринять энергичное наступленіе въ сѣверо-западномъ направленіи.

5. Такимъ образомъ, Румынія могла бы употребить всѣ свои силы для отраженія наступленія болгаръ съ юга и для покрытія границы со стороны Трансильваніи.

6. Необходимо, чтобы офицеръ румынскаго генеральнаго штаба былъ спѣшно командированъ въ штабъ верховнаго главнокомандующаго, для обсужденія основаній военной конвенціи.

Пятница, 28 января.

Фердинандъ Кобургскій, царь болгаръ, превзошелъ самъ себя въ нетактичности.

Десять дней тому назадъ императоръ Вильгельмъ прослѣдовалъ въ Нишъ, гдѣ былъ приглашенъ царемъ Фердинандомъ къ завтраку. Встрѣча была очень торжественна и

выборъ Ниша, родины Константина Великаго еще увеличивалъ историческое значеніе этой встрѣчи. Я не удивляюсь, что Фердинандъ, столь чувствительный къ авторитету древности и событіямъ, имѣющимъ историческое значеніе, удовлетворилъ въ этотъ день свое болѣзненное честолюбіе.

Но развѣ не могъ монархъ, который всегда такъ гордился считать себя внукомъ Людовика Филиппа, прямымъ потомкомъ Людовика Святого, Генриха IV и Людовика XIV, осуществить по совѣсти и во всей полнотѣ свой политическій и національный долгъ не задѣвая страны, изъ которой онъ происходитъ? Вотъ начало его тоста:

«Ваше Величество! Сегодняшній день есть день чрезвычайнаго историческаго значенія. Двѣсти пятнадцать лѣтъ тому назадъ, вашъ великій предокъ Фридрихъ Великій могучею рукой воздѣлъ на голову королевскую корону Пруссіи. 28 января 1871 года, при Вашемъ дѣдѣ образовалась новая Германская Имперія; Вильгельмъ Великій обновилъ въ Версали славу императорской Германіи. Сегодня, 28 января 1916 года, его великій внукъ, твердая воля котораго преодолѣла всѣ препятствія, перешелъ въ сѣверо-западную часть Балканскаго полуострова, нѣкогда заселенную сербами и нынѣ входитъ побѣдоноснымъ маршемъ въ castrum Romanorum . . . .» и т. д.

Заботясь вѣроятно о будущихъ лѣтописцахъ и историкахъ, болгарскій монархъ закончилъ свой тостъ слѣдующей латинской фразой: «Ave Imperator, Caesar et Rex, victor et gloriose. Ex Naïssa antiqua, omnes Orientis populi te salutant, redemptorem, ferentem oppressis prosperitatem atque salutem. Vivas!»

Однако неизвѣстно еще, не будетъ ли послѣднее слово, которое произнесетъ судьба надъ Фердинандомъ Кобургскимъ — словомъ жалости? Человѣкъ торжествуетъ сегодня. Но каковъ будетъ конецъ? Подобно герою изъ Comme il vous plaine я скажу: какова будетъ послѣдняя сцена, которая закончитъ эту странную и опасную исторію.

Воскресенье, 30 января.

Армія великаго князя Николая Николаевича дѣлаетъ чудеса въ сѣверной Арменіи. Наступая черезъ группы горъ обрывовъ и ледниковъ она опрокидываетъ передъ собой турецкія войска и быстро приближается къ Эрзеруму.

Понедѣльникъ, 31 января.

Никогда ни въ одной странѣ общественный голосъ не былъ болѣе задавленъ чѣмъ въ Россіи. Безусловно, въ теченіи послѣднихъ двадцати лѣтъ полиція нѣсколько смягчила строгости по отношенію къ прессѣ, но она сохранила всѣ свои традиціи неумолимой строгости по отношенію къ манифестаціямъ съ рѣчами, собраніямъ и выступленіямъ. Съ своей точки зрѣнія она права: русскіе значительно болѣе чувствительны къ словамъ, чѣмъ къ напечатанному. Во-первыхъ русскій народъ богатъ воображеніемъ, а во-вторыхъ

у него всегда потребность слышать и видѣть того, кто къ нему обращается. Болѣе восьми десятыхъ народа неграмотны. Наконецъ длинныя зимнія собранія и пересуды на міру пріучаютъ мужика, въ теченіи вѣковъ, къ словеснымъ импровизаціямъ. Въ зависимости отъ района сельскія работы совершенно прекращаются каждую зиму на 3—7 мѣсяцевъ. Крестьяне запираются въ своихъ избахъ и прерываютъ спячку только для нескончаемыхъ толковъ и споровъ. Пересуды на міру, т. е. сельской общинѣ, на которыхъ обсуждаются вопросы надѣловъ и обработки общинныхъ земель пахотныхъ, выпасныхъ, рѣкъ и прудовъ и т. д. также даютъ мужику случаи для широкихъ разглагольствованій. Этимъ объясняется то громадное значеніе, которое имѣли ораторы крестьянскихъ собраній во всѣхъ аграрныхъ безпорядкахъ. Это явленіе наблюдалось еще при Пугачевѣ, оно наблюдалось при многочисленныхъ мѣстныхъ бунтахъ, предшествовавшихъ освобожденію крестьянъ; оно же наблюдалось въ самыхъ мрачныхъ формахъ во время безпорядковъ 1905 года; оно и впредь будетъ прогрессировать тѣмъ болѣе, что крестьянскія массы имѣютъ стремленіе быстро слиться съ соціалистическимъ и революціоннымъ пролетаріатомъ.

Среда, 2 февраля.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, Горемыкинъ, уволенъ отъ должности по болѣзни и замѣщенъ Борисомъ Владимировичемъ Штюрмеромъ, членомъ Государственнаго Совѣта, бывшимъ церемоніймейстеромъ и Ярославскимъ губернаторомъ и т. д.

Горемыкинъ уже ослабѣлъ отъ старости (ему 74 года) и если даже его способности къ наблюденію, критикѣ и осторожности неизмѣнились, то ему уже не достаетъ распорядительности и активности. Онъ врядъ ли былъ бы способенъ отражать думскія нападки, тѣмъ болѣе, что Государственная Дума, сессія которой скоро наступаетъ, постановила вести противъ него кампанію за реакціонную дѣятельность.

Мнѣ жаль этого, полнаго скептицизма и ироніи, старца. По его внутреннимъ убѣжденіямъ онъ не долженъ питать большой симпатіи къ системѣ внѣшнихъ отношеній, къ близкому и длительному сотрудничеству Россіи съ демократическими странами запада. По нѣкоторымъ хитрымъ вопросамъ, которые онъ мнѣ какъ бы мимоходомъ задавалъ, я предполагаю, что онъ не преувеличивалъ ни силъ своего отечества, ни истощенія противниковъ, ни возможныхъ выгодъ войны. Но онъ не дѣлалъ изъ этого никакихъ практическихъ заключеній и я никогда не слышалъ, чтобы онъ чѣмъ-нибудь препятствовалъ ллойяльной дѣятельности министра иностранныхъ дѣлъ.

Вотъ почему Сазоновъ, который не всегда сходился во взглядахъ съ Горемыкинымъ въ вопросахъ внутренней политики, мнѣ показался сегодня очень недовольнымъ его отставкой. Сказавъ совершенно официальное и банальное

похвальное слово о Штюрмерѣ, Сазоновъ рѣшительно высказался о томъ, что въ Россіи веденіе внѣшней политики предоставлено исключительно министру иностранныхъ дѣлъ.

— Министръ иностранныхъ дѣлъ, — закончилъ онъ нѣсколько сухо, — даетъ отчетъ только государю; дипломатическія дѣла никогда не обсуждаются въ Совѣтѣ Министровъ и предсѣдатель совѣта совершенно не въ курсѣ ихъ.

— Почему же вы засѣдаете въ Совѣтѣ Министровъ? — спросилъ я смѣясь.

— Для того, чтобы высказываться по вопросамъ, которые законно восходятъ въ совѣтъ, т. е. дѣла, имѣющія отношеніе къ нѣсколькимъ министерствамъ или поступающія по спеціальнымъ указаніямъ государя, но никогда въ немъ не разсматриваются ни военныя, ни дипломатическія дѣла.

Я хотѣлъ получить отъ него болѣе точныя свѣдѣнія о Штюрмерѣ, но онъ всталъ, показывая мнѣ телеграмму, полученную сегодня утромъ изъ Бухареста.

— Братіано, — сказалъ онъ, — оказался очень довольнымъ сообщеніемъ, сдѣланнымъ Поклевскимъ отъ имени генерала Алексѣева, предложившаго ему хорошія основанія для переговоровъ. Но онъ отклонилъ посылку румынскаго офицера въ штабъ верховнаго главнокомандующаго изъ опасенія, чтобы Германія не узнала объ этомъ. Онъ хотѣлъ бы вести переговоры въ Бухарестѣ съ нашимъ военнымъ агентомъ. По существу, Братіано стремится къ личному веденію переговоровъ, но я боюсь, что онъ видитъ въ этомъ способъ затягиванія дѣла.

Четвергъ, 3 февраля.

Одновременно съ отставкой Горемыкина уволенъ и министръ внутреннихъ дѣлъ Алексѣй Николаевичъ Хвостовъ. Штюрмеръ замѣститъ и того и другого.

Немилость къ Хвостову есть прямое слѣдствіе дѣятельности Распутина. Съ нѣкотораго времени между ними началась борьба не на жизнь, а на смерть. По этому поводу распускаютъ самые замѣчательные и фантастическіе слухи. Опредѣленно утверждаютъ, что Хвостовъ хотѣлъ убить Распутина, черезъ посредство преданнаго ему Бориса Ржевскаго, въ соучастіи съ когда то большимъ другомъ Распутина, нынѣ же злѣйшимъ его врагомъ, іеромонахомъ Иліодоромъ, проживающимъ въ Христіаніи. Однако, по слухамъ, ставленникъ Распутина, директоръ департамента полиціи, Бѣлецкій, открылъ нити заговора и передалъ доказательства прямо императрицѣ. Этимъ и объясняется внезапная отставка министра.

Суббота, 5 февраля.

Въ теченіи трехъ дней я со всѣхъ сторонъ освѣдомлялся о новомъ предсѣдателѣ Совѣта Министровъ и не могу себя поздравить съ полученными свѣдѣніями.

Новый предсѣдатель, которому 67 лѣтъ, являетъ собой личность ниже средняго, вслѣдствіе интеллектуальной бѣдно-

сти и узости ума, низости характера, сомнительной нравственности и отсутствія всякой опытности и чутья, необходимыхъ для исполненія такихъ сложныхъ обязанностей; онъ обладаетъ однако большой изобрѣтательностью въ случаяхъ, гдѣ нужно хитрить и льстить.

Какъ указываетъ его фамилія, онъ германскаго происхожденія; онъ внучатый племянникъ барона Штюрмера, бывшаго комиссаромъ австрійскаго правительства, отправленнаго на островъ св. Елены для наблюденія за императоромъ Наполеономъ.

Ни его личныя достоинства, ни административный стажъ, ни его соціальное положеніе не выдвигали его на тотъ высокій постъ, который былъ ему ввѣренъ, каковое назначеніе вызвало всеобщее изумленіе. Его назначеніе можно объяснить только предположеніемъ, что онъ, будучи самъ по себѣ незначительнымъ и раболѣпнымъ, могъ бы оказаться слѣпымъ орудіемъ въ чьихъ-нибудь рукахъ.

Этотъ выборъ исходилъ отъ камарильи, окружавшей императрицу, и былъ поддержанъ передъ государемъ Распутинымъ, съ которымъ Штюрмеръ былъ въ близкихъ отношеніяхъ. Хорошія перспективы готовитъ намъ это назначеніе!

Воскресенье, 6 февраля.

Военный агентъ въ Бухарестѣ, полковникъ Татариновъ, покидаетъ завтра Петроградъ, направляясь къ мѣсту служенія.

Въ результатѣ совѣщаній, которыя онъ имѣлъ съ начальникомъ генеральнаго штаба и министромъ иностранныхъ дѣлъ онъ будетъ въ состояніи точно изложить румынскому главному штабу тѣ мѣры, которыя могла бы предпринять Россія, въ случаѣ, если бы пришлось оказать помощь Румыніи.

Что же касается военной конвенціи, являющейся уже значительнымъ правительственнымъ актомъ, то для заключенія ея необходимо, чтобы Братіано формально выразилъ намѣреніе приступить къ переговорамъ, какъ ему предлагалъ Сазоновъ.

Однако, до сихъ поръ, румынскій посланникъ въ Петроградѣ, являющійся официальнымъ и необходимымъ посредникомъ между двумя правительствами, не получилъ никакихъ инструкцій. Когда Сазоновъ его спросилъ о намѣреніяхъ Братіано, онъ только могъ отвѣтить, что совершенно ихъ не знаетъ.

Понедѣльникъ, 7 февраля.

Штюрмеръ выбралъ въ качествѣ начальника своей канцеляріи Манасевича-Мануйлова. Это назначеніе, вызывающее скандалъ, весьма знаменательно. Я немного знаю Манасевича и это огорчаетъ честнаго Сазонова. Но развѣ я могу не знать начальника информаціонной части «Новаго Времени», самой значительной русской газеты? Кромѣ того, наше зна-

комство предшествуетъ моему назначенію посломъ. Я его видѣлъ, раньше (около 1900 года), въ Парижѣ, гдѣ онъ состоялъ въ качествѣ агента охраны подъ руководствомъ извѣстнаго начальника русской полиціи во Франціи, Рачковскаго.

Это личность довольно любопытная. Происходя изъ евреевъ, обладая живымъ и лукавымъ умомъ, стремясь къ широкой жизни, къ удовольствіямъ и красивымъ вещамъ, входящій во всякіе компромиссы съ своей совѣстью, онъ представляетъ собой одновременно и фланера, и шпіона, и проходимца, и мошенника, и шулера, и фальсификатора, изумительное сочетаніе Панюрга, Жиль Блаза, Казановы, Роберта Макэраи, Видока и т. д.

Въ теченіи послѣднихъ лѣтъ онъ принималъ участіе въ нѣсколькихъ крупныхъ подвигахъ охранки, такъ какъ у него страсть къ приключеніямъ и даже большая храбрость. Въ январѣ 1905 года онъ былъ вмѣстѣ съ Гапономъ однимъ изъ главнѣйшихъ устроителей рабочей манифестаціи, давшей поводъ правительству къ разстрѣламъ на площади Зимняго Дворца. Черезъ нѣсколько времени онъ приложилъ руку къ устройству еврейскихъ погромовъ въ Кіевѣ, Александровскѣ и Одессѣ. Наконецъ онъ же взялся въ апрѣлѣ 1906 года убить Гапона, болтовня котораго компрометировала охранку. Вотъ каково довѣренное лицо Штюрмера.

Вторникъ, 8 февраля.

Одѣтый въ отличную визитку, съ напомаженными волосами и внушительной поступью, Манасевичъ является ко мнѣ съ визитомъ. Радость удовлетвореннаго честолюбія озаряетъ его плутовскую физіономію. Я принимаю его соотвѣтственно его новому положенію.

Онъ мнѣ разсказываетъ о тѣхъ обязанностяхъ, которыя онъ будетъ исполнять подъ руководствомъ Штюрмера. Онъ съ удовольствіемъ перечисляетъ предметы своего вѣдѣнія, чтобы дать мнѣ понять все его значеніе.

— Въ самодержавной имперіи, — напыщенно говоритъ онъ, — имѣющей 180 милліоновъ жителей, директоръ канцеляріи предсѣдателя Совѣта Министровъ и министра внутреннихъ дѣлъ не можетъ не быть крупной персоной.

— Безусловно, — говорю я.

Затѣмъ онъ произноситъ пышное восхваленіе своего начальника:

— Г. Штюрмеръ, — говоритъ онъ, — человѣкъ высшаго ума; онъ имѣетъ всѣ качества крупнаго государственнаго человѣка, я его ставлю на сто головъ выше Горемыкина и Сазонова; онъ опять вернется къ традиціямъ Нессельроде и Горчакова. Будьте увѣрены господинъ посолъ, что исторія запечатлѣетъ его имя.

Чтобы не имѣть вида простака, слушающаго эти панегирики, я замѣчаю:

— Есть разные способы оставить имя въ исторіи.

— О, способъ Штюрмера будетъ хорошій. Вы въ этомъ не будете сомнѣваться, когда ближе познакомитесь съ предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Это будетъ очень скоро, такъ какъ онъ горитъ нетерпѣніемъ войти въ сношенія съ Вашимъ Превосходительствомъ, онъ надѣется также, что эти отношенія будутъ совсѣмъ сердечными и дружественными. Долженъ ли я вамъ говорить, какъ хотѣлось бы того же самаго и мнѣ.

Закончивъ эти изліянія онъ встаетъ. Въ то время, какъ я провожаю его до дверей, я вдругъ узнаю въ немъ Мануйлова, котораго зналъ раньше, такъ какъ, вдругъ остановившись, онъ мнѣ тихонько сказалъ:

— Если вамъ что-нибудь будетъ нужно, соблаговолите дать мнѣ знать. Господинъ Штюрмеръ мнѣ абсолютно довѣряетъ и никогда ни въ чемъ не откажетъ... Всегда къ вашимъ услугамъ.

Я долго не забуду выраженія его лица въ этотъ моментъ, выраженія скрытнаго, жестокаго, циничнаго и лукаваго.

Среда, 9 февраля.

Вотъ точныя свѣдѣнія о таинственныхъ фактахъ, вызвавшихъ недавно немилость къ Хвостову; эти факты бросаютъ печальный свѣтъ на оборотную сторону существующаго режима.

Назначеніе Алексѣя Хвостова министромъ внутреннихъ дѣлъ въ прошломъ октябрѣ было не только внушено, но и навязано государю Распутинымъ и фрейлиной Вырубовой. Въ этомъ случаѣ игралъ видную роль мошенникъ высокаго полета, близкій спутникъ старца, его постоянный придворный и главный посредникъ — князь Михаилъ Андронниковъ. Назначеніе Хвостова было, слѣдовательно, успѣхомъ камарильи, окружавшей государыню.

Однако скоро возникъ личный конфликтъ между новымъ министромъ и подчиненнымъ ему хитрымъ директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ. Въ средѣ низкихъ интригъ, завистливаго соперничества, скрываемаго стремленія пролѣзть выше — царитъ взаимное недовѣріе и постоянныя несогласія. Въ результатѣ этого Хвостовъ скоро оказался во враждѣ со всей той группой, которая его выдвинула. Чувствуя, что почва уходитъ у него изъ-подъ ногъ, онъ тайно совершенно перемѣнилъ фронтъ, и, такъ какъ главныя черты его честолюбиваго характера были цинизмъ, смѣлость и гордость, то онъ намѣтилъ себѣ прекрасную, національную роль освободителя Россіи отъ Распутина.

Узнавъ, что іеромонахъ Иліодоръ, извѣстный прежде своей близостью къ Распутину, а затѣмъ сдѣлавшійся его непримиримымъ врагомъ, проживаетъ нынѣ въ изгнаніи въ Христіаніи и подготовляетъ книгу, полную скандальныхъ разоблаченій объ отношеніяхъ своихъ ко двору и «Гришкѣ», Хвостовъ сейчасъ же попытался овладѣть манускриптомъ, въ которомъ онъ надѣялся найти мощное орудіе для того,

чтобы убѣдить государя изгнать Распутина или даже отдалить императрицу. Но, не довѣряя официальной полиціи и не желая посвящать въ это дѣло охранку, онъ отправилъ однаго изъ своихъ личныхъ агентовъ, не вполнѣ чистаго на руку и исполнявшаго уже многочисленныя порученія — Бориса Ржевскаго, журналиста по профессіи, въ Христіанію. Въ то время, какъ Ржевскій, направляясь въ Норвегію, выѣхалъ въ Финляндію, его жена, оставшаяся въ Петербургѣ, мстя ему за жестокое съ ней обращеніе, донесла о всей этой комбинаціи Распутину, который немедленно обратился за помощью къ своему другу, директору полиціи Бѣлецкому.

Бѣлецкій имѣетъ всѣ качества, необходимыя для занимаемой должности — изобрѣтательность, ловкость, полное отсутствіе совѣсти; не допуская никакихъ принциповъ, кромѣ государственныхъ соображеній, онъ всегда готовъ на все что угодно, лишь бы сохранить благорасположеніе монарха. Со свойственной ему быстрой рѣшительностью онъ сейчасъ же рѣшилъ поймать своего министра въ западню. Для этого деликатнаго порученія Бѣлецкій избралъ полковника Туфаева, начальника жандармеріи на финляндской границѣ въ Бѣлоостровѣ. По приходѣ поѣзда на эту станцію, Борисъ Ржевскій быстро направился къ буфету. Полковникъ Туфаевъ, ставъ на его пути, сдѣлалъ видъ, что отъ толчка потерялъ равновѣсіе и, какъ бы падая, ударилъ его сапогомъ по ногѣ. Ржевскій вскрикиваетъ отъ боли, офицеръ принимаетъ крикъ за оскорбленіе. Находящіеся тутъ же жандармы хватаютъ наглеца и ведутъ его въ полицейское отдѣленіе. У него спрашиваютъ бумаги, его обыскиваютъ; онъ сообщаетъ, что путешествуетъ по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ, отчетъ о которыхъ онъ долженъ дать только самому министру.

Полиція дѣлаетъ видъ, что не довѣряетъ ему и предлагаетъ коварные вопросы, которые жандармы умѣютъ ставить людямъ, падающимъ въ ихъ лапы; его обрабатываютъ до основанія. Охваченный страхомъ, но догадавшись въ концѣ концовъ, чего отъ него хотятъ, Ржевскій наконецъ объявилъ, что получилъ отъ Хвостова порученіе организовать съ Иліодоромъ убійство Распутина. Его показанія записываются въ протоколъ, а его самого отправляютъ къ директору полиціи, который немедленно доставляетъ его въ Царское Село. На слѣдующій день Хвостовъ уже уволенъ.

Четвергъ, 10 февраля.

Проходя около четырехъ часовъ по Литейному я зашелъ къ продавцу рѣдкихъ книгъ и старинныхъ гравюръ Соловьеву. Разсматривая въ глубинѣ пустыннаго магазина прекрасныя французскія изданія XVIII вѣка, я увидѣлъ стройную молодую женщину, лѣтъ тридцати, вошедшую въ магазинъ и садящуюся около столика, на который выкладывается альбомъ гравюръ.

Она была великолѣпна. Ея туалетъ проявлялъ выдержанный, личный, утонченный вкусъ. Распахнутая шубка изъ

順 шеншила давала возможность разсмотрѣть ея платье сѣро-серебристаго тафта, отдѣланнаго кружевами. Сѣрая мѣховая шапочка отлично гармонировала съ ея блестящими бѣлокурыми съ пепельнымъ отливомъ волосами. Черты ея лица горделивы, чисты и чарующи; у нея свѣтлые бархатистые глаза. На шеѣ нить великолѣпныхъ жемчуговъ, сверкающихъ при свѣтѣ только что зажженной люстры. Она разсматривала гравюры серьезно и внимательно, что заставляло ее прищуривать глаза и приподнимать голову. Временами она наклонялась направо, гдѣ на табуретѣ былъ разложенъ другой сборникъ. Тихая, волнующая и ласкающая грація проявлялась во всѣхъ ея движеніяхъ.

Выйдя изъ магазина я увидѣлъ элегантный автомобиль, стоящій позади моего. Мой выѣздной, всегда обо всемъ освѣдомленный, меня спросилъ:

— Ваше Превосходительство, не узнали эту даму?

— Нѣтъ, кто она?

— Это графиня Брасова, супруга великаго князя Михаила Александровича.

Я никогда до сихъ поръ не имѣлъ случая ее видѣть, такъ какъ до войны она всегда жила за границей, теперь же почти постоянно живетъ въ Гатчинѣ.

Ея исторія, вызвавшая большой скандалъ, довольно обыкновенна. Наталья Сергѣевна Шереметевская, дочь московскаго адвоката и жены его, польки по происхожденію, вышла замужъ въ 1902 году за московскаго купца Мамонтова, развелась съ нимъ черезъ три года и вышла вторично за гвардейскаго капитана Вульферта. Ея второй мужъ служилъ въ синихъ кирасирахъ, которыми командовалъ великій князь Михаилъ, братъ государя. Великій князь вскорѣ сошелся съ ней въ полномъ смыслѣ этого слова, ибо съ этого времени онъ сталъ существовать только для нея.

Онъ былъ всегда воплощеніемъ слабости характера, но добрый, скромный и нѣжный. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ влюбился въ одну изъ фрейлинъ своей сестры, великой княгини Ольги Александровны, Коссиковскую, и вскружилъ ей голову обѣщаніемъ жениться. Но когда онъ открылъ свое желаніе своей матери императрицѣ Маріи, то встрѣтилъ рѣшительное и бурное порицаніе. На этомъ дѣло и кончилось.

Госпожа же Вульфертъ, умная и лукавая, упорно начала устраивать свою будущность ловко и въ повелительномъ духѣ. Прежде всего она разошлась съ Вульфертомъ. Затѣмъ у нея былъ ребенокъ. Тогда, несмотря на рѣшительное противодѣйствіе государя, великій князь публично объявилъ о своемъ намѣреніи жениться.

Въ іюлѣ 1913 года влюбленные поселились въ Берхтесгаденѣ на границѣ Баваріи и Тироля. Однажды они внезапно выѣхали въ Вѣну, куда еще раньше выѣхало одно довѣренное лицо. Въ то время сербское правительство содержало въ столицѣ Австріи православную часовню, предназна-

чавшуюся для религіозныхъ нуждъ проживающихъ въ Вѣнѣ сербовъ.

За большія деньги священникъ согласился совершить быстро и тайно обрядъ вѣнчанія.

Вернувшись въ Берхтесгаденъ великій князь увѣдомилъ о происшедшемъ государя. Николай II чрезвычайно разгнѣвался и спеціальнымъ манифестомъ лишилъ брата правъ на временное регентство, объявленное при рожденіи наслѣдника. Кромѣ того указомъ Правительствующему Сенату было велѣно взять великаго князя подъ опеку, что дѣлалось только при малолѣтствѣ и слабоуміи. Наконецъ ему было запрещено проживаніе въ имперіи.

Однако нельзя было не считаться съ послѣдствіями совершившагося факта и дать имя той, которая отнынѣ, передъ Богомъ, была супругой великаго князя Михаила Александровича. Ввиду того, что бракъ былъ морганатическій и она не имѣла правъ на имя Романовыхъ, она приняла титулъ графини Брасовой, по названію имѣнія великаго князя. Государь согласился также утвердить титулъ графа Брасова для сына его брата.

Въ золотомъ изгнаніи оба супруга устроили свое существованіе самымъ пріятнымъ образомъ, проживая то въ Парижѣ, то въ Лондонѣ, то въ Энгадинѣ, то въ Каннъ. Такимъ образомъ все соотвѣтствовало желаніямъ Натальи Сергѣевны.

Когда началась война, великій князь съ женой получили разрѣшеніе на возвращеніе въ Россію и Михаилъ Александровичъ былъ назначенъ командиромъ казачьей бригады, на каковомъ посту проявилъ большую доблесть. Однако по причинѣ здоровья, которое было всегда слабо, а теперь быстро разстроилось, великій князь былъ вынужденъ перемѣнить активное командованіе на спокойную инспекцію, что дало ему возможность жить то въ Гатчинѣ, то въ Петроградѣ.

Говорятъ, что графиня Брасова стремится устроить ему реваншъ на другой почвѣ. Честолюбивая и ловкая она за послѣднее время поддерживаетъ самыя либеральныя мнѣнія. Ея салонъ, въ общемъ мало открытый, часто принимаетъ лѣвыхъ членовъ Государственной Думы. Въ придворныхъ кругахъ ее обвиняютъ въ измѣнѣ монархическимъ принципамъ; она впрочемъ этимъ чрезвычайно довольна, т. к. это подчеркиваетъ ея позицію и подготовляетъ популярность. Она все болѣе и болѣе разворачивается, она высказываетъ столь удивительно отважныя идеи, которыя, исходя изъ другого рта, могли бы повлечь за собой каторжныя работы.

Среда, 16 февраля.

Среди всѣхъ задачъ внутренней политики наиболѣе спѣшные, сложные и серьезные вопросы — аграрный и рабочій. За послѣднее время я имѣлъ случаи бесѣдовать по этимъ вопросамъ съ людьми различныхъ положеній и взглядовъ, какъ напримѣръ съ бывшимъ министромъ земледѣлія Кривошеинымъ, бывшимъ предсѣдателемъ Совѣта Мини-

стровъ и министромъ финансовъ Коковцевымъ, крупнымъ землевладѣльцемъ, графомъ Алексѣемъ Бобринскимъ, предсѣдателемъ Государственной Думы, Родзянко, крупнымъ металлургистомъ и финансистомъ Путиловымъ, членомъ Государственной Думы, кадетомъ Шингаревымъ и т. д. Вотъ главныя мысли выведенныя изъ этихъ бесѣдъ:

Аграрная реформа, дарованная знаменитымъ указомъ отъ 22 ноября 1906 года, установила довольно благополучнымъ способомъ ликвидацію стараго земельнаго порядка, недостатки и пороки котораго становились съ каждымъ днемъ все болѣе вопіющими. Вдохновитель реформы, Столыпинъ, считалъ, что «міръ» (сельская община) есть главная причина бѣдности, некультурности и физической и моральной нищеты, въ которой живутъ крестьяне. Въ самомъ дѣлѣ, трудно себѣ представить болѣе противорѣчащій агрономическимъ законамъ и менѣе благопріятный для развитія энергіи и личной иниціативы способъ владѣнія и обработки земли. Программа Столыпина предусматривала прекращеніе общиннаго землевладѣнія, организацію раздѣла земли между крестьянами, входящими нынѣ въ общину, и созданія типа мелкаго крестьянина-фермера. До тѣхъ поръ столпы самодержавія считали общину неприкосновеннымъ догматомъ, опору противъ революціи и историческою основою существующаго государственнаго строя. Однако аграрные безпорядки въ 1905 году сокрушили эти принципы. Тѣмъ не менѣе принципъ неотчуждаемости земли, принадлежащей общинѣ, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ укоренили въ крестьянахъ убѣжденіе, что земля не принадлежитъ никому, или вѣрнѣе принадлежитъ Богу, предоставляющему ее тому, кто ее обрабатываетъ. Кромѣ этого, равенство долей и періодическіе раздѣлы между членами общины, давали постоянно мужикамъ случай ощущать недостаточность надѣловъ, имъ предоставленныхъ. Отсюда укрѣпилось убѣжденіе, что государство должно было бы увеличить общинныя земли путемъ принудительнаго выкупа помѣщичьихъ земель, а также немедленнаго наложенія руки на земли церковныя и удѣльныя.

Не трудно догадаться, какую пользу умѣютъ извлекать изъ этихъ укоренившихся взглядовъ вожаки соціалъ-революціонеровъ — Ленинъ, Черновъ, Рожковъ, Керенскій и т. д. Если бы теченіе событій и исходъ войны дали бы возможность примѣнить реформу 1906 года еще въ теченіи десятка лѣтъ, если бы финансовое состояніе Россіи позволило бы широко развернуть дѣятельность крестьянскаго банка, являющагося посредникомъ между продавцемъ-помѣщикомъ и покупателемъ-мужикомъ, если бы, путемъ нѣкоторыхъ мѣръ фискальнаго характера удалось повліять на помѣщиковъ въ смыслѣ добровольной продажи ими части и ихъ владѣній — и крупное и мелкое землевладѣніе были бы спасены. Если же нѣтъ, то соціалистическія утопіи все болѣе и болѣе укрѣпятся въ воображеніи крестьянъ. Предлагаемыя имъ системы для достиженія «счастья» весьма многочисленны. Группа трудовиковъ Государственной Думы въ настоящее время

ведетъ пропаганду, сводящуюся къ тому, чтобы объединить всѣ земли въ національный фондъ и распредѣлить ихъ затѣмъ между, личнымъ трудомъ, обрабатывающими ихъ. Чтобы опредѣлить практическія достоинства предлагаемой комбинаціи достаточно разсмотрѣть нижеприведенныя цифровыя данныя. Если брать данныя, касающіяся только европейской Россіи, то площадь національнаго земельнаго фонда достигнетъ двухсотъ милліоновъ гектаровъ, которые пришлось бы распредѣлить между, приблизительно, 25 милліонами главъ семействъ, которые должны были бы принять участіе въ раздѣлѣ. Для проведенія въ жизнь подобной программы потребовалась бы постоянная армія изъ 300 000 землемѣровъ для установленія кадастра и разграничительныхъ плановъ; работа продолжалась бы не менѣе 15 лѣтъ, принимая во вниманіе, что зимой и во время таянія снѣга, т. е. въ теченіи пяти, шести мѣсяцевъ никакія работы невозможны. Принимая далѣе во вниманіе, что за эти пятнадцать лѣтъ число главъ семействъ, по закону естественнаго прироста населенія, возрастетъ на 30 милліоновъ и, слѣдовательно, всѣ предварительныя вычисленія, легшія въ основаніе пятнадцатилѣтнихъ работъ окажутся далеко не соотвѣтствующими дѣйствительности, то окажется, что проводимое раздѣленіе земель приведетъ только къ безпорядку, изъ котораго нельзя будетъ найти выхода, и къ невѣроятному развитію грабежа, разоренія и анархіи.

Рабочій вопросъ внушаетъ не менѣе опасеній. Русская промышленность развилась съ необычайной быстротой. Число фабрикъ и заводовъ, не превышавшее въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія 4300, достигло къ началу XX вѣка до 15 000 и съ тѣхъ поръ возросло до нашего времени до 25 000. Тѣмъ не менѣе матеріальное и моральное положеніе рабочихъ находится на очень низкомъ уровнѣ развитія: Большинство рабочихъ совершенно неграмотно, что конечно сильно понижаетъ продуктивную способность фабрикъ. Число же крестьянъ, покидающихъ деревню и ищущихъ заработковъ въ городѣ, увеличивается съ каждымъ днемъ; увеличивающееся предложеніе рабочихъ рукъ въ результатѣ доводитъ заработную плату до такого низкаго уровня, который не позволяетъ рабочему удовлетворить самыя примитивныя потребности питанія, жилища и одежды. Съ другой стороны, развитіе машиннаго производства, устраняющаго потребность въ физической силѣ, ведетъ часто къ замѣнѣ мужского труда трудомъ женскимъ и дѣтскимъ; все это вызываетъ новое соціальное явленіе — разрушеніе крестьянской семьи, такъ какъ никто не остается у семейнаго очага. Вышеизложенное, само по себѣ уже тяжелое положеніе, осложняется еще болѣе вслѣдствіе всѣхъ тѣхъ ошибокъ, заблужденій и несправедливостей, которыя правящая бюрократія непрестанно совершаетъ по отношенію къ пролетаріату. Въ русскомъ законодательствѣ проведенъ въ отношеніи рабочаго вопроса принципъ государственнаго попеченія, который однако, фактически, выражается въ полицейскомъ надзорѣ. Государствен-

ные чиновники считаютъ себя естественными и безапелляціонными вершителями конфликтовъ между капиталомъ и трудомъ, но способы, которыми они разрѣшаютъ эти вопросы, вызываютъ въ рабочихъ массахъ глухой ропотъ и постоянное сремленіе къ борьбѣ, возмущенію и разрушенію. Ни въ одномъ государствѣ забастовки не принимаютъ такого постояннаго и ожесточеннаго характера. Но то, что исключительно присуще Россіи и представляетъ собой, быть можетъ, самый отвратительный порокъ государственнаго порядка, это та провокаціонная роль, которую полиція играетъ въ забастовкахъ. Система эта впрочемъ довольно стара: она только чрезвычайно развилась въ теченіи послѣдняго десятка лѣтъ со временъ министра внутреннихъ дѣлъ, знаменитаго Плеве, убитаго въ 1904 году. Мрачная охранка содержитъ въ промышленныхъ кругахъ большое число довѣренныхъ лицъ, не для наблюденія за революціонерами, но для руководства ими, для снабженія ихъ и вызыванія къ дѣятельности въ случаяхъ надобности. Какъ только представители прогрессивной буржуазіи или члены Государственной Думы партіи к. д. поднимаютъ голосъ или, когда государь отклоняетъ скромныя покушенія либерализма, сейчасъ же вспыхиваетъ шумная забастовка. На мгновеніе, на горизонтѣ показывается спектръ революціи въ видѣ ряда кровавыхъ проблесковъ, какъ бы предвѣщающій «великій вечеръ». Но казаки уже работаютъ и возстановляютъ порядокъ. Получается впечатлѣніе, какъ будто охранка еще разъ спасла самодержавіе и общество... Не приведетъ ли она когда-нибудь къ непредотвратимой гибели?

Пятница, 18 февраля.

Сазоновъ, печальный и разстроенный, разсказываетъ мнѣ съ прискорбіемъ о томъ реакціонномъ и притѣснительномъ направленіи, которое всецѣло господствуетъ во внутренней политикѣ съ момента прибытія Штюрмера. Чтобы выяснить нѣсколько подробностей я спросилъ:

— Скажите мнѣ, какъ вы, будучи столь преданнымъ вашему государю, представляете себѣ согласованіе императоромъ его стремленія къ неограниченной власти съ принципами конституціонной монархіи, которую раздѣляете вы.

— Монархъ самъ опредѣлилъ и ограничилъ свою власть, обнародовавъ въ 1906 году наши основные законы, — рѣшительно прервалъ меня Сазоновъ. — Но я долженъ вамъ объяснить, что въ дѣйствительности обозначаетъ титулъ «Самодержавный». Титулъ Самодержавнаго Царя былъ принятъ въ концѣ XV вѣка Иваномъ Великимъ и выражалъ собою то, что отнынѣ московское княжество является сувереннымъ и не будетъ платить дани татарскимъ ханамъ. Ничего другого этотъ титулъ не выражалъ. Впослѣдствіи слово самодержавный восприняло оттѣнокъ абсолютнаго всемогущества, неограниченности, деспотическаго произвола и безотчетности. Такую концепцію усвоили Петръ Великій и Николай I; къ сожалѣнію эту же идею Побѣдоносцевъ и

Катковъ внушили благороднѣйшему императору Александру III, отъ котораго Николай II къ сожалѣнію слишкомъ много унаслѣдовалъ.*)

Это же воззрѣніе легло въ основаніе «статьи основныхъ законовъ», по которой государю императору принадлежитъ верховная самодержавная власть, повиноваться коей самъ Богъ повелѣваетъ. Однако, далѣе, этотъ принципъ ослабленъ статьей 7, установляющей, что государь осуществляетъ законодательную дѣятельность въ согласіи съ Государственнымъ Совѣтомъ и Государственной Думой. Такимъ образомъ народъ является однимъ изъ правящихъ органовъ имперіи, а верховная власть, оставаясь все еще милостью Божіей, согласовалась съ теоріей современныхъ государствъ.

— Если я правильно понялъ вашу мысль, то основные законы сохранили титулъ самодержца только для охраненія престижа верховной власти и для созданія преемственности настоящаго времени по отношенію къ прошлому.

— Да, болѣе или менѣе. Я говорю болѣе или менѣе, ибо я далекъ отъ того, чтобы считать титулъ самодержца простымъ историческимъ пережиткомъ и канцелярской формулой. Я полагаю, что у насъ, принимая во вниманіе наши традиціи, состояніе культуры и характеръ населенія, верховная власть должна быть чрезвычайно сильна и я готовъ признать всѣ ея прерогативы и предоставить ей всѣ способы повелѣнія и принужденія, но она должна бы быть подвержена контролю и дѣятельность ея должна была бы быть освѣщена. Однако въ наше время никакого контроля нѣтъ и вы знаете какіе люди присваиваютъ себѣ монополію освѣщать дѣятельность верховной власти.

— Разъ ужъ мы затронули этотъ делекатный вопросъ, — говорю я послѣ небольшого перерыва, — позвольте мнѣ спросить васъ, какъ друга...

— О, я боюсь, что предугадываю то, о чемъ вы хотите меня спросить. А впрочемъ, я васъ слушаю.

— Не могъ ли бы я осторожно дѣйствовать въ духѣ вашихъ принциповъ?

— Боже сохрани, въ особенности вы, представляющій республику. Меня самаго держатъ на подозрѣніи потому, что я олицетворяю союзъ съ демократическими странами запада; что было бы съ вами, если бы васъ заподозрили во вмѣшательствѣ въ наши внутреннія дѣла!

---

*) Вступая въ 1881 году на престолъ Александръ III обратился къ народу манифестомъ, составленнымъ извѣстнымъ панславистомъ Катковымъ, въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Голосъ Божій повелѣваетъ Намъ увѣренно встать во главѣ неограниченнаго правленія. Вѣря въ Божественное Провидѣніе и Его высшую мудрость, не сомнѣваясь въ справедливости и силѣ Самодержавной власти, которую Мы призваны утвердить, Мы приложимъ всѣ усилія для того, чтобы съ Божьей помощью вернуть нашу страну на историческіе пути и озаботимся о судьбахъ Нашей Имперіи, которыя отнынѣ будутъ рѣшаться Богомъ и Нами.“ *Примѣчаніе автора.*

Воскресенье, 20 февраля.

Не знаю, есть ли это національная черта или личная черта многихъ, но русскіе чрезвычайно непостоянны. Война, постоянно напрягая ихъ нервы, еще усилила это предрасположеніе и это непостоянство, что меня поражаетъ каждый моментъ.

Личность русскаго выражается въ чувствахъ и мысляхъ даннаго момента. То, что они чувствовали и думали вчера, уже сегодня ихъ не трогаетъ и болѣе для нихъ не существуетъ. Ихъ нравственное состояніе въ данный моментъ уничтожаетъ иногда даже воспоминаніе о прошедшихъ состояніяхъ. Конечно эволюція всемірнаго закона и моральнаго состоянія такъ же какъ и эволюція органической жизни прекращается только со смертью. Но рассы съ здравымъ разсудкомъ прогрессивно видоизмѣняютъ свои понятія и противорѣчащія тенденціи болѣе или менѣе уравновѣшиваются, рѣшительные переломы въ нравственномъ состояніи личности почти невозможны; самыя быстрыя и полныя метаморфозы неминуемо предполагаютъ переходы, обращенія и ступени. Здѣсь же чаша вѣсовъ даже на колеблется, а сразу опускается. Представленія, желанія, чувства, мысли, вѣрованія, т. е. все внутреннее содержаніе личности внезапно исчезаетъ. Для большинства русскихъ представленіе о счастьи есть постоянно мѣняющаяся картина.

Я думалъ объ этомъ, какъ то сидя въ Маріинскомъ театрѣ во время балета Чайковскаго «Спящая красавица». Лица зрителей всѣхъ ярусовъ озарились радостью, когда покрытое туманомъ озеро, по которому плыла волшебная лодка, внезапно превратилось въ сверкающій дворецъ. Я думалъ, что русская ладья такимъ же образомъ блуждаетъ по туманному озеру, но опасался, что перемѣна декорацій выявитъ нѣчто совершенно непохожее на сверкающій дворецъ.

Понедѣльникъ, 21 февраля.

Великій князь Николай Николаевичъ торжественно прибылъ въ Эрзерумъ и былъ встрѣченъ генераломъ Юденичемъ.

Потеря Эрзерума стоила туркамъ 40 000 убитыми и ранеными, 13 000 плѣнными, 323 пушки и 9 знаменъ.

Русскіе теперь хозяева въ Арменіи.

Въ Персіи, къ югу отъ Курдистана, блестящее занятіе Керманшаха открываетъ имъ дорогу на Багдадъ.

Вторникъ, 22 февраля.

Государственная Дума возобновила сегодня занятія.

Возобновленіе занятій было столько разъ отсрочено Горемыкинымъ, что недовольство населенія становилось опаснымъ.

Государь это почувствовалъ и инстинктъ мудрости, замѣняющій у него политическое чутье, внушилъ ему это благотворное дѣйствіе. Онъ лично отправился въ Таврическій дворецъ для открытія сессіи.

Это рѣшеніе было принято еще вчера вечеромъ, но сохранялось въ тайнѣ до послѣдней минуты, и только въ часъ посланники союзныхъ державъ были приглашены по телефону прибыть ровно въ два часа въ Таврическій дворецъ, безъ указанія однако причинъ.

Со времени установленія въ Россіи представительнаго строя, государь въ первый разъ появлялся въ Государственной Думѣ, раньше же депутаты собирались для привѣтствованія царя въ Зимнемъ дворцѣ.

Я прибылъ одновременно съ дворцовыми экипажами.

Въ большомъ залѣ, въ которомъ нѣкогда Потемкинъ поражалъ императрицу Екатерину роскошью празднествъ, былъ воздвигнутъ аналой для совершенія молебствія по случаю открытія сессіи. Депутаты тѣсными рядами собраны вокругъ. Публика, оставивъ трибуны въ залѣ засѣданія, столпилась на окружающей залъ галлереѣ перваго этажа.

Лишь только государь приблизился къ аналою, началась служба, сопровождаемая удивительнымъ пѣніемъ, то тягучимъ и величественнымъ, то легкимъ и столь чистымъ, которое такъ очевидно выявляетъ безконечныя стремленія мистицизма православной вѣры и свойственной славянамъ чувствительности.

Большое волненіе господствуетъ во всемъ залѣ. Члены реакціонной группы, столпы абсолютнаго самодержавія обмѣниваются злобными и смущенными взглядами, какъ будто императоръ, Божій избранникъ и Помазанникъ, совершаетъ святотатство. Въ лѣвыхъ группахъ, наоборотъ, царитъ радостная и трепетная бодрость. На многихъ глазахъ я вижу слезы. Сазоновъ, стоящій около меня, горячо молится. Я думаю, что онъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ происходящаго.

— Чувствуете ли вы все великое значеніе и всю красоту этого событія, — шепнулъ мнѣ на ухо военный министръ генералъ Поливановъ, — либеральныя тенденціи котораго мнѣ извѣстны? Это торжественный часъ въ исторіи Россіи. Этимъ открывается новая эра.

Въ двухъ шагахъ передо мной государь, за нимъ великій князь Михаилъ Александровичъ, далѣе министръ двора графъ Фредериксъ, дежурный флигель-адъютантъ полковникъ Свѣчинъ, комендантъ императорскаго дворца генералъ Воейковъ.

Государь по обыкновенію сосредоточено выслушиваетъ службу и пѣснопѣнія. Онъ очень блѣденъ. Его ротъ конвульсивно сжимается каждое мгновеніе, какъ будто онъ дѣлаетъ усилія, чтобы проглотить что-нибудь. Болѣе десяти разъ онъ дѣлаетъ свойственное ему движеніе поднятія правой руки до воротника; лѣвая рука, въ которой онъ держитъ фуражку и перчатки, безпрестанно судорожно сжимается: его тревога очевидна. Когда онъ открывалъ въ Зимнемъ дворцѣ 10 мая 1906 года сессію первой Государственной Думы, всѣ думали, что онъ упадетъ въ обморокъ, такая тоска и мертвенный страхъ выражались на его лицѣ.

Молебенъ окончился, духовенство уходитъ.

Государь тогда произноситъ нѣсколько словъ полныхъ патріотизма и объединенія:

— Я радъ, — говоритъ онъ, — находиться среди васъ, посреди моего народа, представителями котораго вы являетесь и призываю Божье благословеніе на ваши труды. Я твердо увѣренъ, что вы проявите въ вашей работѣ, за которую вы отвѣтственны передъ родиной и мною, всю вашу опытность, знаніе мѣстныхъ условій и любовь къ отечеству. Пусть только одна эта любовь служитъ вамъ путеводной звѣздой. Отъ всего сердца желаю Государственной Думѣ плодотворныхъ трудовъ и полнаго успѣха.

Громогласное ура покрываетъ его слова, затѣмъ раздается рѣзкій и глубокій басъ предсѣдателя Государственной Думы, который отвѣчаетъ на привѣтствіе государя въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

— Государь! Глубоко взволнованные слушали мы ваши знаменательныя слова. Мы преисполнены радости видѣть среди насъ нашего царя. Въ это тяжелое время вы закрѣпили союзъ съ вашимъ народомъ, открывающій дорогу къ побѣдѣ. Ура, нашему царю. Ура!

Присутствующіе съ воодушевленіемъ подхватываютъ и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ Потемкинскій дворецъ оглашенъ бурными оваціями. Только крайніе правые молчатъ. Лицо государя внезапно проясняется, онъ опять обаятеленъ, онъ пожимаетъ руки присутствующихъ и расточаетъ улыбки. Затѣмъ, проходя черезъ залъ засѣданій, онъ покидаетъ Таврическій дворецъ.

Среда, 23 февраля.

Сазоновъ, котораго я по обыкновенію посѣщаю около полудня, мнѣ сказалъ, что онъ въ восторгѣ отъ вчерашняго событія, произведшаго глубокое впечатлѣніе на всю Россію.

— Вотъ, — говоритъ онъ, — здоровая политика. Вотъ хорошій либерализмъ. Чѣмъ больше соприкосновенія будетъ имѣть государь съ народомъ, тѣмъ сильнѣе сможетъ онъ противостоять крайнимъ теченіямъ.

— Не вы ли подали мысль о пріѣздѣ государя въ Думу? — спросилъ я.

— Нѣтъ, къ сожалѣнію, не я. Эту мысль подалъ, вы навѣрное не угадаете, Фредериксъ, министръ двора.

— Старый графъ Фредериксъ, который столь консервативенъ и настроенъ реакціонно.

— Онъ самый... Но онъ чрезвычайно преданъ государю и понималъ чего требовало создавшееся положеніе отъ государя, онъ и поставилъ этотъ вопросъ передъ государемъ и предсѣдателемъ Совѣта Министровъ. Государь сейчасъ же согласился, а Штюрмеръ не посмѣлъ протестовать, такимъ образомъ вопросъ разрѣшился въ одинъ мигъ. Я вамъ скажу по секрету, что государь боялся сцены со стороны императрицы, онъ ожидалъ потока упрековъ. Она дѣйствительно не одобрила принятаго рѣшенія, но безъ гнѣва,

была строга, холодна и молчалива, а это состоянiе и есть сильнѣйшее выраженiе неодобренiя.

Четвергъ, 24 февраля.

Сегодня вечеромъ у меня обѣдала княгиня П., кромѣ нея я пригласилъ человѣкъ двадцать, въ частности итальянскаго посла маркиза Карлотти и генерала Николая Врангеля, адъютанта великаго князя Михаила.

Главная тема разговоровъ, открытiе сессiи Государственной Думы. Княгиня П. очень ободрительно высказывается о посѣщенiи государемъ Думы.

— Я думаю, вы не удивитесь, если узнаете, что этотъ либеральный жестъ не понравился императрицѣ, она еще до сихъ поръ не можетъ успокоиться.

— А Распутинъ?

— «Человѣкъ Божiй» рыдаетъ и изрекаетъ дурныя предсказанiя.

Генералъ Врангель, человѣкъ тонкiй и скептически настроенный, не придаетъ большого значенiя царскому выступленiю:

— Повѣрьте мнѣ, — говоритъ онъ, — что для Его Величества, самодержавiе всегда останется неприкосновеннымъ догматомъ.

Пятница, 25 февраля.

Вотъ уже пять дней, какъ армiя кронпринца атакуетъ Верденъ съ возрастающей интенсивностью. Ихъ наступленiе идетъ на фронтѣ сорока километровъ, бомбардировка безпримѣрной силы. Со времени битвы на Марнѣ это самые трагическiе, быть можетъ, рѣшающiе часы всей войны.

Воскресенье, 27 февраля.

Если здоровье есть ничто иное, какъ гармонiя въ взаимодѣйствiи всѣхъ органовъ, совокупность всѣхъ жизненныхъ силъ, то придется признать, что русскiй колоссъ очень боленъ, такъ какъ его общественный организмъ проявляетъ громадную дисгармонiю и разстройство. Однимъ изъ самыхъ волнующихъ симптомовъ является тотъ ровъ, та пропасть, которые раздѣляютъ высшiе классы и деревенскiя массы. Между обоими группами, полное неравенство, чувствуется, какъ-бы разница нѣсколькихъ столѣтiй. Это особенно высказывается въ отношенiяхъ между чиновниками и крестьянами.

Не менѣе показательны народныя волненiя, вызываемыя обыкновенно голодомъ и эпидемiями, столь частыми въ Россiи. При каждомъ недорогѣ возникаетъ одно и то же обвиненiе: «Это чиновники и господа забрали зерно». Или: «Чиновники и бары хотятъ разоренiя народа, чтобы отнять у него землю». Во время эпидемiй недовѣрiе крестьянъ обращается немедленно противъ доктора, представляющаго по ихъ мнѣнiю начальство: «Почему онъ говоритъ на непонятномъ языкѣ.

Къ чему этотъ таинственный видъ и странныя дѣйствія. Несомнѣнно онъ самъ сѣетъ холеру, это онъ отравляетъ бѣдныхъ мужиковъ по приказу правительства»... И въ результатѣ сжигаютъ больницу, разбиваютъ лабораторію, бьютъ, а иногда и убиваютъ врача.

Понедѣльникъ, 28 февраля.

Въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ среди русскихъ чувствовалась тенденція умалять значеніе военнаго содѣйствія Франціи. Несмотря на большія усилія нашей пропаганды при помощи прессы, иллюстрацій, публичныхъ лекцій, кинематографа, все-же здѣсь не отдаютъ себѣ отчета въ напряженности борьбы на западномъ фронтѣ. Неоднократно мнѣ приходилось указывать Сазонову, Горемыкину и генералу Сухомлинову на несправедливую и, подчасъ, даже обидную оцѣнку нѣкоторыхъ газетъ.

Битва при Верденѣ измѣнила все. Героизмъ нашей арміи, искусство и хладнокровіе нашего командованія, необъятность нашихъ матеріальныхъ рессурсовъ, а также патріотизмъ нашего общественнаго мнѣнія служатъ предметомъ всеобщаго восхищенія. Сегодня меня посѣтилъ предсѣдатель Думы Родзянко, принеся поздравленія въ качествѣ ея представителя. На улицѣ преимущественно передъ расклеленными газетами мнѣ нѣсколько разъ пришлось слышать, какъ мужики говорили о «Вердунѣ».

Среда, 1 марта.

Филипеско, бывшій военный министръ Румыніи и глава Букарестскихъ франкофиловъ, пріѣхалъ въ Петроградъ для ознакомленія съ настоящимъ положеніемъ вещей. Императоръ и Сазоновъ приняли его самымъ сердечнымъ образомъ, но его увѣренія о симпатіяхъ его страны къ дѣлу союзниковъ не вышли изъ рамокъ общихъ фразъ. Онъ передаетъ мнѣ черезъ Діаманди, что онъ былъ бы радъ поговорить со мной и что онъ не замедлилъ бы уже посѣтить меня, если бы не простуда, удерживающая его въ кровати.

Пятница, 3 марта.

Русское правительство упорно хранитъ молчаніе по вопросу о возстановленіи Польши. Объ этомъ очень безпокоятся въ Парижѣ, гдѣ швейцарскіе польскіе комитеты поддерживаютъ пропаганду, столь же активную, сколько и ловкую. Я пользуюсь здѣсь каждой возможностью, чтобы доказывать, что императорское правительство совершаетъ грубую ошибку, не вырабатывая теперь же на широкихъ основаніяхъ автономію Польши, такъ какъ они рискуютъ отстать въ этомъ отъ центральныхъ державъ. Въ этомъ вопросѣ я принужденъ быть крайне тактичнымъ, такъ какъ русское національное чувство не переболѣло еще событій 1863 года. Съ Сазоновымъ я говорю по этому вопросу наиболѣе часто и откровенно.

Ввиду того, что полиція информируетъ его о каждомъ моемъ жестѣ, то я и не скрываю отъ него, что я охотно принимаю въ посольствѣ моихъ польскихъ друзей, какъ напр. Маврикія Замойскаго, графа Владислава Велепольскаго и его брата Сигизмунда, графа Константина Плятеръ-Зиберга, Романа Скирмунта, графа Іосифа Потоцкаго, Рембелинскаго, Корвинъ-Миловскаго и др. Эти частыя посѣщенія заставляютъ его немного бояться за меня. Онъ мнѣ сказалъ вчера:

— Берегитесь. Польша скользкій путь для французскаго посланника.

Я отвѣтилъ ему слегка переиначеннымъ стихомъ Рюи Блазъ: «Польша съ ея королемъ полна прелести».

Но осторожность въ польскомъ вопросѣ, которую мнѣ приходится соблюдать въ отношеніи императорскаго правительства, составляетъ лишь часть затрудненій. Главное препятствіе въ быстромъ его разрѣшеніи это разногласіе мнѣній по этому вопросу въ русскомъ обществѣ. Что императоръ лично согласенъ съ принципомъ либеральной автономіи, не подлежитъ сомнѣнію. Онъ согласился бы на большинство требованій поляковъ при условіи однако, что Польша остается подъ скипетромъ Романовыхъ. Сазоновъ раздѣляетъ его взгляды и убѣждаетъ его твердо придерживаться ихъ. Въ противовѣсъ этому русское общественное мнѣніе въ большинствѣ своемъ никакъ не хочетъ выдѣленіемъ Польши изъ состава единой имперіи. Эта враждебность предъявляется не только въ національныхъ кругахъ и среди бюрократіи, но и въ Думѣ и среди всѣхъ партій. Въ результатѣ объявленіе автономіи невозможно законодательнымъ путемъ. Поэтому я не представляю себѣ иного разрѣшенія этого вопроса, какъ лишь самодержавной властью императора. Меня увѣряютъ, что въ этомъ заключается идея Сазонова, которую онъ высказывалъ и императору, но противъ него Штюрмеръ и весь «Потсдамскій дворъ», который очень дальновидно усматриваетъ въ польскомъ вопросѣ удобнѣйшій предлогъ для примиренія съ Германіей.

Суббота, 4 марта.

Сегодня я имѣлъ въ послѣобѣденное время длинный разговоръ съ Филиппеско, который не имѣлъ возможности вслѣдствіе своего продолжающагося недомоганія, прійти ко мнѣ и принужденъ былъ принять меня въ помѣщеніи румынскаго посольства. Несмотря на свою физическую слабость, въ немъ прорывается страстность убѣжденія и темпераментъ, проявляющихъ себя съ первыхъ словъ. Указавъ на то, что онъ не облеченъ никакой официальной миссіей, и что онъ путешествуетъ по собственному почину съ информаціонными цѣлями, онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

— Вы знаете мои чувства къ Франціи, это моя вторая родина. Вы знаете также съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидаю активнаго выступленія нашей арміи на арену войны. Вамъ также не безъизвѣстно, что я не состою въ числѣ полити-

ческихъ друзей нашего предсѣдателя совѣта, и что онъ считаетъ меня скорѣе въ числѣ своихъ противниковъ. Но я не скрою отъ васъ, что я согласенъ съ Братіано, не желающимъ открывать военныя дѣйствія прежде, чѣмъ пробилъ часъ общаго наступленія союзниковъ, и прежде чѣмъ русская армія не подготовится войти въ Добруджу. Эта экспедиція русской арміи къ югу отъ Дуная, необходима намъ не только съ стратегической точки зрѣнія, намъ она нужна еще и для того, чтобы сдѣлать окончательнымъ и непоправимымъ разрывъ между Россіей и Болгаріей. Какъ только эти условія будутъ выполнены мы войдемъ въ Трансильванію. Но я сомнѣваюсь въ соотвѣтствіи нашихъ плановъ съ планами русскаго правительства и его генеральнаго штаба.

На это я ему отвѣчаю твердымъ тономъ:

— У меня нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что русскій генеральный штабъ не согласится послать армію въ Добруджу. Что касается вопроса поскольку румынскіе контръ-агенты должны способствовать продвиженію этой арміи, то это деталь, которая будетъ выяснена планомъ операцій. Во всякомъ случаѣ не думайте, что русское правительство намѣрено церемониться съ болгарами. Россія — лойальная союзница. До тѣхъ поръ пока салоникская армія французовъ и англичанъ будутъ драться противъ болгарской арміи, Россія будетъ безжалостна по отношенію къ Болгаріи. Я вамъ гарантирую это.

Опредѣленность моихъ заявленій, какъ мнѣ кажется произвела впечатлѣніе на Филиппеско. Онъ неоднократно вопросительно взглядываетъ на Діаманди, присутствующемъ при нашемъ разговорѣ и явно одобряя его.

Затѣмъ я задаю Филиппеско прямой вопросъ: — Почему Братіано уклоняется отъ всякихъ переговоровъ?

Онъ отвѣчаетъ съ сердитымъ жестомъ: — Потому, что онъ ведетъ мелочную политику. Онъ никогда не находитъ торгъ достаточно выгоднымъ. Онъ пропускаетъ, такимъ образомъ, самыя выгодныя возможности. Откладывая рѣшеніе, котораго требуетъ вся Румынія, онъ превратилъ насъ въ вассаловъ Германіи.

Возвращаясь къ коренному вопросу, т. е. къ вопросу о заключеніи военной конвенціи, я указываю Филиппеско на опасности, которымъ Братіано подвергаетъ свою страну, избѣгая опредѣлить теперь же практическія основанія того содѣйствія, которое онъ разсчитываетъ получить отъ Россіи, и что вслѣдствіе этого Румыніи придется отказаться отъ осуществленія своихъ національныхъ чаяній.

Я продолжаю: — Рѣшающій часъ можетъ пробить гораздо ранѣе, чѣмъ предполагаетъ Братіано. Къ тому же, военная конвенція всегда требуетъ длительнаго обсужденія: двѣ, три недѣли по меньшей мѣрѣ. Затѣмъ нужно подготовить проведеніе ея въ жизнь; необходимо согласовать желѣзныя дороги, объединить средства транспорта, наладить

снабженіе. Имѣя дѣло съ русскими, столь плохими организаторами, не умѣющими разсчитывать времени и пространства, подобная работа становится еще болѣе трудной и медленной, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Если завтра Германія предъявитъ ультиматумъ Румыніи, она застанетъ Братіано врасплохъ. Въ крайнемъ случаѣ я допускаю, что онъ затрудняется опредѣлить день объявленія войны въ рамкахъ опредѣленнаго срока. Но какія неудобства видитъ онъ въ заключеніи конвенціи между генеральными штабами Россіи и Румыніи, которая не имѣла бы никакой дѣйственной силы впредь до ратификаціи ея обоими правительствами? Опасается ли онъ преждевременной огласки? Но развѣ Румынія уже не скомпрометирована давно въ глазахъ германскихъ державъ своимъ соглашеніемъ съ союзниками по вопросу о Трансильваніи? И развѣ суть этого соглашенія не стала извѣстной широкимъ слоямъ общества?

Послѣ длительнаго молчанія Филиппеско отвѣтилъ мнѣ:
— Мнѣ кажется, что мнѣ нужно спѣшить съ возвращеніемъ въ Бухарестъ.

Воскресенье, 5 марта.

Филиппеско довелъ до свѣдѣнія Сазонова о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ. Сазоновъ отвѣтилъ ему: — Я всецѣло присоединяюсь къ словамъ М. Палеолога.

Среда, 8 марта.

Вокругъ Вердена напряженіе борьбы удваивается. Германцы атакуютъ крупными силами вдоль обоихъ береговъ рѣки. Несмотря на интенсивность огня и силу ихъ атакъ нашъ фронтъ продолжаетъ быть устойчивымъ.

Суббота, 11 марта.

Филиппеско покидаетъ завтра Петроградъ съ цѣлью посѣтить южный фронтъ русскихъ армій и затѣмъ возвращается въ Бухарестъ. Онъ только что простился со мной.
— Я очень благодаренъ, — сказалъ онъ, — за ваше откровенно высказанное мнѣніе. Оно было очень цѣнно для меня здѣсь, откуда я увожу лучшія впечатлѣнія. Вернувшись въ Бухарестъ я повліяю на Братіано въ направленіи вашихъ плановъ, которые я всецѣло раздѣляю.

Воскресенье, 12 марта.

Пользуясь пребываніемъ государя въ Царскомъ Селѣ, я испросилъ у него аудіенцію, чтобы освѣдомить его о румынскомъ вопросѣ и общемъ положеніи. Онъ приметъ меня завтра, съ обычнымъ церемоніаломъ. Но вчера вечеромъ онъ любезно прислалъ сообщить мнѣ, что сегодня продемонстрируютъ для его дѣтей серію кинематографическихъ фильмъ, представляющихъ эпизоды съ французскаго фронта, и что онъ проситъ меня присутствовать при этомъ

съ ними въ самой интимной обстановкѣ; моя офиціальная аудіенція оставалась при этомъ отложенной до завтра.

Въ пять часовъ я пріѣзжаю въ Царское Село. Аппаратъ установленъ въ большой залѣ-ротондѣ. Передъ экраномъ три кресла, окруженныя десяткомъ стульевъ. Почти сейчасъ же входятъ государь съ императрицей, въ сопровожденіи молодыхъ великихъ княженъ и цесаревича. За ними слѣдуютъ министръ двора Фредериксъ съ супругой, оберъ-гофмаршалъ двора графъ Бенкендорфъ тоже съ супругой, полковникъ Нарышкинъ, госпожа Буксгевденъ, воспитатель цесаревича Жильяръ и нѣсколько второстепенныхъ лицъ, приставленныхъ ко двору; группы лакеевъ и горничныхъ толпятся у каждой двери. Императоръ въ походной формѣ: императрица съ дочерьми въ скромныхъ шерстяныхъ платьяхъ, остальныя дамы въ городскихъ туалетахъ. Императорскій дворъ представленъ здѣсь во всей простотѣ повседневной жизни. Государь усаживаетъ меня между собой и императрицей. Тушатъ свѣтъ и начинается демонстрированіе фильмъ. Съ волненіемъ смотрю я на картины и эпизоды столь правдиво, живо и краснорѣчиво свидѣтельствующіе о самоотверженности и героизмѣ французовъ. Государь высказываетъ мнѣ похвалы нашей арміи. Онъ восклицаетъ каждую минуту: — Какъ красиво. Какой порывъ у вашихъ солдатъ. Какъ можно удержаться при такой бомбардировкѣ. Какое нагроможденіе препятствій въ германскихъ траншеяхъ.

Императрица молчалива по обыкновенію; впрочемъ она высказываетъ мнѣ любезность сколько можетъ. Во время антракта въ двадцать минутъ, въ теченіи котораго намъ сервируютъ чай и которыми пользуется государь, чтобы выкурить папиросу въ сосѣдней гостиной, я остаюсь одинъ съ государыней. Мы говоримъ о войнѣ, объ ея ужасахъ, о нашей безспорной побѣдѣ и т. д.; императрица отвѣчаетъ мнѣ короткими утвердительными фразами.

Вторая часть сеанса ничего не прибавляетъ къ моимъ первоначальнымъ впечатлѣніямъ. Передъ уходомъ государь говоритъ мнѣ тѣмъ добродушнымъ тономъ, столь свойственнымъ ему въ состояніи хорошаго расположенія духа; — Я счастливъ, продѣлавъ съ вами это путешествіе по Франціи. Завтра мы съ вами побесѣдуемъ болѣе подробно.

Понедѣльникъ, 13 марта.

Въ два часа дня я вновь по дорогѣ въ Царское Село, однако на этотъ разъ въ парадной формѣ, согласно условіямъ церемоніала.

При входѣ во дворецъ я сталкиваюсь съ группой офицеровъ, только что представлявшихъ императору знамена, отнятые у турокъ 15 февраля подъ Эрзерумомъ. Это обстоятельство даетъ мнѣ вполнѣ естественное вступленіе для разговора въ началѣ аудіенціи. Я высказываю государю мое восхищеніе блистательными успѣхами, одержанными его арміей въ Азіи. Онъ отвѣчаетъ мнѣ повторяя похвалы, обра-

щенныя вчера по адресу героевъ Вердена, а затѣмъ добавляетъ:

— Мнѣ разсказали, что хладнокровіе и талантъ генерала Жоффра позволили ему сохранить резервы. Я надѣюсь поэтому, что черезъ 5—6 недѣль мы сможемъ предпринять одновременное наступленіе на всѣхъ фронтахъ. Къ несчастію снѣгъ, падающій безъ перерыва въ теченіи нѣсколькихъ дней, не допускаетъ возможности предвидѣть ближайшій срокъ. Но въ тотъ день, когда моя армія сможетъ двинуться впередъ, вы можете быть увѣрены, что она атакуетъ со всей возможной силой.

Я отвѣчаю, что битва при Верденѣ — самая критическая дата войны, и что рѣшающая фаза операціи не замедлитъ сказаться. Я закончилъ, сказавъ, что союзныя правительства должны спѣшить съ урегулированіемъ крупныхъ дипломатическихъ вопросовъ, которые подлежатъ рѣшенію къ моменту заключенія мира.

— Вотъ почему я обращаю вниманіе Вашего Величества на переговоры только что закончившіеся соглашеніемъ между французскимъ и британскимъ правительствами по вопросу о Малой Азіи и о которыхъ Сазоновъ поставитъ васъ въ извѣстность завтра. Я не сомнѣваюсь, что ваше правительство отнесется весьма либерально къ законнымъ требованіямъ правительства республики.

И я излагаю ему основныя нити соглашенія; на это онъ обрисовываетъ мнѣ въ отвѣтъ картину будущаго устройства Арменіи.

— Это одна изъ самыхъ сложныхъ проблемъ, — говоритъ онъ мнѣ, — которую я не обсуждалъ еще съ моими министрами. И лично я не мечтаю ни о какомъ завоеваніи Арменіи, кромѣ Эрзерума и Трапезунда, какъ весьма важныхъ стратегическихъ пунктовъ Кавказа, обладаніе коими ввиду этого необходимо. Но я безъ колебаній обѣщаю вамъ, что мое правительство при пересмотрѣ этого вопроса внесетъ тотъ духъ дружелюбія, который Франція проявляла по отношенію къ Россіи.

Я настаиваю на неотложности рѣшенія вопроса о Малой Азіи:

— Въ часъ заключенія мира союзники окажутся особенно сплоченными передъ лицомъ Германіи, если они разрѣшаютъ заранѣе всѣ вопросы, могущіе ихъ разъединить. Вопросъ о Константинополѣ, Персидскій вопросъ, Трансильванія должны считаться уже рѣшенными съ настоящаго времени. Поспѣшимъ же прійти къ заключенію въ вопросѣ о Малой Азіи.

Эта аудіенція, длившаяся болѣе часа, оставляетъ во мнѣ впечатлѣніе, что государь императоръ находится въ хорошемъ состояніи духа и что онъ бодро смотритъ на будущее. Теперь для меня выявились также и нѣкоторыя стороны его натуры: простота, мягкость, благожелательность, неизмѣняющая память, прямолинейность намѣреній, мистицизмъ, не-

увѣренность въ своихъ силахъ и вслѣдствіе этого необходимость постоянной внѣшней и доминирующей поддержки.

Среда, 15 марта.

Счастливой и удачной можно назвать идею, побудившей императора Николая II къ основанію «Народнаго Дома».

Позади Петропавловской крѣпости, на берегу Кронверскаго канала стоитъ обширное зданіе, заключающее въ себѣ концертные и театральные залы, кинематографъ, фойэ и рестораны. Постройка носитъ отпечатокъ необычайной простоты. Архитекторъ задался главной цѣлью соорудить большія помѣщенія крайне удобно расположенныя; вполнѣ цѣлесообразныя и соотвѣтствующія своимъ цѣлямъ. Мысль царя заключалась въ томъ, чтобы дать возможность дешевыхъ развлеченій народу въ хорошо устроенныхъ и теплыхъ помѣщеніяхъ; онъ также видѣлъ въ этомъ средство для борьбы съ деморализующимъ вліяніемъ кабаковъ и вреднымъ дѣйствіямъ алкоголя, такъ какъ водка не попадаетъ въ это заведеніе... Это начинаніе замѣчательно привилось и даже стало моднымъ. Самые знаменитые артисты, первоклассные виртуозы, лучшіе оркестры считаютъ честью выступать въ Народномъ Домѣ.

Низшіе классы за 20 коп. имѣютъ возможность знакомиться съ лучшими музыкальнами и драматическими произведеніями. Ложи и нѣсколько рядовъ креселъ въ партерѣ расцѣниваются по 2—3 рубля для людей болѣе состоятельныхъ; принято ходить туда крайне просто одѣтымъ и залъ всегда переполненъ. Въ этотъ вечеръ въ «Донъ-Кихотъ» Массенэ поетъ Шаляпинъ. Я пригласилъ въ мою ложу княгиню Д., госпожу П. и Сазонова. Уже не первый разъ слушаю я здѣсь эту оперу. Произведеніе само по себѣ, по правдѣ сказать, не изъ удачныхъ, слишкомъ чувствуются въ немъ недостатки старѣющаго таланта, какая-то торопливость и искусственное и банальное развитіе дѣйствія. Но Шаляпинъ съумѣлъ въ злоключеніяхъ Гидальго выявить все своеобразіе, стиль, широту и драматизмъ своего таланта. Каждый разъ мнѣ бросался въ глаза тотъ животрепещущій интересъ, который вызывали въ публикѣ даваемый Шаляпинымъ обликъ «Донъ-Кихота» и выпуклость дѣйствія. Мнѣ хотѣлось понять причину этого. На первый взглядъ романъ Сервантеса, этотъ шедевръ юмора, здраваго смысла, житейской мудрости и легкой сатиры и скептицизма не таитъ въ себѣ ничего русскаго; но по нѣкоторому размышленію мнѣ открылись нѣкоторыя черты, которыя должны затрагивать струны русской души, а именно: великодушіе, сострадание, смиреніе и прежде всего стремленіе къ идеалу, сильнѣйшее тяготѣніе къ абсолютной идеѣ, наклонность къ мечтательности, постоянное смѣшеніе галлюцинацій и дѣйствительности. Послѣ сцены смерти, въ которой Шаляпинъ превосходитъ самого себя, Сазоновъ говоритъ: — «Это верхъ достиженія въ искусствѣ, это просто божественно, это что-то почти неземное».

Четвергъ, 16 марта.

Сазоновъ заявляетъ мнѣ, что императорское правительство признаетъ соглашеніе, заключенное между кабинетомъ Парижа и Лондона по вопросу о Малой Азіи, что же касается Курдистана, то Россія намѣрена его аннексировать, такъ же какъ и районы Трапезунда, Эрзерума, Битлиса и Вана. Въ качествѣ компенсаціи Сазоновъ предлагаетъ Франціи районы Діарбехира, Карпура и Сиваса. Въ согласіи Бріана я не сомнѣваюсь и вопросъ можетъ считаться такимъ образомъ рѣшеннымъ.

Суббота, 18 марта.

Верховная комиссія, созданная государемъ для выясненія виновности генерала Сухомлинова въ недостаточномъ снабженіи арміи снарядами и въ безпорядкахъ, царящихъ въ военномъ вѣдомствѣ, закончила свои работы съ заключеніемъ о необходимости преданія бывшаго военнаго министра суду. Николай II утвердилъ это заключеніе. Втайнѣ генералъ Сухомлиновъ считается исключеннымъ изъ Государственнаго Совѣта.

Вторникъ, 21 марта.

Эпопея Вердена продолжаетъ служить предметомъ всеобщаго восхищенія, чему я ежедневно являюсь свидѣтелемъ. Къ этому примѣшивается, каждый разъ становящееся все болѣе горькимъ, чувство сознанія безсилія, въ которомъ находится русская армія. Чтобы удовлетворить общественное настроеніе императоръ отдалъ приказъ объ энергичномъ наступленіи къ югу отъ Двины въ направленіи Вильно, несмотря на неблагопріятныя условія времени года. Ожесточенные бои идутъ днемъ и ночью возлѣ озера Нарочъ. Нѣмцы потеряли вчера нѣсколько деревень. Генералъ Алексѣевъ послалъ сегодня генералу Жоффру слѣдующую телеграмму:

> Государь императоръ поручилъ мнѣ черезъ Ваше посредство передать 20 французскому корпусу чувства его искренняго восхищенія и глубокаго преклоненія передъ геройскимъ упорствомъ въ битвѣ при Верденѣ. Его Величество твердо увѣренъ, что подъ командованіемъ доблестныхъ вождей, французская армія, вѣрная своимъ славнымъ традиціямъ, заставитъ своего грознаго противника молить о пощадѣ. Съ своей стороны я счастливъ засвидѣтельствовать Вамъ чувства самого высокаго моего восхищенія передъ доблестью проявленной французской арміей въ жестокихъ и тяжелыхъ бояхъ. Вся русская армія съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за подвигами арміи французской. Она шлетъ ей горячій, братскій привѣтъ и ждетъ лишь приказа, чтобы во имя полной побѣды ринуться въ бой противъ общаго врага.
>
> *Алексѣевъ.*

Среда, 20 марта.

Я вторично посѣщаю сегодня вечеромъ Народный Домъ, чтобы послушать Шаляпина въ «Борисѣ Годуновѣ» — его главной роли.

Лиризмъ Пушкина, реализмъ Муссорскаго и мощь драматическаго таланта Шаляпина переплетаются такъ удачно, что производятъ на зрителя неизгладимое впечатлѣніе. Полная трагизма исторія Лжедимитрія изображается въ рядѣ картинъ поразительной красочности и силы: это весь синтезъ эпохи. Чувствуешь себя, какъ бы перенесеннымъ въ обстановку драмы; она заставляетъ, въ извѣстной степени, переживать вмѣстѣ съ дѣйствующими лицами чувство страха, слабости, ихъ испугъ и галлюцинаціи. Когда Кремлевскій колоколъ возвѣщаетъ москвичамъ агонію самодержца, когда Борисъ, прослѣдуемый призракомъ мученика-цесаревича, терзаемый душевно, съ потупившимся взоромъ, въ шатающейся походкѣ и конвульсивными жестами, приказываетъ принести ему монашеское одѣяніе, надѣваемое всѣми умирающими царями, трагизмъ пьесы достигаетъ апогея.

Во время послѣдняго акта, находящаяся въ моей ложѣ госпожа С. обращаетъ мое вниманіе на ту доминирующую роль, которая отведена въ дѣйствіи народнымъ массамъ яркая толпа, окружающая главныхъ лицъ, не представляетъ собою индеферентной и пассивной массы фигурантовъ и статистовъ. Наоборотъ, она активна; она присутствуетъ во всѣхъ пережитіяхъ сценарія, безпрестанно появляясь на первомъ планѣ. Многочисленныя народныя массы необходимы по ходу и смыслу драмы. Сквозь всю пьесу чувствуется вліяніе темныхъ и фатальныхъ силъ, бывшихъ всегда рѣшающими въ важнѣйшіе моменты русской исторіи. Этимъ и объясняется сосредоточенное вниманіе публики. Госпожа С. добавляетъ:

— Вы можете быть увѣрены, что въ этой залѣ сотни, быть можетъ даже тысячи людей смотрятъ на эту пьесу сквозь призму современныхъ событій, и которымъ мерещится уже призракъ надвигающейся революціи.... Я наблюдала вблизи аграрныя волненія 1905 года, во время которыхъ мнѣ пришлось быть у себя въ деревнѣ подъ Саратовымъ. Увѣряю васъ, что не политическіе и соціальные идеалы близки нашему народу и вдохновляютъ его, онъ ничего не понимаетъ въ нихъ. Но зато его зажигаютъ драматическіе эпизоды, шествія съ красными флагами, иконами и религіозными пѣснопѣніями, стрѣльба, массовыя убійства, похороны, сцены пьянства и разрушенія, грабежи и въ особенности пожары, столь эффектные среди ночи...

Госпожа С., темпераментная по натурѣ, сама возбуждается этими описаніями, какъ будто она присутствуетъ при этихъ зловѣщихъ картинахъ, описываемыхъ ею. Затѣмъ, внезапно остановившись, она серьезно и задумчиво продолжаетъ:

— Мы — театральная раса... Мы прежде всего артисты, мы слишкомъ мечтательны, слишкомъ музыкальны... и это кончится для насъ скверно..., — и она умолкаетъ съ выраженіемъ затаеннаго ужаса въ глубинѣ большихъ, свѣтлыхъ глазъ.

Четвергъ, 23 марта.

Обѣдъ въ посольствѣ. Я пригласилъ человѣкъ 20 русскихъ, среди которыхъ Шебеко, бывшій посолъ въ Вѣнѣ въ 1914 году и затѣмъ нѣсколькихъ поляковъ, въ томъ числѣ графа Іосифа Потоцкаго съ супругой, князя Станислава Радзивиллъ, графа Вячеслава Велепольскаго и еще нѣсколькихъ англичанъ находящихся здѣсь проѣздомъ.

Послѣ обѣда я бесѣдую отдѣльно съ Потоцкимъ и Велепольскимъ. Оба, намекая на свѣдѣнія, приходящія черезъ Швецію изъ Берлина, говорятъ одно и то же: — «Мы допускаемъ, что Франція и Англія выйдутъ въ концѣ концовъ побѣдительницами. Но Россія уже теперь проиграла игру; во всякомъ случаѣ ей не видать никогда Константинополя и свое примиреніе съ Германіей она купитъ цѣною Польши. Штюрмеръ же будетъ служить орудіемъ для этой цѣли.»

Воскресенье, 26 марта.

У Вердена ужасные бои продолжаются. Несмотря на сильные холода и обиліе снѣга, русскіе атаками на Двинѣ пытаются придти намъ на помощь. Вчера они достигли значительныхъ успѣховъ въ районѣ Якобштадтѣ и къ западу отъ озера Нарочъ.

Понедѣльникъ, 27 марта.

Психологія русскихъ преступниковъ — захватывающе интересна. Она представляетъ собою богатый матеріалъ для соціолога, врача и юриста. Для всесторонняго изученія, источникъ этотъ оригиналенъ, разнорѣчивъ, часто парадоксаленъ и подчасъ таитъ въ себѣ крупныя неожиданности. Ни у одного другого народа драмы совѣсти, проблемъ личной отвѣтственности и уголовной санкціи не представляютъ изъ себя такого запутаннаго и сложнаго положенія, почему русскіе романтики и драматурги и избрали психологію «души преступника» главной темой своихъ твореній. Мой переводчикъ даетъ мнѣ каждое утро отчетъ о прессѣ, такъ что я «au courant» всей судебной хроники и судя по ней я вижу, что творческая фантазія писателей не далека отъ реализма и часто даже его превосходитъ. Обыкновенно здѣсь приходится присутствовать при внезапномъ пробужденіи совѣсти и религіознаго чувства, сейчасъ же вслѣдъ за преступленіемъ и дикимъ проявленіемъ злобы, мести или жадности. Я еще разъ указываю на то, что религіозныя возрѣнія русскаго руководствуются исключительно Евангеліемъ. Въ душѣ у самихъ заблудшихся таится понятіе о грѣхѣ, раскаяніе и жажда искупленія. Послѣ пароксизма и перваго потрясенія, вызванныхъ совершеннымъ преступленіемъ, преступникъ почти всегда «углубляется въ себя».

Съ потупленной головой, съ потухшимъ взоромъ и складками горечи на лбу, погружается онъ въ состояніе боязливаго отчаянія и полнаго унынія, чтобы всецѣло потомъ отдаться одному только чувству, одной неотвязчивой идеѣ. Онъ испытываетъ страхъ, угрызенія совѣсти и неудержимаго желанія признаться и искупить свой грѣхъ. Тогда онъ падаетъ ницъ передъ иконами, ожесточенно бьетъ себя въ грудь и страстно взываетъ ко кресту. Онъ твердо вѣритъ въ то, что Богъ проститъ, какъ только узритъ угрызенія совѣсти и раскаяніе въ душѣ, а въ этомъ отношеніи мысли и слова Паскаля всегда примѣнимы къ нему. Въ романѣ Достоевскаго «Подростокъ» описанъ случай, ярко иллюстрирующій мои слова. Дѣйствующее лицо — солдатъ, только что отбывшій годы службы и вернувшійся къ себѣ въ деревню. Послѣ полковой жизни деревенская обстановка кажется ему невыносимой, точно также какъ и его односельчане-мужики уже не могутъ привыкнуть къ нему. Онъ начинаетъ запивать, сбиваться съ пути, а въ одинъ прекрасный день пускается на грабежъ на большой дорогѣ. Подозрѣнія вскорѣ же падаютъ на него и хотя и нѣтъ прямыхъ уликъ его все-таки арестовываютъ. На судѣ, передъ которымъ онъ предстаетъ, и на которомъ защитнику почти удается реабилитировать его, обвиняемый, однако, неожиданно встаетъ и прерываетъ рѣчь адвоката: — «Постой. Погоди, дай мнѣ сказать, я разскажу, какъ было дѣло...» и онъ выкладываетъ всю правду «до послѣдней крупинки». Рыдая, бьетъ онъ себя въ грудь и кричитъ о раскаяніи. Глубоко растроганные присяжные удаляются въ комнату для совѣщанія, чтобы вернуться черезъ нѣсколько минутъ съ заключеніемъ: «Не виновенъ».

Публика аплодируетъ и судьи произносятъ ему оправдательный вердиктъ. Бывшій солдатъ, очутившійся на свободѣ долго не двигается съ мѣста и затѣмъ охваченный какимъ-то оцѣпененіемъ, какъ бы не замѣчая окружающаго, выходитъ на улицу.

Слѣдующій день, послѣ безсонно проведенной ночи, не приноситъ ему покоя; онъ молчитъ, не ѣстъ и не пьетъ и на пятый день его находятъ повѣсившимся. Одинъ изъ персонажей романа, мужикъ Макаръ Ивановичъ, которому разсказываютъ эту исторію, глубокомысленно изрѣкаетъ: «Вотъ, братцы, что значитъ маяться съ грѣхомъ на душѣ».

Среда, 29 марта.

Сегодня меня посѣтилъ Коковцовъ, бывшій предсѣдатель Совѣта Министровъ, патріотизмъ и здравый умъ котораго я высоко ставлю. Какъ всегда настроеніе у него пессимистическое; мнѣ даже кажется, что онъ съ трудомъ сдерживаетъ готовыя вырваться слова о безнадежности положенія.

Очерчивая въ общихъ контурахъ внутреннее состояніе Россіи, онъ останавливается особенно на все растущей дез-

организацiи въ средѣ духовенства. Съ оттѣнкомъ горечи и дрожью въ голосѣ онъ подъ конецъ говоритъ:

— Духовные круги нашей страны смогутъ не долго выдержать, выпавшiя на ихъ долю тяжелыя испытанiя. Епископы и высшая iерархiя подпали всецѣло влiянiю распутинской клики. Это похоже на прилипчивую болѣзнь, гангрену, разъѣдающiя всѣ высшiе органы церкви. У меня подчасъ навертываются слезы стыда, когда я представляю себѣ тотъ недостойный торгъ, тѣ безобразiя, что творится въ канцелярiи Св. Сvнода . . . Но мнѣ мерещится въ будущемъ церкви, и я говорю о близкомъ будущемъ, и другая опасность, не менѣе грозная: это наростанiе революцiонныхъ идей среди низшаго духовенства, въ особенности среди молодыхъ священниковъ. Вы и представить себѣ не можете, въ какой нищетѣ живутъ наши попы, какъ въ матерiальномъ, такъ и въ духовномъ отношенiи. Священникъ нашихъ деревенскихъ приходовъ почти всегда живетъ въ бѣдности, заставляющей его часто забывать о своемъ званiи, достоинствѣ, это отнюдь не способствуетъ поддержанiю уваженiя къ его рясѣ и несомымъ имъ обязательствамъ. Крестьяне презираютъ его за лѣность и пьянство; къ тому же имъ приходится вѣчно торговаться съ нимъ о цѣнѣ за службы и требы и они не стѣсняются открыто поносить его. Вы не сможете и вообразить себѣ сколько обиды и желчнаго чувства скапливается иногда въ душѣ этого попа . . . Нашими соцiалистами все это было ловко учтено и использовано; двѣнадцать лѣтъ не переставая, ведутъ они активную пропаганду среди сельскихъ священниковъ и особенно среди молодыхъ. Они вербуютъ, такимъ образомъ, не только солдатъ грядущей анархiи, но создаютъ и вдохновителей - вождей, которымъ несомнѣнно суждено будетъ увлечь нашу темную, мистически настроенную толпу. Вспомните роковую роль отца Гапона въ безпорядкахъ 1905 года, магически дѣйствовавшаго на окружающихъ. Одно освѣдомленное лицо заявило мнѣ вчера, что революцiонная пропаганда проникаетъ уже въ духовныя семинарiи. Какъ вамъ извѣстно, всѣ семинаристы — сыновья священниковъ, и большинство изъ нихъ лишено всякихъ средствъ. Воспоминанiя, которыя многiя изъ нихъ приносятъ съ собой изъ деревни, ставятъ ихъ невольно въ ряды «Униженныхъ и оскорбленныхъ» Достоевскаго, головы которыхъ достаточно подготовлена для воспрiятiя Евангелiя и сѣмени соцiализма. Чтобы въ конецъ затемнить ихъ разсудокъ, имъ стоитъ разсказать лишь скандальныя исторiи о Распутинѣ, чтобы возстановить ихъ окончательно противъ церковной iерархiи . . .

Четвергъ, 30 марта.

Дума только что закончила обсужденiе смѣты Министерства Иностранныхъ Дѣлъ при закрытыхъ дверяхъ. Сазонову пришлось нѣсколько разъ говорить. Его открыто высказанное мнѣнiе, патрiотизмъ и искренность вызвали къ нему чувство всеобщаго уваженiя и симпатiи. Съ этой стороны все идетъ хорошо.

Но, что касается области внутренней политики, то отношенія между правительственными сферами и высокимъ собраніемъ становятся съ каждымъ днемъ все болѣе натянутыми и проникнутыми взаимнымъ недовѣріемъ. Два мѣсяца власти Штюрмера заставляютъ съ сожалѣніемъ вспоминать о Горемыкинѣ. Среди бюрократіи соревнованіе въ реакціонности, какъ бы желаніе создать преднамѣренный и тяжелый кризисъ.

Группа крайнихъ лѣвыхъ Думы крайне возбуждена послѣднимъ событіемъ, послѣдовавшемъ на дняхъ, а именно приговоромъ Петроградской Судебной Палаты, коимъ 5 депутатовъ соціалъ-демократической фракціи съ главаремъ революціонной пропаганды среди нихъ обрекаются къ ссылкѣ въ Сибирь. Исторія ихъ ареста связана еще съ ноябремъ 1914 года, когда Ленинъ открылъ въ Швейцаріи, въ качествѣ эмигранта свою пропаганду пораженцевъ подъ лозунгомъ: «Русскимъ соціалистамъ желательна побѣда Германіи, т. к. пораженіе Россіи поведетъ къ крушенію царизма»...

Пять депутатовъ: Петроковскій, Шаговъ, Бадаевъ, Муратовъ и Самойловъ были обвинены въ измѣнѣ и подготовкѣ революціоннаго возстанія въ арміи. Знаменитый петроградскій адвокатъ Соколовъ и депутатъ-трудовикъ Керенскій талантливо представляли защиту; приговоръ все-таки послѣдовалъ суровый. Въ своей защитительной рѣчи Керенскій, между прочимъ, сказалъ:

— Никогда не было у обвиняемыхъ и мысли о подготовкѣ во время войны революціи и никогда не было ихъ завѣтнымъ желаніемъ пораженіе нашей арміи. Никогда не было у нихъ намѣренія протянуть руку врагу черезъ головы тѣхъ, кто, жертвуя жизнью, защищаетъ родину; наоборотъ, они боялись того, чтобы русскіе реакціонеры не заключили союза съ реакціонерами Германіи....

Эти слова, указывающія на общность идеи русскаго самодержавія и прусскаго абсолютизма, къ сожалѣнію не вполнѣ безпочвенны. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю вполнѣ доказанными тотъ путь измѣны, который взяли русскіе соціалисты, пользуясь для этого демагогіей и худшими инстинктами рабочихъ, крестьянъ и солдатъ.

Суббота, 1 апрѣля.

Я отправляюсь къ Штюрмеру, чтобы переговорить съ нимъ по подлежащимъ его вѣдѣнію административнымъ вопросамъ. Съ медовымъ акцентомъ голоса, съ подкупающими жестами и любезной улыбкой на лицѣ онъ забрасываетъ меня тысячью обѣщаній.

— Ваше Превосходительство, я дамъ распоряженіе моимъ канцеляріямъ, чтобы все возможное для васъ было бы сдѣлано, а то, что останется невыполненнымъ, я сдѣлаю самъ.

Я принимаю къ свѣдѣнію эти любезныя слова, и затѣмъ обращаюсь къ нему уже не какъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, но какъ къ предсѣдателю Совѣта Министровъ. Я говорю ему о трудностяхъ непрестанно чинимыхъ бюрокра-

тіей въ отношеніи частной промышленности, работающихъ на оборону и привожу ему нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ не только о злой воли, но и небрежности и халатности зависящихъ офиціальныхъ инстанцій.

— Я усиленно ходатайствую передъ вами, — говорю я, — чтобы вашимъ высокимъ авторитетомъ былъ положенъ конецъ этимъ злоупотребленіямъ, носящимъ скандальный характеръ.

— О! Скандальныя! — это пожалуй слишкомъ сильно сказано, господинъ посолъ. Все, что я могу допустить, такъ это то, что были допущены нѣкоторыя упущенія и я очень благодаренъ, что вы указали мнѣ на нихъ.

— Нѣтъ, господинъ предсѣдатель, факты, о которыхъ я докладываю вамъ, свидѣтельствуютъ не только о необходимости; они скорѣе указываютъ на опредѣленную систему саботажа, почти враждебности.

Съ видимостью удрученія на лицѣ, прижавъ руку къ сердцу, онъ старается увѣрить меня въ патріотизмѣ, рвеніи и безукоризненной честности администраторовъ имперіи.

Я настаиваю тѣмъ не менѣе на правильности сообщенныхъ мною фактовъ и съ цифрами въ рукахъ доказываю, что Россія могла бы свободно утроить и учетверить свои усилія, въ то время, какъ Франція напрягаетъ всѣ свои силы. На это онъ восклицаетъ:

— Да. Но мы потеряли на поляхъ сраженій милліонъ жизней.

— Потери Франціи, въ такомъ случаѣ, въ четыре раза больше.

— Какимъ образомъ.

— Расчетъ очень простой. Россія насчитываетъ 180 милліоновъ населенія, а Франція 40. Чтобы потери были равны, вы должны были потерять въ четыре раза больше нашего, однако потери французскихъ армій превышаютъ къ настоящему времени, если не ошибаюсь 800 000 человѣкъ..., причемъ я говорю лишь о числовой эквивалентности.

Онъ воздѣваетъ глаза къ небу:

— Я не умѣлъ никогда высчитывать и единственно, что я могу вамъ возразить, это то, что наши бѣдные мужички не торгуясь отдаютъ свои жизни.

— Я знаю, ваши «мужики» достойны восхищенія и не на нихъ приходится мнѣ жаловаться, а на вашихъ чиновниковъ.

Начальнически наморщивъ брови и величественно выпрямляясь, онъ отвѣчаетъ мнѣ на это:

— Обо всемъ, что вы изволили мнѣ докладывать, господинъ посолъ, я наведу справки и постараюсь все это провѣрить и какъ только будутъ найдены упущенія, такъ тотчасъ же онѣ безжалостно будутъ пресѣчены въ корнѣ. Въ данномъ случаѣ положитесь на мою энергію.

Я наклоняю голову въ знакъ благодарности. Тѣмъ же тономъ онъ продолжаетъ:

— Я очень мягокъ по природѣ, но я не останавливаюсь ни передъ какими строгостями, когда дѣло идетъ о службѣ

императору и Россіи. Поэтому вы, Ваше Превосходительство, можете всецѣло положиться на меня. Все пойдетъ гладко съ Божьей помощью.

Разставаясь съ нимъ, я жалѣю однако, что онъ не понялъ или не захотѣлъ понять меня и моихъ намековъ, когда я говорилъ о эквивалентности цифръ потерь Франціи и Россіи. Я хотѣлъ дать ему возможность проникнуться мыслью, что при расчетѣ потерь обоихъ союзниковъ цифровой факторъ далеко еще не главный. Въ отношеніи культуры и какъ продуктъ цивилизаціи, французъ и русскій стоятъ на различной высотѣ. Русская имперія — одна изъ самыхъ отсталыхъ въ мірѣ: на 180 миллюновъ населенія 15 милліоновъ не умѣютъ ни читать, ни писать; и подлѣ этой невѣжественной, первобытной массы представить себѣ нашу армію, солдаты которой всѣ развиты, громадное количество ихъ люди получившіе хорошее, подчасъ даже утонченное образованіе, это цѣлый легіонъ молодыхъ людей науки, изысканнаго вкуса и таланта, это свѣточь и квинтъэссенція всего человѣчества. Въ этомъ отношеніи наши потери несоизмѣримы конечно съ русскими. Говоря такимъ образомъ, я все же отлично понимаю, что съ точки зрѣнія морали и жизнь низшаго существа имѣетъ такую же безграничную цѣнность, въ особенности когда она приносится въ жертву идеала и что безнравственно было бы въ этомъ смыслѣ сказать мужику, идущему на смерть: «Ты не умѣешь ни читать, ни писать и твои огрубѣлыя руки только для сохи и созданы. Нечего тебѣ, поэтому, цѣпляться за жизнь...» Я далекъ отъ презрѣнія къ этимъ сѣрымъ героямъ, но съ политической точки зрѣнія, въ отношеніи жертвъ, несомыхъ союзниками, доля французовъ несомнѣнно первая по величинѣ.

Воскресенье, 2 апрѣля.

Военный министръ, генералъ Поливановъ, устраненъ отъ должности и замѣненъ генераломъ Шуваловымъ, весьма ограниченнымъ по уму человѣкомъ. Опала и увольненіе генерала Поливанова — очень чувствительная потеря для «державъ согласія». Онъ сдѣлалъ все, что было въ его силахъ, чтобы привесть въ порядокъ дѣла военнаго министерства. Имъ были исправлены, насколько было возможно, ошибки его предшественника генерала Сухомлинова и были выведены волокита, взяточничество и обманъ, царившіе тамъ. Онъ былъ не только великолѣпнымъ администраторомъ, талантливымъ, методичнымъ и при этомъ честнымъ и скромнымъ, но и обладалъ еще въ высокой степени тѣмъ стратегическимъ чутьемъ, которымъ генералъ Алексѣевъ, не любившій выслушивать чужихъ совѣтовъ, весьма часто пользовался.

Безукоризненно-лойяльный человѣкъ, но либеральныхъ при этомъ воззрѣній, онъ насчитывалъ въ Думѣ многихъ друзей среди «октябристовъ» и «кадетъ», возлагавшихъ на него большія надежды. Онъ служилъ какъ бы громоотводомъ при существующемъ режимѣ, для защиты послѣдняго отъ деспотичнаго самодержавія и крайностей революціи.

Довѣріе къ нему думскихъ круговъ лишь расхолаживало отношеніе къ нему императрицы и дискредитировало его въ ее глазахъ. Особеннымъ поводомъ для злословія по его адресу служили его отношенія съ предсѣдателемъ фракціи октябристовъ Гучковымъ, «личнымъ врагомъ Ихъ Величествъ». Въ результатѣ всей этой травли государю пришлось пожертвовать лишній разъ, благодаря слабости своего характера, однимъ изъ лучшихъ своихъ служакъ.

Тѣмъ не менѣе меня увѣряютъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, что отставка генерала Поливанова отнюдь не означаетъ перемѣны внутренней политики въ имперіи и что государь продолжаетъ давать Штюрмеру инструкціи въ смыслѣ избѣжанія всякихъ конфликтовъ съ Думой.

Четвергъ, 6 апрѣля.

Послѣ непродолжительной болѣзни скончался Максимъ Ковалевскій.

Родившись въ 1851 году — профессоръ Московскаго университета, онъ былъ выборнымъ отъ Москвы членомъ Государственнаго Совѣта однимъ изъ столповъ кадетской партіи.

Юристъ до мозга костей, онъ обладалъ особымъ качествомъ, рѣдкимъ не только въ Россіи, но пожалуй и во всемъ мірѣ: терпимостью. Юдофобство возмущало его сердце и совѣсть. Говоря со мной однажды по поводу гоненій на евреевъ онъ выразился словами Стюарта Милля: — «Цивилизованная нація не должна имѣть паріевъ среди своихъ членовъ». Въ нашей бесѣдѣ онъ сказалъ, между прочимъ, что не строитъ себѣ иллюзій относительно того тяжелаго состоянія, въ которомъ находится Россія, охваченная серьезнымъ недугомъ, и что онъ не закрываетъ глазъ передъ колоссальными трудностями для преодолѣнія его. Въ результатѣ государственная постройка должна неизбѣжно рухнуть. Больше всего пугало его невѣжество народныхъ массъ и здѣсь онъ опять думалъ словами Стюарта Милля: — «Первымъ условіемъ для проведенія реформы всеобщаго избирательнаго права должно быть предварительное всеобщее обученіе».

Пропорціонально числу населенія, Россія, послѣ Китая, имѣетъ наименьшее количество образованныхъ и развитыхъ людей. Это — страна, соціальный и «генеральный штабъ» которой наименѣе многочисленъ, какъ по количеству, такъ и по своему качеству. Для національной Россіи смерть Максима Ковалевскаго является поэтому весьма чувствительной потерей.

Понедѣльникъ, 10 апрѣля.

Я обѣдаю въ ресторанѣ «Донона». Со мной графъ и графиня Потоцкіе, князь Константинъ Радзивиллъ съ племянницею княжной С. Радзивиллъ, графъ Броэль-Плятеръ, графъ Владиславъ Велепольскій и др.

Колоритъ нашей комнаты — чисто польскій и всѣ говорятъ со мной свободно и непринужденно. Высказываемыя мнѣнія, сопоставленія, приводимые факты имѣютъ цѣлью

доказать, что эта война, которая заставляетъ напрягать всю военную и политическую организацію воюющихъ странъ, во многомъ не по силамъ матеріальнымъ и моральнымъ рессурсамъ Россіи.

Послѣ обѣда Велепольскій беретъ меня подъ руку и окончательно раскрываетъ передо мной свою душу.

— Я получилъ образованіе въ Берлинскомъ университетѣ и скажу откровенно, что время моего пребыванія тамъ оставило во мнѣ глубокій слѣдъ, чтобы не сказать даже весьма пріятное воспоминаніе. Это не мѣшаетъ мнѣ ненавидѣть Пруссію и быть лойяльнымъ вѣрноподданнымъ императора Николая; но я не могу отдѣлаться вполнѣ отъ моего нѣмецкаго воспитанія, когда начинаю мыслить по поводу россійскихъ дѣлъ...

И онъ начинаетъ доказывать мнѣ съ подробной исторической аргументаціей, что Россія, несмотря на внѣшность колосса, представляетъ собою самую слабую изъ воюющихъ государствъ страну и что она уже готова выдохнуться. Главной причиной этого онъ считаетъ крайнюю ограниченность ея продуктивной способности, какъ слѣдствіе культурности, а вторымъ по степени важности факторомъ является то, что русское національное чувство недостаточно еще закалено для длительной и упорной борьбы.

Вторникъ, 11 апрѣля.

Третьяго дня битва при Верденѣ достигла кажется пароксизма ожесточенія, доходящаго почти до кошмара. Лавины бѣшенныхъ атакъ нѣмцевъ были, однако, побѣдоносно отражены. Порывъ французовъ достигъ небывалыхъ еще въ исторіи размѣровъ и Сазоновъ почувствовалъ это, съ волненіемъ выражая мнѣ сегодня утромъ свое восхищеніе.

Среда, 12 апрѣля.

Графъ Константинъ Броэль-Плятеръ ѣдетъ на дняхъ для совѣщанія со своими соотечественниками въ Парижъ, Лондонъ и Лозану.

Я пригласилъ его сегодня утромъ къ завтраку и вмѣстѣ съ нимъ графа Владислава Велепольскаго и Іосифа Потоцкаго; больше никого, чтобы не помѣшать нашей свободѣ. Интимный разговоръ, который я имѣлъ вчера съ Сазоновымъ, позволилъ мнѣ попрежнему завѣрить ихъ, что императоръ держится по старому своихъ либеральныхъ намѣреній въ отношеніи Польши.

Велепольскій отвѣчаетъ мнѣ на это:

— Я нисколько не сомнѣваюсь въ доброжелательности государя и Сазонова. Но Сазоновъ можетъ со дня на день исчезнуть съ политическаго горизонта и кто поручится тогда, что государь не измѣнитъ себѣ. Плятеръ высказывается въ томъ смыслѣ, что союзникамъ слѣдовало бы взять польскій вопросъ въ свои руки и постараться сдѣлать его интернаціональнымъ.

Я энергично возражаю противъ этого. Стремленіе интернаціонализировать польскій вопросъ привело бы къ взрыву негодованія національныхъ круговъ имперіи и парализовало бы всѣ симпатіи широкихъ слоевъ общества, которыми онъ до сихъ поръ пользовался. Самъ Сазоновъ отвернулся бы отъ насъ и шайкѣ Штюрмера были бы даны всѣ карты для обвиненія демократическихъ державъ запада въ желаніи использовать союзныя отношенія для вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Я прибавилъ къ этому:

— Вамъ извѣстно, что симпатіи французскаго правительства всецѣло на вашей сторонѣ и въ томъ лучшая для васъ гарантія для активной поддержки въ будущемъ. Но чтобы результаты нашего вліянія въ этомъ вопросѣ были болѣе осязательны, намъ нужно дѣйствовать безъ шума, избѣгая всякаго офиціальнаго выступленія. Что касается лично меня, то я не теряю ни одного удобнаго случая, чтобы не выпытывать у императорскихъ министровъ ихъ планы относительно Польши и мнѣ извѣстны всѣ сомнѣнія и колебанія, которыя вызываетъ вопросъ о провозглашеніи польской автономіи. Всѣ, хотя бы и частныя деклараціи по этому поводу (даже самъ Штюрмеръ никогда не смѣлъ осуждать при мнѣ политику государя) создаютъ какъ-никакъ атмосферу моральнаго обязательства, что позволитъ французскому правительству взять авторитетный тонъ въ нужную минуту.

Плятеръ обѣщаетъ мнѣ въ такомъ же духѣ говорить со своими соотечественниками, но не скрываетъ препятствій, которыя ему придется преодолѣвать на этомъ пути.

Четвергъ, 14 апрѣля.

Не проходитъ и недѣли, чтобы изъ Франціи не пріѣзжали офицеры, инженеры, коммерсанты и журналисты, несмотря на опасности продолжительнаго и труднаго пути. Всѣ они и среди нихъ даже не одаренные особой наблюдательностью, говорятъ мнѣ, послѣ короткаго пребыванія здѣсь, съ чувствомъ горькаго разочарованія, о сдержанности, даже холодности, чувствующейся по отношенію къ Франціи въ либеральныхъ общественныхъ кругахъ.

Къ несчастію это правда. Для примѣра хотя бы взять офиціальный кадетскій органъ «Рѣчь», весьма скупо расточающей похвалы нашей арміи, гдѣ чаще всего обходятся молчаніемъ наши военныя операціи, но не пропускается за то случая, чтобы не подчеркнуть медлительности и ошибки нашей стратегіи. Большинство кадетской партіи, за немногими исключеніями, среди которыхъ я назову Милюкова, Шингарева и Маклакова, не отрѣшились еще отъ стараго недоброжелательства къ «державамъ согласія».

Тяжелая десятилѣтняя годовщина. Только что кончилась Манджурская война и всю Россію охватили широкой волной стачки, кровавые мятежи, погромы, покушенія и убійства административныхъ лицъ, аграрныя волненія и проч. Финансы имперіи были въ конецъ разстроены. На денеж-

номъ рынкѣ Парижа шли переговоры о займѣ въ два милліарда двѣсти пятьдесятъ милліоновъ франковъ. Наши банки и пресса считали выпускъ займа весьма заманчивой аферой, правительство республики колебалось, однако, въ разрѣшеніи этой операціи, ввиду оппозиціи нашихъ лѣвыхъ партій, требовавшихъ, чтобы контрактъ займа былъ подписанъ Думой, которая, благодаря этому, получила бы доминирующую роль. Графъ Витте всячески боролся противъ этого и положеніе радикальнаго кабинета Леона Буржуа было крайне щекотливымъ. Поддержка абсолютизма въ Россіи считалась недопустимой, разъ для этого требовалось содѣйствіе французскаго капитала. Долго шли колебанія на чью сторону стать: на сторону ли, борющагося съ автократіей, русскаго народа или же на сторону его притѣснителей. Создавшаяся къ тому времени политическая обстановка повліяла на рѣшеніе этого вопроса совершенно независимо отъ намѣреній тѣхъ или другихъ министровъ и вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ для императорскаго правительства смыслѣ. Отношенія Франціи и Германіи были натянутыя; алжизерасская конвенція была лишь дипломатической игрой и намъ доподлинно были извѣстны коварные замыслы императора Вильгельма, лично пытавшагося склонить Николая II, путемъ интригъ, къ заключенію русско-германскаго союза, который Франція должна была бы волей-неволей, признать. Былъ ли это подходящій моментъ порывать съ «императорской Россіей»? Разрѣшая въ апрѣлѣ 1906 года выпускъ русскаго займа въ Парижѣ, правительство республики осталось вѣрнымъ основному принципу нашей внѣшней политики — помогать мирному развитію русскаго колосса, какъ могущественнаго защитника нашей національной самобытности.

Среди думскихъ демократовъ это вызвало взрывъ негодованія противъ Франціи, чувство, не заглохшее еще и понынѣ.

Суббота, 15 апрѣля.

Сегодня я былъ съ визитомъ у госпожи Танѣевой, жены директора собственной Его Величества канцеляріи статсъ-секретаря Танѣева, матери госпожи Вырубовой. Я уже давно не встрѣчался съ ней, хотя мнѣ всегда доставляло удовольствіе навѣщать ее въ Михайловскомъ дворцѣ, въ старинномъ вкусѣ обставленной квартирѣ. Фамильныя семейныя традиціи обогатили ее воспоминаніями. Отецъ Танѣевой генералъ Илларіонъ Толстой былъ приближеннымъ ко двору Александра II; прадѣдъ, со стороны матери, князь Александръ Голицынъ состоялъ при намѣстникѣ Польши — великомъ князѣ Константинѣ. Въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ собственная Его Величества канцелярія имѣла директоровъ изъ рода Танѣевыхъ.

Она дала мнѣ прочесть недавно дневникъ своей бабушки, княгини Голицыной временъ польскаго возстанія 1830—1831 года. Читая его невольно удивляешься какія иллюзіи, въ отношеніи Польши, питали русскіе, и съ какимъ

великодушіемъ отнеслись они къ полякамъ, простивъ имъ ихъ старые грѣхи и какъ они отблагодарили русскихъ.

Но сегодня предметомъ нашего разговора служитъ не Польша. Я коварно завожу рѣчь о роли при дворѣ ея дочери, Вырубовой, и о причинахъ той особой благосклонности къ ней императрицы, которой она пользуется.

— О, да! — говоритъ она. — Бѣдная моя Анни очень устаетъ — никогда ни минуты отдыха... Съ тѣхъ поръ, какъ государь находится при арміяхъ, императрица завалена работой. Она должна быть въ курсѣ всего. Добрякъ Штюрмеръ совѣтуется съ ней по всякому поводу и она имъ очень довольна; моей дочери же, при этомъ, масса работы, какъ въ смыслѣ писемъ, такъ и всякихъ других хлопотъ...

Среда, 19 апрѣля.

Вчера взятъ русскими Трапезундъ. Этотъ успѣхъ вновь, вѣроятно, оживитъ, заглохнувшую было въ обществѣ мечту о Константинополѣ, которая уже казалась давно всѣми забытой.

Четвергъ, 20 апрѣля.

По заведенному обычаю, послы и полномочные посланники католическихъ странъ приглашаются сегодня въ св. четвергъ къ Пріору Мальты слушать утреннюю мессу.

Въ тѣсной церкви, разукрашенной всюду восьмиконечными крестами передъ алтаремъ великаго учителя и латинскими надписями, меня вновь, какъ и въ прошломъ году, охватываетъ духъ причудливаго прошлаго, оставленнаго здѣсь безумнымъ императоромъ Павломъ.

Какъ и въ прошломъ году, торжественная литургія настраиваетъ меня на грустный ладъ и невольно заставляетъ думать о траурѣ Франціи и безчисленномъ все растущемъ количествѣ жертвъ. Зарегистрируетъ ли когда-либо исторія этотъ некрологъ...

Затѣмъ еще разъ переносятся мысли къ героямъ Вердена такъ просто, доходя до святого самопожертвованія, и легко отдающихъ свои жизни во имя славнаго, доблестнаго французскаго имени.

Пятница, 21 апрѣля.

Въ этомъ году празднованіе Пасхи опять совпадаетъ по русскому и григоріанскому календарю.

Княгиня Д., женщина весьма свободнаго образа мыслей, уговариваетъ меня къ концу дня обойти рядъ церквей, построенныхъ среди населенныхъ простонародіемъ кварталовъ города. Она называетъ это: «ходить въ народъ».

Сдѣлавъ короткую остановку у сверкающей великолѣпіемъ Александро-Невской Лавры, мы заходимъ въ маленькую церковь Воздвиженія, что у обводнаго канала, оттуда въ Измайловскій Соборъ, въ конецъ Фонтанки и приходимъ, наконецъ, къ церквамъ Св. Екатерины и Воскресенія, возвышающейся среди фабрикъ и доковъ, прилегающихъ къ Невѣ.

Повсюду все ослѣпительно освѣщено, дивные хоры пѣвчихъ, какъ въ смыслѣ голосовъ, такъ и въ смыслѣ мастерства исполненія и глубины выражаемаго ими религіознаго чувства.

Повсюду молящіеся, охваченные набожнымъ настроеніемъ, одновременно серьезнымъ и мечтательнымъ, боязливымъ и сосредоточеннымъ.

Въ церкви Воскресенія мы задерживаемся дольше, она особенно переполнена народомъ.

Княгиня Д. подталкиваетъ меня локтемъ:

— Посмотрите, — говоритъ она, — какъ трогательно. И она указываетъ глазами на мужика, стоящаго въ двухъ шагахъ отъ насъ въ молитвѣ. Передо мной мужчина, высокаго роста, лѣтъ пятидесяти, въ потертомъ тулупѣ. Курносый, со лбомъ, покрытымъ морщинами, лысый, со впалыми щеками, покрытыми сѣдѣющей, рѣдкой бородкой, съ головой, склоненной на бокъ, онъ походитъ на чахоточнаго. Руки, скрещенныя у груди судорожно сжимаютъ фуражку... Онъ, не переставая, крестится, сложенными для молитвы пальцами, и шепчетъ посинѣвшими губами: «Господи помилуй» и тяжелые вздохи вырываются послѣ каждаго возгласа изъ его впалой груди. Затѣмъ онъ на минуту замираетъ, но выраженіе его лица пріобрѣтаетъ еще болѣе экспрессіи. Какимъ то фосфорическимъ блескомъ и даже экстазомъ горятъ его сѣрые глаза, какъ бы дѣйствительно видя что то невидимое для насъ.

Княгиня Д. прикасается опять къ моему локтю: — Смотрите, смотрите на него... Сейчасъ онъ видитъ Христа.

На обратномъ пути, провожая мою спутницу домой, мы разсуждали о религіозности русскихъ, а я цитирую слова Паскаля: «Вѣрить — это значитъ чувствовать Бога въ своемъ сердцѣ» и я спрашиваю ее, не нашла бы она возможнымъ примѣнительно къ русскимъ сказать: «Вѣра для русскаго — это ощущеніе Христа въ сердцѣ».

— О да, — восклицаетъ она. — Какъ это вѣрно.

Суббота, 22 апрѣля.

Сегодня утромъ Сазоновъ говоритъ мнѣ съ досадой: — А Братіано все продолжаетъ свою игру.

Вчера, оказывается, у него былъ съ визитомъ полковникъ Татариновъ, военный атташе въ Бухарестѣ, пріѣхавшій изъ Румыніи съ докладомъ къ государю. Соглашеніе между русскимъ генеральнымъ штабомъ и генеральнымъ штабомъ Румыніи, по вопросу о совмѣстномъ выступленіи въ Добруджѣ, легко можетъ быть реализовано, судя по его словамъ. Переговоры его по этому поводу съ генераломъ Иліеско позволили ему думать, что въ главномъ базисѣ этого соглашенія достигнуто полное взаимное пониманіе. При прощаніи съ нимъ, однако, Братіано, совершенно неожиданно, высказался въ томъ смыслѣ, что первой и главной задачей русской арміи должно быть занятіе Рущука для

защиты Бухареста противъ нападенія Болгарій. Генералъ Алексѣевъ считаетъ подобное притязаніе, совершенно не считающееся съ трудностями, которыя представляетъ собой походъ вдоль праваго берега Дуная, для преодолѣнія 250 километровъ, лишнимъ доказательствомъ того, что Братіано и на этотъ разъ уклоняется отъ заключенія военной конвенціи.

— А въ Парижѣ еще, послѣ этого, будутъ говорить, — прибавляетъ Сазоновъ, — что Россія отказывается отъ Румынской интервенціи.

Воскресенье, 23 апрѣля.

Нева вскрылась. Огромныя льдины несутся, влекомыя бурнымъ потокомъ внизъ по рѣкѣ, къ Финскому заливу.

Возвращаясь послѣ одного визита домой, я встрѣчаю на Англійской набережной камергера Б., съ трудомъ шагающаго противъ остраго, пронизывающаго вѣтра по слякоти талаго снѣга. Я предлагаю ему свою коляску, онъ садится ко мнѣ и начинаетъ тотчасъ развлекать меня парадоксами со свойственной ему манерой и виртуозностью Ривароля.

Проѣзжая мимо шедевра Фальконета, — памятника Петру Великому, возвышающагося на площади противъ Св. Сvнода, я лишній разъ восхищаюсь величественнымъ изображеніемъ царя-преобразователя, какъ бы повелѣвающаго Невой съ высоты своей вздернутой на дыбы лошади. Б. приподнимаетъ фуражку: — Привѣтствуемъ, — говоритъ онъ, — величайшаго революціонера нашихъ временъ.

— Какъ, Петръ I революціонеръ?... Я представляю его себѣ скорѣй порывистымъ, быть можетъ и грубымъ реформаторомъ, не останавливавшемся передъ крайностями, не знавшемъ жалости и угрызеній совѣсти, но обладавшимъ все же въ высокой степени творческимъ геніемъ и инстинктомъ порядка и субординаціи.

— Нѣтъ. Петръ Алексѣевичъ любилъ только разрушать и въ этомъ сказывается вся его русская натура. Безграничный деспотъ онъ опрокидывалъ и рубилъ все съ плеча. Въ теченіи 30 лѣтъ онъ безъ передышки боролся со своимъ народомъ, шелъ походомъ на національныя наши традиціи и обычаи; онъ осмѣивалъ все, даже нашу святую православную церковь... Вы назвали его реформаторомъ, но подлинный реформаторъ долженъ считаться съ прошлымъ, стараться не переступать границъ достижимаго, избѣгать рѣзкихъ переходовъ и переходить осторожно къ новымъ формамъ жизни. Петръ однако не таковъ. Разрушеніе было его сферой, служило удовлетвореніемъ его звѣрскимъ инстинктамъ. Онъ, какъ циникъ, радовался, когда ему удавалось задѣть чужую душу, подавить проявленіе самыхъ обыденныхъ и законныхъ человѣческихъ чувствъ и былъ лишь тогда счастливъ, когда преодолѣвалъ оказываемое ему сопротивленіе... Наши современные анархисты, мечтающіе взорвать нашу соціальную постройку подъ предлогомъ новаго

ея возсозданія, невольно копируютъ Петра Великаго; они подобно ему фанатически ненавидятъ прошлое и подобно ему убѣждены, что казнями и указами можно перевоспитать народную душу...

— Но я хотѣлъ бы все-таки, — возражаю я, — чтобы онъ возсталъ изъ гроба. Онъ сумѣлъ выдержать, длившуюся 21 годъ подрядъ, войну со шведами, чтобы въ концѣ концовъ продиктовать имъ миръ. Что стоило бы ему одинъ или два года повоевать съ нѣмцами...

О! ему было бы къ чему приложить свою титаническую волю.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Д. И. Дорошенко.

Война и революція на Украинѣ.

(Окончаніе.))*

VIII.

Пока въ Галиціи шли приготовленія къ послѣднему наступленію русской арміи, въ Кіевѣ и вообще на Украинѣ происходили очень крупныя событія. Украинское національное движеніе дѣлало такіе успѣхи, получало такой размахъ и встрѣчало такой широкій откликъ въ народныхъ массахъ, что его достиженія могли превзойти наиболѣе смѣлыя мечты украинскихъ патріотовъ. За самое короткое время украинская политическая мысль продѣлала путь, въ обычныхъ условіяхъ разсчитанный на десятилѣтія. Еще въ мартѣ мѣсяцѣ въ Кіевскомъ Губернскомъ Исполнительномъ Комитетѣ возникла было мысль объ выдѣленіи пяти основныхъ, центральныхъ, такъ сказать, украинскихъ губерній (Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской) въ особую административную область, своего рода генералъ-губернаторство, причемъ на постъ главы управленія этой области намѣчался М. А. Суковкинъ. Временному Правительству подавались записки и предположенія въ этомъ духѣ. Но жизнь пошла быстрѣе всякихъ предположеній. Къ іюню 1917 года Центральная Рада, поддержанная цѣлымъ рядомъ съѣздовъ, сдѣлалась фактическимъ хозяиномъ положенія на Украинѣ. Вопросъ объ автономіи Украины былъ поставленъ, какъ постулатъ текущаго дня, и Временному Правительству, вначалѣ не дооцѣнивавшему широты и интенсивности украинскаго движенія, пришлось начать непосредственные переговоры съ Центральной Радой.

Въ первыхъ числахъ іюля 1917 года въ Кіевъ пріѣхали министры Временнаго Правительства Керенскій, Церетелли и Терещенко, и здѣсь состоялось соглашеніе между ними и представителями Центральной Рады объ образованіи област-

*) См. кн. I, II и IV.

наго украинскаго правительства, въ формѣ такъ называемаго генеральнаго секретаріата. Объ учрежденіи автономнаго украинскаго правительства населеніе Украины было оповѣщено торжественнымъ универсаломъ. Временное Правительство съ своей стороны издало соотвѣтствующую декларацію. Такъ готова была осуществиться автономія Украины, еще недавно казавшаяся идеаломъ, который можетъ быть осуществленъ развѣ въ отдаленномъ будущемъ.

Однако, главную борьбу за автономію Украины пришлось вынести не съ центральнымъ правительствомъ, а съ «революціонной демократіей» у себя дома, т. е. съ представителями русскихъ и еврейскихъ соціалистическихъ или просто радикальныхъ группъ, не желавшихъ разстаться съ своей ролью руководителей революціоннаго движенія на Украинѣ, олицетворяемаго различными «совѣтами» и «исполнительными комитетами». Эти группы яростно боролись противъ украинскаго движенія, но послѣ того какъ цѣлый рядъ съѣздовъ — крестьянскій, рабочій, войсковой и др. — всецѣло стали на сторону Центральной Рады, то и эта революціонная демократія, увидѣвъ себя въ положеніи генераловъ безъ войскъ, пошла на компромиссъ съ Центральной Радой и вошла въ ея составъ въ качествѣ представителей національныхъ меньшинствъ.

Когда я пріѣхалъ въ концѣ іюля въ Кіевъ, то острый моментъ борьбы за осуществленіе украинской автономіи уже нѣсколько миновалъ, и Центральная Рада посылала своихъ представителей въ Петроградъ, чтобы получить отъ Временнаго Правительства утвержденіе выработаннаго ею положенія о генеральномъ секретаріатѣ, т. е. областномъ правительствѣ автономной Украины.

Въ Кіевѣ мнѣ предстояло прежде всего размѣстить эвакуированныя учрежденія галицко-буковинскаго генералъ-губернаторства. По примѣру первой эвакуаціи 1915 года, центральныя учрежденія были размѣщены въ Кіевѣ, въ томъ же самомъ зданіи коммерческаго института на Бибиковскомъ бульварѣ, что и первый разъ. Хотя русскія войска при отступленіи удержали за собой нѣкоторую пограничную полосу въ Галиціи и въ Буковинѣ, гдѣ еще оставалась наша администрація, но было ясно, что въ Галицію и Буковину больше намъ не возвращаться; поэтому я сразу же испросилъ у верховнаго командованія распоряженіе о постепенной ликвидаціи всѣхъ учрежденій генералъ-губернаторства и оставленіи лишь небольшого центральнаго ядра.

По коридорамъ и аудиторіямъ коммерческаго института расположились бивуакомъ наши учрежденія; горы ящиковъ, мѣшковъ, всевозможнаго багажа; кое-какъ размѣстили столы, разсадили писарей; защелкали пишущія машины, закипѣла канцелярская работа по приведенію въ порядокъ и ликвидаціи дѣлъ по управленію окупированными областями.

Въ первыхъ числахъ августа я рѣшилъ поѣхать въ Петроградъ и тамъ представить непосредственно Временному Правительству отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ.

Съ апрѣля мѣсяца, когда я послѣдній разъ былъ въ Петроградѣ, городъ нѣсколько измѣнилъ свою физіономію. Уже не было той суеты и радостнаго возбужденія первыхъ мѣсяцевъ революціи, зато разложеніе власти и всего механизма управленія, двигавшагося еще по инерціи, чувствовалось совершенно явственно.

Я остановился въ томъ вагонѣ, въ которомъ и пріѣхалъ, — это былъ еще старый вагонъ галиційскаго генералъ-губернаторства; его поставили на запасныхъ путяхъ Царско-Сельскаго вокзала, и я въ немъ жилъ вмѣстѣ съ моимъ неизмѣннымъ спутникомъ, вѣстовымъ Абрамомъ, находившимся при мнѣ еще въ Черновцахъ и, какъ это часто бываетъ съ восточными людьми (Абрамъ былъ армянинъ) быстро ко мнѣ привязавшимся. На путяхъ уже не было никакой охраны, и Абрамъ, въ моемъ отсутствіи, съ винтовкой въ рукахъ стерегъ вагонъ. На ночь мы крѣпко запирались и даже забаррикадировывали входъ на случай посѣщенія бродившихъ кругомъ «товарищей».

Во главѣ правительства стоялъ уже Керенскій. Его я увидалъ въ первый же день своего пріѣзда, попавъ на всероссійскій съѣздъ губернскихъ комиссаровъ, въ зданіи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Но послѣ привѣтственныхъ рѣчей засѣданіе пришлось перенести въ зданіе городской думы, т. к. въ помѣщеніи министерства испортилось освѣщеніе и съѣздъ очутился во тьмѣ.

Съѣхавшіеся комиссары гурьбой перекочевали въ городскую думу. Съѣздъ здѣсь продолжался. Подали чай — но безъ сахару. Въ ресторанахъ уже очень часто не было хлѣба. Приходилось брать съ собой, мнѣ Абрамъ доставалъ солдатскій хлѣбъ на какомъ-то этапномъ пунктѣ.

Когда на слѣдующій день я видался въ Зимнемъ Дворцѣ съ товарищемъ предсѣдателя Совѣта Министровъ Некрасовымъ, то при мнѣ старый дворцовый лакей подалъ ему кофе — съ простымъ ржанымъ хлѣбомъ. Продовольственное и вообще хозяйственное разстройство жизни въ столицѣ ясно сказывалось въ этихъ мелочахъ обихода. Такого недостатка у насъ въ Кіевѣ я не видалъ.

Черезъ Некрасова я попросилъ свиданія съ Керенскимъ. На другой день я былъ имъ принятъ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ кабинетѣ, принадлежавшимъ прежде императору Николаю II. Внутри дворца было пустынно и запущено. Въ залахъ зіяли пустыя мѣста по стѣнамъ (были сняты царскіе портреты); въ иныхъ мѣстахъ портреты или картины были завѣшены брезентомъ. Тѣмъ же брезентомъ кое-гдѣ былъ устланъ и полъ, вѣроятно для сбереженія паркетовъ. Изрѣдка въ коридорѣ появлялась фигура часового-юнкера или дворцоваго служителя въ домашнемъ платьѣ. Дворецъ напоминалъ мнѣ занятое непріятельское помѣщеніе, нѣчто подобное видалъ я въ Галиціи и Буковинѣ...

У Керенскаго былъ очень утомленный видъ. Принялъ меня онъ любезно, но дѣломъ интересовался мало и обѣщалъ

назначить специальное засѣданіе Совѣта Министровъ для заслушанія моего доклада о галиційскихъ дѣлахъ.

Въ ожиданіи этого засѣданія я провелъ нѣсколько дней. Какъ разъ въ это время въ Петроградѣ находилась делегація Центральной Рады по дѣлу объ утвержденіи статута автономной Украины. Я разыскалъ земляковъ гдѣ-то въ меблированныхъ комнатахъ на Фонтанкѣ вблизи Аничкова моста. Засталъ В. К. Винниченка, А. Н. Зарубина, г. Мицкевича (товарища генеральнаго секретаря по національнымъ дѣламъ) и еще кой-кого. Всѣ были крайне недовольны отношеніемъ къ нимъ Временнаго Правительства. Сначала делегація не могла добиться даже пріема у министровъ, а послѣ пріема пошла волокита. Временное Правительство, видимо скрѣпя сердце, шло на компромиссъ съ Центральной Радой, но цѣликомъ аппробировать соглашеніе Керенскаго, Церетелли и Терещенко въ Кіевѣ оно не хотѣло. Въ особенности противъ украинской автономіи были министры-кадеты.

Делегатовъ просто брали измором, а изъ Кіева получались отъ Центральной Рады настойчивыя требованія скорѣе добиваться утвержденія выработаннаго статута, имѣя ввиду немедленно приступить къ организаціи автономнаго строя, а въ Петроградѣ хотѣли обойти самую сущность автономіи и, не имѣя возможности взять обратно данныхъ обѣщаній, желали свести всю автономію на учрежденіе «Малороссійской коллегіи», существовавшей на Украинѣ при Петрѣ I и Аннѣ Іоанновнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Временное Правительство видимо чувствовало свое безсиліе и не рѣшалось ни на какой опредѣленный, твердый шагъ.

Я предложилъ землякамъ свое участіе въ ихъ хожденіяхъ по канцеляріямъ и министерствамъ, ибо у меня уже были тамъ кой-какія знакомства. Вскорѣ по дѣламъ делегаціи мнѣ пришлось видѣться съ управляющимъ дѣлами Временнаго Правительства г. Гальперномъ, смѣнившимъ на этомъ посту Набокова. Господинъ Гальпернъ сообщилъ мнѣ, что Временное Правительство вмѣсто утвержденія привезеннаго делегаціей статута пока даетъ лишь инструкцію для генеральнаго секретаріата, — и тутъ же показалъ мнѣ набросокъ этой инструкціи. Пробѣжавъ наскоро текстъ, я замѣтилъ г. Гальперну, что въ этой инструкціи совершенно не опредѣлено положеніе Центральной Рады относительно Временнаго Правительства и генеральнаго секретаріата и что вообще въ ней такъ много неяснаго, что въ Кіевѣ не будутъ знать, какъ понимать эту инструкцію.

«Пусть понимаютъ, какъ знаютъ», — угрюмо возразилъ мнѣ г. Гальпернъ. Такое отношеніе представителя Временнаго Правительства (кажется, г. Г. былъ и авторомъ инструкціи) къ законодательному акту, долженствовавшему регулировать взаимоотношеніе центральнаго и областного правительствъ, не сулило, конечно, ничего хорошаго въ будущемъ. Вмѣсто соглашенія и контакта между Временнымъ Правительствомъ и Центральной Радой сразу же устанавливалось положеніе враждующихъ, борющихся сторонъ. Такое

положеніе являлось очень опаснымъ, и прежде всего для самаго Временнаго Правительства, возстанавливавшаго противо себя здоровое національное движеніе на Украинѣ, которое наоборотъ слѣдовало бы использовать, чтобы опереться на него противъ надвигавшейся анархіи и крайнихъ большевистскихъ теченій. Однако спорить и убѣждать было очень трудно: люди, у которыхъ не хватало воли и рѣшимости спасти государство и самихъ себя отъ надвигавшейся опасности, своимъ пассивнымъ сопротивленіемъ упорно препятствовали образованію государственной организаціи на Украинѣ, гдѣ въ то время еще можно было сохранить спокойствіе и порядокъ и вывести страну на путь мирнаго строительства новой жизни.

Между тѣмъ мнѣ на Царско-Сельскій вокзалъ доставили повѣстку, что на такой-то день назначено засѣданіе Совѣта Министровъ по вопросу о Галиціи. Я явился въ назначенное время въ Зимній Дворецъ, гдѣ въ Малахитовомъ залѣ должно было состояться засѣданіе.

Въ засѣданіи участвовало довольно много лицъ, (вѣроятно присутствовали и нѣкоторые товарищи министровъ). Кромѣ Керенскаго, Некрасова и Терещенка — все незнакомыя мнѣ лица. Я узналъ лишь по портрету Чернова, тогда — министра земледѣлія.

У меня былъ заготовленъ писанный докладъ. Я давалъ въ немъ краткій отчетъ объ управленіи окупированными областями до нашего отступленія, перечислялъ уже осуществленныя мѣропріятія, характеризовалъ общее направленіе политики въ отношеніи къ населенію, отмѣтилъ извѣстную перемѣну въ настроеніяхъ этого населенія, многаго ожидавшаго отъ новой Россіи, но, къ сожалѣнію, въ значительной степени разочаровавшагося вслѣдствіи извѣстныхъ обстоятельствъ, сопровождавшихъ отступленіе нашей арміи. Въ общемъ мой отчетъ представлялъ некрологъ послѣдняго періода русской власти въ Галиціи и Буковинѣ и всѣмъ, слушавшимъ его, безъ сомнѣнія, ясно представлялось, что врядъ-ли эта власть опять распространится на эвакуированныя нами области.

Когда я кончилъ свой докладъ, мнѣ задали два-три малозначущихъ вопроса, кажется, кто-то спросилъ о количествѣ населенія Галиціи или что-то въ этомъ родѣ. Видно было, что сидящимъ въ Малахитовомъ залѣ вообще не до Галиціи, и не до Буковины, а каждый озабоченъ другими дѣлами, представляющимися ему болѣе насущными, и думаетъ о нихъ свою думу. Когда интересующихся докладомъ болѣе не оказалось, Керенскій всталъ (я сидѣлъ у него vis-à-vis съ другой стороны стола) и произнесъ торжественнымъ тономъ:

«Позвольте, господинъ комиссаръ, поблагодарить васъ отъ лица Временнаго Правительства за блестящее исполненіе возложеннаго на васъ порученія.» Послѣ этого я откланялся и уходя уже слышалъ, какъ Керенскій предложилъ министрамъ остаться для заслушанія какихъ-то срочныхъ дѣлъ.

Дѣлать мнѣ больше въ Петроградѣ было нечего, и въ тотъ же вечеръ я выѣхалъ въ Кіевъ.

Надо сказать, что инструкція Временнаго Правительства, какъ и слѣдовало ожидать, не только не удовлетворила Центральной Рады, но вызвала среди ея членовъ большое неудовольствіе, даже возмущеніе. Въ неутвержденіи проекта статута, представленнаго Радой черезъ ея делегацію, справедливо было усмотрѣно нарушеніе соглашенія отъ 3 іюля въ Кіевѣ и несоблюденіе данныхъ тогда и позже (въ деклараціи Временнаго Правительства) обѣщаній. И вотъ было рѣшено, принявъ къ свѣдѣнію инструкцію *), избрать секретарей, сформировать областное правительство автономной Украины и затѣмъ добиваться расширенія его правъ и распространенія компетенціи до тѣхъ предѣловъ, какіе были намѣчены еще раньше Центральной Радой. На принятіе инструкціи и использованіе ея для организаціи секретаріата повліяла между прочимъ телеграмма, посланная изъ Петрограда на имя Центральной Рады совѣщаніемъ комиссаровъ украинскихъ губерній, находившихся въ Петроградѣ по случаю съѣзда комиссаровъ: Левицкаго (Полтавской губ.), Суковкина (Кіевской губ.), Искрицкаго (Черниговской губ.), Вязлова (Волынской губ.), Страдомскаго (города Кіева). Въ этомъ совѣщаніи принялъ участіе и подписалъ телеграмму также и я.

Въ своей борьбѣ за украинскую автономію Центральная Рада очень умѣло использывала затруднительное положеніе Временнаго Правительства и его колебанія, послѣдовательно

---

*) Вотъ основные пункты этой инструкціи:

1. На время до разрѣшенія Учредительнымъ Собраніемъ вопроса о мѣстномъ управленіи, высшимъ органомъ Временнаго Правительства по дѣламъ мѣстнаго управленія Украиною является генеральный секретаріатъ, назначаемый Временнымъ Правительствомъ по предложенію Центральной Рады.

2. Полномочія генеральнаго секретаріата распространяются на губерніи: Кіевскую, Волынскую, Подольскую, Полтавскую и Черниговскую, за исключеніемъ Мглинскаго, Суражскаго, Стародубскаго и Новозыбковскаго уѣздовъ. Онѣ могутъ быть распространены и на другія губерніи или ихъ части, въ томъ случаѣ, если образованныя въ этихъ губерніяхъ на основаніи постановленія Временнаго Правительства земскія учрежденія выскажутся за желательность такого распространенія.

3. Генеральный секретаріатъ состоитъ изъ генеральныхъ секретарей вѣдомствъ: а) внутреннихъ дѣлъ, б) финансовъ, в) земледѣлія, г) народнаго просвѣщенія, д) торговли и промышленности, е) труда, ж) національныхъ дѣлъ, и генеральнаго писаря.

4. Генеральный секретаріатъ разсматриваетъ, разрабатываетъ и подаетъ на утвержденіе Временному Правительству проекты, касающіеся жизни края и его управленія. Проекты эти могутъ быть до подачи ихъ Временному Правительству вносимы на обсужденіе Центральной Рады.

8. Сношенія высшихъ государственныхъ учрежденій и отдѣльныхъ вѣдомствъ съ секретаріатомъ и отдѣльными секретарями производятся черезъ особаго комиссара по дѣламъ Украины въ Петроградѣ, назначаемаго Временнымъ Правительствомъ.

Подписали: министръ-предсѣдатель Керенскій;
министръ юстиціи Зарудный.

Петроградъ, 4 августа 1917 года.

и неуклонно идя къ своей цѣли. Но внутри Рады, среди ея украинскаго большинства уже сказывались партійныя разногласія и борьба за власть. Наиболѣе видными дѣятелями Рады являлись украинскіе соціалъ-демократы: Винниченко, Поршъ, Ткаченко, Садовскій, Мартосъ, Стешенко. Къ нимъ примыкали и соціалисты-федералисты, объединявшіе въ своихъ рядахъ лучшія силы украинской интеллигенціи; изъ нихъ наиболѣе выдѣлялся А. Я. Шульгинъ, секретарь по національнымъ дѣламъ. Но соціалисты-революціонеры, къ которымъ причислялъ себя теперь и предсѣдатель Центральной Рады проф. Грушевскій, имѣли за собой въ Радѣ большинство. Это была сѣрая масса, шедшая за своими вожаками, кромѣ самого Грушевскаго, почти исключительно молодыми людьми, въ большинствѣ недоучившимися студентами. Когда приходилось формировать секретаріатъ, т. е. правительство, то у соціалистовъ-революціонеровъ почти совсѣмъ не оказывалось людей, даже при тѣхъ скромныхъ требованіяхъ, которыя тогда предъявлялись къ лицамъ (имѣя въ виду, конечно, дѣловую сторону), которыхъ хотѣли видѣть въ правительствѣ. Поневолѣ приходилось брать соціалъ-демократовъ или соціалистовъ-федералистовъ. И вотъ теперь, когда надо было формировать правительство уже на основаніи инструкціи Временнаго Правительства, соціалисты-революціонеры не захотѣли видѣть во главѣ генеральнаго секретаріата — Винниченка, который до сихъ поръ состоялъ его предсѣдателемъ. Винниченку было высказано недовѣріе, и тогда рѣшили поручить формированіе генеральнаго секретаріата мнѣ.

Я не могу сказать навѣрное, какіе разсчеты руководили соціалистами-революціонерами и ихъ вдохновителемъ проф. Грушевскимъ, когда они отстраняли Винниченка, вынесшаго на себѣ всю тяжесть предварительной борьбы за автономію и за этотъ самый секретаріатъ, принимавшаго участіе во всѣхъ переговорахъ, дебатахъ, рѣшеніяхъ, пріобрѣвшаго уже большую популярность, — и поручали образованіе перваго правительства автономной Украины мнѣ — человѣку все время находившемуся въ Галиціи и потому стоявшему въ сторонѣ отъ дѣятельности Центральной Рады. Но изъ всего того, что мнѣ вскорѣ пришлось увидѣть и узнать, я вынесъ впечатлѣніе, что во 1. Грушевскому и лицамъ близкимъ къ нему не хотѣлось видѣть Винниченка во главѣ правительства, какъ человѣка слишкомъ самостоятельнаго; 2. считали, что при хорошемъ отношеніи Временнаго Правительства ко мнѣ, секретаріатъ, возглавляемый мною, будетъ скорѣе утвержденъ, а тамъ — будетъ видно...

Учитывая трудность своего положенія, какъ человѣка, находившагося вдали отъ переживаній и настроеній Центральной Рады, я лишь съ большимъ трудомъ и послѣ долгаго раздумья согласился принять предложеніе, выговоривъ, однако, условіе, что я не буду стѣсненъ въ выборѣ членовъ правительства. Чтобы скорѣе добиться моего согласія, мнѣ заявили, что соглашаются на мое условіе, но что желательно было бы, чтобъ мѣсто секретаря по земельнымъ дѣ-

ламъ было предоставлено соціалисту-революціонеру, а секретаря труда — соціалъ-демократу.

И вотъ я началъ формированіе перваго кабинета правительства автономной Украины. Пришлось ѣздить отъ одного общественнаго дѣятеля къ другому и приглашать ихъ вступить въ кабинетъ. Прежде всего я пригласилъ указаннаго мнѣ соціалистами-революціонерами ихъ сопартійнаго члена г. Савченко-Бѣльскаго (уѣзднаго агронома изъ Борзны, Черниговской губ.) на постъ секретаря по земельнымъ дѣламъ. Труднѣе было съ секретаремъ труда, и его я такъ и не успѣлъ пригласить. На постъ секретаря финансовъ я пригласилъ по телеграфу покойнаго проф. М. И. Туганъ-Барановскаго и былъ очень обрадованъ его согласіемъ. Приглашалъ бар. Ф. Р. Штейнгеля, И. Г. Чарныша, С. Л. Франкфурта, С. Ф. Веселовскаго, Л. М. Слуцкаго — всѣ отказались.

Въ концѣ концовъ, на третій или на четвертый день, кабинетъ намѣтился въ такомъ составѣ: кромѣ меня, какъ предсѣдателя и секретаря внутреннихъ дѣлъ И. М. Стешенко — народное просвѣщеніе, М. И. Туганъ-Барановскій — финансы, М. Савченко-Бѣльскій — земельныя дѣла, А. Я. Шульгинъ — національныя дѣла, контролеръ — А. Н. Зарубинъ, генеральный писарь — А. И. Лотоцкій, комиссаръ при Временномъ Правительствѣ — П. Я. Стебницкій.

Оставался еще незамѣщеннымъ постъ секретаря труда. Но уже обнаружились разногласія между мною и предсѣдателемъ Центральной Рады М. С. Грушевскимъ. Въ это время происходили засѣданія не пленума Центральной Рады, а лишь такъ называемой Малой Рады, представителей отдѣльныхъ фракцій. 18 августа я огласилъ въ засѣданіи Малой Рады краткую декларацію программнаго характера; сущность ея сводилась къ слѣдующему: опираясь на соглашеніе 3 іюля, генеральный секретаріатъ будетъ придерживаться общаго направленія политики предшествующаго секретаріата, ставя на первомъ планѣ творческую дѣловую работу по организаціи автономнаго строя на Украинѣ при обезпеченіи правъ всѣхъ ея національныхъ меньшинствъ и охраняя Украину какъ отъ проявленій внутренняго непорядка и анархіи, такъ и отъ внѣшнихъ враговъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ Центральной Радѣ генеральный секретаріатъ будетъ руководиться статутомъ, выработаннымъ Центральной Радой 16 іюля, а съ Временнымъ Правительствомъ поддерживать самый тѣсный контактъ. Программу работы генеральнаго секретаріата я обѣщалъ представить уже послѣ окончательнаго его сформированія. Мое заявленіе было принято весьма холодно.

Какъ разъ въ это время пришли въ Кіевъ петроградскія и московскія газеты съ откликами на порученіе формированія генеральнаго секретаріата мнѣ. Большинство газетъ отмѣтило мою лояльность по отношенію къ Временному Правительству, а въ «Русскомъ Словѣ» появилось по этому поводу интервью съ Некрасовымъ, въ которомъ онъ заявлялъ свое удовлетвореніе по поводу рѣшенія Центральной Рады

поручить мнѣ правительство и выражалъ надежду, что теперь удастся наладить нормальныя отношенія съ Украиной.

Эти заявленія, и въ особенности интервью Некрасова, поставили меня въ совершенно ложное положеніе передъ Центральной Радой, въ глазахъ которой я являлся теперь какъ бы креатурой Временнаго Правительства, съ которымъ ей приходилось до сихъ поръ и вѣроятно предстояло и дальше бороться за форму и предѣлы автономіи. Изъ дебатовъ по поводу моей декларации, а еще больше изъ бесѣдъ съ лидерами Центральной Рады я вынесъ убѣжденіе, что между мною и ими существуетъ извѣстное принципіальное различіе во взглядахъ на сущность и значеніе той автономіи, которую мнѣ предстояло проводить на Украинѣ.

Будучи такимъ же горячимъ сторонникомъ автономіи Украины и возстановленія ея государственнаго существованія, какъ и проф. Грушевскій съ его соратниками по Центральной Радѣ, тѣмъ не менѣе однако я иначе мыслилъ себѣ пути достиженія и укрѣпленія этой автономіи: я думалъ тогда, что она должна основываться не на слабости центральнаго россійскаго правительства и не на стѣсненномъ его положеніи, а на развитіи и укрѣпленіи внутренней силы самаго украинскаго движенія, на широкомъ и скорѣйшемъ использованіи тѣхъ возможностей, которыя открывались уже въ данный моментъ для возрожденія украинскаго народа и возвращенія ему государственнаго значенія, котораго онъ былъ лишенъ съ половины XVIII вѣка. Такимъ путемъ, думалъ я, Украина неминуемо и логично пришла бы къ закрѣпленію — но уже прочному и незыблемому — своего автономнаго строя.

Для дѣятелей же Центральной Рады, съ проф. Грушевскимъ во главѣ, автономія Украины въ той формѣ, которая уже была достигнута, представлялась лишь переходною ступенью, мало интересной самой по себѣ; это была, если такъ можно выразиться, первая линія, на которой нечего было останавливаться, а слѣдовало итти, не закрѣпляясь на занятой позиціи и брать слѣдующія линіи. Я же полагалъ тогда, что необходимо основательно укрѣпиться на взятой уже линіи, т. е. приняться немедленно за организацію автономнаго строя Украины и подвести подъ возрождаемую украинскую государственность крѣпкую базу посредствомъ цѣлаго ряда реформъ во всѣхъ областяхъ жизни края, пользуясь всѣми средствами, которыя давала фактическая власть въ странѣ.

Я считалъ необходимымъ создать крѣпкое государственное ядро изъ предоставленныхъ намъ пяти украинскихъ губерній, укрѣпить административный аппаратъ и поскорѣе наладить расшатанную хозяйственную жизнь края, дабы создать изъ Украины крѣпкій оплотъ противъ надвигавшейся смуты и распада. Это представлялось тогда еще вполнѣ возможнымъ, ибо въ странѣ лѣтомъ было еще совсѣмъ спокойно. При такомъ положеніи автономная Украина получила бы притягательную силу для остальныхъ украинскихъ губерній

и скоро бы насчитывала въ своемъ составѣ не 5, а всѣ 9 съ частями еще другихъ губерній съ украинскимъ населеніемъ.

Украинское политическое движеніе сосредоточилось, какъ въ фокусѣ, въ кіевской Центральной Радѣ; въ провинціи политическая жизнь чувствовалась довольно слабо; тамъ не столько ощущалось появленіе новой власти автономнаго правительства, сколько упадокъ и разложеніе всякой власти вообще. Необходимо было фактически распространить новую власть на провинцію и крѣпче связать ее съ центромъ въ Кіевѣ. Въ моемъ представленіи возрожденная національная государственность Украины должна была бы опираться на всѣ классы населенія и привлечь къ дѣлу строительства обновленной жизни всѣ группы, всѣ народности края, всѣхъ ихъ заинтересовать и сдѣлать участниками общей работы. Я не считалъ, напримѣръ, цѣлесообразнымъ исключать изъ понятія членовъ украинской національности представителей дворянскаго класса, обрусѣвшихъ на лѣвомъ берегу Днѣпра и ополяченныхъ на правомъ, и совершенно устранять ихъ отъ участія въ государственномъ строительствѣ. Это былъ въ сущности единственный у насъ на Украинѣ культурный классъ, кореннымъ образомъ связанный съ краемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обладавшій политическимъ и административнымъ навыкомъ, а потому незамѣнимый при новомъ государственномъ строительствѣ. Лишаясь земли при предстоявшей земельной реформѣ, онъ всю энергію и силы могъ приложить на службу государству. Тѣмъ болѣе что его представители на глазахъ у всѣхъ возвращались къ своей родной украинской національности и охотно шли работать для новой Украины. Но ихъ выбрасывали за бортъ, клеймили «врагами народа» и вели противъ нихъ агитацію безъ всякихъ оговорокъ. А между тѣмъ, если въ національномъ движеніи необходимо было опереться также на извѣстную историческую традицію, то какъ разъ среди представителей помѣстнаго класса эта традиція могла быть пробуждена очень легко, какъ связанная съ родовой, фамильной традиціей. Но соціалисты, цѣликомъ заполнявшіе Центральную Раду, предпочитали строить новую Украину на, такъ сказать, пустомъ мѣстѣ, а украинскую историческую традицію въ ея послѣдней и ближайшей къ намъ по времени формѣ гетманщины предавали осмѣянію и поруганію.

Центральная Рада опиралась на «революціонную демократію» и на крестьянство, поскольку можно было считать выразителями думъ и чаяній всѣхъ слоевъ народа — тѣхъ случайныхъ людей, какіе (какъ всегда это бываетъ въ революціонное время) попадали делегатами на разные съѣзды и въ самую Центральную Раду. Считали, что она опиралась и на украинизованную армію («милліонъ штыковъ»).

Я хорошо зналъ, какъ подготовлялись войсковые съѣзды и творились представители отъ «40 000 солдатъ» или иной крупной массы, и потому мало вѣрилъ въ прочность этой опоры, особенно въ ея сознательность. Дѣйствительно, когда осенью появились большевики и бросили въ солдатскую

массу болѣе элементарные и заманчивые лозунги, чѣмъ тѣ, которые распространяли россійскіе и украинскіе эсэры, то этотъ «милліонъ» растаялъ безслѣдно въ самое короткое время. Защищать Центральную Раду оказалось некому, и умирать за нее пошла лишь интеллигентная молодежь, гимназисты и студенты, — дѣти «буржуевъ».

Со стороны господствовавшихъ въ Центральной Радѣ эсэровъ въ крестьянскую массу все время бросались демагогическіе призывы и широкія обѣщанія, конечно, прежде всего обѣщаніе даровой земли. Центральная Рада держала курсъ на соціализацію земли, причемъ появленіе большевиковъ заставляло ее выступать въ этомъ направленіи все болѣе и болѣе радикально. Автономія Украины и вообще національныя требованія преподносились массамъ какъ своего рода выкупъ, цѣна за панскую землю: хочешь получить панскую землю даромъ — требуй автономію! Понятно, это не создавало прочной базы для возсоздаваемой украинской государственности. Подобно солдатской массѣ крестьянство въ свою очередь не кивнуло и пальцемъ въ защиту Центральной Рады, когда въ январѣ 1918 года къ Кіеву подступили большевики.

Мои расхожденія съ дѣятелями Центральной Рады въ описываемое время еще не оформились окончательно въ моемъ собственномъ представленіи, но уже сознавались мною достаточно отчетливо, чтобы понимать всю трудность положенія при предстоявшей совмѣстной работѣ. Каждый день нашихъ встрѣчъ и переговоровъ убѣждалъ меня въ томъ, что я попаду въ ложное положеніе, какъ предсѣдатель генеральнаго секретаріата, отвѣтственнаго передъ Центральной Радой. Уже къ концу первой недѣли я увидѣлъ, что продолжать далѣе совмѣстную работу съ дѣятелями Центральной Рады я не могу и заявилъ, что ухожу въ отставку. Произошла очень тяжелая и непріятная для меня сцена объясненія съ проф. М. С. Грушевскимъ и другими членами президіума Центральной Рады, но я настоялъ на своей отставкѣ, предложивъ передать уже сформированный составъ генеральнаго секретаріата В. К. Винниченку, беря на себя переговоры и съ нимъ, и съ приглашенными генеральными секретарями, а также поѣздку въ Петроградъ, чтобы тамъ настоять на утвержденіи кабинета Винниченка Временнымъ Правительствомъ.

Прежде всего я направился на квартиру къ В. К. Винниченку, укладывавшему уже свои вещи, чтобы ѣхать на отдыхъ въ деревню, и уговорилъ его не отказываться отъ предсѣдательства въ генеральномъ секретаріатѣ. Затѣмъ мы вмѣстѣ съ нимъ объѣхали приглашенныхъ уже раньше секретарей и заручились также и ихъ согласіемъ. Затѣмъ я рѣшилъ ѣхать въ Петроградъ.

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ ко мнѣ явилась делегація изъ Чернигова съ предложеніемъ выставить мою кандидатуру на постъ губернскаго комиссара, ввиду ухода М. А. Искрицкаго. Я согласился, съ условіемъ, что въ

случаѣ выбора буду просить объ оставленіи за собою званія областного комиссара Галиціи и Буковины, чтобы довести до конца дѣло ликвидаціи генералъ-губернаторства и имѣть возможность наблюдать за остающимися еще въ нашихъ рукахъ галицко-буковинскими территоріями.

Я отправился въ путь опять въ томъ же вагонѣ, съ неизмѣннымъ спутникомъ Абрамомъ. Со мной поѣхалъ вмѣстѣ и М. И. Туганъ-Барановскій, желавшій ликвидировать кой-какія свои дѣла въ Петроградѣ. Поѣхалъ также и А. И. Лотоцкій, теперь генеральный писарь, и еще кое-кто изъ бывшихъ петроградцевъ, рѣшившихъ воспользоваться случаемъ и вывезти изъ Петрограда кое-что изъ своихъ вещей. Попрежнему я остановился на Царско-Сельскомъ вокзалѣ. Временное Правительство встрѣтило меня очень кисло, но въ общемъ я замѣтилъ какое-то не то равнодушіе, не то пассивную покорность судьбѣ, съ которою всѣ переносили сыпавшіяся безъ конца неудачи и огорченія.

Больше всего мнѣ пришлось говорить съ Некрасовымъ и Терещенкомъ. Кандидатура Винниченка встрѣтила упорное сопротивленіе. Почему-то его считали «германофиломъ». Этой репутаціей Винниченко былъ обязанъ интервьюеру одной бульварной парижской газетки, который совершенно переврaлъ и извратилъ смыслъ разговора и приписалъ Винниченку слова, будто бы и Центральная Рада настроена германофильски. Это злосчастное интервью подхватили нѣкоторыя русскія газеты, и во Временномъ Правительствѣ мнѣ совершенно серьезно заявляли, что утвержденіе Винниченка вызвало бы неудовольствіе союзниковъ. Съ большимъ трудомъ удалось убѣдить Некрасова, что «германофильство» Винниченка — выдумка и что неутвержденіе его до крайности обостритъ и безъ того неважныя отношенія съ Центральной Радой. Наконецъ утвержденіе состоялось, и прежде чѣмъ было сообщено офиціально, я протелеграфировалъ о немъ въ Кіевъ.

Покончивъ съ дѣлами, я уѣхалъ изъ Петрограда, рѣшивъ остановиться по пути въ Могилевѣ, чтобы побывать у верховнаго главнокомандующаго ген. Корнилова и доложить ему о галицскихъ дѣлахъ. Вагонъ прицѣпили къ поѣзду, шедшему на югъ. Незадолго до отхода явился М. И. Туганъ-Барановскій, о которомъ я думалъ уже, что онъ останется, и вмѣстѣ съ нимъ проф. Петражицкій, который просилъ провезти его въ Кіевъ, т. к. поѣзда всѣ переполнены и найти обыкновенное мѣсто почти невозможно. Съ профессоромъ была его супруга. Его я принялъ, а даму брать въ служебный вагонъ не рѣшился, т. к. и безъ того нашъ отдѣльный вагонъ на всѣхъ станціяхъ выдерживалъ правильную осаду со стороны «товарищей». Кое-какъ супругу проф. Петражицкаго устроили въ купэ одного изъ пассажирскихъ вагоновъ, а самъ профессоръ поѣхалъ съ нами.

Въ Могилевѣ я сейчасъ же отправился въ ставку верховнаго главнокомандующаго, помѣщавшуюся въ губернаторскомъ домѣ на краю города, надъ самымъ Днѣпромъ.

Въ противоположность уже повсюду царившей расшатанности и расхлябанности среди солдатской, а отчасти даже офицерской массы, ставка еще сохраняла строгій и подтянутый видъ. Вездѣ на своихъ мѣстахъ стояли часовые, заметенъ былъ порядокъ, чистота, а нижніе чины ставки даже отдавали офицерамъ честь.

Попасть въ губернаторскій домъ можно было лишь послѣ полученія особаго пропуска у коменданта; въ нѣсколькихъ мѣстахъ этотъ пропускъ просматривался и провѣрялся, вообще чувствовался строгій порядокъ, чего уже не было въ это время, напримѣръ, въ штабѣ юго-западнаго фронта.

Ген. Корниловъ не могъ принять меня въ этотъ день, т. к. былъ очень занятъ и просилъ зайти на другой день утромъ. Когда я явился въ назначенное время, адъютантъ сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій все время говоритъ по прямому проводу съ Керенскимъ и что пусть я попробую зайти вечеромъ. Вечеромъ тотъ же самый адъютантъ съ нѣкоторымъ смущеніемъ заявилъ, что разговоръ съ Петроградомъ продолжается...

На лицахъ чиновъ ставки, находившихся вблизи самого главнокомандующаго, была замѣтна какая-то тревога. Особенно суетился и все время бѣгалъ изъ пріемной на верхъ, въ комнаты главнокомандующаго, знакомый мнѣ еще съ фронта «казакъ» Завойко, игравшій при Корниловѣ роль не то ординарца, не то какого-то наперсника. Такъ я и не добился свиданія. На третій день утромъ, выглянувъ на Могилевскомъ вокзалѣ изъ окна своего вагона, я замѣтилъ на перронѣ группы военныхъ, читавшихъ какое-то объявленіе, расклеенное на вокзалѣ. Оказалось, это было знаменитое обращеніе Корнилова, которымъ начался его извѣстный конфликтъ съ Керенскимъ. Теперь ужъ, конечно, я понялъ, что Корнилову не до меня съ галиційскими дѣлами. Однако день прошелъ совершенно спокойно. Военные въ полголоса обсуждали событія, черезъ станцію проходили, какъ всегда, поѣзда и передвигались какіе-то эшелоны войскъ; ничто по внѣшности не показывало, что разыгрывается такая важная политическая драма. Мои спутники-профессора, особенно Петражицкій, терпѣливо до сихъ поръ раздѣлявшіе со мной сидѣніе въ Могилевѣ, заволновались и съ первымъ же поѣздомъ уѣхали на югъ (жена проф. Петражицкаго уѣхала еще раньше). Увидавъ, что и мнѣ больше нечего дѣлать, я на слѣдующій день также уѣхалъ, попросивъ коменданта станціи, чтобы вагонъ прицѣпили къ проходившему пассажирскому поѣзду. Когда я пріѣхалъ въ Кіевъ, то прочелъ въ мѣстныхъ газетахъ телеграмму о томъ, будто бы я арестованъ ген. Корниловымъ и задержанъ въ Могилевѣ. Но въ это время уже самъ ген. Корниловъ былъ подъ арестомъ, а газеты на всѣ лады бранили его и осуждали его попытку.

Въ Кіевѣ я узналъ и касавшуюся лично меня новость: на губернскомъ съѣздѣ въ Черниговѣ я былъ избранъ комиссаромъ губерніи. Дѣло тамъ произошло такимъ обра-

зомъ: съ самаго начала переворота въ Черниговѣ мѣсто губернскаго комиссара по общему распоряженію Временнаго Правительства занялъ предсѣдатель губернской Земской управы М. А. Искрицкій. Это былъ очень богатый помѣщикъ одного изъ сѣверныхъ уѣздовъ губерніи, происходившій изъ стариннаго украинскаго рода, членъ Государственной Думы — октябристъ. Все время онъ оставался на своемъ посту, втянулся уже въ новую работу, дружно сотрудничалъ съ различными комитетами и совѣтами, но въ іюлѣ мѣсяцѣ на одномъ изъ крестьянскихъ съѣздовъ, нѣкій Кулябко-Корецкій, мѣстный же помѣщикъ, человѣкъ старый, почти слѣпой, но очень лѣвый эсъ-эръ и большой демагогъ, вдругъ заявилъ, что, хотя противъ Искрицкаго, какъ человѣка и какъ дѣятеля, ничего сказать нельзя, но оставаться губернскимъ комиссаромъ ему неудобно, такъ какъ онъ... богатый человѣкъ. Собраніе было весьма сконфужено и никакого постановленія по этому вопросу не вынесло. Но Искрицкій, узнавъ объ этомъ, самъ заявилъ объ уходѣ.

Губернскій исполнительный комитетъ въ Черниговѣ состоялъ изъ людей интеллигентныхъ и преимущественно украинцевъ. Въ его составъ входили покойные И. Л. Шрагъ, В. Л. Модзалевскій и другія, хорошо знавшія меня лица. Они предложили мою кандидатуру, не только какъ общественнаго дѣятеля и человѣка уже имѣющаго извѣстный административный опытъ, но и какъ уроженца Черниговщины. Моя кандидатура была сочувственно встрѣчена и среди земскихъ дѣятелей (предсѣдателемъ губернской земской управы былъ мой хорошій знакомый А. А. Свѣчинъ), и среди городского самоуправленія.

Въ это время я велъ дѣло формированія генеральнаго секретаріата, и мои земляки-черниговцы уговаривали меня отказаться отъ секретарства и ѣхать въ Черниговъ. Послѣ нѣкотораго раздумья я такъ и поступилъ и далъ свое согласіе выставить мою кандидатуру.

Избраніе губернскаго комиссара происходило на съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ изъ губерніи, представителей разныхъ уѣздныхъ и городского совѣтовъ и представителей партій. Избранные утверждались министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какъ мнѣ передавали, съѣхалось до 300 душъ и послѣ преній былъ достигнутъ компромиссъ: постъ губернскаго комиссара предоставлялся члену одной изъ украинскихъ партій, но одинъ помощникъ губернскаго комиссара обязательно долженъ былъ быть россійскій соціалистъ-революціонеръ, а другой — соціалъ-демократъ. Послѣ такого соглашенія предложенная И. Л. Шрагомъ моя кандидатура была принята почти единогласно, въ товарищи же мнѣ были избраны соц.-дем. Ганжа и соц.-рев. Савичъ, оба природные украинцы, но принадлежавшіе къ россійскимъ партіямъ.

Принявъ избраніе, я рѣшилъ добиться разрѣшенія на совмѣщеніе своихъ новыхъ обязанностей со званіемъ областного комиссара Галиціи и Буковины, дабы, наѣзжая каждую недѣлю изъ Чернигова въ Кіевъ, я могъ руководить ликви-

даціей галицко-буковинскихъ учрежденій лично, и закончить ее при надвигавшейся смутѣ, по возможности, въ порядкѣ. Я видѣлъ въ этомъ свой долгъ передъ многочисленными своими сослуживцами, положеніе которыхъ въ большинствѣ было дѣйствительно затруднительное.

Для этой цѣли я поѣхалъ въ штабъ фронта въ Бердичевъ. Здѣсь все еще жило подъ впечатлѣніемъ только что пережитаго переворота, т. е. ареста высшихъ чиновъ фронта, объявившихъ себя солидарными съ генераломъ Корниловымъ. Генералы Деникинъ, Марковъ, Эльснеръ и другіе сидѣли подъ арестомъ на такъ называемой «Лысой горѣ». Положеніе ихъ было очень тяжелое; распропагандированная солдатская масса порывалась совершить надъ ними самосудъ и въ заключеніи ихъ подвергали всяческимъ оскорбленіямъ; по требованію солдатъ имъ не давали матрацовъ для спанья, не позволяли передавать пищи со стороны и т. д.

Всѣмъ распоряжался совѣтъ солдатскихъ депутатовъ, среди котораго я увидѣлъ двухъ-трехъ типовъ (военныхъ чиновниковъ), отравлявшихъ мнѣ существованіе еще въ Черновцахъ. Мнѣ было особенно жаль старика генерала Эльснера, хотя онъ въ свое время и велъ со мной борьбу въ Галиціи. Главнокомандующимъ фронтомъ совѣтъ назначилъ генерала Огородникова. Къ нему я и обратился. «Главнокомандующій по назначенію совѣта солдатскихъ депутатовъ» видимо чувствовалъ себя очень неловко, и безъ длинныхъ разговоровъ далъ свое согласіе на совмѣщеніе мною обязанностей галиційскаго и черниговскаго комиссара, и только просилъ меня почаще пріѣзжать въ Бердичевъ для информированія его о дѣлахъ въ Кіевѣ. Вскорѣ, какъ я узналъ, генералъ Огородниковъ оставилъ свой постъ. Въ концѣ 1917 года я его встрѣчалъ нѣсколько разъ въ пріемной украинскаго генеральнаго секретаря войсковыхъ дѣлъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ безуспѣшно пробовалъ устроиться на украинской службѣ, а въ 1918 году я прочиталъ въ газетахъ, что генералъ Огородниковъ находится на совѣтской службѣ и оперируетъ на сѣверномъ фронтѣ противъ бѣлыхъ.

Съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ вопросъ очень быстро былъ улаженъ по телеграфу, я получилъ утвержденіе и согласіе на совмѣстительство и въ послѣднихъ числахъ августа уѣхалъ въ Черниговъ.

IX.

Первое, что меня поразило, когда я пріѣхалъ въ хорошо мнѣ знакомый Черниговъ, это — «тишина необыкновенная». Послѣ шумнаго Кіева Черниговъ произвелъ на меня такое впечатлѣніе, будто здѣсь и не знали, что въ странѣ происходитъ революція.

Подъѣзжая къ величественному губернаторскому дому, расположенному на самомъ краю города среди великолѣпнаго парка, рядомъ съ тѣнистымъ городскимъ садомъ, мнѣ вспо-

мнилось, какъ еще студентомъ я гулялъ въ этомъ саду и проходя мимо рѣшетки губернаторскаго дома искоса поглядывалъ на расположенное въ глубинѣ сада зданіе съ двумя полосатыми будками у входа, гдѣ вѣчно дежурили грозные, усатые городовые. Губернаторскій домъ представлялся мнѣ обиталищемъ свирѣпаго дракона, призваннаго душить и преслѣдовать свободную жизнь. И вотъ сегодня я въѣзжаю въ этотъ домъ, чтобы жить въ немъ и «править»!

Теперь ни будокъ, ни часовыхъ уже не было. Меня встрѣтилъ лишь старикъ-швейцаръ Павелъ, пережившій на своемъ посту 13 губернаторовъ и уже второго комиссара. Я засталъ М. А. Искрицкаго въ кабинетѣ; онъ давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего пріѣзда, чтобы поскорѣй сдать дѣла и «удалиться на покой».

Скоро пришли и мои будущіе сотрудники, помощники губернскаго комиссара, г. г. Савичъ и Ганжа. Первый былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, лѣтъ 24, студентъ московскаго коммерческаго института (окончившій, правда, курсъ, но еще не державшій экзаменовъ). Единственный сынъ очень богатыхъ землевладѣльцевъ новозыбковскаго уѣзда, онъ увлекался кооперативнымъ движеніемъ и былъ правовѣрный соц.-рев. Считалъ себя русскимъ, хоть необычайно яркій, характерный для сѣверныхъ черниговцевъ, акцентъ выдавалъ его происхожденіе и вѣроятно особенно рѣзалъ ухо москвичамъ. Онъ мечталъ о томъ, какъ онъ попадетъ въ Всероссійское Учредительное Собраніе (а въ томъ, что его изберутъ, онъ нисколько не сомнѣвался), и на свое пребываніе на посту помощника губернскаго комиссара смотрѣлъ, какъ на временное. Впрочемъ онъ весьма ревниво относился къ своимъ служебнымъ прерогативамъ и впослѣдствіи нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ съ претензіей, что его обходятъ въ какихъ-то канцелярскихъ мелочахъ. Когда мѣсяца два спустя стали получаться изъ разныхъ концовъ губерніи телеграммы о поджогахъ усадебъ, объ уничтоженіи винокуренныхъ заводовъ, хозяйственнаго инвентаря, убійствахъ и т. п. проявленіяхъ нашей жакеріи, г. Савичъ неизмѣнно улыбался и говорилъ: «Углубленіе революціи!» И вотъ, однажды, получилась телеграмма объ убійствѣ съ цѣлью ограбленія его отца и матери. Бѣдный Савичъ испыталъ углубленіе революціи на самомъ себѣ.

Р. И. Ганжа былъ человѣкъ другого рода. Происходя изъ подгородныхъ «панковъ» средняго достатка, онъ молодымъ студентомъ Петроградскаго Технологическаго Института былъ арестованъ по какому-то политическому дѣлу и сосланъ въ Сибирь на каторгу. Черезъ года два онъ бѣжалъ оттуда и попалъ сначала въ Вѣну, гдѣ ему оказалъ поддержку Троцкій, проживавшій въ то время тамъ, а затѣмъ перебрался во Францію. Здѣсь онъ прожилъ десять лѣтъ; сначала работалъ какъ простой рабочій на фабрикѣ, а затѣмъ окончилъ политехникумъ. Во Франціи женился на черниговкѣ-эмигранткѣ и весною 1917 года вернулся на родину черезъ Англію и Скандинавію. Ганжа сильно офранцузился и по-русски гово-

рилъ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ. Онъ былъ соц.-дем. меньшевикъ, очень убѣжденный и свято вѣровавшій въ свою доктрину. Сначала онъ стоялъ въ сторонѣ отъ украинскаго движенія, хоть теоретически сочувствовалъ ему, но затѣмъ я сталъ замѣчать, что онъ все болѣе и болѣе интересуется украинскомъ дѣломъ, беретъ у меня украинскія книги, разспрашиваетъ. Подъ конецъ 1917 года онъ уже чувствовалъ себя украинцемъ. Это былъ очень порядочный человѣкъ, совершенный джентльменъ и европеецъ съ головы до ногъ.

Мы раздѣлили обязанности: Савичъ взялъ на себя руководство канцеляріей и разными губернскими учрежденіями, Ганжа взялъ администрацію и дѣла по «аграрнымъ недоразумѣніямъ», я же оставилъ за собою общее руководство. По воскресеньямъ собирался губернскій исполнительный комитетъ, человѣкъ 5—6, и мы всѣ сообща обсуждали важнѣйшія, накоплявшіяся за недѣлю дѣла. Еще Искрицкій отвелъ большую часть помѣщеній въ домѣ подъ канцелярію и разныя губернскія учрежденія, оставивъ себѣ всего нѣсколько жилыхъ комнатъ. Мнѣ подъ житье было нужно еще меньше помѣщенія, т. к. моя жена осталась въ Кіевѣ; поэтому я сохранилъ прежній распорядокъ и поселился въ этомъ большомъ, совершенно пустомъ домѣ, гдѣ кромѣ меня жили теперь лишь мой Абрамъ, не захотѣвшій оставить меня, и старикъ-швейцаръ.

Когда я пріѣхалъ, въ губерніи было совершенно спокойно. Изрѣдка вспыхиивали кой-гдѣ недоразумѣнія, но ихъ еще удавалось быстро и мирно улаживать. Обыкновенно кто-либо изъ членовъ губернскаго исполнительнаго комитета выѣзжалъ на мѣсто безпорядковъ, и т. к. это все были люди тактичные, пожилые, хорошо знакомые съ мѣстными отношеніями, то имъ удавалось уговариваніемъ успокоить недовольныхъ или урезонить строптивыхъ, и дѣло этимъ кончалось.

Фактически губернскій комиссаръ не имѣлъ никакой реальной силы. Милиція никуда не годилась. Въ большинствѣ это былъ совершенно негодный элементъ, взяточники, бездѣльники, да ее было и совершенно ничтожное количество. Населеніе никѣмъ не охранялось, но жизнь еще шла по инерціи, по заведенному порядку, еще не было совсѣмъ разрушено понятіе о законности, еще уважалась чужая собственность, и агитація многочисленныхъ представителей соціалистовъ-революціонеровъ, а кой-гдѣ и большевиковъ, казалась большинству крестьянъ пока еще просто словеснымъ упражненіемъ. Но скоро она стала приносить свои плоды, и мирная губернія уже къ концу сентября кой-гдѣ стала волноваться. Но вначалѣ, повторяю, все еще было благополучно.

Чтобы ознакомиться съ составомъ уѣздной администраціи, я созвалъ въ половинѣ сентября съѣздъ уѣздныхъ комиссаровъ. Съѣхались почти изъ всѣхъ 16 уѣздовъ.

Просидѣвъ съ ними первое засѣданіе, я поразился неинтеллигентнымъ составомъ уѣздной администраціи. Людей

съ высшимъ образованіемъ было всего двое, но они умоляли освободить ихъ отъ несенія комиссарскихъ обязанностей. Согласно неизмѣнявшемуся распоряженію Вр. П-ства уѣздные комиссары и ихъ помощники были выборные, и губернскій комиссаръ могъ только представлять ихъ или нѣтъ къ утвержденію Вр. П-ствомъ, вступая въ послѣднемъ случаѣ въ конфликтъ съ избирателями. Выборными были и начальники милиціи. Конечно, въ моментъ революціи всегда на административные посты могутъ попадать случайные люди, а въ глухой провинціи попадали по большей части тѣ, кто посмѣлѣе, ловчѣе, кто громче другихъ кричалъ. И ввиду того, что изъ дворянскаго, помѣщичьяго класса выбирали неохотно, а вообще болѣе степенные люди сами не хотѣли итти, изъ осторожности, изъ опасенія — авось изъ всего этого никакого добра не выйдетъ, — то, неудивительно, что обыкновенно проходили въ комиссары, въ помощники и въ начальники милиціи своего рода карьеристы или демагоги.

Одинъ изъ такихъ комиссаровъ, нѣкій Ш. изъ сѣверной части губерніи надѣлалъ намъ массу хлопотъ своими самоуправствами, предосудительными сдѣлками по торговой части и т. п. Но «свергнуть» его было почти невозможно, т. к. это былъ уже утвержденный комиссаръ и за нимъ стоялъ мѣстный уѣздный совѣтъ.

Изъ двухдневнаго съѣзда и я, и мои коллеги, вынесли очень грустное впечатлѣніе о составѣ нашей администраціи въ губерніи. Поправить же дѣло было очень трудно, поэтому мы задумали взяться хотя-бы за улучшеніе милиціи. Былъ приглашенъ губернскій инспекторъ милиціи, одинъ изъ прежнихъ моихъ сослуживцевъ по Галиціи, самъ черниговецъ, имѣвшій маленькій хуторокъ, но пока удалось что-либо сдѣлать, уже надвинулись дальнѣйшія событія.

Изъ уѣздныхъ комиссаровъ не присутствовалъ только нѣжинскій комиссаръ К—ій. Между тѣмъ, видимо, это былъ очень «энергичный» человѣкъ. У него то и дѣло возникали разные казусы, и между Черниговомъ и Нѣжиномъ происходилъ наиболѣе оживленный обмѣнъ телеграммами. Однажды ко мнѣ явились изъ Нѣжина купцы и принесли горькія жалобы на комиссара и на начальника милиціи за то, что тѣ вмѣшиваются въ торговлю, устанавливаютъ по своему усмотрѣнію цѣны на мануфактурные товары въ лавкахъ, производятъ учетъ товаровъ и въ видѣ репрессіи закрываютъ на недѣлю или на двѣ магазинъ чѣмъ-либо неугодившаго имъ купца. Я обѣщалъ разобрать дѣло и запросилъ изъ Нѣжина объясненій.

Не прошло и недѣли, какъ одинъ изъ пріѣзжавшихъ купцовъ явился ко мнѣ снова, очень взволнованный и испуганный, и объявилъ, что начальникъ милиціи Т—ко хотѣлъ его арестовать въ наказаніе за жалобу, опечаталъ мануфактурную лавку и то же самое сдѣлалъ съ его товарищами, пріѣзжавшими ко мнѣ. Одновременно получилась бумага отъ прокурора Кіевской Судебной Палаты С. М. Ч—кова

съ просьбой воздѣйствовать на того же начальника милиціи Т—ка, и вотъ по какому дѣлу.

Оказывается, въ нѣжинскомъ уѣздѣ еще лѣтомъ появился нѣкій «пророкъ», ходившій по селамъ и предсказывавшій приближеніе кончины міра, скорое пришествіе антихриста и т. п. страхи. Пророкъ имѣлъ успѣхъ среди бабъ, мужики же относились къ его вѣщаніямъ недовѣрчиво и насмѣшливо. Нѣжинская уѣздная администрація усмотрѣла въ дѣятельности пророка контръ-революцію и арестовавъ, посадила въ тюрьму. Тамъ онъ просидѣлъ съ мѣсяцъ и затѣмъ былъ высланъ въ свою деревню съ воспрещеніемъ показываться въ сосѣднихъ селахъ. Однако прошло немного времени и «пророкъ» былъ узнанъ на базарѣ въ Нѣжинѣ. Его немедленно схватили и посадили въ узилище. Тогда въ это дѣло вмѣшался прокуроръ Нѣжинскаго Окружнаго Суда и, не найдя состава преступленія и основаній для лишенія свободы злосчастнаго «пророка», требовалъ его освобожденія. Но Т—ко не только не хотѣлъ освободить «пророка», но обвинилъ самаго прокурора въ контръ-революціи и сталъ угрожать ему арестомъ. Бѣдный прокуроръ долженъ былъ думать теперь о собственной безопасности и обратился за защитой къ прокурору Кіевской Судебной Палаты.

Изъ всего этого я заключилъ, что мнѣ надо самому ѣхать въ Нѣжинъ и разобраться въ томъ, что тамъ происходитъ. Я пригласилъ себѣ въ спутники г. Ганжу, и мы отправились на автомобилѣ проселочными дорогами въ Нѣжинъ, который по грунтовой дорогѣ отстоитъ отъ Чернигова всего въ 75 верстахъ. Стоялъ сухой вѣтреный день, когда мы подъѣзжали къ Нѣжину. Вѣтеръ подымалъ тучи пыли по широкимъ площадямъ и узенькимъ, извилистымъ улицамъ города, гдѣ получилъ свое воспитаніе и провелъ юношескіе годы Гоголь. Вотъ и его памятникъ, уныло чернѣющій среди худосочнаго пыльнаго сквера. «Опредѣлено мнѣ чудной властью озирать жизнь сквозь видимый міру смѣхъ и незримыя, невѣдомыя ему слезы» — гласитъ знаменитая цитата, выкованная на постаментѣ памятника...

Въѣхавъ въ городъ, мы нигдѣ не могли допроситься, гдѣ помѣщается уѣздный комиссаріатъ. Долго колесили мы по запутаннымъ улицамъ города, наводя своимъ автомобилемъ страхъ на мирно пасущихся гусей, индѣекъ и на играющихъ дѣтей, пока, наконецъ, въ одномъ изъ переулковъ не увидали жестяной таблицы на скромномъ деревянномъ домикѣ, гласившей, что здѣсь помѣщается комиссаріатъ. Войдя въ помѣщеніе, мы застали толпу народа, галдѣвшую и о чемъ-то спорившую. На вопросъ, можно ли видѣть комиссара, намъ указали на молодого человѣка въ черной блузѣ, подпоясанной шнуркомъ, оживленно спорившаго въ толпѣ. Это и былъ комиссаръ, студентъ второго курса мѣстнаго историко-филологическаго института К—ій. Одна нога у него была искалѣчена, или коротка, и на ходу онъ страшно хромалъ, почти присѣдалъ. Я назвалъ себя и попросилъ провести меня въ кабинетъ, чтобы поговорить о дѣлахъ. Спо-

рившая и шумѣвшая толпа (оказалось, это были крестьяне изъ уѣзда, пришедшіе по какому-то дѣлу), узнавъ, что пріѣхалъ губернскій комиссаръ, немного притихла.

— «Ну, и шумные же у васъ посѣтители!» — замѣтилъ я.

— «Это еще ничего», — возразилъ комиссаръ, — «вотъ на дняхъ я ѣздилъ въ село N., уговаривать, чтобы не рубили казенный лѣсъ-молоднякъ, — такъ чуть не избили, едва убѣжалъ.»

Въ это время вошелъ начальникъ милиціи Т—ко. Это былъ пожилой человѣкъ, съ рыжей бородкой и хитрыми глазами, типъ уѣзднаго торговца или подпольнаго адвоката. Оказалось, онъ и былъ частнымъ повѣреннымъ, т. е. тѣмъ, кого у насъ въ народѣ называютъ попросту «аблакатомъ». Потомъ выяснилось, что и вражда у него къ прокурору возникла на почвѣ старыхъ счетовъ по его прежней профессіи.

Изъ короткаго разговора я увидѣлъ, что всѣми дѣлами въ сущности ворочаетъ Т—ко, какъ человѣкъ опытный и бывалый, а бѣдный филологъ ѣздитъ по селамъ лишь для митинговъ и уговариваній, не всегда, какъ выходило изъ его же словъ, безопасныхъ для него. Я попросилъ Т—ка оставить насъ наединѣ съ К—имъ и принялся выговаривать ему неумѣстность и незакономѣрность поступковъ и съ купцами, и съ пророкомъ. К—ій во всемъ со мной согласился и горько сѣтовалъ на свое полное незнакомство съ законами, съ административными дѣлами и практикой.

Пока мы такъ бесѣдовали, въ комнату постучался и вошелъ солидный господинъ въ черномъ сюртукѣ, въ золотыхъ очкахъ, и отрекомендовался комиссаромъ города Нѣжина. Это былъ профессоръ историко-филологическаго института Т., читавшій тамъ логику и философію. Собственно говоря, на его отвѣтственности лежали дѣла съ купцами, но какъ видно, и профессоръ и его слушатель, сдѣлавшіеся теперь одинъ городскимъ, другой уѣзднымъ комиссаромъ, жили дружно и компетенціи своей особенно не разграничивали.

У насъ зашелъ разговоръ о милиціи города Нѣжина, жалобы на которую доходили до меня въ Черниговъ. Господинъ Ганжа, все время присутствовавшій при разговорѣ, замѣтилъ, что нѣжинскіе милиціонеры небрежно относятся къ своимъ обязанностямъ и берутъ взятки. — «Да, бываетъ», — возразилъ на это профессоръ-комиссаръ, — «но за то они всѣ очень преданы революціи.»

Мы съ Ганжою увидѣли, что дѣловые разговоры съ этимъ философомъ врядъ-ли имѣли бы какой смыслъ.

Я условился съ комиссаромъ К—имъ, что еще разъ зайду къ нему передъ отъѣздомъ, а самъ поспѣшилъ въ окружной судъ, чтобы застать тамъ еще кого-нибудь.

Я познакомился прежде всего съ предсѣдателемъ суда, почтеннымъ старикомъ, отъ котораго узналъ, что со времени переворота и своего вступленія въ должность, ни уѣздный, ни городской комиссары ни разу у него были, не познакомились, и вообще ни въ какія отношенія съ судомъ не

вступали, хотя, добродушно добавилъ старикъ, для нихъ знакомство съ представителями судебнаго вѣдомства имѣло бы нѣкоторое значеніе, въ смыслѣ ознакомленія съ извѣстными правовыми нормами. Познакомился я и съ прокуроромъ, который чуть-ли не со слезами на глазахъ жаловался на Т—ка и объяснилъ всю подоплеку дѣйствій начальника милиціи, личности дѣйствительно очень темной и для своего поста совершенно неподходящей.

Пообѣдавъ въ клубѣ, мы съ Ганжою отправились опять въ комиссаріатъ, но по дорогѣ мы встрѣтили ковыляющаго комиссара, куда-то спѣшившаго.

— Вы меня извините, — заявилъ онъ, — я долженъ итти на станцію: прибыло тѣло моей неожиданно скончавшейся невѣсты...

Намъ оставалось только выразить ему свое сочувствіе и отпустивъ его съ миромъ ѣхать обратно въ Черниговъ.

Конечно, терпѣть такого начальника милиціи какъ Т—ко, было нельзя. Я воспользовался тѣмъ, что онъ еще не былъ утвержденъ и отказалъ въ утвержденіи, распорядившись не выплачивать ему жалованья. Ко мнѣ полетѣли телеграммы отъ какихъ-то совѣтовъ и даже съѣздовъ, — (какъ это, молъ я, народный избранникъ, не хочу утвердить лицо, также избранное народомъ), но такъ какъ я оставался непреклоннымъ, то поѣхали жаловаться на меня въ Кіевъ прямо Ц. Радѣ. Я объяснилъ тамъ въ чемъ дѣло, и добился смѣщенія Т—ка.

Въ Кіевъ мнѣ приходилось ѣздить очень часто. Однажды меня вызвалъ къ себѣ новый главнокомандующій юго-западнаго фронта генералъ Володченко. Я поѣхалъ въ Бердичевъ. Штабъ былъ уже въ агоніи. Фронтъ распадался, всякая дисциплина и порядокъ исчезли.

Мой старый пріятель, С. А. Базаровъ, сообщилъ мнѣ, что генералъ Володченко желаетъ сблизиться съ генеральнымъ секретаріатомъ, познакомиться съ В. К. Винниченко, такъ вотъ, не могу ли я помочь, оказать посредничество. Главнокомандующій пригласилъ меня обѣдать и послѣ обѣда, въ присутствіи начальника штаба генерала Стогова, дѣйствительно повелъ рѣчь о томъ, что хорошо было бы войти въ контактъ съ генеральнымъ секретаріатомъ, что вѣдь собственно арміи юго-западнаго фронта защищаютъ Украину, что онъ самъ, генералъ Володченко — украинецъ (оказалось, даже мой землякъ — глуховчанинъ). Генералъ Стоговъ, донской казакъ, относился къ сближенію болѣе сдержанно.

Разумѣется, я одобрилъ вполнѣ мысль генерала Володченка и заявилъ свою готовность служить ему для ея осуществленія, чѣмъ могу. Тогда генералъ Володченко показалъ мнѣ проектъ письма, съ которымъ онъ хотѣлъ обратиться къ Винниченку, какъ главѣ автономнаго украинскаго правительства. Но письма этого онъ не отправилъ, а пріѣхавъ въ Кіевъ, лично сдѣлалъ визитъ Винниченку. Однако генералъ Володченко очень недолго оставался на своемъ посту.

Между тѣмъ работа генеральнаго секретаріата подвигалась весьма туго. Вр. П-ство его саботировало (напримѣръ, совершенно не выдавало денегъ). Сношенія съ правительственными учрежденіями въ краѣ завязывались весьма слабо. Винниченко созвалъ съѣздъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ 5 украинскихъ губерній, и это нѣсколько наладило связь съ краемъ.

Надо сказать, что энергія и время генеральныхъ секретарей уходили не столько на ихъ прямыя обязанности и дѣла, сколько на политику въ Ц. Радѣ. Поэтому всѣ они, а въ особенности Винниченко, были всегда очень заняты и съ ними трудно было даже переговорить о какомъ-нибудь дѣлѣ. Однажды я пріѣхалъ по очень важному дѣлу къ Винниченку. Въ видѣ особой любезности его личный секретарь доложилъ обо мнѣ и выйдя сказалъ, что предсѣдатель секретаріата можетъ удѣлить мнѣ пять минутъ, «а васъ», — обратился онъ къ ожидавшему тутъ же губернскому комиссару Волыни А. Г. Вязлову, пріѣхавшему спеціально изъ Житоміра, — «васъ то ужъ ни въ какомъ случаѣ принять не можетъ».

Однимъ изъ наибольшихъ осложненій жизни въ нашей губерніи и въ самомъ городѣ Черниговѣ было присутствіе большого количества войскъ, прибывшихъ съ фронта или готовившихся къ отправленію туда. Вдоль шоссе между Кіевомъ и Черниговомъ, въ Броварахъ, Семиполкахъ, Яновкѣ и другихъ прилегающихъ селахъ была расположена тяжелая артиллерія, увезенная съ фронта. Вдоль шоссе были разставлены, словно для смотра, колоссальныя орудія, зарядныя ящики, обозныя телѣги. Армія уже разлагалась. Солдаты самовольничали, пошаливали въ деревняхъ и съ каждымъ днемъ причиняли все болѣе и болѣе хлопотъ.

Но особенно обременительнымъ былъ 13 запасный пѣхотный полкъ, расположенный возлѣ самаго Чернигова на такъ называемомъ «казарменномъ участкѣ». Полкъ этотъ безпрестанно пополнялся запасными изъ губерніи и доходилъ иногда до 16 000 человѣкъ. Это была буйственная толпа ничего не дѣлавшихъ солдатъ, служившая постоянной угрозой городу. Населеніе города почему то было увѣрено — очевидно такіе шли разговоры —, что полкъ рано или поздно взбунтуется, разобьетъ казенный винный складъ, и тогда начнется въ городѣ погромъ. Во всякомъ случаѣ въ полку безпрестанно вспыхивали какія-то недоразумѣнія. Городъ нѣсколько разъ ходатайствовалъ передъ начальникомъ округа К. М. Оберучевымъ о выводѣ полка изъ Чернигова. Однажды я самъ ѣздилъ къ Оберучеву и просилъ его о томъ же. Въ сущности набирать солдатъ изъ уѣздовъ, недовольныхъ, раздраженныхъ, уже тронутыхъ пропагандою, не было никакого смысла: вѣдь все равно изъ этого полка никакихъ пополненій на фронтъ посылать было нельзя и не для чего; война фактически уже кончилась и надо было думать о томъ, какъ бы полегче произвести демобилизацію, безъ разоренія областей, примыкавшихъ къ фронту. Но полков-

никъ Оберучевъ ни за что не хотѣлъ согласиться на всѣ мои доводы и упрямо стоялъ на своемъ.

Однажды, когда я былъ въ гостяхъ у И. Л. Шрага, прибѣжалъ запыхавшись офицеръ городской милиціи и просилъ скорѣе итти въ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ города Чернигова, приславшій за мною; оказалось, 13 запасный полкъ взбунтовался, арестовалъ командира и офицеровъ, собрался на митингъ и теперь, видимо, собирается итти на городъ . . . Я поспѣшилъ въ совѣтъ. До сихъ поръ я не имѣлъ съ нимъ никакого дѣла и никакихъ отношеній. По законамъ Вр. П-ства милиція въ губернскомъ городѣ была совершенно изъята изъ вѣдѣнія губернскаго комиссара, также точно не были подвѣдомственны ему вообще всѣ городскія дѣла. Я жилъ въ Черниговѣ какъ бы пользуясь экстерриторіальностью и въ дѣла города не входилъ. Теперь вдругъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ самъ меня приглашаетъ, — значитъ, дѣло плохо!

Дѣйствительно совѣтъ, въ которомъ присутствовало человѣкъ 15—20 разнаго пола, возраста и состоянія, былъ очень перепуганъ и просилъ у меня помощи. Единственно, что я могъ ему предложить, это послать телеграмму Оберучеву. Къ моему мнѣнію присоединился и вызванный въ засѣданіе комендантъ города, старенькій полковникъ. Въ это время на улицѣ раздался громъ военной музыки. Всѣ члены совѣта такъ и присѣли отъ страха. Это полкъ, послѣ митинга, проходилъ по улицамъ города; однако на сей разъ все обошлось благополучно, солдаты прошли съ музыкой по двумъ-тремъ улицамъ и повернули къ себѣ на «казарменный участокъ». Оказывается, на митингѣ былъ избранъ новый «командиръ полка», какой-то прапорщикъ. На другой день ко мнѣ явилась делегація отъ полка, заявила, что это, молъ, у нихъ было свое домашнее дѣло и что — не извольте, дескать, безпокоиться! Арестованнаго командира и офицеровъ на другой день выпустили. Только послѣ этого случая полкъ стали постепенно разгружать (а задержка людей въ немъ, какъ оказалось, и была главной причиной бунта), и онъ скоро растаялъ. Въ городѣ остался только одинъ украинскій баталіонъ и еще нѣкоторыя мелкія части.

Этотъ баталіонъ сформировался вопреки желанія начальника округа полковника Оберучева, ставившаго всякія препятствія его организаціи. Своей дисциплиной баталіонъ выгодно отличался отъ другихъ воинскихъ частей. Но его держали въ загонѣ, не выдавая никакого снабженія. Офицерскій же составъ баталіона былъ слабъ. Командиръ баталіона, штабсъ-капитанъ Е—въ, держалъ себя какъ-то странно и велъ какую-то не совсѣмъ ясную для меня политику, такъ что мнѣ приходилось быть въ отношеніи него все время на сторожѣ. А тѣмъ временемъ положеніе вещей въ губерніи постепенно принимало такой оборотъ, что приходилось серьезно разсчитывать на такую хотя бы и небольшую, но сохранившую организацію и дисциплинированную воинскую часть.

Я уже упоминалъ, что вначалѣ, всю первую часть осени въ Черниговской губерніи было спокойно. Небольшія недоразумѣнія лишь изрѣдка вспыхивали то тутъ, то тамъ, но ихъ удавалось безъ особаго труда улаживать. Какъ ни разстроенъ былъ административный и хозяйственный аппаратъ, какъ ни слаба была новая, на спѣхъ организованная администрація и милиція, но жизнь края текла еще по старому налаженному руслу, и если бы въ странѣ была сильная и авторитетная власть, то можно было бы спокойно провести необходимыя реформы соціально-экономическаго характера, и въ первую голову реформу земельныхъ отношеній. Но въ этой области не дѣлалось ничего, шли только теоретическія разсужденія и споры, вопросъ откладывался до Учредительнаго Собранія, а тѣмъ временемъ лѣвыя партіи, и украинскія, и русскія, вели свою агитацію, и настроеніе крестьянской массы постепенно взвинчивалось и подымалось.

Въ Черниговской губерніи, въ ея сѣверныхъ, малоплодородныхъ уѣздахъ, съ осени начали замѣчаться тревожные признаки голода. Годъ былъ неурожайный, и даже въ южныхъ, черноземныхъ уѣздахъ губерніи (такихъ, напримѣръ, какъ Нѣжинскій) былъ недородъ и ощущался кое-гдѣ недостатокъ хлѣба. На сѣверѣ же было совсѣмъ плохо. Между тѣмъ согласно общему продовольственному плану, съ системой централизаціи дѣла снабженія, на Черниговскую губернію падала извѣстная часть хлѣбныхъ поставокъ для арміи и для великорусскихъ губерній. Черниговскій продовольственный комитетъ подчинялся директивамъ изъ Петрограда, и всѣ указанія на то, что надо позаботиться о своей собственной губерніи, не приводили ни къ чему. Въ комитетѣ сидѣли преимущественно люди молодые и неопытные; хотя они и старались что-нибудь сдѣлать, но не выходило ничего. А между тѣмъ изъ Суражскаго и Мглинскаго уѣздовъ являлись депутаціи и заявляли, что тамъ ощущается острый недостатокъ хлѣба и начинается просто голодъ. Не добившись ничего въ комитетахъ, депутаціи направлялись ко мнѣ. Начались мои неоднократныя поѣздки въ комитетъ, посылались срочныя телеграммы, но изъ Петрограда отвѣчали, что измѣнить нарядовъ не могутъ, отъ Кіева же вообще ничего нельзя было добиться: тамъ были заняты «высокою политикою» и на телеграммы просто не отвѣчали.

Въ началѣ октября В. К. Винниченко, какъ я выше упомянулъ, созвалъ въ Кіевъ съѣздъ губернскихъ и уѣздныхъ комиссаровъ автономной Украины (Черниговская, Полтавская, Волынская и Подольская губерніи). Съѣздъ раскрылъ довольно печальную картину состоянія края: правобережная Украина страшно страдала отъ погромовъ и разныхъ безобразій, учинявшихся солдатами фронта, превратившимися въ нестройныя орды насильниковъ и грабителей. Нѣкоторыя мѣстности, лежавшія на пути отступленія войскъ, еще лѣтомъ 1917 года были такъ разорены, что, напримѣръ, въ Каменецкомъ уѣздѣ населенію приходилось голодать. Повсюду жаловались на милицію. Въ Полтавщинѣ и на Волыни все

чаще и чаще происходили безпорядки на аграрной почвѣ и давала себя чувствовать анархія. Я настойчиво указывалъ на опасность голода и возможность возникновенія голодныхъ бунтовъ. Но съѣздъ такъ и не имѣлъ никакихъ реальныхъ послѣдствій.

Генеральный секретаріатъ продолжалъ оставаться оторваннымъ отъ страны, изображая изъ себя нѣчто вродѣ наблюдательнаго или совѣщательнаго органа. Никто изъ секретарей не показывался нигдѣ кромѣ Кіева, а въ Кіевѣ ихъ энергія уходила на политику въ Ц. Радѣ. Отъ нихъ не только нельзя было добиться какого-либо отвѣта на телеграммы, но даже пріѣхавъ спеціально въ Кіевъ нельзя было достичь того, чтобы быть выслушаннымъ и получить какой-нибудь дѣловой совѣтъ, какое-либо указаніе. Но всю вину за то, что автономное правительство никакъ не могло наладить дѣла и дѣйствительно взять бразды правленія въ руки, сваливали на Вр. П-во, на игнорированіе имъ генеральнаго секретаріата и саботированіе его попытокъ наладить дѣловыя отношенія. Отчасти это было вѣрно.

Вр. П-ство, доживавшее свои послѣдніе дни, или махнуло совсѣмъ рукой на украинскія дѣла, стремясь какъ-нибудь дотянуть до Учредительнаго Собранія (а тамъ, молъ, все устроится), или же дѣйствительно саботировало правительство автономной Украины, желая донять его если не мытьемъ, то катаньемъ. Какъ вдругъ въ Петроградѣ разразилась т. н. октябрьская революція и Украинѣ уже не оставалось ничего иного, какъ отдѣлиться отъ большевистской Россіи и начать устраивать свою судьбу совершенно самостоятельно.

Какъ разъ въ это время у насъ въ Черниговѣ вновь возникли недоразумѣнія на «военной почвѣ». Штабъ округа требовалъ, чтобы украинскій баталіонъ отправлялся на «фронтъ». Войсковой украинскій секретаріатъ, существовавшій въ Кіевѣ помимо утвержденія и признанія со стороны Вр. П-ства, противился уходу баталіона. Я также былъ противъ увода баталіона, особенно въ виду того, что еще не былъ ликвидированъ совсѣмъ 13 запасный полкъ и артиллерія, окончательно превратившаяся въ банды и, по большей части, уже покинутая своими офицерами. Но свои сношенія съ баталіономъ генеральный секретарь С. В. Петлюра велъ помимо меня, не посвящая меня въ свои планы, а командиръ баталіона постоянно обращался ко мнѣ въ своихъ недоразумѣніяхъ съ комендантомъ гарнизона, представителями другихъ воинскихъ частей и совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Ко мнѣ обѣ стороны обращались, какъ къ своего рода арбитру, и мое положеніе становилось очень затруднительнымъ, дѣло же могло кончиться вооруженнымъ столкновеніемъ между баталіономъ и запаснымъ полкомъ.

Во время одного изъ совѣщаній въ бывшемъ губернаторскомъ домѣ съ представителями спорящихъ сторонъ, въ залъ вошелъ Савичъ и потихоньку мнѣ сообщилъ, что только что получено извѣстіе о возстаніи въ Петроградѣ. Я запро-

силъ телеграфно Кіевъ и, какъ всегда, не получилъ отвѣта. Къ вечеру пришли изъ Петрограда нѣсколько успокаивающія свѣдѣнія, но я все же рѣшилъ съѣздить въ Кіевъ, чтобы освѣдомиться о намѣреніяхъ генеральнаго секретаріата и за одно уладить въ округѣ дѣло украинскаго баталіона.

На другой день утромъ я поѣхалъ въ Кіевъ. Со мной попросился съѣздить и командиръ украинскаго баталіона штабсъ-капитанъ Е—въ. Я уже былъ освѣдомленъ, что и въ Кіевѣ назрѣваетъ конфликтъ, но пока еще никакихъ особенно тревожныхъ извѣстій оттуда не приходило. Въ Кіевѣ положеніе было довольно сложное. Фактически сталкивались три силы: Ц. Рада со своимъ генеральнымъ секретаріатомъ, опиравшіеся на украинизованныя воинскія части; затѣмъ — штабъ Кіевскаго военнаго округа, во главѣ котораго по уходѣ полковника Оберучева сталъ генералъ Квѣцинскій, но душою его былъ комиссаръ округа соц.-дем. меньшевикъ Киріенко. Штабъ округа опирался на военные училища и школы прапорщиковъ, на донскія казачьи части, на чешскій баталіонъ и еще кой-какія части, стягивавшіяся къ Кіеву. Наконецъ были большевики съ совѣтомъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ, съ нѣсколькими воинскими частями въ Кіевѣ и артиллеріей за Днѣпромъ. Конфликтъ разразился, какъ только пришло извѣстіе въ Кіевъ о начавшемся возстаніи въ Петроградѣ.

Мы съ капитаномъ Е—вымъ спокойно доѣхали до села Бровары, откуда уже виденъ Кіевъ. По выѣздѣ изъ села намъ навстрѣчу стали попадаться «дядьки», спѣшившіе на своихъ повозкахъ, усердно погоняя лошадей. Они дѣлали намъ знаки, предостерегая дальше не ѣхать. Но мы не обратили на это вниманія, и автомобиль нашъ мчался къ Кіеву. Такъ въѣхали мы въ Никольскую Слободку. Тутъ замѣтилъ я, что на шоссе, на которомъ здѣсь всегда людно и большое движеніе, теперь было почти пусто, и только изъ воротъ да изъ дверей выглядывали обыватели, все время посматривая впередъ, въ сторону Цѣпного моста.

При въѣздѣ на мостъ суетится толпа солдатъ, какъ будто заряжаетъ орудія и направляетъ на мостъ.... Нашъ шоферъ круто повернулъ въ сторону и автомобиль въѣхалъ въ какой-то не-то дворъ, ни-то незастроенное мѣсто. Мы съ Е—вымъ выскочили изъ машины и тутъ, когда стихъ шумъ отъ нашей ѣзды, я услыхалъ со стороны Кіева орудійные выстрѣлы и трещанье пулеметовъ. Солдаты у моста или не замѣтили насъ, или не обратили вниманія. Тутъ я увидалъ, что изъ караульнаго дома, въ которомъ съ начала войны помѣщалась охрана моста и откуда обыкновенно выходили провѣрять пропуски для автомобилей, выглядывалъ офицеръ и дѣлалъ мнѣ знаки. Я пошелъ въ караулку, а Е—въ направился къ солдатамъ. Офицеръ объяснилъ, что въ Кіевѣ большевистское возстаніе, что у моста солдаты-артиллеристы, примкнувшіе къ большевикамъ и что они собираются обстрѣливать Печерскъ, гдѣ засѣли вѣрные Вр. П-ству части. Узнавъ, кто я, офицеръ совѣтовалъ мнѣ скорѣе уѣзжать,

пока солдаты не обратили на насъ особаго вниманія, а также рекомендовалъ снять погоны.

Капитанъ Е—въ перебранивался съ кучкой солдатъ, но въ какомъ-то шутливомъ тонѣ. Я сказалъ ему, что лучше намъ отъѣхать немного назадъ. Бензинъ былъ на исходѣ и мы рѣшили попытаться добраться до Дарницы (станція Кіево-Воронежской желѣзной дороги), гдѣ попробовать поискать подчиненнаго мнѣ начальника мѣстной милиціи. Такъ мы и сдѣлали и черезъ четверть часа были въ Дарницѣ.

Начальникъ милиціи оказался очень милымъ и толковымъ человѣкомъ. Онъ сообщилъ кой-какія подробности о разыгрывавшихся въ Кіевѣ событіяхъ. Порѣшили такъ: автомобиль я оставлю у него, а онъ припрячетъ его у себя во дворѣ (жилъ онъ въ глубинѣ Дарницкаго лѣса) и постарается добыть бензину. Мы же съ капитаномъ попробуемъ пробраться въ Кіевъ по желѣзной дорогѣ: товарные поѣзда еще ходили. Шоферу я наказалъ не отлучаться, стеречь машину и ожидать моего возвращенія.

Товарнымъ поѣздомъ мы доѣхали до станціи «Кіевъ 2», а оттуда уже добрались до города. Тутъ я понемногу оріентировался въ томъ, что происходило.

Одновременно въ Кіевѣ засѣдали два съѣзда: «3 всеукраинскій войсковой съѣздъ» и «Фронтовой казачій съѣздъ». Какъ только пришло извѣстіе о начавшемся въ Петроградѣ возстаніи, въ Кіевѣ организовался «Революціонный комитетъ по охранѣ революціи на Украинѣ», въ которомъ объединились представители Ц. Рады съ представителями мѣстныхъ большевиковъ (Л. Пятаковъ и В. Затонскій), объявившій себя верховной властью на всѣ 9 украинскихъ губерній (Кіевская, Подольская, Волынская, Полтавская, Черниговская, Харьковская, Херсонская, Екатеринославская и Таврическая). Въ выпущеномъ къ населенію воззваніи комитетъ объявлялъ, что «на улицахъ Петрограда идетъ борьба между Вр. П-ствомъ и петроградскимъ совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ», и что «враги революціи и народной свободы могутъ воспользоваться для возвращенія царскаго режима и порабощенія народа. Въ этотъ грозный часъ вся революціонная демократія — рабочіе, крестьяне и армія — должны объединиться и собрать всѣ свои силы для того, чтобы сберечь спокойствіе и порядокъ на Украинѣ». Подъ этими словами скрывался разрывъ съ Вр. П-ствомъ и украинско-большевистскій аліансъ.

Штабъ кіевскаго военнаго округа пытался устроить въ Кіевѣ базу для поддержки Вр. П-ства и борьбы съ большевиками и Ц. Радой, но эта попытка не имѣла никакого успѣха, ибо Вр. П-ство давно уже утратило свой авторитетъ, особенно на Украинѣ и за исключеніемъ группъ интеллигенціи, русскихъ и еврейскихъ кадетовъ съ меньшевиками, никто за нимъ въ Кіевѣ не стоялъ. Въ свое время Вр. П-ство, не хотѣвшее и не умѣвшее опереться на украинское національное движеніе противъ большевиковъ, теперь имѣло противъ себя и тѣхъ и другихъ.

Борьбу началъ штабъ округа. Окруживъ вѣрными себѣ частями бывшій императорскій дворецъ, гдѣ засѣдалъ совѣтъ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ съ Пятаковымъ во главѣ, штабъ округа хотѣлъ было на мѣстѣ расправиться съ главарями большевиковъ. Съ величайшимъ трудомъ делегаціи Ц. Рады лишь удалось вырвать Пятакова и его сподвижниковъ изъ рукъ разъяренныхъ юнкеровъ и казаковъ. Помѣщеніе же совѣта солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ было совершенно разгромлено. Были уничтожены канцелярія, книги и даже мебель. Делегатамъ Ц. Рады спасеніемъ вожаковъ совѣта удалось лишь на нѣсколько часовъ задержать начало вооруженнаго столкновенія.

На другой день большевистскія части атаковали штабъ округа, и на улицахъ Кіева закипѣла вооруженная борьба, сосредоточившаяся главнымъ образомъ на Печерскѣ, причемъ на сторонѣ большевиковъ выступили понтонные и воздухоплавательные баталіоны и артиллеристы; штабъ округа защищали юнкера и казаки. Чехо-словацкій баталіонъ, вначалѣ поддерживавшій штабъ, скоро уклонился отъ борьбы и объявилъ нейтралитетъ. Украинцы поддерживали большевиковъ, признавшихъ надъ собою власть украинскаго начальника военнаго округа полковника В. Павленка.

Я попалъ въ Кіевъ какъ разъ на эту борьбу. Теперь я понялъ и нѣкоторую конспирацію капитана Е—ва отъ меня, и его смѣлость, съ какой онъ бесѣдовалъ у моста съ солдатами, обстрѣливавшими Печерскъ.

Я не могъ ничего добиться толкомъ ни въ Ц. Радѣ, ни у С. В. Петлюры; онъ принялъ меня, что называется «на ходу», ничего не объяснилъ и только увѣрялъ, что «все будетъ хорошо».

Между тѣмъ защитники штаба округа разсѣялись, генералъ Квѣцинскій арестованъ (но на другой день освобожденъ) и Ц. Рада осталась хозяиномъ положенія. Теперь она заговорила инымъ тономъ и съ большевиками, ясно показывая имъ свое нежеланіе дѣлиться съ ними властью. Аліансъ скоро кончился, и Пятаковъ съ Затонскимъ вышли изъ «революціоннаго комитета» и изъ состава Ц. Рады, упрекая украинцевъ въ коварствѣ и вѣроломствѣ. Спустя нѣсколько дней украинскія части очень ловко разоружили большевиковъ въ Кіевѣ и за Днѣпромъ, въ Никольской Слободкѣ, Дарницѣ и Броварахъ. Но это случилось двѣ недѣли спустя.

Я пробылъ въ Кіевѣ два дня. Вр. П-ство въ Петроградѣ было уже свергнуто, и въ генеральномъ секретаріатѣ мнѣ предложили оставаться попрежнему губернскимъ комиссаромъ, но уже отъ имени украинскаго правительства, причемъ заявили, что я могу совершенно разсчитывать на украинскій баталіонъ, расположенный въ Черниговѣ. Надо было думать о возвращеніи въ Черниговъ. За мной заѣхалъ на военномъ автомобилѣ капитанъ Е—въ и предложилъ отправиться въ Дарницу, откуда мы можемъ продолжать путь уже на моемъ автомобилѣ, если онъ цѣлъ. Мы поѣхали.

Съ нами сѣло въ качествѣ охраны два вооруженныхъ украинскихъ содата. Поѣхали низомъ по берегу Днѣпра, т. к. черезъ Печерскъ еще не было проѣзда. У моста насъ задержала большевистская застава. «Свои!» закричалъ имъ Е—въ; но къ намъ все же подсѣло два красноармейца, и мы проѣхали съ ними черезъ мостъ въ Никольскую Слободку. Здѣсь въ какомъ-то «районномъ участкѣ» молодой рабочій и барышня, исполнявшіе роль комиссаровъ, снабдили меня пропускомъ съ печатью, гласившей, что «товарищъ губернскій комиссаръ Черниговщины ѣдетъ по служебной надобности», и я поѣхалъ дальше въ Дарницу уже безъ провожатыхъ. Автомобиль мой былъ цѣлъ, начальникъ милиціи успѣлъ добыть бензину, и шоферъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія, наскучивъ сидѣть въ лѣсной глуши. Черезъ нѣсколько часовъ мы съ Е—вымъ были уже въ Черниговѣ.

Въ Черниговѣ большевики не имѣли никакой силы и значенія. Лидеромъ ихъ являлась молоденькая барышня, Соня Соколовская, дочь мѣстнаго мирового судьи. Она выступала и въ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ, и въ городской думѣ, какъ гласный новой демократической думы. Когда мнѣ на одномъ засѣданіи думы указали на нее, я не могъ сначала повѣрить, что эта совсѣмъ юная, миловидная барышня, почти подростокъ, является «лидеромъ», да еще большевиковъ! Когда я познакомился съ ней, она мнѣ очень жаловалась на «грубость» украинцевъ, съ которыми ей приходилось сталкиваться въ совѣтѣ солдатскихъ депутатовъ. Видимо грубость дѣйствительно была чужда Сонѣ Соколовской, ибо когда уже въ самомъ концѣ 1917 года Черниговъ заняли большевики, то ей были обязаны своимъ спасеніемъ около сотни офицеровъ, проживавшихъ въ городѣ, и вообще, какъ мнѣ потомъ передавали, благодаря ея настояніямъ, какъ «предсѣдательницы ревкома», въ Черниговѣ тогда не было ни одной кровавой расправы. Былъ тогда въ Черниговѣ еще одинъ извѣстный теперь большевистскій дѣятель, студентъ В. Элланскій (литературный псевдонимъ его В. Блакитный); но въ то время онъ больше былъ занятъ устройствомъ украинской книжной лавки въ Черниговѣ и офиціально считался эсъ-эромъ. Мы часто съ нимъ встрѣчались по дѣламъ разныхъ украинскихъ культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, и «Вася Элланскій», какъ его всѣ звали въ Черниговѣ (онъ кончилъ тамъ духовную семинарію) былъ очень скромнымъ и симпатичнымъ молодымъ человѣкомъ. Теперь онъ сталъ «пролетарскимъ поэтомъ» и пишетъ какіе-то нелѣпые стихи.

Спустя недѣлю послѣ моего возвращенія изъ Кіева пріѣхалъ въ Черниговъ генеральный писарь А. И. Лотоцкій и предложилъ отъ имени секретаріата отправиться съ нимъ въ ставку въ Могилевъ, чтобы заключить съ верховнымъ командованіемъ соглашеніе объ образованіи особаго украинскаго фронта для защиты украинской территоріи, соединивъ вмѣстѣ румынскій и юго-западный фронты. Главнокомандующимъ предполагался генералъ Щербачевъ, уже вы-

развившій на это свое согласіе. Думали собрать остатки арміи, преимущественно украинизованныя части, державшіяся лучше другихъ и прикрывать ими границы Украины. Я согласился, и мы поѣхали на автомобилѣ черезъ Гомель въ Могилевъ. Мнѣ уже пришлось такимъ путемъ побывать въ ставкѣ еще въ половинѣ октября, когда я ѣздилъ по дѣламъ галицко-буковинскаго управленія. Тогда я видѣлся съ генераломъ Духонинымъ, исполнявшимъ обязанности начальника штаба, — главнокомандующимъ еще считался Керенскій. Теперь уже Керенскаго не было, и верховнымъ главнокомандующимъ былъ Духонинъ.

Посѣщая послѣдовательно черезъ извѣстные промежутки времени ставку можно было наблюдать, какъ она постепенно «опускается», какъ замираетъ біеніе сердца еще недавно грозной и могучей арміи. Съ каждымъ моимъ пріѣздомъ я замѣчалъ, какъ ослабѣваетъ извѣстная подтянутость всѣхъ чиновъ ставки, отъ низшихъ до высшихъ, какъ упрощается процедура полученія пропуска въ помѣщеніе верховнаго главнокомандующаго, какъ безпорядочнѣе и грязнѣе становится въ вагонахъ, предназначенныхъ для остановки пріѣзжающихъ и въ офицерской столовой...

Насъ ожидалъ В. В. Вырубовъ, помощникъ главнокомандующаго по гражданской части, наиболѣе хлопотавшій о соглашеніи съ украинскимъ правительствомъ, объ организаціи украинскаго фронта и думавшій этимъ сохранить боеспособность хоть части арміи. Но положеніе ставки было уже очень неопредѣленное: въ Петроградѣ сидѣли большевики и былъ назначенъ новый «главковерхъ» Крыленко. Въ ставкѣ же думали отсидѣться, авось не тронутъ! Защиты, собственно, не было никакой: баталіонъ георгіевскихъ кавалеровъ, два-три баталіона «смерти», но они уже, кажется, были тронуты пропагандой, какъ незримый ядъ, проникавшей повсюду и все отравлявшей. Это былъ моментъ, когда въ ставку съѣхались представители лѣвыхъ, но не большевистскихъ группъ, и думали попытаться образовать здѣсь правительственный центръ. Рядомъ съ вагономъ, въ одномъ изъ купэ котораго помѣстились мы съ А. И. Лотоцкимъ, стоялъ цѣлый вагонъ, гдѣ жили эсъ-эры: Черновъ, Гоцъ, Данъ и еще какіе-то. Безпрерывно происходили засѣданія, въ которыхъ принимали участіе эсъ-эры, представители пресловутаго «Викжеля», молодые офицеры—комиссары ставки, фронтовъ, армій и т. д. Изъ-за этихъ засѣданій наше дѣло подвигалось очень медленно и я, выѣхавъ съ разсчетомъ пробыть въ ставкѣ день-два, пробылъ здѣсь съ недѣлю.

Каждый день утромъ и вечеромъ мы съ Лотоцкимъ ходили въ аппаратную, гдѣ стояли прямые провода, соединявшіе ставку со всѣми концами грандіознаго фронта, съ Кавказомъ, столицами и важнѣйшими центрами Россіи. Раньше это было «святая святыхъ», куда допускали штабныхъ лицъ лишь въ особыхъ случаяхъ, по спеціальнымъ пропускамъ, въ сопровожденіи особыхъ проводниковъ-офицеровъ. Теперь всякій заходилъ сюда безъ спроса и разрѣ-

шенія. Здѣсь всегда можно было застать В. Чернова, ведшаго безконечные переговоры съ Москвой; въ ожиданіи соединенія съ Москвой онъ иногда часами пролеживалъ здѣсь на маленькомъ кожаномъ диванчикѣ.

Мы говорили съ Кіевомъ. Въ углу помѣщался отдѣльный аппаратъ, принадлежавшій спеціально румынамъ, и къ нему приходили говорить жалкіе, перепуганные румыны, прижатые тамъ у себя въ Молдавіи съ одной стороны нѣмцами, а съ другой — «революціонной арміей». Между тѣмъ съ сѣвера отъ Витебска надвигались на ставку большевики съ самимъ «главковерхомъ» Крыленкомъ. Съ каждымъ днемъ настроеніе въ ставкѣ становилось все болѣе нервнымъ.

7 ноября вечеромъ намъ изъ Кіева передали, что тамъ провозглашена Украинская Народная Республика. Одинъ изъ делегатовъ «Викжеля», землякъ-украинецъ О. говорилъ намъ какія-то загадочныя фразы и совѣтовалъ скорѣе уѣзжать изъ ставки. Я догадывался, что «Викжель» уже сговорился съ большевиками и держитъ ихъ сторону, хотя тутъ въ ставкѣ его представители пока еще не раскрываютъ своихъ картъ. Поздно ночью того же 7 ноября въ кабинетѣ генерала Духонина состоялось соглашеніе объ образованіи украинскаго фронта. Когда я, по подписаніи договора, припомнилъ Духонину, какъ мы лѣтомъ встрѣчались съ нимъ въ Каменцѣ и въ Бердичевѣ и какъ онъ тогда относился съ недовѣріемъ ко мнѣ, какъ украинцу, а вотъ теперь мы вмѣстѣ подписываемъ это соглашеніе, онъ печально улыбнулся.

Надо было переписать второй экземпляръ, и я пошелъ наверхъ искать писаря. Это были комнаты, въ которыхъ проживалъ императоръ Николай II. Вотъ рояль, на которомъ бренчалъ наслѣдникъ, вотъ спальня, гдѣ они спали съ отцомъ. Теперь здѣсь пусто и неуютно. Въ спальнѣ стоятъ голыя кровати безъ матрацовъ, въ углу большой залы горитъ всего одна лампочка. Возлѣ нея сидитъ и читаетъ какую-то бумагу высокій худой генералъ. Это баронъ Врангель. Его я все время встрѣчалъ здѣсь въ домѣ главковерха, онъ также принималъ участіе въ различныхъ совѣщаніяхъ. Вошелъ, наконецъ, заспанный писарь, шинель нараспашку, папироска въ зубахъ, сѣлъ и сталъ выстукивать на машинкѣ. Ни вѣстовыхъ, ни адъютантовъ — никого.

Я отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ чернѣвшую даль. Пошелъ густой первый снѣгъ и сталъ застилать бѣлой пеленою голые кусты и деревья, постройки, пустынную равнину за Днѣпромъ. Кругомъ тишина-тишина. Лишь стучитъ монотонно пишущая машинка. Мнѣ невольно пришло на мысль, что эта картина замиранія природы, разстилавшаяся за окномъ, такъ поразительно гармонируетъ съ этимъ угасаніемъ еще недавно грозной арміи и защищаемаго ею великаго государства. Здѣсь въ этой залѣ, гдѣ витали тѣни недавняго — иного прошлаго, — здѣсь въ этомъ домѣ билось сердце великой арміи. Оно билось теперь все слабѣе и слабѣе и вотъ-вотъ остановится... Что будетъ дальше?

Отвѣтомъ мнѣ представлялась та бѣлая могильная пелена, все застилавшая собою за окномъ и все погребавшая подъ своимъ густымъ покровомъ.

Писарь кончилъ. Я раскланялся съ Врангелемъ, всегда здоровавшагося со мной съ холодной вѣжливостью, за которой чувствовалась непріязнь, и понесъ бумагу внизъ подписывать. Тамъ въ кабинетѣ горѣлъ ярко каминъ, и при его красномъ свѣтѣ бесѣдовали Духонинъ, Вырубовъ и Лотоцкій. Второй экземпляръ — для насъ — подписанъ, и мы простились. Никому изъ насъ не приходило въ голову, что надъ этимъ красивымъ, полнымъ силъ и энергіи генераломъ смерть уже занесла свою косу.

Я рѣшилъ на другой же день утромъ ѣхать въ Черниговъ, безпокоясь, что такъ долго засидѣлся и оставилъ въ такое тревожное время губернію. Лотоцкому же хотѣлось остаться до вечера, чтобы присутствовать на политическомъ совѣщаніи, созванномъ эсъ-эрами и комиссарами фронта. Я не сталъ его ожидать и уѣхалъ, воспользовавшись любезностью одного уполномоченнаго земскаго союза, ѣхавшаго на автомобилѣ въ Кіевъ. Онъ довезъ меня до Чернигова. На другой день пріѣхалъ и Лотоцкій, а вечеромъ ко мнѣ позвонилъ по телефону начальникъ черниговской почтово-телеграфной конторы и сообщилъ только что полученную новость: «Ставка занята большевиками. Генералъ Духонинъ убитъ.»

Въ Черниговѣ я засталъ приготовленія къ торжественному празднованію провозглашенія Украинской Республики. Это празднованіе состоялось въ ближайшее воскресенье. На площади передъ Спасо-Преображенскимъ соборомъ преосвященный Іоаннъ отслужилъ молебенъ и сказалъ приличествующее случаю слово. И. Л. Шрагъ, бывшій городской голова А. Верзиловъ и я произнесли рѣчи, затѣмъ состоялся парадъ войскамъ черниговскаго гарнизона, который мнѣ пришлось принимать. Послѣдній разъ видали черниговцы стройные ряды войскъ, съ офицерами во главѣ, съ сине-желтыми украинскими знаменами, съ музыкой, дефилировавшіе въ полномъ порядкѣ и съ пѣснями расходившіеся послѣ парада. Празднованіе прошло при огромномъ стеченіи народа и съ большимъ подъемомъ. У всѣхъ какъ-бы просвѣтлѣло на душѣ. Послѣ безпрестанной тревоги и напряженности послѣднихъ недѣль, казалось, блеснулъ свѣтлый лучъ; всѣ ожидали, что независимая Украина, отдѣлившаяся отъ большевистской Россіи, сдѣлается оплотомъ порядка, законности, что она сумѣетъ сама по лучшему устроить свою жизнь. Этотъ мотивъ звучалъ и въ словѣ архіерея (родомъ костромича), и въ привѣтствіяхъ многочисленныхъ депутацій отъ различныхъ офиціальныхъ и общественныхъ учрежденій, явившихся привѣтствовать меня послѣ парада войскамъ — какъ представителя новой власти. Начиная отъ крестьянъ, собравшихся на какой-то очередной съѣздъ, и кончая представителями банковъ, землевладѣльцевъ и духовенства — всѣ выражали мнѣ эту увѣренность, что самостоятельная

Украина избѣжитъ печальной участи Великороссіи, ставшей жертвою смуты. Хотѣлось вѣрить и самому, но надъ нами уже собирались темныя тучи, и радость наша была непродолжительна.

X.

Аліансъ съ большевиками продолжался недолго. Съ самаго начала онъ не имѣлъ никакой искренности съ обѣихъ сторонъ. Хотя Пятаковъ и жаловался на невѣрность Ц. Рады, но сами большевики не помышляли о соблюденіи «вѣрности», несмотря на всѣ свои широковѣщательныя заявленія о правѣ народовъ Россіи «на самоопредѣленіе вплоть до отдѣленія», и готовили ударъ самостоятельной Украинѣ. Большевиками руководилъ совершенно правильный (съ ихъ точки зрѣнія) разсчетъ: въ Россіи произошелъ переворотъ, и тамъ образовалась совѣтская республика съ диктатурой коммунистической партіи, опиравшейся первоначально на широкіе круги рабочаго класса, подготовленнаго долгой и искусной агитаціей, на разагитированныя массы разложившейся арміи, и на опредѣленныя группы интеллигенціи. Легкость, съ какой былъ осуществленъ переворотъ, показывалъ, что въ Великороссіи для воспріятія совѣтско-коммунистическаго строя почва была достаточно подготовлена и сама по себѣ благопріятна. Далеко не то было на Украинѣ. Элементы, готовые къ принятію коммунизма, составляли здѣсь очень тонкую прослойку и то лишь въ крупныхъ центрахъ, притомъ состояли преимущественно изъ людей немѣстныхъ, пришлыхъ. Крестьянинъ въ огромной своей массѣ былъ настроенъ строго собственнически, какъ это было на Украинѣ искони. А главное — здѣсь съ весны 1917 года происходило національное движеніе, въ той или иной формѣ и степени находившее себѣ очень живой откликъ въ широкихъ кругахъ населенія. Это движеніе не умѣли использовать его офиціальные вожаки, а между тѣмъ представлялась полная возможность для Украины устоять противъ надвигавшейся волны большевизма и въ національномъ возрожденіи почерпнуть силы для здороваго развитія молодой государственности и нормальнаго строительства жизни.

То, что осенью 1917 года Украина представляла еще изъ себя «оазисъ» среди взбаламученнаго всероссійскаго моря, среди его хаоса и смуты, — далеко не было одной лишь красивой фразой. Но, повторяю, этого использовать не умѣли, да — и не хотѣли. А большевики учитывали возможность образованія обокъ съ своею совѣтскою республикою — несовѣтской Украины, которая неминуемо сдѣлалась бы сплотомъ всѣхъ противобольшевистскихъ элементовъ въ сосѣдней Великороссіи.

Но, конечно, не соціалистическое правительство Ц. Рады, словно состязавшееся съ большевиками въ распространеніи

среди народа демагогическихъ лозунговъ разрушительнаго, а отнюдь не созидательнаго характера, не украинскіе «революціонные демократы» были способны организовать государство въ 40 милліоновъ населенія и найти силы, которыя могли бы это государство сберечь и охранить между міровой войной и соціальной революціей. Фраза, произнесенная однимъ украинскимъ министромъ соціалъ-демократомъ: «мы хотимъ или соціалистической Украины — или же намъ не нужно никакой Украины», — эта фраза соотвѣтствовала въ дѣйствительности настроенію большинства дѣятелей Ц. Рады. Большевики оперировали подобными же лозунгами, но они были болѣе послѣдовательны и прямолинейны. Ставя своей первой задачей разрушеніе буржуазно-капиталистическаго строя, они и въ теоріи и въ практикѣ шли до конца. Украинскіе же соціалисты полагали, что бросая систематически въ народныя массы извѣстные лозунги, провозглашая опредѣленныя формулы, можно управлять массами при помощи этихъ формулъ, словно какихъ-то магическихъ заклинаній, можно удержать массы въ такихъ границахъ, какія будутъ необходимы для осуществленія партійной программы.

Украинскіе соціалисты-революціонеры, старательно углублявшіе въ теченіе лѣта 1917 года «революціонное сознаніе народныхъ массъ», что сводилось къ проповѣди захвата и раздѣла «панской» земли и панскаго имущества, прекрасно приготовили почву для пришествія большевиковъ, которымъ не оставалось ничего иного, какъ пригласить массы немедленно и практически осуществить то, о чемъ толковали и торжественные универсалы Ц. Рады и партійные эсъэровскіе агитаторы на деревенскихъ сходахъ.

Отъ 4 универсала Ц. Рады, провозглашавшаго принципъ соціализаціи земельной собственности, къ большевизму переходъ былъ неминуемъ. Ни обмануть, ни перехитрить тѣ элементы крестьянства, которымъ улыбалась перспектива «соціализаціи» панскаго имущества, точно такъ же, какъ и городской пролетаріатъ, одинаково ожидавшій всякихъ благъ отъ соціализаціи фабрикъ и заводовъ — было нельзя. И тѣхъ и другихъ софистика украинскихъ соціалистовъ лишь раздражала. Въ ней справедливо видѣли обманъ. И какъ только Ц. Рада пошла на разрывъ съ большевиками, участь ея была предрѣшена. Увлеченная успѣхами національнаго движенія, опьяненная легкими побѣдами надъ безсильнымъ Вр. П-ствомъ, украинская соціалистическая (или революціонная, какъ она любитъ себя называть) демократія не хотѣла допустить къ дѣлу государственнаго и соціально-экономическаго строительства тѣхъ, кого она называла «панами» и «москалями», ибо не хотѣла дѣлиться съ ними властью и руководящимъ положеніемъ; конечно, не хотѣла она дѣлиться и съ претендентами на возглавленіе революціи — съ большевиками. Она полагала, что можно найти какой-то средній путь, какое-то среднее состояніе между соціалистическимъ и буржуазно-демократическимъ строемъ, что можно

управлять революціей при помощи красивыхъ фразъ и чувствительныхъ воззваній. Конечно, она горько ошиблась. Ей и выдвинутой ею Ц. Радѣ съ генеральнымъ секретаріатомъ*) пришлось повторить судьбу Вр. П-ства, послѣдовательно повторивши всѣ его ошибки. Поманивши крестьянство своими обѣщаніями, разжегши классовую рознь, раззадоривши худшіе инстинкты и аппетиты, Ц. Рада остановилась и стала отставать отъ того, что уже осуществляли у себя въ Россіи большевики, — и вліяніе ея мгновенно исчезло. Въ рѣшительную минуту, когда большевики нажали извнѣ и извнутри, оказалось, что за Ц. Радой никто въ сущности уже не стоитъ: «миллiоны штыковъ» оказались пуфомъ, а тѣ реальныя тысячи, которыхъ она сама же разложила своей демагогіей и удивительной неспособностью что-либо организовать, — въ критическую минуту объявили нейтралитетъ. А «народъ», конечно, безмолвствовалъ, но только не въ пользу Ц. Рады.

Между тѣмъ обстановка для молодой Украинской Республики вначалѣ складывалась весьма благопріятно, даже во внѣшнемъ, международномъ отношеніи. Союзники, отчаявшіеся въ Россіи, обратили свое вниманіе на Украину, разсчитывая, что она будетъ продолжать, если не активную борьбу, то по крайней мѣрѣ сопротивленіе, удерживая своими силами бывшіе юго-западный и румынскій фронты. Формированіе украинскихъ національныхъ частей и затѣмъ образованіе по соглашенію со ставкой въ Могилевѣ украинскаго фронта было принимаемо представителями союзнаго командованія, какъ мѣры для продолженія войны — въ формѣ обороны украинской территоріи отъ австро-нѣмецкаго вторженія. Представители Франціи, Англіи и Румыніи внимательно слѣдили за развитіемъ событій на Украинѣ. Уже въ началѣ ноября генералъ Табуи, начальникъ французской военной миссіи при ставкѣ юго-западнаго фронта, и майоръ англійской службы Фицвильямсъ явились къ генеральному секретарю по международнымъ дѣламъ въ Кіевѣ А. Я. Шульгину съ заявленіемъ, что союзники вообще, а въ особенности Франція, съ полной симпатіей относятся къ культурному и политическому возрожденію Украины. У союзниковъ уже намѣчался планъ, что Украина, вмѣстѣ съ Дономъ, чехо-словацкими легіонами и различными національными частями, будетъ наряду съ Румыніей продолжать хотя бы пассивное сопротивленіе на фронтѣ.

Когда совѣтское правительство въ Москвѣ заявило о своемъ намѣреніи заключить миръ съ центральными державами, Франція и Англія отвѣтили на это формальнымъ признаніемъ самостоятельной Украинской Республики. 21 декабря 1917 года Шульгинъ получилъ письмо отъ генерала Табуи слѣдующаго содержанія:

*) Большевики и названіе „генеральный“ использовали для агитаціи противъ Ц. Рады, толкуя, что въ генеральномъ секретаріатѣ засѣдаютъ генералы, потому де онъ такъ и называется.

Le Général Commissaire
de la République.

République Française.

Kiev, le $\frac{\text{21 décembre 1917}}{\text{13 janvier 1918}}$

Le Général Tabouis, Commissaire de la République Française auprès du Gouvernement de la République Ukrainienne, à Monsieur le Secrétaire Général aux affaires étrangères de la République Ukrainienne.

Monsieur le Secrétaire Général.

J'ai l'honneur de vous prier de porter à la connaissance du Gouvernement de la République Ukrainienne que le Gouvernement de la République Française m'a désigné comme Commissaire de la République Française auprès du Gouvernement de la République Ukrainienne.

Je vous demanderai, en conséquence, de bien vouloir me faire savoir quel jour et à quelle heure je pourrai faire au Chef du Gouvernement ma visite solennelle de présentation officielle.

Veuillez, Monsieur le Secrétaire Général, agréer l'assurance de ma haute considération.

(Signé) Tabouis.

На другой день предсѣдатель генеральнаго секретаріата В. К. Винниченко въ торжественной аудіенціи принялъ французскую делегацію, состоявшую изъ генерала Табуи, полковниковъ Ваніо и Денса, и генерала Арке, назначеннаго французскимъ консуломъ въ Кіевѣ. Въ своей рѣчи генералъ Табуи, между прочимъ, заявилъ:

«Я приношу Вамъ безусловное завѣреніе въ томъ, что Франція, первая совершающая этотъ торжественный актъ (официальнаго признанія Украины), поддержитъ всѣми своими моральными и матеріальными средствами усилія, которыя будетъ дѣлать Украинская Республика, чтобы итти тѣмъ путемъ, какой намѣтили себѣ союзники и какимъ они и далѣе будутъ неуклонно итти въ полномъ сознаніи своего права и своихъ обязанностей передъ демократіями всего міра и всего человѣчества.»

Письмомъ отъ 2 января 1918 года генералъ Табуи увѣдомилъ украинское правительство, что съ 5/18 декабря Францiя считаетъ себя вошедшей въ официальныя сношенія съ Украиной (Depuis cette date, La France est entrée en relations officielles avec l'Ukraine)*). Вслѣдъ затѣмъ и бывшій англійскій генеральный консулъ въ Одессѣ Пиктонъ Багге увѣдомилъ украинское правительство, что онъ назначенъ «представителемъ Велико-Британіи на Украинѣ». Румынскій генералъ Коанда уже съ октября мѣсяца велъ официальные переговоры съ генераль-

*) Цитирую по изданію Лиги Націй: „Demande d'admission dans la Société des Nations de la République Ukrainienne. Mémorandum du Secrétaire Général." 20 novembre 1920. Document de l'Assemblée 88, Genève.

нымъ секретаріатомъ, и вопросъ объ учрежденіи офиціальнаго румынскаго представительства на Украинѣ былъ принципіально уже рѣшенъ.

Какими же силами располагало украинское правительство, чтобы укрѣпить свое положеніе и оправдать надежды союзниковъ на поддержаніе противо-австро-нѣмецкаго фронта?

Мнѣ пришлось уже выше говорить о томъ, что движеніе, направленное вначалѣ на выдѣленіе украинцевъ въ отдѣльныя національныя части, а затѣмъ и на формированіе особыхъ украинскихъ частей, движеніе, извѣстное подъ именемъ украинизаціи арміи, началось еще весною 1917 года и очень скоро приняло широкіе размѣры. Но и здѣсь во главѣ дѣла стали партійные люди лѣваго направленія, не сумѣвшіе отдѣлить военное дѣло отъ партійныхъ задачъ и внесшіе въ формированіе украинской арміи всѣ дурные пріемы дешевой демагогіи и узкаго политиканства. Во главѣ «генеральнаго секретарства по войсковымъ дѣламъ» сталъ С. В. Петлюра, человѣкъ штатскій, имѣвшій къ военному дѣлу лишь то отношеніе, что съ 1916 года онъ состоялъ помощникомъ уполномоченнаго земскаго союза на западномъ фронтѣ. Онъ окружилъ себя молодыми прапорщиками военнаго времени, матросами, писарями, военными чиновниками — это и былъ штабъ нарождавшейся украинской арміи. Ко всѣмъ старымъ офицерамъ, хотя бы они были и чистокровными украинцами, Петлюра и его ближайшіе сотрудники относились съ глубокимъ недовѣріемъ. И встрѣчая это недовѣріе на каждомъ шагу, старые, опытные офицеры генеральнаго штаба, генералы, имѣвшіе уже славный боевой стажъ, не особенно стремились въ ряды молодой украинской арміи. Шли по большей части авантюристы, вродѣ полковника Капкана (командира перваго украинскаго полка имени Б. Хмѣльницкаго), форменнаго бандита — полковника П—ка; типичнаго проходимца и авантюриста — штабсъ-капитана Б—го и прочихъ, закончившихъ свою карьеру послѣ многократныхъ переходовъ и измѣнъ службою въ совѣтской арміи. Понятно, что такіе люди ничего прочнаго создать не могли и послѣ всѣхъ шумныхъ толковъ и выступленій, въ распоряженіи Ц. Рады находилось осенью 1917 года всего нѣсколько «полковъ», представлявшихъ изъ себя скорѣе отряды партизановъ подъ командою своихъ атамановъ, чѣмъ регулярныя войсковыя части. Избалованныя, деморализованныя политикою, эти дружины удальцевъ, носившія трескучія названія: «Полкъ имени гетмана Сагайдачнаго», «Полкъ имени Дорошенка», «Полкъ имени Грушевскаго» и т. п. — не выдержали, какъ мы сейчасъ увидимъ, пробы при первомъ же серьезномъ испытаніи.*)

---

*) Правда, усиліями отдѣльныхъ лицъ изъ числа кадровыхъ офицеровъ, главнымъ образомъ — полковника В. А. Павленка — удалось было сформировать къ концу октября двѣ „сердюцкія“ дивизіи, численностью до 15 000 человѣкъ. При ихъ помощи было произведено немного позже разоруженіе большевистскихъ частей въ самомъ Кіевѣ и его окрест-

Но была одна солидная украинская воинская часть, которая могла стать ядромъ украинской арміи, которая положила уже серьезныя заслуги въ дѣлѣ обороны края... но — этой части Ц. Рада боялась не менѣе, чѣмъ большевиковъ и напрягла всѣ усилія, чтобы ее разложить. Рѣчь идетъ о 34 армейскомъ корпусѣ, украинизованномъ еще лѣтомъ 1917 года на юго-западномъ фронтѣ подъ командою генералъ-лейтенанта П. П. Скоропадскаго (будущаго гетмана). По распоряженію генерала Корнилова этотъ корпусъ былъ украинизованъ, т. е. солдаты другихъ національностей были изъ него выдѣлены, остались только украинцы, затѣмъ въ корпусъ были влиты украинцы изъ другихъ войсковыхъ частей. Корниловъ, по опыту знавшій, что украинизованыя части прекрасно сражались (какъ, напримѣръ, 56 дивизія VIII арміи въ Галиціи), возлагалъ большія надежды на сохраненіи боеспособности хотя бы отдѣльныхъ частей путемъ ихъ украинизаціи. Дѣйствительно, украинизованный 34 корпусъ сдѣлался послѣдней опорой порядка среди всеобщаго развала фронта въ концѣ 1917 года.

Послѣ паденія ставки въ ноябрѣ генералъ Скоропадскій не подчинился распоряженіямъ новаго главковерха Крыленка и занялъ своимъ корпусомъ линію желѣзной дороги между Жмеринкой и Казатинымъ, а также линію Казатинъ—Шепетовка и Христиновка—Вапнярка, разоружилъ обольшевичившійся 2 гвардейскій корпусъ, двигавшіяся съ фронта на Кіевъ, и направилъ обезоруженные эшелоны солдатъ кружнымъ путемъ черезъ Шепетовку—Калинковичи на сѣверъ. Точно также обезоружилъ онъ и другія большевистскія части, стремившіяся въ ноябрѣ и началѣ декабря занять Кіевъ и утвердить здѣсь большевистскую власть.

Однако дѣйствія генерала Скоропадскаго не только не ободрили правительство Ц. Рады, но вызвали въ немъ опасенія, какъ бы энергичный генералъ, опираясь на свой прекрасный украинскій корпусъ, развернувшійся до внушительныхъ размѣровъ (60.000 человѣкъ), не захватилъ власть и не провозгласилъ себя гетманомъ! Эти опасенія я лично слыхалъ въ Кіевѣ отъ самихъ генеральныхъ секретарей. И вотъ были направлены всѣ усилія, чтобы разложить и уничтожить этотъ корпусъ. Въ него были посланы спеціальные агитаторы. Несмотря на многократныя просьбы командира корпуса, не присылалась теплая одежда и обувь, хотя кіевскіе склады ломились отъ запасовъ обмундированія. Люди, болѣе мѣсяца жившіе въ холодныхъ вагонахъ, начали волноваться. Цѣлымъ рядомъ намѣренныхъ дѣйствій генеральный секретарь Поршъ, замѣнившій въ декабрѣ Петлюру, добился ухода генерала Скоропадскаго въ отставку. И прекрасная боевая

ностяхъ. Но какъ только это разоруженіе произошло и первая опасность какъ будто миновала, Петлюра распорядился немедленно демобилизовать эти дивизіи, опасаясь ихъ „контръ-революціоннаго" настроенія, выражавшагося въ стремленіи поддерживать настоящую воинскую дисциплину, въ нелюбви къ комитетамъ и въ желаніи видѣть во главѣ частей людей не штатскихъ, а военныхъ.

часть, строго-украинская по своему національному составу, быстро разложилась и уже къ началу 1918 года перестала существовать.

Такую же участь потерпѣла и другая военная организація, такъ называемое «Вольное Казачество», начавшая формироваться въ Кіевской губерніи еще лѣтомъ 1917 года. Первая организація возникла въ Звенигородскомъ уѣздѣ и состояла преимущественно изъ крестьянской молодежи, иногда же къ ней примыкали и люди пожилые.

Дружины «Вольнаго Казачества» ставили себѣ задачей поддержаніе порядка, безопасности, борьбы съ разбойничьими элементами.

Подъ вліяніемъ національнаго движенія въ форму организаціи было внесено немало романтическаго элемента въ духѣ старой казачьей традиціи: появились старинныя названія, историческіе жупаны, шапки и прочіе аксессуары историческаго казачества.

Къ организаціи опредѣленно примыкали хозяйственные элементы деревни, степенные хлѣборобы, настроенные антисоціалистически и антиреволюціонно. Изъ Звенигородскаго уѣзда движеніе распространилось въ другихъ уѣздахъ, перекинулось за Днѣпръ въ Полтавскую губернію, гдѣ нашло себѣ множество сторонниковъ среди здѣшнихъ казаковъ, далѣе — на Черниговщину, Екатеринославщину.

Въ этомъ «Вольномъ Казачествѣ» украинскому правительству легко было создать прочную опору порядка и молодой государственности, но оно съ самаго начала крайне подозрительно отнеслось къ формированію казачьихъ дружинъ, когда же на съѣздѣ представителей «Вольнаго Казачества» всей Украины въ Чигиринѣ 6 октября былъ избранъ почетнымъ атаманомъ тотъ же генералъ П. П. Скоропадскій, подозрительность эта удвоилась. Казачеству не отпускали средствъ, не выдавали оружія и распространяли слухи о его «контръреволюціонныхъ» намѣреніяхъ.

Такъ подрывала Ц. Рада тѣ сучья, на которыхъ не только могла усидѣть сама, но и поддержать шаткую и неукрѣпленную еще храмину молодой украинской республики. А грозный день былъ уже близокъ.

Совѣтское правительство считало себя въ состояніи войны съ правительствомъ Украины. Ему не нужно было формировать для наступленія особой арміи (тогда еще только заканчивался процессъ разложенія старой россійской арміи и дѣлались всего лишь первые шаги для организаціи новой красной арміи): взрывъ Украинской Народной Республики былъ подготовленъ изнутри. Въ началѣ декабря мѣстные большевики созвали въ Кіевѣ «рабоче-крестьянскій» съѣздъ. Имъ не удалось получить на съѣздѣ большинство. Тогда большевистское меньшинство переѣхало въ Харьковъ и выдѣлило изъ себя «совѣтское правительство Украины». Въ то же время съ сѣвера былъ захваченъ Черниговъ. Въ

Полтавѣ мѣстный «совдепъ» поднялъ голову. Во всѣхъ крупныхъ центрахъ власть правительства Ц. Рады существовала къ концу года лишь номинально. Въ Кіевѣ это сознавали, но ничего уже подѣлать не могли.

XI.

Наступалъ новый 1918 годъ. Въ старомъ помѣщеніи Украинскаго клуба на Большой Владимірской собралось около сотни представителей украинскаго общественнаго и литературнаго міра встрѣтить Новый Годъ. Явились и нѣкоторые изъ генеральныхъ секретарей (недавно переименованныхъ въ министры) съ В. К. Винниченкомъ во главѣ. Настроеніе у всѣхъ было подавленное, — отовсюду приходили недобрыя вѣсти. Пробилъ 12-й часъ, и никто не рѣшался поднять бокалъ и провозгласить традиціонный тостъ. Всѣ взоры устремились на главу украинскаго правительства — на Винниченка; дамы стали упрашивать его сказать хоть нѣсколько словъ. — «Что я могу сказать вамъ?» — началъ онъ, — «развѣ то, что варваръ съ сѣвера стоитъ у нашихъ дверей и грозитъ смять, уничтожить всѣ наши достиженія, разрушить наше молодое государство, смести нашу культуру...»

Вся рѣчь Винниченка была проникнута этимъ мрачнымъ настроеніемъ предчувствія надвигающейся катастрофы. О томъ же самомъ говорилъ и слѣдующій ораторъ, Н. Е. Шаповалъ (министръ почтъ и телеграфа), свою рѣчь онъ закончилъ грустнымъ возгласомъ: Morituri te salutant!

Конечно, такое настроеніе членовъ правительства передалось всѣмъ присутствующимъ и на другой день тревога распространилась по всему городу.

Впрочемъ кабинетъ Винниченка не долго оставался на своемъ посту: черезъ нѣсколько дней про изошелъ «кризисъ», оффиціально истолковывавшійся тѣмъ, что, дескать, теперь партія украинскихъ эсъ-эровъ настолько преобладаетъ (въ чемъ ее убѣждало и огромное количество голосовъ, поданное за ихъ списки при выборахъ въ Всероссійское Учредительное Собраніе тамъ, гдѣ эти выборы были произведены), что можетъ всецѣло взять власть въ свои руки, обходясь безъ эсъ-дековъ. Лидеръ эсъ-эровской фракціи, Аркадій Степаненко, заявилъ въ засѣданіи Ц. Рады о недовѣріи къ кабинету Винниченка, и тотъ подалъ въ отставку, навѣрно радуясь, что не ему придется расхлебывать кашу, заваренную, однако, при его активномъ участіи.

Былъ образованъ кабинетъ Голубовича, состоявшій преимущественно изъ эсъ-эровъ. Какъ вообще могъ выдвинуться и занять постъ премьера этотъ кретинообразный субъектъ, не умѣвшій связно произнести даже коротенькой рѣчи, вялый, безъ инициативы, тупой — остается загадкой, которую можно пояснить развѣ тѣмъ, что при общемъ уровнѣ лидеровъ эсъ-эровской партіи, не подымавшемся выше студентовъ второго курса, человѣкъ съ высшимъ образованіемъ

(Голубовичъ былъ инженеръ) являлся такой цѣнной величиной, что уже въ силу одного этого считался кандидатомъ на всѣ высшіе посты.

Злые языки утверждали, что профессоръ Грушевскій, истинный режиссеръ всѣхъ такихъ махинацій, какъ «министерскій кризисъ», «формированіе кабинета» и т. д., — умышленно выдвигалъ людей бездарныхъ и безличныхъ, чтобы ему легче было самому ими управлять. Впослѣдствіи Голубовичъ пріобрѣлъ себѣ печальную извѣстность своимъ позорнымъ поведеніемъ на нѣмецкомъ судѣ въ Кіевѣ въ 1918 году и на большевистскомъ въ Харьковѣ въ 1921 году.

Но такъ, или иначе, новый кабинетъ былъ образованъ. Изъ прежняго состава въ немъ, однако, остался Поршъ, какъ военный министръ. (Видимо, его «военные заслуги» очень цѣнились.)

Между тѣмъ событія развивались очень быстро. Большевики уже подготовили взрывъ украинскаго правительства изнутри. Этотъ взрывъ долженъ былъ произойти въ самой Ц. Радѣ, путемъ объявленія себя частью ея членовъ — большевиками, и путемъ вооруженнаго возстанія въ Кіевѣ. Для осуществленія первой части задуманнаго плана была образована фракція «лѣвыхъ эсъ-эровъ» съ нѣкіимъ Сѣверцевымъ во главѣ (по всей вѣроятности — псевдонимъ). Бывая на засѣданіяхъ Ц. Рады, я замѣтилъ выступленія этой новой группы, лидеромъ которой являлся Сѣверцевъ, молодой человѣкъ, кажется бывшій офицеръ, пріѣхавшій, какъ говорили, изъ Харькова и никому въ Кіевѣ неизвѣстный. Онъ дѣйствовалъ въ контактѣ съ нѣкоторыми членами Ц. Рады, уже открытой именовавшими себя большевиками: среди нихъ выдавался Нероновичъ, бывшій студентъ Петербургскаго университета — офицеръ военнаго времени. Вотъ эти то двѣ группы и должны были произвести переворотъ въ самой Ц. Радѣ. Но ихъ предупредилъ комендантъ города Кіева, Ковенко.

Это была очень интересная личность: инженеръ по профессіи, очень талантливый изобрѣтатель, человѣкъ смѣлый и рѣшительный, съ большой долей авантюризма, онъ въ эти дни явился въ сущности единственнымъ защитникомъ Кіева отъ большевиковъ. Видя полный развалъ «арміи» Ц. Рады, обратившейся въ банды разнузданной солдатни, онъ на спѣхъ сталъ организовывать въ Кіевѣ «Вільне козацтво» (вольное казачество) — родъ милиціи, составленной изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, проникнутыхъ, однако, извѣстнымъ національнымъ одушевленіемъ и, какъ показали событія — изъ людей достаточно отважныхъ. Это была вольница, позволявшая себѣ всякія самоуправства и даже безчинства, но въ рѣшительную минуту только это «Вільне козацтво» и бросилось сражаться съ большевиками. Такъ вотъ этотъ г. Ковенко и предупредилъ большевистскій заговоръ: получивъ свѣдѣнія о замыслѣ большевистскихъ членовъ Ц. Рады, онъ распорядился арестовать ночью рядъ главныхъ участниковъ задуманнаго предпріятія. Эффектъ получился

крупный: сначала эсъ-эры завопили о нарушенiи священныхъ правъ парламента, о неприкосновенности депутатовъ, о грубомъ насилiи; Грушевскiй рвалъ на себѣ сѣдую бороду и былъ, казалось, въ отчаянiи. Но т. к. у Ц. Рады силъ не было никакихъ, а у Ковенка все же было нѣсколько сотъ послушныхъ ему «вольныхъ казаковъ», то пришлось смириться, и Ковенко вдругъ сдѣлался диктаторомъ въ г. Кiевѣ.

Неудача въ стѣнахъ Ц. Рады не остановила большевиковъ. Въ ночь съ 14 на 15 января они подняли возстанiе въ Кiевѣ, захвативъ арсеналъ на Печерскѣ, (рабочiе арсенала были главнымъ оплотомъ большевиковъ). Ночью подъ 15 января меня разбудилъ звонокъ телефона; я бросился къ трубкѣ: говорилъ со мной Ковенко, котораго я всего раза 2—3 видалъ передъ тѣмъ. «Господинъ комиссаръ», — услыхалъ я, — «мы принуждены реквизировать вашъ автомобиль,*) но когда вы позже узнаете, для какой цѣли мы беремъ вашу машину, то сами будете меня благодарить!» Мнѣ не оставалось ничего другого, какъ принять къ свѣдѣнiю это галантное извѣщенiе.

На другой день утромъ я отправился въ военное министерство (помѣщавшееся въ зданiи коллегiи Павла Галагана на Фундуклеевской улицѣ). На дверяхъ его виднѣлась записка, что занятiй въ министерствѣ сегодня не будетъ. Я все-таки пробрался въ помѣщенiе. Лица служащихъ были какъ-то озабочены, всѣ куда-то спѣшили, нѣкоторые вооружались винтовками. На мои вопросы отвѣчали очень неохотно, и я съ большимъ трудомъ добился кое-какихъ свѣдѣнiй. Оказалось, что на Печерскѣ поднялось возстанiе; его сдерживаютъ пока только «вольные казаки» Ковенка. На помощь имъ формируются отряды изъ служащихъ министерства, изъ добровольцевъ, изъ солдатъ, пожелавшихъ защищать правительство; всѣ полки, находившiеся въ Кiевѣ, объявили «нейтралитетъ»; это были полки съ самыми громкими названiями — «Полуботьковскiй», «Дорошенковскiй», «Шевченковскiй» и т. д., на которые Ц. Радой было истрачено столько денегъ, а еще больше краснорѣчiя.

Такъ началось возстанiе. Я не буду подробно излагать его хода. Оно памятно всѣмъ, бывшимъ тогда въ Кiевѣ. Прекрасный многонаселенный городъ сдѣлался жертвою, сначала борьбы на улицахъ, а потомъ жестокаго обстрѣла съ нѣсколькихъ сторонъ. Это были ужасные, незабываемые дни. Въ общихъ чертахъ событiя происходили такъ. Какъ я упомянулъ выше, вначалѣ борьба ограничивалась Печерскомъ, но постепенно силы обѣихъ борящихся сторонъ увеличивались. Съ украинской стороны онѣ увеличились отрядомъ галицкихъ «сѣчевыхъ стрѣльцовъ», очень храбро бившихся

*) Въ моемъ распоряженiи, какъ областного комиссара Галицiи и Буковины, еще находился автомобиль. Этотъ автомобиль стоялъ въ гаражѣ союза городовъ и служилъ предметомъ постоянныхъ покушенiй на „реквизицiю“ со стороны разныхъ „атамановъ“ войскъ Ц. Рады. Мнѣ нѣсколько разъ приходилось съ большимъ трудомъ его освобождать. Вообще въ Кiевѣ развилась своего рода охота на автомобили.

съ большевиками на Подолѣ, нѣсколькими отрядами, пришедшими въ Кіевъ изъ окрестностей, новыми дружинами добровольцевъ. Можно было бы набрать добровольцевъ очень много, прежде всего офицеровъ, но украинское республиканское правительство заранѣе сдѣлало все возможное, чтобы оттолкнуть отъ себя офицерство, — хотя бы своимъ распоряженіемъ, чтобы всѣ офицеры бывшей россійской арміи въ трехдневный срокъ покинули Кіевъ. И вотъ теперь по городу расхаживали тысячи людей въ офицерскихъ шинеляхъ, бывшіе лишь молчаливыми зрителями разыгрывавшейся передъ ихъ глазами отчаянной борьбы. Многіе изъ нихъ слѣдили за борьбой съ злораднымъ чувствомъ по адресу украинцевъ; для нихъ большевики все же были прежде всего свои, «русскіе». Они были жестоко наказаны за это, ибо когда большевики овладѣли городомъ, то прежде всего произвели рѣзню офицеровъ, нисколько не раздѣляя украинцевъ отъ великороссовъ. И вырѣзали подавляющее число, какъ разъ «нейтральныхъ» не украинцевъ.

Если росли силы обороняющейся стороны, то росли съ другой стороны и силы возставшихъ. Къ нимъ присоединялась рабочая молодежь, отчасти и учащіеся (преимущественно — евреи) на окраинахъ города. Борьба распространилась почти по всему городу. Къ концу недѣли, однако, украинцы взяли верхъ. Стрѣльба стала затихать, но тутъ къ большевикамъ подошли подкрѣпленія изъ Россіи, Кіевъ стали обстрѣливать съ двухъ сторонъ — изъ за Днѣпра тяжелой артиллеріей, и съ броневыхъ поѣздовъ со стороны товарной станціи. Этимъ участь города была рѣшена.

Когда со стороны Бахмача и Чернигова двинулись на Кіевъ большевистскіе эшелоны, правительство не могло послать для отпора ни единой воинской части. Тогда собрали наскоро отрядъ изъ студентовъ и гимназистовъ старшихъ классовъ и бросили ихъ — буквально на убой — навстрѣчу прекрасно вооруженнымъ и многочисленнымъ силамъ большевиковъ. Несчастную молодежь довезли до станціи Круты и высадили здѣсь на «позиціи». Въ то время, когда юноши (въ большинствѣ не державшіе никогда въ рукахъ ружья) безстрашно выступили противъ надвигавшихся большевистскихъ отрядовъ, начальство ихъ, группа офицеровъ, осталась въ поѣздѣ и устроила здѣсь попойку въ вагонахъ; большевики безъ труда разбили отрядъ молодежи и погнали его къ станціи. Увидѣвъ опасность, находившіеся въ поѣздѣ поспѣшили дать сигналъ къ отъѣзду, не оставшись ни минуты, чтобы захватить съ собой бѣгущихъ... Большевики звѣрски перебили всѣхъ, за исключеніемъ немногихъ, которымъ удалось кое-какъ спастись. Здѣсь погибли жертвою своего энтузіазма и горячей любви къ родинѣ наиболѣе идейные, лучшіе представители украинской молодежи, и много семей въ Кіевѣ одѣло трауръ... Путь на Кіевъ былъ теперь совершенно открытъ. Говорятъ, инціатива отправленія на видимую гибель нѣсколькихъ сотенъ несчастной молодежи принадлежала военному министру, Н. В. Поршу.

Въ то же время другой, бывшій военный министръ, Петлюра, собралъ партизанскій отрядъ, чтобы отразить наступленіе большевиковъ со стороны Полтавы. Онъ ждалъ ихъ со своимъ отрядомъ у станціи Гребенка Кіево—Полтавской желѣзной дороги, но большевики обошли эту станцію и направились въ Кіевъ по грунтовой дорогѣ. Петлюра возвратился со своимъ отрядомъ въ Кіевъ, поднявъ на нѣкоторое время настроеніе его защитниковъ, ибо разнесся слухъ, будто бы онъ «разбилъ на голову» большевиковъ у Гребенки. Но вскорѣ обнаружилось истинное положеніе дѣлъ.

Надъ Кіевомъ опять стали рваться снаряды. Нѣсколько дней продолжалась адская канонада, и въ ночь на 25 января члены правительства, лидеры фракцій Ц. Рады и кое-кто изъ ея членовъ выѣхали изъ Кіева по Житомірскому шоссе, а за ними отступили украинскія войска. Выѣздъ былъ произведенъ внезапно, безъ всякаго предупрежденія и оповѣщенія хотя бы всѣхъ членовъ Ц. Рады и наиболѣе извѣстныхъ политическихъ дѣятелей. Утромъ 26 января стало совершенно тихо, стрѣльба замолкла. На улицѣ было пустынно, пошелъ густой снѣгъ и казалось, что все успокоилось и наступилъ отдыхъ послѣ адскихъ дней борьбы и напряженія. Я ничего не зналъ объ оставленіи Кіева. Вдругъ ко мнѣ заходитъ А. Я. Шульгинъ и сообщаетъ, что въ Кіевѣ большевики... — Что же вы думаете дѣлать? — спросилъ его я.

— Иду искать убѣжища, чтобы спрятаться, и вамъ совѣтую сдѣлать то же!

Мы обнялись, и онъ ушелъ, поднявъ воротникъ и нахлобучивъ шапку. Ковенко же, уѣзжая на моемъ автомобилѣ, не успѣлъ заѣхать за мной, хотя (какъ выяснилось впослѣдствіи) шоферъ и напоминалъ ему объ этомъ нѣсколько разъ.

Что же было дѣлать? Я рѣшилъ оставаться дома и ждать своей судьбы. Скрываться и бѣжать мнѣ было некуда. Я уничтожилъ свой билетъ члена Ц. Рады и красное «посвідчення» (удостовѣреніе) о моей принадлежности къ военному вѣдомству, — предосторожность мало меня успокаивавшая, ибо сотни такихъ бумажекъ были розданы за моею собственноручною подписью чинамъ галицко-буковинскаго генералъ-губернаторства, ожидавшимъ въ Кіевѣ ликвидаціи своихъ учрежденій.

Цѣлый день, однако, на улицѣ было тихо (я жилъ на Львовской улицѣ у самаго Покровскаго монастыря). Подъ вечеръ толпа обывателей изъ нашего и сосѣдняго домовъ собралась у воротъ и поджидала, что будетъ дальше. Вдругъ по улицѣ промчался автомобиль съ вооруженными солдатами и матросами. Онъ остановился недалеко отъ нашихъ воротъ. Вотъ послышался выстрѣлъ, и толпа обывателей испуганно шарахнулась въ ворота. Но моторъ зашипѣлъ, и автомобиль поѣхалъ далѣе. Оказалось, это выстрѣлилъ въ воздухъ одинъ изъ сидѣвшихъ въ автомобилѣ — чтобы произвести впечатлѣніе. Опять тихо, и вновь у воротъ собралась кучка

любопытныхъ. Я не могъ усидѣть дома и тоже вышелъ за ворота, одѣвъ старенькое пальто и валявшуюся среди домашняго хлама старую облѣзлую шляпу. Въ группѣ у сосѣдняго дома какой-то субъектъ, немолодой, типа полицейскаго канцеляриста или отставного околоточнаго надзирателя о чемъ-то толковалъ своимъ слушателямъ. Я подошелъ. Оказалось, онъ бранилъ Ц. Раду и въ особенности профессора Грушевскаго, разсказывая преувеличенныя вещи о богатствѣ послѣдняго. У воротъ или подъѣзда почти каждаго дома стояли такія же кучки людей — и ждали. Но вотъ застучали конскія копыта и показалась артиллерія. Къ нашему дому подъѣхала батарея и остановилась. Пушки сняли съ передковъ и навели на виднѣвшіяся вдали Луцкія казармы. Зрители переполошились, но солдаты стали успокаивать, говоря, что послана впередъ развѣдка, и если окажется, что Луцкія казармы пусты, то стрѣлять не будутъ. Командовавшій батареею офицеръ, съ красивымъ, но непріятнымъ лицомъ, замѣтилъ, ехидно улыбаясь: «Ну, это еще мы посмотримъ! Придется вамъ открывать форточки, а то — прощай всѣ стекла.» Одинъ же изъ солдатъ до того увлекся своимъ великодушіемъ, что услыхавъ, что здѣсь гдѣ-то во дворѣ живетъ старушка-барыня — и плачетъ, узнавъ, что начнется стрѣльба, пошелъ отыскивать эту барыню, дабы ее успокоить. Къ счастью развѣдка вернулась и донесла, что въ Луцкихъ казармахъ никого нѣтъ. Батарея уѣхала. Сердца обывателей были покорены! Неужели же это тѣ самые большевики, о которыхъ разсказывали такіе ужасы! Неужели это они нѣсколько дней и ночей держали всѣхъ въ смертномъ страхѣ своимъ обстрѣломъ? Неужели изъ этихъ самыхъ пушекъ была убита въ сосѣднемъ домѣ молодая женщина съ ребенкомъ, а въ слѣдующемъ смертельно переранена цѣлая семья? Обыватели рѣшили, «что тутъ что-то не такъ»... и стали расходиться уже нѣсколько ободрившись. Послѣ десяти дней канонады и всяческихъ опасностей уже одна тишина сама по себѣ успокаивала нервы.

На другой день утромъ я осмѣлѣлъ настолько, что отправился къ одной знакомой семьѣ. Но какъ только меня тамъ увидали — заахали, замахали руками: «Что вы! Что вы! Богъ съ вами! Какъ вы можете ходить по улицамъ?! Да развѣ вы не знаете?»

И тутъ мнѣ разсказали о тѣхъ ужасахъ, которые происходили на Печерскѣ, въ Липкахъ, — о поголовной рѣзнѣ генераловъ, офицеровъ, о тысячахъ разстрѣлянныхъ, объ обыскахъ и арестахъ.

Я поспѣшилъ убраться, но не утерпѣлъ и зашелъ къ жившему недалеко своему начальнику канцеляріи по галиційскому генералъ-губернаторству К—ву. Онъ встрѣтилъ меня такъ, какъ если бы я возсталъ изъ гроба; бѣдняга дрожалъ, какъ осиновый листъ. Прерывающимся голосомъ онъ сообщилъ, что С. А. Базаровъ, полковникъ Домажировъ, генералы Палибинъ и Ильинъ и еще цѣлый рядъ моихъ сослуживцевъ убиты. К—въ недоумѣвалъ, какъ уцѣлѣлъ я.

Я ушелъ отъ него совершенно обезкураженный, рѣшивъ засѣсть въ квартирѣ и никуда не показываться, считая, что если убьютъ, то пусть по крайней мѣрѣ дома.

У себя я засталъ Р. И. Ганжу. Онъ бѣжалъ изъ Чернигова и сообщилъ, что тамъ меня ищутъ и уже арестовали было вмѣсто меня (по ошибкѣ) члена земской управы Адаменка. Самъ Ганжа не имѣлъ знакомыхъ въ Кіевѣ и рѣшилъ искать убѣжища у меня. Я объяснилъ ему ненадежность моей квартиры, но у него выбора не было и онъ остался у меня и прожилъ до конца господства большевиковъ въ Кіевѣ. Онъ былъ полезенъ тѣмъ, что какъ человѣкъ почти неизвѣстный въ Кіевѣ, ходилъ свободно цѣлый день по городу и приносилъ намъ новости, увы, — все одна другой печальнѣе.

На третій или на четвертый день ко мнѣ пришелъ казначей нашего генералъ-губернаторства и заявилъ, что является ко мнѣ по порученію служащихъ; ибо «народный комиссаръ военныхъ дѣлъ» украинскаго совѣтскаго правительства Юрій Коцюбинскій издалъ распоряженіе, согласно которому всѣ служащіе военнаго вѣдомства не позже трехдневнаго срока должны были явиться по мѣсту службы; неисполнившимъ этого распоряженія угрожалъ разстрѣлъ. Наше управленіе находилось на Печерскѣ. Я уже болѣе недѣли не имѣлъ съ нимъ даже телефонныхъ сношеній, т. к. на Печерскѣ провода были порваны. Оказалось, что служащіе, напуганные разстрѣломъ Базарова, полковника Домажирова и еще нѣсколькихъ лицъ, не знали, какъ быть «съ приказомъ и его послѣдствіями» и рѣшили просить меня, отправиться лично къ Коцюбинскому и выяснить положеніе нашего учрежденія: можно ли ему продолжать свою работу по ликвидаціи и, если можно, то взять его подъ «законную охрану». Если нѣтъ, то указать, кому сдавать дѣла. Въ сущности просьба моихъ сослуживцевъ была вполнѣ естественна и законна. Вопросъ для меня лично заключался лишь въ томъ, какъ встрѣтитъ Коцюбинскій меня — члена Ц. Рады, бывшаго комиссара двухъ враждебныхъ большевикамъ правительствъ, — станетъ ли со мной говорить, или просто «выведетъ въ расходъ».

Надобно сказать, что Юрія Коцюбинскаго я не зналъ, хотя хорошо зналъ его покойнаго отца, извѣстнаго украинскаго писателя М. М. Коцюбинскаго, знакомъ былъ и съ его матерью, проживавшею въ Черниговѣ. Кто-то сообщилъ мнѣ, что Юрій Коцюбинскій держитъ себя очень свирѣпо, посѣтителей принимаетъ держа заряженный револьверъ на столѣ; на одномъ колѣнѣ подписываетъ бумаги, на другомъ у него кусокъ сала, и ѣстъ онъ его, откусывая или отрывая пальцами, однимъ словомъ — типичный разбойникъ. Какъ ни мало вязалось у меня представленіе о покойномъ М. М. Коцюбинскомъ, изящномъ, мягкомъ, высокоинтеллигентомъ человѣкѣ, съ этимъ образомъ его сына, которому по моимъ разсчетамъ могло быть не больше 21—22 лѣтъ, но вѣдь чего не бываетъ на свѣтѣ!

Дѣлать нечего, я все же рѣшилъ отправиться. Но прежде всего мнѣ надо было добыть какой-либо документъ или пропускъ для выхода на улицу, не опасаясь, что меня опознаютъ и тутъ же прикончатъ. Съ этой цѣлью я обратился къ моему знакомому, присяжному повѣренному Л. М. Слуцкому (уже покойному). Въ свое время я ему оказывалъ разныя услуги и теперь разсчитывалъ, что онъ мнѣ поможетъ, т. к. у него были связи со многими изъ лицъ, которыя теперь, при большевикахъ, играли первыя роли. Я не ошибся. Слуцкій сейчасъ же согласился, усадилъ меня на извозчика и повезъ къ Царскому Дворцу, гдѣ теперь помѣщался «Ревкомъ».

То, что я увидалъ во внутреннемъ помѣщеніи дворца, представляло собою зрѣлище въ нѣкоторомъ родѣ единственное: посрединѣ главнаго зала стояли открытые гробы съ «жертвами революціи», т. е. убитыми большевиками; горѣли восковыя свѣчи, возлѣ нѣкоторыхъ причитали родственницы; рядомъ въ сосѣдней залѣ, прямо на паркетѣ, стояла походная кухня, и въ ней дымилась каша; тутъ же лежали въ непринужденныхъ позахъ солдаты и напѣвали вполголоса какую-то пѣсню; въ слѣдующей комнатѣ стерегли арестованныхъ; всюду полно народу, невообразимая сутолока, громкій говоръ, или брань...

Слуцкій провелъ меня по узенькому коридору и попросилъ обождать у одной изъ запертыхъ дверей, а самъ вошелъ внутрь. Ждать пришлось около часу, все время опасаясь какъ бы меня кто-либо не узналъ. Наконецъ Л. М. Слуцкій вышелъ и съ торжествомъ вручилъ мнѣ документъ, въ которомъ на бланкѣ «Совета рабочих и солдатских депутатов города Киева» было прописано нижеслѣдующее:

> «Товарищ Дмитрий Иванович Дорошенко заслуживает уважения со стороны всякой истино демократической власти. Ему разрешается свободное хождение по улицам г. Киева в пределах дозволеного времени.
>
> Председатель совета Иванов.»

Какъ удалось Слуцкому заполучить этотъ странный документъ, я не знаю, да я и не разспрашивалъ, а поспѣшилъ, поблагодаривши, убраться поскорѣе во свояси.

На слѣдующій день я пошелъ къ Коцюбинскому, — въ ту же коллегію Павла Галагана, гдѣ недѣли двѣ тому назадъ помѣщался Поршъ. Надъ зданіемъ висѣлъ красный флагъ, но въ его верхнемъ углу у древка была вставлена небольшая желто-голубая полоса.

Стоялъ огромный хвостъ въ очереди, начинавшійся на улицѣ. Я тоже сталъ и простоялъ битыхъ три часа, пока дошелъ до меня чередъ. Въ очереди стояла самая разношерстая публика: солдаты, бабы, какіе-то штатскіе неопредѣленнаго вида, старые офицеры... Къ счастью, никто напередъ не опрашивалъ, — кто и чего, и я, опять таки опасаясь лишь бы не быть узваннымъ, терпѣливо дождался своей очереди.

Наконецъ я вошелъ: предо мной былъ высокій молодой человѣкъ, чрезвычайно похожій на покойнаго М. М. Коцюбинскаго, въ офицерской шинели безъ погонъ и въ мѣховой шапкѣ съ наушниками. Я отрекомендовался по-русски, какъ областной комиссаръ Галиціи и Буковины, и назвалъ себя. Коцюбинскій очень любезно пригласилъ меня сѣсть — говоря по-украински. Тогда и я сталъ говорить по-украински. Я коротко изложилъ суть моего дѣла, объяснилъ, что въ систематической и планомѣрной ликвидаціи нашего учрежденія заинтересованы не одни служащіе, но что этого требуютъ интересы населенія Галиціи и Буковины, откуда вывезены квитанціи для уплаты за реквизиціи, судебныя дѣла, имущественные акты и т. д., — не говоря уже о томъ, что значительная часть документовъ имѣетъ историческое значеніе.

Коцюбинскій спросилъ, сколько времени потребуется для ликвидаціи въ кратчайшій срокъ. Я сказалъ, что не менѣе полутора мѣсяца. «Ну, хорошо», — сказалъ онъ, — «кончайте.» «Да», — возразилъ я, — «кончать мы можемъ, но выдайте мнѣ письменное удостовѣреніе, что мы — признанное учрежденіе и не подлежимъ никакимъ стѣсненіямъ!» Коцюбинскій удовлетворилъ мою просьбу, написавъ на бланкѣ «наказъ». Тогда я попросилъ его разрѣшить произвести уплату жалованья служащимъ: деньги въ нашей кассѣ были, но казначей боялся выдавать. На это Коцюбинскій сказалъ, что можно выплачивать, но всѣмъ въ одинаковомъ размѣрѣ отъ писаря до комиссара по 300 рублей, и просилъ послѣзавтра принести ему штаты учрежденія.

Трудно передать удивленіе и радость, съ какою меня встрѣтили мои сослуживцы. Надо отдать полную справедливость Коцюбинскому, онъ обошелся со мной, какъ джентльменъ: вѣдь въ это время происходила форменная охота за всѣми, кто имѣлъ хоть какое-либо касательство къ Ц. Радѣ и къ ея правительству, а вѣдь о моихъ отношеніяхъ Коцюбинскій не знать не могъ. Стоило ему заикнуться кому-либо изъ своихъ коллегъ, и мнѣ не сдобровать! Но онъ, продолжая со мною сношенія и дальше, очевидно никому о нихъ не говорилъ.

Между тѣмъ я узналъ, что въ городѣ осталась масса лицъ изъ украинскаго общества, членовъ Ц. Рады, людей близкихъ къ правительству; я самъ встрѣчалъ многихъ на улицѣ.

Надобно сказать, что большевики, при всемъ своемъ озлобленіи противъ украинства, въ верхахъ своихъ сами дѣлали видъ, что изображаютъ какое-то «украинское правительство» (дѣйствительно изъ украинцевъ среди нихъ были только Коцюбинскій — комиссаръ по военнымъ дѣламъ, и В. Затонскій — комиссаръ народнаго просвѣщенія); въ низахъ же — плохо разбирались: сначала бросились на военныхъ вообще и на богатыя дома и квартиры въ частности; на нихъ излилась вся первоначальная ярость побѣдителей; украинцевъ погибло очень мало и то больше случайно; по-

платилось много лицъ изъ-за однихъ красныхъ удостовѣреній. Изъ людей сколько-нибудь извѣстныхъ въ украинскихъ кругахъ погибло всего двое или трое (журналистъ Пугачъ, члены Ц. Рады Л. Бочковскій и Зарудный). Сыскъ былъ поставленъ на первыхъ порахъ очень слабо, и тѣмъ только и можно объяснить, напримѣръ, что меня искали въ Черниговѣ, но не догадались поискать въ Кіевѣ, гдѣ могли захватить сразу и меня, и Ганжу. Большевики въ первый свой приходъ въ Кіевъ вообще не успѣли еще развернуться, и все ограничилось только кровавой рѣзней при ихъ вступленіи, когда начальство, какъ признавался самъ Муравьевъ, не считало нужнымъ сдерживать «чувства законной мести», дабы дать исходъ накипѣвшимъ страстямъ и энергіи своего воинства. Въ то время у большевиковъ еще не было правильно организованной и дисциплинированной арміи, о которой пишутъ теперь: это были банды головорѣзовъ, искавшихъ прежде всего добычи и не знавшихъ никакого удержу.

Среди хаоса и неразберихи, воцарившихся въ Кіевѣ съ приходомъ большевиковъ, принявшихся за изданіе многочисленныхъ декретовъ — то о реквизиціи сейфовъ, то объ отдачѣ оружія, то о сдачѣ въ банкъ украинской валюты и т. д., пришлось вновь налаживать работу въ нашемъ ликвидировавшемся учрежденіи. Насъ никто не трогалъ. Слухи объ убійствѣ нашихъ старичковъ-генераловъ оказались ложными: и Палибинъ и Ильинъ были живы; убитъ былъ только полковникъ Домажировъ вмѣстѣ съ Базаровымъ. Мнѣ приходилось еще нѣсколько разъ являться къ Коцюбинскому. Теперь меня пускали внѣ очереди, т. к. при пріемѣ установился извѣстный порядокъ, появился секретарь, допрашивавшій, кто и зачѣмъ, и приходившихъ съ неважными дѣлами отсылавшій по принадлежности къ низшимъ, чѣмъ Коцюбинскій, представителямъ власти.

Я узналъ, что подобно мнѣ застрялъ въ Кіевѣ и А. И. Лотоцкій. Онъ находился на квартирѣ Ф. П. Матушевскаго и также никуда не скрывался. Положеніе его было тѣмъ опаснѣе, что онъ всю осень состоялъ писаремъ генеральнаго секретаріата, велъ въ октябрѣ-ноябрѣ переговоры съ кіевскими большевиками, и его очень многіе знали въ лицо. Я его навѣстилъ. Узнавъ отъ меня о пріемѣ, который мнѣ оказалъ Коцюбинскій, онъ предложилъ мнѣ попросить у Коцюбинскаго пропускъ для него, какъ губернскаго комиссара Буковины на проѣздъ въ Константиноградъ, гдѣ находились эвакуированныя учрежденія Буковины и гдѣ оставалась его семья. Я рѣшилъ рискнуть. Отправился и засталъ у Коцюбинскаго еще кого-то въ солдатской шинели. Но дѣлать нечего, я объяснилъ мою просьбу.

— «Какой это Лотоцкій?» — спрашиваетъ неизвѣстный въ шинели, — «не писарь ли Ц. Рады?»

— «Онъ самый.»

— «Хорошо», — говоритъ Коцюбинскій, — «пусть напишутъ въ канцеляріи пропускъ, а я подпишу.»

Я отправился въ хорошо знакомыя мнѣ комнаты, гдѣ и прежде находилась канцелярія военнаго министерства Украинской Народной Республики. Начальникомъ ея тогда состоялъ матросъ Письменный, и безпорядокъ тамъ царилъ отчаянный. Чего-либо добиться было чрезвычайно трудно, посѣтителей гнали, а Письменный важно возсѣдалъ въ креслахъ, и получить отъ него какой-нибудь толковый отвѣтъ или дѣльную справку было немыслимо.

Теперь канцелярія имѣла дѣловой видъ. Барышни-евреечки стучали на машинкахъ, сновали молодые, довольно франтоватые писаря въ солдатскихъ курткахъ или гимнастеркахъ. Захожу, обращаюсь къ сидящему ко мнѣ поближе молодому человѣку и говорю, въ чемъ дѣло.

— «Какой это Лотоцкій?» — спрашиваетъ — «не писарь ли Ц. Рады?» Сидѣвшій возлѣ другой молодой человѣкъ насторожился, слушаетъ. «Да», — говорю, — «тотъ самый»... Сошло и здѣсь. Ничего не отвѣтили, пошли писать. «Вамъ на какомъ бланкѣ написать», спрашиваютъ, «на украинскомъ или на русскомъ?» — «Пишите», — говорю, — «на украинскомъ». (Весь разговоръ шелъ у насъ по-украински.) Черезъ пять минутъ Коцюбинскій подписалъ, а черезъ часъ я вручилъ пропускъ А. И. Лотоцкому. Нельзя не сознаться, что поступокъ Коцюбинскаго и его сотрудниковъ въ данномъ случаѣ былъ совершенно джентльменскій!

Однако Лотоцкому не пришлось воспользоваться своимъ пропускомъ. Уже въ концѣ второй недѣли пребыванія большевиковъ въ Кіевѣ пошли слухи о томъ, что положеніе ихъ непрочно, что Ц. Рада заключила съ нѣмцами миръ и что нѣмцы идутъ на Украину. Въ дѣйствительности дѣло обстояло такъ.

Ц. Рада съ проф. Грушевскимъ во главѣ, т. е. нѣсколько десятковъ ея активнѣйшихъ членовъ и остатки войскъ отступили къ Житоміру, а затѣмъ къ ст. Сарны на Волыни. Отсюда была послана делегація въ Брестъ-Литовскъ для заключенія мира. Въ Брестъ-Литовскѣ въ это время уже велись переговоры Троцкимъ, какъ представителемъ «Россійской Совѣтской Республики», и заключался «похабный», какъ выразился Троцкій, миръ. Миръ заключенный тутъ же съ Украиной носилъ совсѣмъ иной характеръ.

Три государства, входившія въ составъ т. н. четвернаго союза: Германія, Турція и Болгарія очень хотѣли мира именно съ небольшевистской Украиной, полагая, что самостоятельная Украина будетъ хорошимъ сосѣдомъ и дастъ возможность своими богатыми запасами поднять тяжелое экономическое положеніе борющихся на сторонѣ центральныхъ державъ. Австрія же шла на миръ, скрѣпя сердце: камнемъ преткновенія былъ для нея «польскій вопросъ», который она хотѣла было разрѣшить въ смыслѣ созданія вассальнаго, по отношеніи къ имперіи Габсбурговъ, польскаго государства. Теперь же, по настоянію германцевъ, приходилось отдавать Украинѣ всѣ этнографически украинскія области на западѣ, т. е. Холмщину и Подляшье, а относи-

тельно Галиціи согласиться на тайный договоръ о раздѣлѣ ея на западную польскую, и восточную — украинскую части; это шло въ разрѣзъ съ даннымъ еще покойнымъ императоромъ Францъ-Іосифомъ въ 1916 году обѣщаніи: составить изъ Галиціи единую автономную область, гдѣ, конечно, хозяевами были бы поляки.

Успѣшному для украинцевъ характеру договора много способствовалъ находившійся въ составѣ австро-венгерской делегаціи украинскій общественный дѣятель изъ Буковины, членъ Вѣнскаго парламента Николай Василько. Но и делегаты Ц. Рады: Любинскій, Севрюкъ и Левицкій, проявили, несмотря на свою молодость, очень большую настойчивость, выдержку и тактъ (о чемъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ и участникъ переговоровъ графъ Чернинъ).

По брестъ-литовскому договору всѣ четыре державы центральнаго блока признавали независимость и самостоятельность Украины съ точнымъ опредѣленіемъ ея границъ на западѣ, совпадавшихъ болѣе или менѣе съ этнографической границей украинскаго населенія. Украина же обязывалась продать Австріи и Германіи часть своихъ продовольственныхъ запасовъ, а тѣ должны были помочь ей отбиться отъ большевиковъ. Вопросъ о вооруженной помощи поставленъ былъ не совсѣмъ ясно, украинскіе делегаты добивались, чтобы имъ были предоставлены лишь тѣ дивизіи, которыя были сформированы въ Германіи и Австріи изъ военно-плѣнныхъ украинцевъ; они считали, что этихъ войскъ (до 30 000 человѣкъ) будетъ вполнѣ достаточно для освобожденія украинской территоріи. Но случилось такъ, что двинулись нѣмецкія и австро-венгерскія войска, что, конечно, въ боевомъ отношеніи ускорило и упростило задачу, но зато придало союзной австро-германской помощи характеръ оккупаціи ими украинской территоріи.

Нужно упомянуть объ одномъ эпизодѣ брестскихъ переговоровъ. Такъ называемое «украинское совѣтское правительство», перекочевавшее изъ Харькова въ Кіевъ, услыхавъ о прибытіи въ Брестъ делегаціи правительства Ц. Рады, послало туда и своихъ делегатовъ, предлагая заключеніе мира отъ себя. Его делегація, подъ предсѣдательствомъ нѣкоего Шахрая (фамилія, звучащая въ украинскомъ языкѣ очень двусмысленно: по-украински шахрай — мошенникъ) прибыла въ Брестъ, но поздно — дѣло было уже сдѣлано.

Германскія и австро-венгерскія войска начали наступать на Украину, имѣя въ авангардѣ украинскіе отряды изъ войскъ, защищавшихъ Кіевъ и усилившихся по пути добровольцами. Командовалъ ими генералъ Присовскій. Наступленіе пошло очень быстро, и въ Кіевѣ среди большевиковъ началась паника.

Придя какъ то въ зданіе коллегіи Павла Галагана, я замѣтилъ здѣсь какое-то смущеніе, обычное въ такихъ случаяхъ при полученіи извѣстій о неудачахъ или при началѣ эвакуаціи. Привыкши за послѣдніе два года къ такимъ явленіямъ, я сразу почуялъ, что дѣло неладно. Коцюбин-

скаго не было, и о немъ мнѣ заявили, что «неизвѣстно, въ которомъ часу онъ вернется». Я ушелъ, рѣшивъ больше не показываться.

Дома меня ожидали два солдата. Въ одномъ изъ нихъ я узналъ шофера И. И. Красковскаго. Онъ сообщилъ мнѣ, что пробрался въ Кіевъ изъ Житоміра; что «наши» идутъ на Кіевъ и уже близко подходятъ къ станціи Бородянка по ковельской дорогѣ.

Прошло еще два дня, и большевики явно стали «укладывать чемоданы». Но эвакуація весьма быстро приняла характеръ бѣгства. Въ это время мнѣ сообщили, что уходя большевики рѣшили брать заложниковъ и что кто-то своими глазами видалъ списокъ намѣченныхъ жертвъ, гдѣ фигурировала и моя фамилія. Близкіе и знакомые уговаривали меня спрятаться хоть на эти послѣдніе дни. Я не очень вѣрилъ въ существованіе «списка», но для успокоенія домашнихъ, не ночевалъ нѣсколько дней дома. Убѣжище я нашелъ въ семьѣ Н. В. Луначарскаго, моего товарища по прежней работѣ въ Союзѣ Городовъ (нынѣ уже покойнаго). Онъ жилъ въ небольшомъ собственномъ домѣ по тихой Трехсвятительской улицѣ; прислуга оставила его наканунѣ, и лишнихъ соглядатаевъ въ домѣ не было. Здѣсь я просидѣлъ двое сутокъ, наконецъ не вытерпѣлъ и въ ночь окончательнаго ухода большевиковъ вернулся къ себѣ на квартиру.

Въ эту ночь никто въ Кіевѣ не спалъ. Все населеніе нашего дома высыпало на дворъ. Настроеніе было подобное пасхальной ночи. Со стороны Бибиковскаго бульвара доносился безпрерывный шумъ и стукъ колесъ; это отходили большевистскіе обозы. Всѣ были у насъ настроены радостно-возбужденно: большевики своими безтолковыми дѣйствіями успѣли насолить даже тѣмъ, кто въ началѣ благодушно и даже съ извѣстными вожделѣніями встрѣчалъ ихъ приходъ. Разыгралась характерная сценка.

Въ ворота одного изъ ближайшихъ домовъ постучалось трое солдатъ, объявляя, что пришли арестовать кого-то. Ихъ впустили, но мигомъ обыватели сосѣднихъ домовъ поперелѣзали черезъ внутренніе заборы, затащили солдатъ куда-то въ глухой сарай, избили до потери чувствъ и заперли въ погребъ.

Къ утру шумъ и движеніе стихли. Большевики оставили городъ.

Настало утро, взошло солнце, выдался хорошій весенній денекъ, словно и природа раздѣляла радость людей. Побѣдители еще не появлялись. Жители учредили изъ себя милицію, сорганизовался наскоро отрядъ грузинъ, взявшій на себя охрану города. Украинцы вступили лишь на второй день.

Первымъ вошелъ отрядъ Присовскаго съ Петлюрой. Ему устроили восторженную встрѣчу, забрасывали цвѣтами; на Софійской площади былъ устроенъ парадъ. Радостный колокольный звонъ сливался съ пѣніемъ молебна на площади, съ звуками національнаго украинскаго гимна. А тамъ за

Днѣпромъ гудѣли орудійные выстрѣлы: врагъ былъ еще недалеко. На слѣдующій день начали входить нѣмецкія войска. Члены украинскаго правительства долго не появлялись, хотя ихъ ждали съ нетерпѣніемъ.

Всѣ думали, что теперь дѣла пойдутъ по иному, что умудренные несчастіемъ и опытомъ дѣятели Ц. Рады поймутъ положеніе, не будутъ допускать прежнихъ ошибокъ, что теперь начнется разумная государственная работа, что подъ защитой сильныхъ союзниковъ несчастная страна отдохнетъ, наберется силъ и станетъ строить свою новую жизнь на прочныхъ основаніяхъ дѣловой соціально-экономической политики, что будетъ приступлено къ образованію могучей національной арміи согласно требованіямъ военной науки, и т. д. и т. д. Увы! Всѣмъ этимъ чаяніямъ не суждено было сбыться. Возвратились знакомыя лица, — Голубовичъ, Грушевскій, и запѣли свои старыя пѣсни. Они ничему не научились, ничего не забыли. Къ ихъ обычнымъ пріемамъ прибавилась только бо́льшая самоувѣренность, они чувствовали себя побѣдителями. Пошли одно за другимъ нелѣпыя распоряженія, недоразумѣнія, скандалы, и дѣло закончилось такъ, какъ оно и должно было закончиться: строеніе украинскаго государства взяли въ свои руки другіе люди; не прошло и двухъ мѣсяцевъ со времени возвращенія Ц. Рады въ Кіевъ, какъ Украинская Народная Республика перестала существовать, и ея мѣсто заняла Украинская Держава съ гетманомъ во главѣ. Но объ этомъ — въ слѣдующемъ очеркѣ.

Открытое письмо Д. И. Дорошенку.

Уважаемый Дмитрій Ивановичъ!

Въ № 4 журнала «Историкъ и Современникъ» напечатаны Ваши воспоминанія подъ заглавіемъ «Война и революція на Украинѣ». Вы между прочимъ пишете:

«Уже прошелъ слухъ о назначеніи К. М. Оберучева. Но Оберучевъ уже успѣлъ испортить отношенія съ украинцами. Вообще этотъ, лично безукоризненно честный и прямой, человѣкъ сыгралъ печальную роль въ исторіи революціи на Украинѣ и, какъ начальникъ военнаго округа, много способствовалъ разложенію арміи и распространенію анархіи своей демагогіей, своимъ непростительнымъ для военнаго человѣка расшатываніемъ дисциплины и порядка, которое онъ проявилъ съ первыхъ же своихъ шаговъ, какъ комиссаръ военнаго округа, а потомъ — какъ начальникъ его.» (Стр. 180.)

И далѣе:

«Наиболѣе ожесточеннымъ противникомъ украинизаціи явился начальникъ Кіевскаго военнаго округа, полковникъ К. М. Оберучевъ, лично очень порядочный и честный человѣкъ, но удивительно упрямый, стремившійся самымъ искреннимъ образомъ къ поддержанію порядка въ арміи и ея боеспособности, но, своими неумѣлыми и въ высшей степени безтактными дѣйствіями, какъ никто способствовавшій разложенію и гибели арміи.» (Стр. 194.)

Прочтя эти характеристики я тщетно старался въ Вашей работѣ найти хотя бы малѣйшія указанія и подтвержденія Вашего заявленія, что я расшатывалъ дисциплину въ арміи и способствовалъ разложенію и гибели арміи, сохранить боеспособность каковой было, по Вашему собственному заявленію, моимъ искреннимъ стремленіемъ.

Обвиненія, брошенныя Вами мнѣ публично, въ печати, слишкомъ серьезны, но для того, чтобы дать по поводу нихъ какія бы то ни было объясненія, мнѣ очень важно знать тѣ дѣйствія мои, которыя послужили основаніемъ для сдѣланныхъ Вами заключеній и я прошу Васъ привести факты, подтверждающіе Ваши утвержденія.

Я прошу Васъ это сдѣлать не только потому, что мнѣ лично очень важно снять съ себя, по моему мнѣнію незаслуженныя, обвиненія, но, главнымъ образомъ потому, что приведеніе Вами фактовъ и затѣмъ мои по поводу нихъ объясненія и дополненія могутъ послужить лишь къ выясненію весьма сложнаго и запутаннаго вопроса объ украинизаціи арміи, что дастъ возможность выяснить истину.

А истина всего дороже.

Надѣясь, что Вы, Дмитрій Ивановичъ, не откажетесь отвѣтить публично на мой вопросъ, остаюсь уважающій Васъ

К. Оберучевъ.

Отъ редакціи.

3 октября редакціей было получено письмо К. М. Оберучева и сейчасъ-же переслано въ Прагу Д. И. Дорошенку. Черезъ нѣсколько дней былъ полученъ отвѣтъ, каковой имѣлось ввиду напечатать въ книгѣ V «Историка и Современника». Вскорѣ письмо К. М. Оберучева появилось и въ газетѣ «Дни» въ Берлинѣ. Въ связи съ этимъ Д. И. Дорошенко просилъ его отвѣтъ направить въ редакцію означенной газеты, что нами и было исполнено. Однако газета «Дни», ссылаясь на пространность, отказалась напечатать отвѣтъ Д. И. Дорошенка, также осталась безъ послѣдствій и просьба о замѣткѣ, что отвѣтъ Д. И. Дорошенка будетъ напечатанъ въ V книгѣ нашего журнала.

Отвѣтъ К. М. Оберучеву.

Многоуважаемый Константинъ Михайловичъ!

Въ отвѣтъ на Ваше открытое письмо, я считаю своимъ долгомъ заявить нижеслѣдующее. Я признаю свои выраженія о «демагогіи» и «безтактности» слишкомъ рѣзкими и беру ихъ обратно. Однако, Вашу дѣятельность въ 1917 году, сначала какъ комиссара Кіевскаго Военнаго Округа, а затѣмъ, какъ его командующаго, я считаю проникнутою совершенно ошибочнымъ направленіемъ, приведшимъ къ совсѣмъ инымъ результатамъ, чѣмъ Вы сами хотѣли. И вотъ почему я такъ думаю.

Вѣдь если стать на такую точку зрѣнія, что революція въ февралѣ-мартѣ 1917 года была политическій переворотъ, долженствовавшій обновить страну, дать ей лучшее правительство и укрѣпить ее для продолженія и успѣшнаго окончанія тяжелой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, то, по моему мнѣнію, всѣ кто именно такъ понималъ смыслъ и цѣли революціи, должны были съ первыхъ же ея шаговъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы сохранить русскую армію, удержать въ ней дисциплину и боеспособность. Для этого, полагаю, было необходимо избѣгать всего того, что могло бы расшатывать устои, на которыхъ она десятилѣтіями создавалась и воспитывалась, и вообще не производить въ ней внутренней ломки, пока идетъ война. Я думаю, что люди военные, къ которымъ принадлежали и Вы, въ особенности должны были раздѣлять такую точку зрѣнія.

И вотъ Васъ назначаютъ комиссаромъ Кіевскаго Военнаго Округа. Спустя недѣлю или двѣ послѣ Вашего назначенія я какъ-то встрѣтилъ Васъ въ коридорѣ Кіевской городской думы и, видя Васъ въ штатскомъ костюмѣ, спросилъ: «Почему Вы не одѣнете теперь военной формы, какъ полковникъ артиллеріи?» На это Вы мнѣ отвѣтили: «А пусть ихъ» (тутъ Вы очень рѣзко выразились по адресу «ихъ», надо полагать, — офицеровъ или вообще командныго состава), «пусть привыкаютъ видѣть надъ собою человѣка въ штатскомъ!» Я, помню, ничего не возразилъ Вамъ, но былъ крайне удивленъ. Теперь же эта, совершенно случайно оброненная Вами фраза, представляется мнѣ весьма характерной и знаменательной: Вы, сами — военный человѣкъ въ чинѣ полковника — считали, оказывается, военный мундиръ не почетною принадлежностью, присвоенною воину — защитнику отечества, а чѣмъ то какъ бы унижающимъ человѣка, разъ было необходимо пріучать военныхъ людей къ тому, чтобы они видѣли въ качествѣ начальствующаго надъ ними лица — штатскаго человѣка.

Вы согласились взять на себя обязанности лица, приставленнаго для надзора за заподозрѣнною частью арміи — ея команд-

нымъ составомъ [1]), и, вмѣсто того, чтобы воспользоваться своимъ престижемъ полковника и вмѣстѣ съ тѣмъ стараго революціоннаго дѣятеля, — для поддержанія авторитета и власти командного состава, Вы стали на точку зрѣнія ограниченія его власти и авторитета, содѣйствуя формированію всевозможныхъ совѣтовъ и комитетовъ, сыгравшихъ такую печальную роль въ дѣлѣ разложенія и гибели русской арміи.

Въ различныхъ революціонныхъ учрежденіяхъ, возникшихъ въ Кіевѣ въ первые дни послѣ переворота, Вы не возвысили Вашего авторитетнаго голоса противъ гибельнаго внесенія въ армію политики и въ пользу огражденія ея отъ митингованія, всевозможныхъ выборовъ, системы комитетовъ и т. д., какъ совѣтовали, помню, немногіе, сохранившіе тогда трезвое отношеніе къ событіямъ люди (между прочимъ, одинъ бывшій Вашъ и мой товарищъ по «Комитету юго-западнаго фронта всероссійскаго союза городовъ», инженеръ Я., бывшій военный); наоборотъ — Вы сами приняли активное участіе въ дѣлѣ насажденія въ арміи «политики» въ формѣ такъ называемаго «освѣдомленія солдатъ о происходящихъ событіяхъ», т. е. устройства въ казармахъ митинговъ (см. Ваши воспоминанія «Въ дни революціи», стр. 36).

Сдѣлавшись начальникомъ Кіевскаго Военнаго Округа, Вы какъ бы ввели въ систему въ качествѣ обычнаго способа непосредственнаго общенія съ солдатской массой форму митинговъ, на которыхъ Вы выступали съ пространными рѣчами, разъясненіями, убѣжденіями, причемъ неизмѣнно подчеркивали, что Вы прежде всего — революціонеръ. Но это только подрывало Вашъ собственный авторитетъ, какъ начальника, ибо согласитесь, что лицо не приказывающее, а только убѣждающее и уговаривающее, не есть власть. Вашимъ же постояннымъ обращеніемъ къ солдатской массѣ, такъ сказать, черезъ головы офицерскаго состава, причемъ, какъ передаютъ очевидцы, Вы настолько иногда увлекались въ этомъ направленіи, что являясь на смотръ (какъ это было въ Полтавѣ), забывали поздороваться съ офицерами и, минуя ихъ, обращались прямо къ солдатамъ, [2]) Вы несомнѣнно роняли и безъ того уже поколебленный (начиная съ печальной памяти «приказа № 1») авторитетъ командного состава и ужъ никакъ не способствовали поднятію повиновенія и дисциплины.

Вы спрашиваете меня о фактахъ. Но Ваши собственныя воспоминанія («Въ дни революціи») пестрѣютъ фактами, иллюстрирующими Вашу дѣятельность: она вся наполнена митинговыми выступленіями, чѣмъ далѣе, тѣмъ менѣе успѣшными, ибо развращенная уговариваніями солдатская масса не хотѣла потомъ слушать Вашихъ призывовъ къ порядку и повиновенію. Я знаю, что Вы при этомъ исходили изъ самыхъ лучшихъ побужденій и были воодушевлены очень высокими чувствами, но что-жъ изъ этого? Результаты были очень плачевны: Вамъ одному изъ первыхъ пришлось очутиться въ эмиграціи. И если бы Вы были менѣе «гуманны», менѣе «великодушны», если бы Вы вмѣсто того чтобы «дружески пожимать руку» лицу, открыто Вамъ заявлявшему о своемъ намѣреніи ограбить арсеналъ, чтобы начать гражданскую войну (см. Ваши воспоминанія),

---

[1]) Кстати сказать, это подозрѣніе въ отношеніи офицерства и вообще командного состава арміи не имѣло основаній, ибо командный составъ (по крайней мѣрѣ на юго-западномъ фронтѣ), начиная съ самого главнокомандующаго генерала Брусилова, опредѣленно сталъ на сторону новаго строя и сохранялъ самую строгую лояльность по отношенію къ Вр. П-ству. (Прим. Д. И. Дорошенка.)

[2]) Этотъ парадъ въ Полтавѣ кончился для полковника Оберучева печально: солдаты запасного полка, къ которымъ онъ обратился съ рѣчью, отвѣтили ему градомъ камней и онъ долженъ былъ спасаться къ своему автомобилю бѣгствомъ. (Прим. редакціи.)

если бы вмѣсто этого Вы отдали приказъ о его арестѣ, то — удалось ли бы это Вамъ или нѣтъ — былъ бы соблюденъ престижъ Вашей власти, и вообще, карая отдѣльныхъ лицъ, Вы спасли бы тысячи и миллiоны.

Вы осуждаете генерала Л. Г. Корнилова, этого честнаго солдата и патрiота, называя его попытку возстановить въ армiи и въ странѣ порядокъ «мятежомъ». Но скажите: Ваши способы поддержанiя порядка и дисциплины въ армiи, Ваши рѣчи и страстные призывы, точно такъ же какъ и рѣчи А. Ф. Керенскаго — подѣйствовали на солдатскую массу? спасли армiю отъ разложенiя? Большевистскiе агитаторы побили Васъ Вашимъ же собственнымъ оружiемъ.

Перехожу къ вопросу объ украинизацiи армiи. Вы были ея рѣшительнымъ противникомъ и боролись противъ нея не только средствами предоставленной Вамъ власти, но и газетными статьями на страницахъ враждебной украинскому движенiю «Кiевской Мысли», очень ѣдко высмѣивая, какъ Вы выражались, «украинизацiю штыка». Стоя на точкѣ зрѣнiя русскихъ и еврейскихъ соцiалъ-революцiонныхъ партiй («русская революцiонная демократiя» на Украинѣ), Вы не хотѣли видѣть въ стремленiи къ созданiю украинскихъ военныхъ частей здороваго нацiональнаго чувства, которое могло бы оздоровить, укрѣпить армiю, внести въ нее новый духъ. Ибо въ то время какъ съ паденiемъ лозунга «За царя и отечество» въ русской армiи упало и ея боевое настроенiе (ибо «за свободу» умирать никто не хотѣлъ, а, напротивъ, всѣ хотѣли жить, дабы вкусить прелесть этой свободы), единственно только нацiональное чувство, нацiональный подъемъ, лозунгъ борьбы «за Украину», могли у насъ, на юго-западномъ фронтѣ, лежавшемъ на украинской территорiи, поднять боеспособность армiи, — при условiи выдѣленiя украинцевъ въ особыя части и устраненiя изъ нихъ всѣхъ туляковъ и пермяковъ, говорившихъ: «Мы тульскiе, до насъ непрiятель не дойдетъ», и потому не желавшихъ больше воевать.

И если бы Вы, вмѣсто того, чтобы всячески тормозить, задерживать и дискредитировать украинское движенiе въ армiи, пошли ему навстрѣчу, то очень вѣроятно, что оно и въ Кiевѣ, и вообще въ цѣломъ Кiевскомъ округѣ, развивалось бы успѣшнѣе, и главное — пошло бы болѣе прямыми путями, чѣмъ тотъ, по которому направлялъ его Украинскiй Войсковой Генеральный комитетъ, возглавляемый С. В. Петлюрой. Но, неизмѣнно противодѣйствуя формированiю украинскихъ военныхъ частей Вы, по Вашему же признанiю (стр. 117—120), достигли лишь того, что Ваше имя сдѣлалось одiознымъ по всей Украинѣ, и Вы должны были покинуть свой постъ въ Кiевѣ. И сколько я не убѣждалъ и не убѣждаю своихъ земляковъ, что Вы любили Украину, принимали участiе въ ея культурной жизни (какъ сотрудникъ «Кiевской Старины»), что Вы съ величайшимъ уваженiемъ относились къ нашему нацiональному поэту — Шевченку, портретъ котораго висѣлъ на первомъ мѣстѣ у Васъ въ кабинетѣ, — я не могу убѣдить ихъ въ томъ, что Вы не были заклятымъ врагомъ украинскаго движенiя.

Въ своихъ воспоминанiяхъ Вы сводите начало украинизацiи армiи къ выступленiю дезертировъ на распредѣлительномъ пунктѣ Кiева 18 апрѣля 1917 года. Вы не разъ подчеркиваете, будто въ украинизуемыя части шли сплошь дезертиры и уклоняющiеся отъ службы на фронтѣ. Это фактически не вѣрно. О формированiи украинскихъ частей, по образцу польскихъ (удивительно, почему Васъ не возмущала «полонизацiя» штыка, а только его «украинизацiя»!) заговорилъ Украинскiй Нацiональный Конгрессъ, собравшiйся въ Кiевѣ въ первыхъ числахъ апрѣля. Конгрессъ выслалъ по этому поводу делегацiю къ прiѣхавшему тогда въ Кiевъ военному министру А. И. Гучкову, состоявшую изъ Н. И. Михновскаго, С. И. Эрастова и меня, просить о разрѣшенiи украинскихъ формированiй. Желанiе

Національнаго Конгресса шло только навстрѣчу тому стихійному движенію, которое охватило украинцевъ, находившихся на всѣхъ фронтахъ отъ Риги до Трапезунта. Въ Вашемъ лицѣ, повторяю, украинизація арміи встрѣтила рѣшительнаго противника. Но я напомню, что главнокомандующій юго-западнымъ фронтомъ генералъ Корниловъ неоднократно свидѣтельствовалъ, что украинизованныя части (напримѣръ 56 дивизія) сражались превосходно, и потому онъ самъ отдалъ приказъ объ украинизаціи 34 армейскаго корпуса, находившагося подъ командой генерала П. П. Скоропадскаго (будущаго гетмана Украины). Значитъ, не одни дезертиры и уклонявшіеся составляли контингентъ украинизованнихъ частей!

Я лично считаю, что способы и пріемы формированія украинскихъ частей, употреблявшіеся Украинскимъ войсковымъ генеральнымъ комитетомъ во главѣ съ С. В. Петлюрой были далеко не правильны и не цѣлесообразны съ военной точки зрѣнія: они носили отпечатокъ тѣхъ же взглядовъ и понятій, которыя утверждались и въ русской арміи съ начала революціи (комитеты, характеръ добровольчества, революціонная демагогія), и потому имъ не удалось создать прочной военной силы. Но организованный на началахъ строгаго порядка и дисциплины украинскій корпусъ генерала П. П. Скоропадскаго сослужилъ огромную пользу Кіеву и всей Украинѣ. Когда въ ноябрѣ 1917 года двинулись съ фронта на Кіевъ обольшевичившіяся войска (въ томъ числѣ 2 гвардейскій корпусъ подъ командой знаменитой госпожи Евгеніи Бошъ), все громя и уничтожая на своемъ пути, то этотъ украинскій корпусъ задержалъ ихъ, разоружилъ и направилъ ихъ кружнымъ путемъ черезъ ст. Калинковичи на сѣверъ и сѣверо-востокъ.

Съ сентября 1917 года мнѣ пришлось исполнять обязанности черниговскаго комиссара. Въ Черниговѣ въ это время былъ расположенъ 13 пѣхотный запасный полкъ, сдѣлавшійся истиннымъ бичемъ населенія и постоянной угрозой безопасности города. Полкъ безобразничалъ, бунтовалъ, арестовывалъ своихъ командировъ. И городская дума и я тщетно добивались у Васъ по крайней мѣрѣ увода этого полка изъ города. Точно такимъ же бѣдствіемъ для Полтавы являлся расквартированный тамъ 4 полкъ, составленный изъ дезертировъ и амнистированныхъ уголовныхъ преступниковъ. Этотъ полкъ не только совершалъ возмутительныя безобразія, но и былъ опорой для всѣхъ анархическихъ элементовъ въ Полтавѣ. Но на всѣ просьбы и ходатайства увести этотъ полкъ Вы отвѣчали отказомъ, хотя сами еще въ апрѣлѣ настаивали на необходимости распустить въ Кіевѣ солдатъ старшихъ призывныхъ возрастовъ изъ тыловыхъ частей. Сколько я не доказывалъ Вамъ, что пополненіе 13 запаснаго полка (онъ разбухъ до колоссальныхъ размѣровъ, доходя до состава въ 18 000 человѣкъ) и держаніе его въ Черниговѣ есть не только угроза городу, но и будораженіе, «революціонизированіе» окрестнаго населенія, Вы упорно отказывались увести этотъ полкъ (или хотя бы отдать приказъ о прекращеніи его пополненія, ибо въ октябрѣ 1917 года трудно было уже помышлять о посылкѣ его на фронтъ), и наоборотъ, требовали вывода изъ Чернигова 2 украинскаго баталіона, единственной въ то время дисциплинированной воинской части въ Черниговѣ. Скажите, что я могъ по поводу этого возразить моимъ землякамъ, которые утверждали и утверждаютъ до сихъ, что эти полки въ Черниговѣ и Полтавѣ Вы держали намѣренно для поддержанія «революціоннаго» настроенія среди мѣстнаго населенія и для предотвращенія возможныхъ выступленій украинцевъ?

Итакъ, вмѣсто того, чтобы помочь украинцамъ создать дисциплинированную армію, которая по ходу событій могла бы помочь сохранить правопорядокъ и въ самой Россіи (вспомните чешскія дружины — чѣмъ, какъ не своей національной одно-

родностью и сплоченностью сохранили они боеспособность, возьмите даже хотя бы наши казачьи части — донскія, кубанскія, — что ихъ сохраняло, какъ не территоріально-національный принципъ?), Вы истратили столько силъ на борьбу съ украинизаціей и этимъ, по моему крайнему разумѣнію, только повредили дѣлу поддержанія боеспособности юго-западнаго, а за нимъ и румынскаго фронта. Вотъ въ этомъ смыслѣ я считалъ и считаю Вашу дѣятельность, какъ комиссара и потомъ начальника Кіевскаго Военнаго Округа, ошибочной и способствовавшей «разложенію и гибели русской арміи», какъ я писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ въ № 4 «Историка и Современника».

Примите увѣреніе въ моемъ неизмѣнномъ къ Вамъ уваженіи.

Д. Дорошенко.

Г. И. Гроссенъ (Нео-Сильвестръ).

Агонія сѣверо-западной арміи.

(Изъ тяжелыхъ воспоминаній.)

Я намѣренъ попытаться описать агонію сѣверо-западной арміи генерала Юденича, самой маленькой антибольшевистской арміи (около 20 000 бойцовъ), которая, несмотря на свою малочисленность, была воодушевлена такимъ великимъ энтузіазмомъ, что совершила рѣдкое изъ чудесъ: она подкатилась къ воротамъ своего Китежа — Петрограда и съ священнымъ трепетомъ крестилась на залитый солнечными лучами золотой куполъ св. Исаакія.

Но это, увы, было высшимъ достиженіемъ этой арміи. Чудесный миражъ заволокли тучи большевистскихъ полчищъ Троцкаго, къ которому подошли крупные резервы и 20 октября 1919 года началось общее наступленіе красныхъ и частичное отступленіе бѣлыхъ, которые, оказавшись одинокими, лишенными помощи союзниковъ, черезъ двѣ недѣли были вогнаны въ предѣлы Эстоніи, гдѣ ждалъ ихъ не менѣе страшный и безпощадный врагъ — торжествующая вша. Для многострадальной арміи открылась новая, жуткая страница исторіи, полная описаній невѣроятныхъ по жестокости ужасовъ и страданій, которыя еще ждутъ своего Данте.

На вратахъ Нарвы можно было смѣло начертать слова великаго итальянскаго поэта:

«Здѣсь входятъ въ скорбный градъ къ мученіямъ,
Здѣсь входятъ къ мукѣ вѣковой,
Оставь надежду всякъ сюда идущій.»

Моя скромная задача привести для будущаго историка интервенцій нѣкоторыя данныя относящіяся къ агоніи сѣверо-западной арміи, свидѣтелемъ коей я былъ въ качествѣ редактора «Вѣстника сѣверо-западной арміи», члена боевого санитарнаго отряда, боровшагося въ Нарвѣ съ тифомъ, и члена общественной ревизіонно-контрольной комиссіи по ликвидаціи сѣверо-западной арміи.

I.

Причины паденія сѣверо-западнаго дѣла.

Не беря на себя задачу описывать исторію возникновенія сѣверо-западной арміи, ея правительства и цѣлой сѣти политическихъ интригъ, окутавшей эту армію, я не могу не коснуться вкратцѣ причинъ, повлекшихъ за собою гибель бѣлаго дѣла на сѣверо-западномъ фронтѣ.

Нѣмецкая газета «Estländische Zeitung» писала:

«Начатое наступленіе сѣверо-западной арміи неожиданно въ короткое время при незначительныхъ потеряхъ достигло величайшихъ результатовъ. Только что получена вѣсть, что Гатчино и Красное Село взяты доблестными войсками сѣверо-западной арміи. Этимъ кажется, предрѣшена судьба Петрограда. Паденіе Петрограда будетъ имѣть для большевистской власти катастрофическія послѣдствія.»

Эстонская газета «Maalüt» писала:

«Въ послѣднее время слѣдовало бы говорить о тѣхъ, кто играетъ первую роль въ настоящемъ ходѣ событій — это бѣлыя войска. Самое ядро русскихъ войскъ состоитъ изъ полковъ, сформированныхъ въ Ревелѣ и Псковѣ и перешедшихъ весною изъ красныхъ войскъ уроженцевъ Вятской и другихъ губерній. Эти войска обнаружили въ бояхъ величайшую храбрость. Въ техническомъ отношеніи великолѣпно снаряженная, заново одѣтая и обутая, находясь подъ предводительствомъ свѣдующихъ вождей, армія эта образуетъ силу, съ которой большевикамъ приходится серьезно считаться.»

Прежде всего, былъ ли на мѣстѣ генералъ Юденичъ? Г. Кирдецовъ по должности редактора Юденичевскаго офиціоза «Свобода Россіи» давалъ генералу Юденичу слѣдующую восторженную характеристику:

«Герой Кавказа — единственнаго фронта, гдѣ русская армія за эту войну не имѣла пораженій. Не при дворѣ, не въ канцеляріяхъ добывалъ онъ себѣ чины и ордена, съ мечами и бантами. Заслужилъ онъ ихъ въ бояхъ съ врагами земли русской. Завоеватель Эрзерума — безумно смѣлой атакой въ 3 дня взявшій эту неприступную твердыню въ лютый, январскій двадцати-градусный морозъ — онъ рѣшилъ въ первый разъ въ жизни начать борьбу съ врагомъ лютѣйшимъ изъ лютыхъ. Юденичъ въ Финляндіи, гдѣ онъ принялся за созданіе новаго фронта. Онъ упорно долбилъ Европу — требуя помощи, а помощь все не шла.

И такъ тянулось долгихъ нескончаемыхъ семь мѣсяцевъ. Помощь не шла, а дѣло росло и крѣпло. Сѣверо-западная армія настолько оправилась, что уже въ маѣ (1919 года) рѣшилась предпринять смѣлое наступленіе, которое генералъ рѣшительно остановилъ, зная, что, если малочисленной сѣверо-западной арміи и удастся войти въ Петроградъ, то безъ снаряженія и продовольствія ей тамъ не удержаться и не-

счастный городъ снова очутится во власти большевиковъ. Молчалъ и продолжалъ долбить Европу.

И совершилось наконецъ то, чего такъ давно ждала наша страдавшаяся родина — одинъ за другимъ стали прибывать транспорты, везя все необходимое и для арміи и для населенія. Генералъ уже въ Ревелѣ. И снова засѣлъ онъ за работу. Меньше, чѣмъ въ мѣсяцъ армія была одѣта и обута. Эта трудная работа была продѣлана безшумно и методически. И вотъ генералъ уже на фронтѣ — смѣло беретъ командованіе въ свои руки. Всего пять дней, какъ началась операція и сѣверо-западная армія уже подходитъ къ Петрограду. Въ четыре дня поднялся генералъ въ глазахъ всѣхъ на недосягаемую высоту.»

Вотъ что писалъ о Юденичѣ Кирдецовъ, сытно кормившійся около сѣверо-западной арміи. Какъ подобаетъ типичному «тушинцу», Кирдецовъ въ своей книгѣ «У воротъ Петрограда», «забылъ» все, что писалъ, и легко сжегъ все то, чему поклонялся. Въ этой книгѣ онъ уже называетъ Юденича «каррикатурой главнокомандующаго», хитрымъ, тщеславнымъ, бездарнымъ, который «оказывается и Эрзерумъ то бралъ по плану, украденному имъ у какого то стратега». Однимъ словомъ, — «ничтожество и бездарность». Насколько вѣрно утвержденіе г. Кирдецова о кражѣ генераломъ Юденичемъ плана взятія Эрзерума — судить не берусь, во всякомъ случаѣ весьма и весьма сомнѣваюсь, но самъ Кирдецовъ въ этой же книгѣ совершилъ литературную кражу, перепечатавъ цѣликомъ мою статью «Бурый Медвѣдь» безъ всякой ссылки на автора (см. «Св. Россіи» № 13—1919 года).

Даже по общимъ отзывамъ военныхъ и всей эстонской прессы выходило, что сѣверо-западная армія должна была взять Петроградъ. Но почему въ такомъ случаѣ былъ такой печальный результатъ сѣверо-западнаго дѣла? Постараюсь отвѣтить. Помимо общихъ причинъ, губившихъ всѣ интервенціи въ Россіи, въ отношеніи сѣверо-западной арміи играли роль слѣдующія обстоятельства: армія была обмундирована, снаряжена провіантомъ весьма скудно. Я помню, какъ въ штабѣ арміи негодовали и плакали по поводу плохого снаряженія и обмундированія. «Блестяще одѣтая и обутая армія» (по характеристикѣ англичанъ), имѣвшая въ своемъ составѣ около 60 000 солдатъ, имѣла всего 22 000 комплектовъ англійскаго обмундированія, да и то это количество комплектовъ прибыло лишь 10 сентября 1919 года. Благодаря изъ рукъ вонъ плохому транспорту, многія части получили обмундированіе уже послѣ отступленія. Это было результатомъ агитаціи большевиковъ среди портовыхъ рабочихъ Лондона, гдѣ послѣдніе отказывались грузить снаряженіе и обмундированіе для сѣверо-западной арміи. Эта агитація имѣла мѣсто и въ Ревелѣ при выгрузкѣ, но благодаря участію въ работахъ по разгрузкѣ офицеровъ и солдатъ сѣверо-западной арміи, грузъ все же былъ доставленъ въ склады. Весь транспортъ былъ въ рукахъ эстонцевъ, и «хозяева» попросту

перехватывали лучшее себѣ, конечно, съ разрѣшенія англичанъ. Поѣзда отпускали не въ требуемое русскимъ командованіемъ время, а когда сами находили нужнымъ. Но и наше интендантство оказалось не на высотѣ своего призванія и было много злоупотребленій.

Очень хорошо одѣты и обуты были только ливенцы, потому что ихъ одѣли наши «враги» — германцы, а не друзья — союзники, какъ зло отвѣтилъ одинъ ливенецъ англійскому полковнику на вопросъ послѣдняго объ источникахъ обмундированія. Надо еще отмѣтить, что англичане крайне подозрительно смотрѣли на всякую помощь сѣверо-западной арміи со стороны Германіи. Когда Швеція по заказу Юденича выписала изъ Германіи обмундированіе на 60 000 человѣкъ, то англичане не пропустили ни одного комплекта. Лишь къ концу наступленія сѣверо-западная армія получила отъ Американскаго Краснаго Креста 100 000 паръ ботинокъ. Нижняго бѣлья у солдатъ не было и только благодаря Американскому Красному Кресту солдаты получили теплое бѣлье, которое впослѣдствіи сослужило хорошую службу «вшамъ».

Такъ была «заново одѣта и обута» армія. Теперь о «великолѣпномъ снаряженіи». По даннымъ генерала Малявина, армія къ началу операціи имѣла 60 орудій, 300 пулеметовъ, 400 шашекъ (кавалерія), 6 большихъ англійскихъ танковъ и 2 маленькихъ французскихъ «бэби», которые прибыли на фронтъ уже послѣ взятія Гатчино, затѣмъ 2 броневика, 6 аэроплановъ и 4 полубронированныхъ поѣзда.

Пѣхота была вооружена русскими винтовками, однако безъ достаточнаго запаса патроновъ. 20 орудій было англійскихъ, но большая часть ихъ не имѣла затворовъ, остальные были заржавлены или испорчены. Хороши и вполнѣ исправны были лишь германскія (отрядъ кн. Ливена) пушки. Тяжелыхъ орудій не было. Пулеметы были русскіе, отнятые у большевиковъ. Танки были скверные, поношенные, безъ запасныхъ частей, а пулеметы (танковые) не имѣли металлическихъ лентъ для патроновъ. Поэтому танки проводили большую часть времени «на отдыхѣ», гдѣ ихъ вѣчно чинили и чистили. Словомъ, все это былъ товаръ, который англичане отдавали съ украинской поговоркой: «на тобі, небоже, що мені не гоже». Броневики были не лучшаго качества. Изъ шести аэроплановъ только два были въ исправномъ состояніи (русскій и германскій), а на 4 англійскихъ самые отчаянные смѣльчаки не рисковали подняться, ввиду явной негодности машинъ. Настоящихъ броневыхъ поѣздовъ совсѣмъ не было. О походномъ снаряженіи и говорить нечего: ни топоровъ, ни лопатъ, ни обозовъ, ни лошадей.

Но, главное, у сѣверо-западной арміи не было тыла. Кромѣ недружелюбнаго отношенія Эстоніи къ русскимъ вообще, эстонцы стремились свой тылъ использовать прежде всего въ своихъ интересахъ, зачастую во вредъ арміи. Несчастная сѣверо-западная армія была стѣснена въ Эстоніи во всѣхъ отношеніяхъ. При отступленіи же эстонскій тылъ буквально убилъ армію.

II.

Отступленіе.

Горсть бѣлыхъ войскъ, занимая фронтъ въ 250 верстъ, около 20 октября 1919 года стояла у воротъ Петрограда. Ст. Александровская и Горѣлово были ею заняты, Гатчино — Красное Село и Ропша осталась позади. Впереди игралъ солнечными лучами величественный куполъ св. Исаакія. Но въ это время бѣлую армію уже окружали собранныя Троцкимъ красныя войска. Изъ Петрограда были брошены курсанты. Блестяще оборудованные броневые поѣзда красныхъ прорѣзывали все пространство между Петроградомъ—Тосно—Гатчино—Красное Село и Лигово, осыпая бѣлыхъ снарядами. Кромѣ того дѣйствовалъ и красный флотъ при поддержкѣ Кронштадта, который понялъ, что англичанъ бояться нечего: 2 англійскихъ монитора пострѣляли по Красной Горкѣ и ушли за снарядами... въ Лондонъ.

Бѣлая армія оказалась почти со всѣхъ сторонъ подъ огнемъ. Красную Горку эстонцамъ взять не удалось. Красные уже угрожали глубокому тылу бѣлыхъ войскъ, занявъ Ропшу и Кимень. Бѣлые принуждены были начать отступленіе. Оставлены всѣ позиціи у Петрограда. Затѣмъ Красное Село и другіе важные пункты, а 31 октября оставленъ Гдовъ. Подъ напоромъ превосходящихъ силъ красныхъ, отступленіе шло по всѣмъ направленіямъ къ Нарвѣ. Бѣлые въ порядкѣ, но быстро катились къ эстонской границѣ. Вотъ тутъ то и начались геройскія страданія этой доблестной арміи.

Голодная, раздѣтая, уставшая отъ непрерывныхъ боевъ, храбро защищавшая вмѣстѣ съ эстонцами Нарву, сѣверо-западная армія у эстонскихъ границъ встрѣтила эстонскіе штыки съ приказомъ — не переходить эстонской границы. Пошли длительныя и унизительныя для русскаго командованія просьбы разрѣшить русскимъ отдохнуть въ Ивангородѣ (Нарва) и въ деревняхъ на правой сторонѣ Наровы. Эстонское командованіе, забывъ заслуги русскихъ (защита Ревеля, эстонскихъ границъ и Чудскаго озера и пр.) жестоко отказывало въ отдыхѣ. Изнуренныя бѣлыя войска, еле живыя, продолжали тѣсниться у границъ Эстоніи и отбиваться отъ превосходящихъ ихъ численностью красныхъ силъ, наступающихъ съ Гдова.

И только 16 ноября послѣдовало «милостивое» (но съ условіями Бренна — полное разоруженіе) разрѣшеніе перейти русскимъ на лѣвый берегъ Наровы, оружіе оставлялось только тѣмъ частямъ, которыя соглашались вести дальнѣйшую борьбу съ большевиками. Черезъ Нарову разрѣшалось пропустить только запасныхъ, плѣнныхъ и проч.

28 ноября генералъ-лейтенантъ Глазенапъ, неудачный генералъ-губернаторъ Петроградскій, по приказу генерала Юденича принялъ командованіе надъ отступающей въ предѣлы Эстоніи сѣверо-западной арміей. По этому поводу генералъ

Глазенапъ 1 декабря выпустилъ свой первый и послѣдній приказъ сѣверо-западной арміи за № 373, слѣдующаго содержанія:

«Офицеры и солдаты, я знаю, вы переживаете трудное время, вы устали, зачастую лишены въ достаточной мѣрѣ продовольствія, одежды и даже крова. Вы неспокойны за свой тылъ; вамъ говорятъ, что Эстонія заключаетъ съ большевиками миръ, якобы русскихъ солдатъ не пустятъ за Нарову, эстонцы грабятъ и разоружаютъ обозы. Большевистскіе шпіоны раздуваютъ эти слухи, шепчутъ вамъ, что дѣло погибло и выхода нѣтъ. Малодушные пали духомъ, повѣрили, появились переходы на сторону красныхъ, дезертирство офицеровъ и солдатъ въ тылъ, переходы въ другія арміи, порой не русскія. Въ такое тяжелое время я принялъ командованіе надъ вами.

Переходъ Наровы нѣкоторыми нашими частями произошелъ случайно. Этимъ воспользовались эстонскіе и русскіе большевистскіе агенты и пользуясь неизбѣжнымъ временнымъ безпорядкомъ, вызвали рядъ столкновеній между эстонскими и нашими войсками, старались натравить эстонцевъ на русскихъ, пугая первыхъ русской опасностью, и насъ якобы тайными предательскими замыслами эстонцевъ.

Что бы ни говорили большевистскіе агенты, что бы ни писали купленныя ими газеты, русское дѣло, начатое вами здѣсь, на сѣверѣ не погибнетъ. Армія цѣла и не переставая выполняетъ свой высокій долгъ.

Въ эти трудные дни каждый русскій душой долженъ напречь всѣ свои силы, ближе держаться другъ къ другу, поддерживать малодушныхъ. Сила наша въ правомъ дѣлѣ, въ полномъ единеніи всѣхъ отъ генерала до солдата.

Я крѣпко взялъ въ свои руки дѣло и его не выпущу; ни одинъ офицеръ, ни солдатъ не погибнетъ напрасно и не будетъ оставленъ врагу. Выходы имѣются. У насъ всегда есть мѣсто, гдѣ насъ примутъ, гдѣ наша родная русская земля и армія — это югъ. Но мы должны ради общаго великаго дѣла оставаться здѣсь, не давать свободно вздохнуть комиссарамъ, создавать постоянную угрозу и заставлять ихъ держать свои войска противъ насъ, не давая имъ перебросить ихъ куда-либо, не позволять налаживать свой транспортъ и, достигая этого, мы свой долгъ исполнимъ. Постепенно нашъ тылъ налаживается. Я заставлю тыловыхъ чиновъ работать такъ, какъ они обязаны или я ихъ уничтожу, какъ безполезный и вредный элементъ. Я безпощадно расправлюсь съ тѣми, по чьей винѣ офицеры и солдаты фронта ходили оборванными и босыми и во время не получали пищи.

Моя самая большая забота дать вамъ заслуженный отдыхъ и тогда, когда вы вновь подкрѣпите свои силы,

— конецъ всѣмъ опасеніямъ. Каждый изъ васъ знаетъ, что красные, которыхъ вы гнали какъ зайцевъ, не сдѣлались теперь лучше и смѣлѣе. Они голоднѣй, хуже одѣты, чѣмъ вы, и имъ неоткуда взять.

Зимней кампаніи краснымъ не выдержать, а вы будете имѣть все необходимое.

Я требую отъ всѣхъ офицеровъ и солдатъ собрать всѣ свои силы, всю энергію, тщательнѣй, чѣмъ когда-либо относиться къ своимъ обязанностямъ, никакой распущенности, расхлябанности. Всѣмъ начальникамъ приказываю быть ближе къ своимъ подчиненнымъ.

Всѣ чины тыла должны помнить, что они сидятъ спокойно только потому, что впереди кучка героевъ несетъ свой бѣлый крестъ передъ родиной.

Я требую, чтобы для нихъ были положены всѣ силы, всякая небрежность, недостаточная заботливость тыла о фронтѣ будетъ караться мной безпощадно, всѣ трусы, вся слабая духомъ мразь, которая думаетъ, что судьба Россіи рѣшается на рѣкѣ Наровѣ, пускай убирается къ краснымъ, они намъ не нужны и въ рядахъ красныхъ для насъ не опасны. Послѣ за свою измѣну они понесутъ свою заслуженную кару.

Командующій арміей
генералъ-лейтенантъ *Глазенапъ*.»

Приказъ, конечно, не внесъ ожидаемаго успокоенія ни въ умы солдатъ и офицеровъ, ни на тѣ большевистскіе подонки улицы, которые, почуявъ грядущій миръ въ Юрьевѣ, начали энергично работать по разложенію арміи и по науськиванію слабохарактерныхъ русскихъ солдатъ на своихъ офицеровъ.

Началось открытое избіеніе и ограбленіе несчастнаго офицерства не только въ лѣсахъ и деревняхъ, но и въ Ревелѣ и Нарвѣ, гдѣ на глазахъ всѣхъ у русскихъ офицеровъ срывали погоны и били по лицу, причемъ характерно отмѣтить, что зачинщиками были почти всегда большевизанствующіе эстонцы. Эстонское командованіе, по приказанію союзниковъ, иногда принимало мѣры противъ избіеній, но эти мѣры были паліативнаго характера, да и вѣры въ искренность этихъ мѣропріятій не было, такъ какъ зачастую само эстонское начальство поощряло ограбленіе русскихъ воиновъ при переходѣ послѣдними границы.

Тяжело быть оскорбленнымъ врагомъ, но еще тяжелѣе испытывать оскорбленіе со стороны своихъ вчерашнихъ союзниковъ. Эстонскія части пропускали черезъ границу русскихъ мелкими отрядами и здѣсь организованный грабежъ эстонцевъ не зналъ удержу. Отнимали не только оружіе и пулеметы, но грабили обозы, отнимали лошадей, сбрую, снаряженіе, деньги и личныя вещи. Несчастные русскіе, несмотря на зимнюю стужу, буквально раздѣвались и все безпощадно отнималось. Съ груди срывались натѣльные, золотые

кресты, отнимались кошельки, съ пальцевъ снимали кольца. На глазахъ русскихъ отрядовъ эстонцы снимали съ солдатъ, дрожащихъ отъ мороза, новое англійское обмундированіе, взамѣнъ котораго давалось тряпье, но и то не всегда. Не щадили и нижнее, теплое американское бѣлье, а на голыя тѣла несчастныхъ побѣжденныхъ накидывались рванныя шинели.

Конечно, такое возмутительное отношеніе со стороны бывшихъ союзниковъ вызывало глубокое негодованіе русскихъ солдатъ, которые, гонимые позади большевиками, предпочитали смерть въ бою съ этими грабителями, и въ тылу были не рѣдки случаи вооруженнаго сопротивленія надругательствамъ эстонскихъ солдатъ. Но и тѣ части, которыя оказались на лѣвомъ берегу Наровы, въ предѣлахъ Эстоніи ожидала еще худшая участь. Измученныхъ, больныхъ и голодныхъ не впускали въ жилыя помѣщенія, а загнали въ лѣсъ и болота, гдѣ несчастные при морозѣ въ 10 градусовъ должны были провести нѣсколько ночей буквально подъ открытымъ небомъ. Къ этому надо прибавить, что среди солдатъ были женщины и дѣти бѣженцевъ. Что испытали, загнанные какъ звѣри, въ лѣсъ русскіе — не трудно себѣ представить. Множество людей замерзло, многіе умерли отъ истощенія. Въ этомъ мрачномъ лѣсу впервые зашевелила свои отвратительныя лапки — тифозная вша.

Находясь въ кошмарныхъ условіяхъ, лишенные обозовъ съ провіантомъ, не имѣющіе телефонной связи со штабомъ, нѣкоторыя части арміи рѣшили спастись отъ неминуемой гибели отъ голода и мороза и самовольно оставили дремучій лѣсъ и двинулись по желѣзной дорогѣ къ ст. Іевве (по направленію къ Ревелю). Эстонская печать сейчасъ же пустила провокаціонные слухи, «что, де, сѣверо-западная армія идетъ на Ревель, дабы повторить авантюру Бермондта и уничтожить самостоятельность Эстоніи». Навстрѣчу были двинуты эстонскія войска. Въ результатѣ — дальнѣйшее разоруженіе нѣсколькихъ полковъ и батарей и дальнѣйшія грубыя и враждебныя дѣйствія по отношенію къ несчастной, голодной и безоружной арміи. Только послѣ настойчивыхъ просьбъ командованія сѣверо-западной арміи и вмѣшательства англійской миссіи, черезъ нѣсколько дней были выведены загнанныя въ лѣсъ русскія части и размѣщены по населеннымъ пунктамъ. А въ это время большая часть сѣверо-западной арміи мужественно защищала вмѣстѣ съ эстонцами Нарву отъ насѣдающихъ большевиковъ.

Конечно, дезорганизація сѣверо-западной арміи росла. Лишенные всякой помощи, казалось, оставленные людьми и Богомъ, русскіе солдаты потеряли вѣру не только въ союзниковъ, но и въ свое начальство, чѣмъ воспользовались агитаторы большевиковъ. Начались выступленія солдатъ противъ офицерства, т. е. повторились въ маленькомъ масштабѣ времена Керенскаго. Были случаи убійства командировъ полковъ и лицъ изъ штабнаго состава.

Ограбленныя эстонцами русскія части были вынуждены иногда въ свою очередь прибѣгать къ грабежамъ эстонскаго мирнаго населенія, ибо имъ оставалось либо умереть отъ голода и холода, либо силою добывать себѣ пропитаніе.

III.

Нарва. Осада города и миръ съ большевиками.

Нарва, ставшая могилой многихъ тысячъ русскихъ солдатъ и бѣженцевъ, уже раньше играла мрачную роль въ русской исторіи. Подъ Нарвой было разбито шведами и бѣжало русское войско, построенное по образцу партизанщины. Въ рѣкѣ Наровѣ потонула когда-то цѣликомъ конница Шереметьева, а въ 1918 году прибывшіе сюда на помощь бѣлымъ эстонцамъ финны устроили звѣрскій погромъ: они съ Ивангородскаго моста и крѣпости сбрасывали въ быстротекущую Нарову большевиковъ, въ число которыхъ зачастую попадали просто русскіе люди, жившіе въ Нарвѣ. На улицахъ публично производились казни и сотни раскроенныхъ череповъ обагряли кровью нарвскіе тротуары. Этого кроваваго событія до сихъ поръ не могутъ забыть русскіе.

Въ серединѣ ноября громадная красная армія подъ личнымъ командованіемъ Троцкаго начала штурмъ Нарвы. Нарву буквально засыпали большевистскіе снаряды. Самый опасный день для Нарвы былъ 17 ноября. Гулъ непрерывныхъ артиллерійскихъ выстрѣловъ сливался въ какой-то жуткій, протяжный вой. Эстонскіе бронепоѣзда работали день и ночь. Энергично дрались эстонцы, стойко и не жалѣя своей жизни, бросались въ атаку и русскія части. Безпрерывно бухали съ Нарвской крѣпости три большихъ орудія — наконецъ, со стороны большевиковъ выстрѣлы стали затихать... Большевики не выдержали безумныхъ атакъ и отошли оставивъ подъ стѣнами Нарвы 60 000 труповъ своихъ бойцовъ. Итакъ Нарва была спасена геройствомъ не только эстонскихъ, но и бѣлыхъ русскихъ частей. Нарва привела Эстонію къ почетному миру въ Юрьевѣ, но, увы, почетъ былъ только для эстонцевъ, но не бывшихъ ихъ союзниковъ — сѣверо-западниковъ; русскимъ, сражавшимся бокъ о бокъ съ эстонцами былъ уготованъ нарвскій мѣшокъ со вшами, куда послѣ нечеловѣческихъ глумленій, эстонцы впустили несчастныя измученныя непрерывными боями, бѣлыя части.

Мрачныя ворота Нарвы, какъ въ ловушкѣ, захлопнулись для сѣверо-западниковъ, вогнанныхъ въ громадные бараки-гробы, начался послѣдній и самый жуткій кругъ страданій.

4 декабря въ Юрьевѣ начались переговоры между эстонской делегаціей во главѣ съ Иваномъ Поской и большевистской во главѣ съ Іоффе. 2 февраля 1920 года мирный договоръ былъ ратифицированъ эстонскимъ Учредительнымъ Собраніемъ.

Радость въ Эстоніи по этому случаю была великая. Всѣ ликовали, кромѣ брошенныхъ во вшивый мѣшокъ воиновъ бѣлой арміи, которая явилась виновницей этого выгоднаго для Эстоніи мира. Русская бѣлая армія, благодаря «милости» союзниковъ и неразумной тактикѣ русскихъ политическихъ и военныхъ руководителей въ Парижѣ и Гельсингфорсѣ удачно исполняла реальную работу по изъятію изъ огня войны каштановъ въ пользу эстонцевъ.

Плоды мира эстонцы взяли себѣ, а бывшему союзнику русской арміи предоставили свободу умереть.

Что эстонцы считали для русскихъ жизнь непозволительной роскошью, доказываетъ ихъ дальнѣйшее отношеніе къ участи сѣверо-западной арміи, когда они стали фактическими господами этой арміи. Наградивъ своихъ вождей военныхъ и политическихъ орденами, а солдатъ землею, Эстонія наградила геройскую русскую армію тифозной вшей. Этой «свободой смерти» воспользовалась добрая треть, находившейся на территоріи Эстоніи сѣверо-западной арміи. Осиновымъ коломъ въ могилу эстонской неблагодарности послужилъ приказъ, уходившаго въ отставку, главнокомандующаго генерала Лайдонера отъ 28 марта, въ которомъ послѣдній, воздавая должное храбрости своей арміи, выражалъ благодарность и всѣмъ участвовавшимъ въ войнѣ: финнамъ, англичанамъ, французамъ, американцамъ и даже незначительнымъ отрядикамъ шведовъ и датчанъ и лишь имя сѣверо-западной арміи, чьи трупы послужили удобреніемъ для эстонской независимости, не нашло себѣ мѣста въ этомъ приказѣ эстонскаго генерала.

IV.

Бѣженцы.

Судьбу несчастной арміи раздѣляли и бѣженцы, т. е. мирные граждане Псковскаго, Гдовскаго, Ямбургскаго уѣздовъ и той части Петербургской губерніи, которая побывала въ рукахъ сѣверо-западной арміи.

Что пережили и перечувствовали несчастные бѣженцы хорошо описалъ извѣстный общественный дѣятель, бывшій членъ Государственной Думы, докторъ Н. А. Колпаковъ, участникъ «переселенія народовъ» изъ Петербургскаго района.

Какъ принималась бѣженская лавина въ Нарвѣ, хорошо описывалъ въ своемъ докладѣ бѣженскому съѣзду другой дѣятель помощи бѣженцамъ М. И. Соболевъ и будучи участникомъ бѣженскаго движенія, я свидѣтельствую, что бѣженцы, какъ только вступали на территорію Эстоніи, попадали въ невозможно тяжелыя условія исключительно потому, что для обезпеченія и устройства бѣженцевъ въ пути не было предпринято рѣшительно никакихъ средствъ и мѣръ, очевидно, изъ-за неожиданности этого поистинѣ историческаго дѣла. Эшелоны съ бѣженцами изъ-подъ

Ямбурга и Гдова, вслѣдъ за первымъ, стали приходить въ Нарву почти ежедневно и насчитывали въ себѣ каждый разъ сотни людей — мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Но бѣженцы плыли въ Нарву не только по желѣзной дорогѣ, но и по шоссе, или съ живымъ инвентаремъ своего хозяйства, а желѣзнодорожные служащіе пріѣзжали и съ большимъ скарбомъ своего домашняго хозяйства. Не всегда было возможно прибывшихъ бѣженцевъ отправить изъ Нарвы въ предѣлы Эстоніи въ день ихъ прибытія или хотя бы на слѣдующій день. Нѣкоторые эшелоны задерживались на ст. Нарва II по нѣсколько дней. Какого-либо пріемнаго пункта, кромѣ двухъ тѣсныхъ, грязныхъ, наполненныхъ къ тому же солдатами, бараковъ для бѣженцевъ не было. Единственнымъ кровомъ для такихъ бѣженцевъ было: или открытое небо, или же, въ лучшемъ случаѣ, холодный вагонъ безъ печи. Достать кипятку, не говоря уже о горячей пищѣ, бѣженцу было невозможно.

Откуда появилась тифозная вша?

По общему мнѣнію, вшу принесли съ собой чины красной арміи, взятые въ плѣнъ бѣлыми или добровольно перешедшими на сторону сѣверо-западной арміи, ибо тифъ еще до похода на Петроградъ уже болѣе года гулялъ по голоднымъ районамъ Россіи. Первые отдѣльные случаи тифознаго заболѣванія, если не ошибаюсь, были обнаружены у красноармейцевъ, перешедшихъ на сторону бѣлыхъ у ст. Волосово, но тогда на это не обратили никакого вниманія. Только 15 ноября 1919 года въ госпиталѣ Краснаго Креста (Нарва) докторъ Колпаковъ установилъ наличіе тифозныхъ больныхъ.

Этотъ «госпиталь» только по недоразумѣнію можно было назвать госпиталемъ, такъ какъ помѣщался онъ во второмъ этажѣ казармы для рабочихъ. Это помѣщеніе было густо набито ранеными и больными. Эпидемія начала быстро распространяться, а въ началѣ декабря обнаружены были первые случаи сыпняка, который сталъ уже молніеносно распространяться, тогда то и начался настоящій адъ въ нарвскомъ мѣшкѣ. Власти, какъ всегда при массовыхъ несчастіяхъ, оказались застигнутыми врасплохъ. Онѣ ничего умнѣе не могли придумать, какъ туже завязать нарвскій мѣшокъ, чтобы никто не могъ оттуда вылѣзть и разнести заразу по остальнымъ частямъ Эстоніи. А между тѣмъ въ Нарву больные прибывали на подводахъ, пѣшкомъ, а то и просто ползкомъ. Больныхъ начали класть, не записывая и не считая, на холодные каменные полы парусиновой и суконной фабрикъ. Когда всѣ полы были покрыты больными, ихъ клали въ вестибюль, на площадкахъ лѣстницъ, подъ лѣстницы. А больные, какъ саранча, все прибывали и прибывали. Начавшись въ районѣ прядильной и суконной фабрикъ, эпидемія стала повальной и быстро охвативъ весь правый берегъ Наровы, перешла на лѣвый, въ эстонскія части, такъ что къ 20 декабря всѣ госпитали въ Нарвѣ были переполнены и больные оставались тамъ, гдѣ ихъ застигала ужасная болѣзнь.

Вскорѣ послѣ появленія эпидеміи началъ заболѣвать и умирать госпитальный персоналъ. Санитарныя эстонскія и русскія власти заметались, но какихъ-либо радикальныхъ мѣръ борьбы съ эпидеміей не принималось. Все дѣло сводилось къ бумагѣ и къ участію въ безчисленныхъ комиссіяхъ въ Ревелѣ, гдѣ начальство жило спокойно. А между тѣмъ Нарва постепенно обратилась въ громадный гробъ съ мертвыми и живыми людьми. Неподготовленность и малое количество лечебныхъ заведеній, про которыя шла слава, какъ о неизбѣжныхъ очагахъ смерти, были причиной того, что заболѣвшіе солдаты и бѣженцы мрачно бродили какъ тѣни по городу, ища пріюта. Вслѣдствіе этого зараза еще больше распространялась. Къ серединѣ февраля 1920 года одна Ивангородская часть Нарвы имѣла 7730 человѣкъ больныхъ, а всего въ Нарвѣ насчитывалось въ самый разгаръ эпидеміи болѣе 10 000 тифозныхъ.

V.

Положеніе обреченныхъ и борьба съ тифомъ.

Помню въ Петроградѣ на Литейномъ проспектѣ былъ «Театръ Ужасовъ», куда ходили любители сильныхъ ощущеній. Пьеса «Морозъ по кожѣ» однако совершенно блѣднѣла передъ тѣмъ ужасомъ, который я испытывалъ въ Нарвѣ при посѣщеніи въ началѣ февраля «госпиталя» — парусиновой фабрики, которая, въ полномъ смыслѣ этого слова, была гробомъ живыхъ и мертвыхъ людей.

Представьте себѣ невысокое зданіе въ 180 арш. длины, 18 арш. ширины, 5 арш. высоты. Вонь и смрадъ ужасные, ибо уборная внизу вся завалена каломъ. Больные ходили буквально «подъ себя», или въ лучшемъ случаѣ, въ корридоръ, по которому не запачкавъ ноги нельзя было пройти. Вентиляціи нѣтъ. Врача также, а бывшіе въ дивизіи врачи всѣ свалились въ общую вшивую кучу. Въ этомъ баракѣ-гробѣ шевелилось 1016 больныхъ. На всѣхъ была лишь одна полуживая сидѣлка, сама съ температурой не ниже 37,9 и 16 санитаровъ. Эти полуживые люди едва успѣвали подать несчастнымъ кипятокъ, о чаѣ нечего было и думать. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что около барака шныряли спекулянты-мальчишки, которые продавали несчастнымъ снѣгъ по 7—10 марокъ за котелокъ. Питались обреченные на смерть лишь хлѣбомъ. 90 процентовъ больныхъ даже не имѣли возможности вымыть руки и лицо. Баня была недостижимая мечта. Между живыми на полу лежали застывшіе трупы. Больные сами выносили трупы изъ барака на дворъ или на улицу, гдѣ складывали ихъ въ кучи, откуда ихъ забиралъ автомобиль-грузовикъ и свозилъ ихъ на кладбище въ полѣ. Среди солдатъ можно было видѣть бродящихъ какъ тѣнь офицеровъ, рѣшившихъ умирать съ тѣми, съ кѣмъ они несли радости и невзгоды войны. Они

сначала самоотверженно ухаживали за больными товарищами, на свои средства покупали имъ лекарства, клюкву, но вскорѣ сами свалились въ общую кучу. Удѣлъ одинъ — смерть. Выздоравливающихъ, какъ оказалось, былъ весьма незначительный процентъ. Накрытые шинелями, а то и тужурками на холодномъ каменномъ полу лежали несчастные, громко бредя въ жару. Я видѣлъ на полу брошенное бѣлье, которое, казалось, шевелилось отъ тысячей ползущихъ насѣкомыхъ. Эти ползущія рубахи и кальсоны преслѣдовали меня нѣсколько ночей. Постепенно вся Нарва чувствовала себя во власти страшной и всемогущей вши. Это вездѣсущее насѣкомое положительно сводило съ ума всѣхъ еще здоровыхъ людей. Всѣ говорили только о вшахъ. Всѣ хотѣли подѣлиться другъ съ другомъ мыслями, но и всѣ боялись другъ друга. Одна мысль неотступно сверлила мозгъ: а вдругъ, при рукопожатіи насѣкомое переползетъ на меня.

Въ концѣ концовъ мы всѣ привыкли ко вшамъ и, махнувъ на свою жизнь рукою, рѣшили сплотиться въ борьбѣ съ этимъ ужаснымъ бичемъ. «Лучше», думали мы, «умереть въ бою, чѣмъ въ позорномъ бездѣйствіи».

5 февраля, когда бѣдствія приняли громадные размѣры, когда вша выбрасывала на улицу ежедневно сотни труповъ, мы, нѣсколько интеллигентовъ, собрались вмѣстѣ и рѣшили сформировать боевой санитарный отрядъ, такъ сказать «гусаровъ смерти» и дружно броситься въ борьбу съ бѣдствіемъ. Мы обратились къ населенію и солдатамъ съ воззваніемъ слѣдующаго содержанія:

Ко всѣмъ, кто не хочетъ погибнуть отъ эпидеміи.

Многія тысячи русскихъ людей, оторванныхъ не по своей винѣ отъ родныхъ очаговъ, очутились въ невозможно тяжелыхъ условіяхъ. Многіе заболѣвшіе различными эпидемическими болѣзнями невѣдомо гдѣ, лежатъ въ холодныхъ, грязныхъ помѣщеніяхъ, безъ всякаго ухода, безъ леченія, безъ пищи и бѣлья. Многіе умираютъ и по нѣсколько дней лежатъ безъ погребенія.

Мы, нижеподписавшіеся, призываемъ тѣхъ, у кого еще не угасла искра состраданія къ страждущему брату и кто самъ не хочетъ быть въ такомъ же ужасномъ положеніи, принять участіе въ самой рѣшительной и немедленной борьбѣ съ эпидеміей. Укрыться отъ заразы намъ негдѣ, такъ какъ причина этихъ болѣзней — вша распространилась всюду, остался одинъ путь спасенія отъ нея — безпощадная борьба. Мы призываемъ всѣхъ, желающихъ принять участіе въ этой борьбѣ заявить объ этомъ въ канцелярію Уполномоченнаго Американской Миссіи по дѣламъ о бѣженцахъ, Ямбургское шоссе № 20, ежедневно отъ 10 до 4 часовъ дня.

Воззваніе подписали:

Уполномоченный Американской Миссіи помощи по дѣламъ о бѣженцахъ въ городѣ Нарвѣ, *М. Соболевъ;* бывшій предсѣдатель Ямбургской Земской Управы, *Е. Іоновъ;* инженеры *В. Марцышевскій, П. Леоновъ* и *Н. Аваевъ;* журналистъ *Г. Гроссенъ (Нео-Сильвестръ);* врачъ *П. Федоровъ;* бѣженцы *И. Цитовичъ, Н. Лялинъ, В. Мартинсонъ* и *В. Кузнецовъ;* поручикъ *Н. Снарскій;* штабсъ-капитанъ *Рамишевскій;* помощникъ Уполномоченнаго Краснаго Креста, *А. Кирпичниковъ;* свободный художникъ *І. Тульчіевъ;* священникъ *Леонидъ Рупертъ;* военный чиновникъ *Михаэлянъ*.

Наше выступленіе было вызвано не только отчаяннымъ положеніемъ больныхъ, но и той растерянностью властей, которое имѣлось на лицо. Власти буквально растерялись и не знали, что дѣлать. Эстонцы, конечно, первымъ дѣломъ бросились спасать своихъ. Устроили нѣсколько оборудованныхъ лазаретовъ, куда помѣщали только своихъ. Русскіе туда не допускались, для нихъ существовало свое военно-санитарное управленіе во главѣ съ докторомъ Дементьевымъ, инспекторомъ этого управленія. Представителемъ военныхъ былъ начальникъ штаба генералъ Лотовъ, которому вожди арміи Юденичъ, Родзянко и Глазенапъ оставили на попеченіе несчастную армію, безпомощно бившуюся въ цѣпкихъ щупальцахъ тифозной вши.

Докторъ Дементьевъ забрасывалъ Ревель телеграммами, которыя однако реальнаго результата не имѣли, кромѣ перевода нѣкоторой суммы денегъ: въ Ревелѣ также потеряли голову. Какихъ-либо радикальныхъ мѣръ къ прекращенію эпидеміи не принималось. Со стороны санитарной инспекціи было проявлено такое же равнодушно-преступное отношеніе къ бѣдствію, какъ и со стороны другого начальства. А между тѣмъ положеніе санитарнаго дѣла было отчаянное. Большинство врачей погибло въ непосильной борьбѣ съ тифомъ. Сестры милосердія также перемерли, въ лучшемъ случаѣ валялись въ тифозномъ бреду въ штабномъ лазаретѣ. Санитары, пользуясь дезорганизаціей, бросили больныхъ на произволъ судьбы и разбѣжались. Никто не хотѣлъ служить въ тифозныхъ баракахъ, гдѣ вслѣдствіе антисанитарнаго состоянія ихъ грозила неминуемая смерть. Получился заколдованный кругъ, изъ котораго выхода не было. Этотъ кругъ былъ тѣмъ болѣе кошмаренъ, что въ маленькомъ городишкѣ Нарвѣ скучилось такое громадное количество больныхъ. Эстонское начальство, несмотря на мольбу русскаго санитарнаго управленія, категорически отказывало въ разгрузкѣ не только больныхъ, но даже выздоравливающихъ, которые снова заболѣвали. Эстонцы боялись разноса эпидеміи по Эстоніи и предпочитали лучше лишиться всего русскаго населенія Нарвы, чѣмъ подвергнуть опасности Эстонію.

Считаясь съ этимъ нашъ санитарный отрядъ рѣшилъ принять на себя всю борьбу съ эпидеміей. Работа была опасная, но, увы, не было и средствъ. Средства мы надѣялись получить отъ общества и образовавшейся въ Ревелѣ ликвидаціонной, по дѣламъ арміи, комиссіи. У послѣдней были средства, предназначенныя для чиновъ арміи. Въ разсчетѣ своемъ мы отчасти не ошиблись: военно-санитарное управленіе охотно согласилось работать съ нами, общество участвовало деньгами, но, увы, въ маломъ количествѣ. Средствъ было мало и поэтому работа наша широкаго масштаба не получила; но мы имѣли — людей, охотно откликнувшихся на нашъ призывъ. Эти добровольцы размѣщены были по отрядикамъ: мойщиковъ, которые мыли несчастныхъ больныхъ, дезинфекторовъ, парикмахеровъ, могильщиковъ и пр.

Эти отряды, сначала довольно многочисленные, однако при первомъ соприкосновеніи съ больными стали таять, несмотря на то, что всѣмъ участникамъ ихъ былъ обезпеченъ паекъ и нѣкоторая поденная плата (могильщикамъ). Многіе обращались въ бѣгство, такъ какъ вши быстро переползали на своихъ враговъ и низвергали ихъ въ общую могилу. Требовались дезинфекціонныя средства, которыхъ не было. А примѣненія этихъ средствъ требовали не только дезинфекторы, мойщики и парикмахеры, но даже могильщики. Послѣдніе были такъ напуганы заразой, что зачастую при приближеніи повозокъ съ покойниками, бросали лопаты и разбѣгались во всѣ стороны. Несмотря на это, работа санитарнаго отряда двигалась впередъ. Статистики, обойдя весь городъ, представили довольно точное количество больныхъ. Изъ данныхъ видно, что только въ первой и второй дивизіяхъ бывшей сѣверо-западной арміи насчитывается 5417 больныхъ. Въ Ивангородской крѣпости — 707 человѣкъ, въ частныхъ домахъ находилось 586 человѣкъ военныхъ, въ городскомъ районѣ насчитывалось также около 1600 человѣкъ. Итого въ одной Нарвѣ было около 10 000 человѣкъ больныхъ.

Санитарный отрядъ сообща съ санитарнымъ управленіемъ открывъ новый госпиталь на Ивангородской сторонѣ, исхлопоталъ разрѣшеніе на открытіе помѣщенія для выздоравливающихъ, которые сотнями уныло бродили по пустымъ улицамъ Нарвы, не находя себѣ убѣжищъ. Бродило, впрочемъ, и много «живыхъ труповъ». «Живые трупы» даже подкидывались въ чужіе дворы. Въ старое доброе время подкидывали младенцевъ, а въ кошмарной Нарвѣ — трупы. Въ тщетныхъ поискахъ мѣста, въ переполненныхъ больными лазаретахъ идетъ съ одной улицы на другую «живой трупъ». Шатается отъ слабости. Температура 39 съ дробью. Потерявъ надежду найти себѣ мѣсто въ лазаретахъ, бывшій воинъ заходитъ во дворъ, гдѣ сваливается подъ навѣсъ какого-либо сарая. Дворникъ дома находитъ тѣло несчастнаго и, разсуждая подобно Пушкинскому мужику въ «Утопленникѣ».

«Судъ наѣдетъ, отвѣчай-ка
Съ нимъ я вѣкъ не разберусь»...

бросалъ трупъ черезъ заборъ въ сосѣднiй дворъ, ибо кому была охота платить большой штрафъ за непредъявленiе тифознаго въ больницу. Случалось, что «трупъ» гулялъ дальше по другимъ дворамъ, пока не попадалъ на улицу, гдѣ его подхватывалъ грузовой автомобиль, развозящiй трупы по кладбищамъ. Бросали «подкидышей» и въ бараки сосѣднимъ лазаретамъ или наоборотъ. Такъ въ русскомъ Ямбургскомъ лазаретѣ было обнаружено, что количество труповъ въ покойницкой или около нея увеличивалось несоразмѣрно съ количествомъ умиравшихъ. Напримѣръ, въ покойницкую доставлялось 10—20 труповъ, а при подсчетѣ тамъ оказывалось 30-40. При разслѣдованiи обнаружилось, что санитары сосѣдняго барака подкидывали трупы на дворъ Ямбургскаго лазарета: возни меньше.

Трупы, трупы и трупы. Наконецъ, жители Нарвы такъ привыкли къ этому зрѣлищу, что уже не разбѣгались при появленiи грузовика, наполненнаго трупами.

А между тѣмъ вша медленно и упорно ползла по тѣламъ молодыхъ и старыхъ, энергичныхъ и слабыхъ, оставляя за собою печать смерти. На улицахъ Нарвы, въ этомъ городѣ смерти тихо и мрачно. Кино и театры давно закрыты. Всюду мелькаютъ только гробы и гробы. Порой на улицахъ я сталкивался съ жуткой картиной: на дровняхъ досчатый простой гробъ. У гроба сидятъ трое маленькихъ дѣтей — все, что оставилъ послѣ себя покойный. Часто можно было видѣть десятокъ труповъ небрежно брошенныхъ другъ на друга. Ужасный грузъ. А живые, оторванные отъ родины люди, уныло брели съ тяжелымъ вопросомъ въ головѣ, когда то наступитъ ихъ чередъ лежать на этихъ дровняхъ. А колоколъ уныло и безпрерывно звонилъ и казалось, что онъ плакалъ о быломъ, о забытыхъ грезахъ, навѣянныхъ февральской революцiей... Все исчезло, исчезло, какъ миражъ. Одна смерть и страданiя остались и напоминаютъ ежеминутно о себѣ. Бреду съ тяжелыми размышленiями за гробомъ одного доктора. Вдругъ кто-то дернулъ меня за рукавъ:

— Господинъ, нѣтъ ли у васъ горсточки клюквы. — Смотрю, передо мною стоитъ въ помятой шинели человѣкъ. Запекшiеся губы, блестящiе глаза. Шатается.

Догадываюсь — тифозный. Клюквы нѣтъ, ибо она уже недѣли двѣ какъ исчезла въ городѣ: всю поѣли тифозные. Предлагаю на извозчикѣ ѣхать въ лазаретъ. Испуганные глаза. На лицѣ ужасъ.

— Ради Бога, не выдайте. Только не туда. Тамъ я знаю, — вѣрная смерть. Я офицеръ — сѣверо-западникъ... хотѣлъ бы еще жить. — Съ трудомъ уговариваю ѣхать въ новый госпиталь, гдѣ условiя пребыванiя сносны. Отвезъ. Прiѣхалъ домой — дома не лучше.

У меня въ комнатѣ двое тифозныхъ — племянникъ и капитанъ Островскаго полка. Оба мечутся на кроватяхъ въ бреду. Легъ спать, но заснуть не могъ. Тифозные вскакиваютъ съ кровати и начинаютъ бродить по комнатѣ, наводя на меня ужасъ своими бредовыми кошмарами. Капитанъ властно кричитъ, командуя полкомъ. Онъ грозитъ уничтожить красныя дивизіи подъ Москвой. Мой Женя плачетъ навзрывъ, стоя на колѣняхъ передъ большимъ горшкомъ съ цвѣтами. Онъ умоляетъ не разстрѣливать его, такъ какъ у него мать и братья въ Россіи. Волосы становятся дыбомъ... Только подъ утро, когда больные заснули, свалившись въ одну кровать, тяжело дыша, я получаю возможность вздохнуть.

Утромъ иду въ санитарный отрядъ. Узнаю обычную новость: умеръ врачъ Ивановъ. Врачи умираютъ одинъ за другимъ, выбыло изъ строя уже 60 процентовъ. Не меньше умерло сестеръ милосердія. Отправилось на тотъ свѣтъ много добровольцевъ-санитаровъ. Умеръ студентъ Заблоцкій, умеръ генералъ Ежевскій, одинъ изъ рѣдкихъ генераловъ, не оставившій арміи въ дни ея агоніи. Подѣлились мыслями о покойникахъ, но долго говорить нельзя. Надо работать не покладая рукъ. Получилось сообщеніе, что открытъ новый очагъ тифозныхъ — на бывшемъ лѣсномъ заводѣ Зиновьева. Самоотверженный докторъ П. Н. Федоровъ, М. И. Соболевъ и я отправляемся туда. Зданія завода расположены на низинѣ Наровы подъ Ивангородской крѣпостью. Заводъ какъ-бы скрытъ отъ человѣческихъ взоровъ. Намъ и въ голову не приходило, что въ этомъ запущенномъ помѣщеніи могутъ быть люди. Оказались и тутъ люди, но полуживые — тифозные.

То, что мы увидѣли въ Зиновьевской клоакѣ превзошло наши самыя мрачныя ожиданія. Когда мы открыли дверь въ корридоръ флигеля, то въ открытую дверь потянуло дыханіемъ смерти. Вонь, смрадъ, кучи грязи. Ватеръ, заваленный каломъ, открытъ. Водопроводъ замерзъ и бездѣйствуетъ. Въ первой небольшой комнатѣ на табуретахъ, ящикахъ, а то и на голомъ полу валялись въ бреду, накрытые шинелями скромные работники свинцоваго ущелія — наборщики.

Лихорадочные взгляды, полные муки и безъисходнаго горя, скользнули по нашимъ лицамъ. — Господи, люди, дайте пить и спасите отъ вшей, — услышали мы отъ больныхъ. Пока докторъ Федоровъ осматривалъ больныхъ, мы вошли въ другую комнату. Тамъ на трехъ кроватяхъ лежали по двое наборщиковъ и печатниковъ «Приневскаго Края». Среди нихъ корректорша съ дѣвочкой пяти лѣтъ, съ впалыми щечками и худенькими, какъ палки, ручками. Вотъ жена, еще недавно ухаживавшая за мужемъ, свалилась; подкошенная болѣзнью въ кровать, къ метавшемуся въ бреду мужу. Рядомъ въ полутемной клѣтушкѣ на полу лежитъ семья наборщика, который въ бреду поминутно вскакивалъ и отмахивался отъ преслѣдующаго его кошмара.

На ящикѣ — дѣвочка семи лѣтъ тяжело дышетъ, свѣсивъ ручонки на полъ. У тощей груди полуживой женщины годовалый ребенокъ играетъ солдатской пуговицей. Онъ одинъ среди этихъ полуживыхъ людей сохранилъ улыбку. Эти 17 человѣкъ еще 3 мѣсяца тому назадъ бросали свинцовыя буквы въ гранки, которыя гордо будили Россію къ возстанію противъ большевиковъ и призывали къ новой, свободной жизни. А теперь они лежали безсильные, брошенные не только посторонними людьми, но и своими руководителями.

VI.

Помощь Нарвѣ.

Тревожные сигналы, которые давались телеграммами не только правительственныхъ и общественныхъ властей, но и газетами, куда я усиленно посылалъ информаціонныя статьи съ описаніемъ ужасовъ бѣдствія, постигшаго несчастную армію въ Нарвѣ, были наконецъ услышаны Европой.

Со всѣхъ концовъ потекла помощь. Американцы оказали большую помощь продовольственными пайками взрослымъ и дѣтямъ, что не могло не сыграть роль въ дѣлѣ прекращенія эпидеміи. Изъ Лондона прибыло около 20 врачей, изъ Швеціи пріѣхали врачи и санитарный отрядъ, также и Рига прислала отрядъ съ врачемъ и сестрами милосердія. Русское санитарное управленіе перешло въ вѣденіе эстонскаго, послѣдній принялъ диктаторскія мѣры противъ эпидеміи. Кромѣ того, они наконецъ вняли голосу русскихъ врачей и начали энергичную разгрузку Нарвы отъ выздоравливающихъ, которыхъ отправили вглубь Эстоніи. Благодаря энергичной помощи американцевъ эпидемія начала въ апрѣлѣ стихать, а въ іюнѣ она совершенно прекратилась.

Я не могу не отмѣтить странной, если не сказать большаго, роли, какую сыгралъ въ борьбѣ съ нарвскими ужасами уполномоченный Американскаго Краснаго Креста для прибалтійскихъ провинцій полковникъ Райянъ. Онъ прибылъ въ Нарву спустя только три недѣли, хотя страшная эпидемія для него, разумѣется, не была секретомъ. Когда я прибылъ въ Ригу, я сталъ наводить справки о странной тактикѣ Райяна, но всѣ рижскіе общественные дѣятели только недоумѣнно разводили руками. Болѣе основательную информацію далъ мнѣ Н. Г. Бережанскій, который, получивъ наше вышеприведенное воззваніе, открылъ энергичную газетную агитацію въ пользу активной помощи рижанъ Нарвѣ. Въ результатѣ этой агитаціи, удалось сформировать медико-санитарный отрядъ въ количествѣ 140 человѣкъ санитаровъ, сестеръ милосердія, фельдшеровъ и собрать нѣсколько десятковъ тысячъ латвійскихъ рублей, бѣлье, мыло, дезинфекціонныя средства. Однако отрядъ, по непонятнымъ причинамъ не отправлялся полковникомъ Райяномъ въ теченіе цѣлыхъ двухъ недѣль.

То же самое получилось и при отправкѣ денегъ и бѣлья въ Нарву. Деньги Райянъ категорически отказался переслать въ Нарву, но предложилъ послать ихъ Эстонскому Красному Кресту, который-де и распредѣлитъ самъ пропорціонально между эстонцами и русскими. Послѣ рѣзкихъ возраженій Н. Г. Бережанскаго, полковникъ Райянъ предложилъ жертвователямъ на собранныя деньги купить бѣлья и медикаментовъ, которые онъ «при случаѣ» отправитъ. Такъ какъ этого «случая» пришлось ждать очень долго, бѣлье и медикаменты были отправлены по частному адресу, причемъ пришлось одолѣть немалую таможенную волокиту эстонцевъ.

Собственный дезинфекціонный отрядъ Райяна, вмѣсто 7—10 февраля прибылъ въ Нарву только 1 марта и въ однѣ сутки продезинфецировалъ 16 000 комплектовъ бѣлья и одежды. Сколько жизней было бы сохранено, если бы отрядъ Райяна прибылъ тремя недѣлями раньше. Оказывается... штабъ генерала Юденича пожалѣлъ для Райяна «Владиміра», котораго онъ долго добивался отъ сѣверо-западной арміи.

Долженъ сказать, что эпидемія сыпного и возвратнаго тифа имѣла мѣсто не только въ Нарвѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ Эстоніи, главнымъ образомъ тамъ, гдѣ была скученность чиновъ сѣверо-западной арміи и бѣженцевъ.

Къ этимъ мѣстностямъ принадлежитъ Коппель — пригородъ Ревеля, куда эстонцы сплавляли больныхъ и выздоравливающихъ чиновъ сѣверо-западной арміи, Іевве и Ассеринскій районъ. Причина появленія эпидеміи, какъ констатировалъ на съѣздѣ бѣженцевъ тотъ же докторъ Колпаковъ, вездѣ одна и та же: невѣроятно тяжелыя условія жизни и обстановка чиновъ сѣверо-западной арміи и бѣженцевъ.

Сколько погибло людей въ результатѣ тифозной эпидеміи? На этотъ вопросъ трудно отвѣтить, да и врядъ ли точную цифру погибшихъ при томъ хаосѣ, который имѣлъ мѣсто въ то кошмарное время, удастся опредѣлить. Думаю, что она выразится въ нѣсколькихъ тысячахъ, особенно, если прибавить сюда и гибель отъ послѣдствій эпидеміи — дезинтеріи, которая особенно развилась среди «лѣсныхъ рабовъ», загнанныхъ на лѣсныя работы — чиновъ сѣверо-западной арміи, гдѣ по свидѣтельству доктора Колпакова умерло не менѣе 14 процентовъ заболѣвшихъ отъ дезинтеріи людей. Необходимо отмѣтить, что особенно пострадалъ санитарный персоналъ, однихъ врачей погибло при исполненіи своего долга 27 человѣкъ, т. е. 40 процентовъ всего наличія врачей, боровшихся съ эпидеміей. 3 сентября 1922 года на русскомъ кладбищѣ города Нарвы, оставшіеся въ живыхъ русскіе, на собранныя между собой средства водрузили на высокомъ курганѣ высокій, массивный крестъ, на которомъ имѣется изъ мѣдныхъ буквъ слѣдующая надпись:

«Упокой, Господи, рабовъ Твоихъ, воиновъ Сѣверо-Западной Арміи, погибшихъ отъ тифознаго мора 1920 года, ихъ же имена, Ты, Господи, вѣси.»

Господь Богъ, конечно, знаетъ безчисленныя имена безпомощно погибшихъ русскихъ воиновъ не въ бою съ большевиками, а въ позорныхъ для культурнаго человѣчества условіяхъ, созданныхъ и во время неустраненныхъ тѣми иностранцами и русскими, имена которыхъ Всемогущій Господь также знаетъ. Эти имена власть имущихъ людей впослѣдствіи исторія пригвоздитъ къ позорному столбу, ибо на ихъ совѣсти будутъ вѣчно лежать тѣ печальные курганы изъ русскихъ череповъ, которые въ большомъ количествѣ разсѣяны на территоріи той Эстоніи, въ фундаментъ независимости коей, вложили свою лепту изъ жизней и покоющіеся въ этихъ курганахъ воины сѣверо-западной арміи.

Итакъ тифъ заглохъ. Борьба шла уже съ послѣдствіями эпидеміи: необходимо было усиленно питать перенесшихъ ужасы тифа, надо было одѣть и пристроить сотни сиротъ-дѣтей. Въ этой борьбѣ первую роль сыграла, конечно, Американская миссія помощи, снабжая нуждающихся бѣлымъ хлѣбомъ, саломъ, сахаромъ, а также бѣльемъ. Кромѣ того въ Нарву прибыла изъ Швеціи представительница Шведскаго Краснаго Креста и общества «Спасайте дѣтей» А. И. Бергъ, весьма энергичный человѣкъ. Она привезла бѣженцамъ много верхняго платья, которое подѣлила между нуждающимися бѣженцами. Кромѣ того она устроила пріютъ для дѣтей и помогала патронату Русскаго Санитарнаго Отряда, гдѣ находились выздоравливающіе воины сѣверо-западной арміи.

Оставались чины сѣверо-западной арміи, которые были лишены всякихъ средствъ къ существованію, такъ какъ большинство ихъ не получило еще жалованія за прежнюю службу. Этимъ сѣрымъ героямъ похода на Петроградъ пришлось пройти еще кругъ страданій: на лѣсныхъ разработкахъ, гдѣ они попали въ кабалу предпріимчивыхъ акулъ-подрядчиковъ.

VII.

«Хижина дяди Тома» въ эстонскомъ изданіи.

Въ концѣ февраля 1920 года состоялось полное расформированіе сѣверо-западной арміи и она была обращена въ бѣженскую массу, имѣя въ своемъ составѣ около 13000 больныхъ и выздоравливающихъ, а 2 марта, т. е. сразу же послѣ расформированія и послѣ того, какъ окончательно выяснилось, что никакой надежды на отправку арміи на югъ вслѣдствіе сложившейся политической обстановки нѣтъ, Учредительное Собраніе Эстонской демократической республики утвердило слѣдующее обязательное постановленіе о лѣсныхъ работахъ:

§ 1. Для заготовленія необходимаго минимума топлива и матеріала для вывоза, правительство республики въ правѣ въ теченіе 1920 года призвать на принудительныя лѣсныя работы 15 000 мужчинъ.

Примѣчаніе: Къ лѣснымъ работамъ приравнивается рѣзка торфа и ломка горючаго камня.

§ 2. На принудительныя лѣсныя работы будутъ призваны мужчины изъ всѣхъ городовъ и уѣздовъ на разныхъ основаніяхъ.

§ 3. Призыву подлежатъ всѣ трудоспособные мужчины отъ 18—50 лѣтъ. Въ первую очередь призываются лица безъ опредѣленныхъ занятій. Отъ призыва на работы могутъ быть освобождены мужчины, которые расходуютъ всю свою рабочую силу, занимаясь въ своемъ или чужомъ хозяйствѣ въ земледѣліи, ремеслахъ, промышленности или торговлѣ, государственные служащіе и служащіе самоуправленій, а также лица, фактически занятые интеллигентнымъ трудомъ, какъ врачи, адвокаты, инженеры и т. п.

§ 4. Срокъ принудительныхъ работъ исчисляется въ 2 мѣсяца или соотвѣтствующимъ количествомъ выполненной работы.

§ 5. Находящимся на принудительныхъ лѣсныхъ работахъ выдается солдатскій паекъ по интендантскимъ цѣнамъ. Вознагражденіе производится по системѣ сдѣльной оплаты, принимая во вниманіе мѣстныя условія почвы и лѣса, по соглашенію между центральнымъ комитетомъ по топливу и комиссаромъ труда на государственныхъ работахъ.

§ 6. Принудительныя лѣсныя работы обязательны для всѣхъ мужчинъ въ предѣлахъ Эстонской Республики, независимо отъ подданства.

§ 7. Не явившіеся на лѣсныя работы подвергаются аресту или заключенію въ тюрьму до 1 года, или штрафу до 100 000 марокъ, причемъ арестъ и заключеніе могутъ совмѣщаться съ денежнымъ штрафомъ. Кромѣ того виновные отправляются на лѣсныя работы принудительно.

§ 8. Помѣщенія для работающихъ отводитъ мѣстное самоуправленіе, въ случаѣ необходимости путемъ реквизицій.

Конечно не трудно было догадаться, противъ кого былъ направленъ этотъ законъ. Его съ головой выдала фраза о лицахъ «безъ опредѣленныхъ занятій» и цыфра «15 000 мужчинъ», т. е. приблизительное количество еще уцѣлѣвшихъ отъ тифознаго кошмара чиновъ сѣверо-западной арміи.

Правительство «демократической республики», не издавъ еще законовъ, регулирующихъ условія труда при лѣсныхъ заготовкахъ и не установивъ охрану здоровья и труда, буквально отдало 15 000 русскихъ людей въ рабство предпріимчивымъ подрядчикамъ. Это рабство усугублялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что эстонское правительство предусмотрительно озаботилось не выдать на руки чиновъ расформированной арміи паспортовъ или свидѣтельствъ съ правомъ

передвиженія по Эстоніи, вслѣдствіе чего русскіе очутились на положеніи безпаспортныхъ, т. е. съ точки зрѣнія обывателя обратились въ безправныхъ паріевъ, съ которыми можно было дѣлать все что угодно. Такимъ образомъ въ нашъ просвѣщенный XX вѣкъ получился своеобразный институтъ бѣлаго рабства, который былъ санкціонированъ Учредительнымъ Собраніемъ, гдѣ было значительное число соціалистовъ.

Признавая безусловно за Эстоніей право на трудъ расформированной русской арміи, нашедшей пріютъ въ Эстоніи, для которой русская бѣженская масса была обременительной, но условія труда примѣненныя въ лѣсахъ, именно и даютъ мнѣ право назвать ихъ рабовладѣльческими, чего никакое правительство, а тѣмъ болѣе демократическое съ соціалистическимъ оттѣнкомъ (министръ внутреннихъ дѣлъ — соціалистъ) допускать не должно было. Вотъ это-то положеніе, а не принудительность привлеченія русскихъ къ работамъ и является позорнымъ для бывшаго эстонскаго правительства.

Умолчаніе въ законѣ положеній объ охранѣ труда и здоровья и вообще о системѣ работъ привело на практикѣ къ уродливой съ правовой точки зрѣнія формѣ взаимоотношеній между эксплоататорами и рабочими: мобилизованная на основаніи этого закона рабочая сила «безъ опредѣленныхъ занятій» поступила въ полное распоряженіе частныхъ подрядчиковъ, для которыхъ извлеченіе предпринимательской прибыли явилось альфой и омегой всего этого позорнаго предпріятія.

И чинамъ бывшей арміи все-таки ничего не оставалось, какъ итти въ новый дантовскій кругъ страданій, изготовленныхъ имъ немилосердной судьбой, ибо для нихъ, буквально прикрѣпленныхъ къ опредѣленнымъ районамъ, сплошь зараженнымъ тифомъ, мѣстныя работы казались единственнымъ выходомъ изъ тяжелаго положенія.

Понятно, при наличіи такого закона безпаспортнымъ чинамъ бывшей арміи предъявлять свои условія сотнямъ появившимся вампирамъ-подрядчикамъ или вырабатывать съ ними письменныя соглашенія не приходилось. При создавшемся положеніи несчастные русскіе паріи были согласны на любыя условія, лишь бы вырваться изъ того района, гдѣ тифозная вша еще проявляла себя и откуда, вслѣдствіе отсутствія паспортовъ, нельзя было вырваться, а перенести второй разъ возвратный тифъ многимъ не хотѣлось. Правда былъ еще единственный, неоднократно практиковавшійся и постоянно упоминаемый въ видѣ угрозы эстонской администраціей исходъ: отправка въ совѣтскую Россію, т. е. на вѣрную смерть. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что бывшій воинъ сѣверо-западной арміи, находясь между тифозной Сциллой и большевистской Харибдой, предпочиталъ плыть по единственно указанному ему фарватеру къ лѣснымъ работамъ.

VIII.

Положеніе «бѣлыхъ рабовъ» въ лѣсахъ.

Вотъ, какъ рисовалъ намъ 1 августа на засѣданіи комитета русскихъ эмигрантовъ правовое положеніе русскихъ въ лѣсахъ, членъ комитета русскихъ эмигрантовъ, бывшій членъ Государственной Думы, Е. Т. Евсѣевъ, обслѣдовавшій лично положеніе рабочихъ на лѣсныхъ заготовкахъ.

Русскіе бѣженцы и чины бывшей сѣверо-западной арміи не имѣютъ на рукахъ паспортовъ, ни вообще эстонскихъ документовъ, удостовѣряющихъ личность. Подрядчику выдается групповой списокъ на всю артель или отдѣльную партію, согласно которому на мѣстахъ могутъ быть выданы рабочимъ удостовѣренія личности. Но удостовѣренія эти не получаются, такъ какъ администрація работъ въ этомъ не заинтересована. Часто она заинтересована въ обратномъ. Такимъ образомъ, рабочіе лишены права свободнаго передвиженія. Существуютъ даже правила, запрещающія рабочимъ удаляться далѣе двухъ верстъ отъ лѣсныхъ работъ.

Такое положеніе рабочихъ даетъ администраціи и мѣстной полиціи широкій просторъ по примѣненію стѣснительныхъ мѣръ, часто мелочныхъ, безполезныхъ, но бьющихъ по правовому чувству и потому раздражающихъ рабочую массу.

Затѣмъ, уже какъ слѣдствіе лишенія права свободнаго передвиженія, создается прикрѣпленіе рабочаго къ подрядчику и мѣсту работы.

Рабочіе не вправѣ переходить къ другому лицу на другой участокъ или на другія работы. Извѣстны случаи, когда переходившіе возвращались принудительнымъ порядкомъ обратно, а хуторяне, принимавшіе къ себѣ рабочихъ на сельско-хозяйственныя работы, подвергались штрафу. Угроза принудительнымъ возвращеніемъ, лагеремъ военноплѣнныхъ и высылкой въ Совдепію — явленіе обычное со стороны администраціи работы.

Письменныхъ договоровъ между рабочими и подрядчиками не существуетъ. Обычно при наймѣ рабочіе освѣдомляются подрядчикомъ или его агентомъ (вербовщиками) объ условіяхъ труда и затѣмъ получаютъ обѣщанія, часто очень широкія и заманчивыя, до снабженія обувью и одеждой включительно. Обѣщанія, данныя при наймѣ, обыкновенно не исполняются на дѣлѣ. Безъ письменныхъ договоровъ трудно судить о степени добросовѣстности подрядчиковъ, но жалобы со стороны рабочихъ весьма часты.

Срокъ принудительныхъ работъ, точно зафиксированный въ законѣ (2 мѣсяца) — нигдѣ на мѣстахъ не соблюдается. Даже на участкахъ эстонскаго комитета по топливу рабочіе, отбывшіе срокъ работы, остаются попрежнему закрѣпленными къ лѣснымъ работамъ, и безпаспортными, какъ и остальная масса.

Что касается принудительнаго назначенія на лѣсныя работы, то достовѣрно можно говорить лишь объ отдѣльныхъ

случаяхъ. Обыкновенно мѣстная полиція предлагаетъ или лѣсныя работы или высылку въ Совдепію. Обслѣдованіемъ твердо установлено, что главная масса рабочихъ пошла на лѣсныя работы добровольно и такіе считаютъ себя свободными въ выборѣ, какъ мѣста, такъ и подрядчика. Вопросъ о дѣйствіи общихъ нормъ по охранѣ труда лѣсныхъ рабочихъ остается невыясненнымъ. Практика, опирающаяся на спеціальный законъ о принудительности лѣсныхъ работъ — съ одной стороны и распоряженія комитета по топливу и полицейскихъ властей на мѣстахъ — съ другой, очень часто, какъ мы видѣли, совершенно расходится съ идеей охраны труда.

Отсутствіе детально разработаннаго договора между правительственнымъ комитетомъ по топливу и подрядчикомъ даетъ, въ свою очередь, широкую возможность послѣднимъ уклоняться отъ выполненія лежащихъ на нихъ по смыслу закона обязательствъ и толковать всякое сомнѣніе въ свою пользу.

Что касается экономическаго положенія русскихъ рабочихъ въ лѣсахъ, то и оно было едва ли лучше правового. Плата полагалась такая: 150 эст. марокъ за одну кубическую сажень съ уборкой сучьевъ и порою сжиганіемъ ихъ на мѣстѣ. Эта плата впослѣдствіи была увеличена до 210 эст. марокъ. Причемъ слѣдуетъ замѣтить, что плата была не вездѣ одинакова: она зависѣла отъ размѣра аппетита того или иного подрядчика, ибо правительственный комитетъ по топливу не контролировалъ оплату труда по его расцѣнкѣ. По урочному положенію два человѣка средней руки, при десятичасовомъ рабочемъ днѣ могутъ поставить ²/₃ куб. сажени, что даетъ человѣку заработокъ въ 60 эст. марокъ въ сутки (при высшей оплатѣ труда). Но русскіе и этихъ 60 марокъ въ день не вырабатывали, ибо подавляющее ихъ большинство было физически слабо вслѣдствіе недавно перенесеннаго тифа. Кромѣ того среди рабочихъ было не мало интеллигентовъ, которые совершенно не были приспособлены къ тяжелому физическому труду. Были такіе случаи, что артель интеллигентныхъ рабочихъ изъ офицеровъ и чиновниковъ въ 69 человѣкъ поставила въ 3 недѣли всего 57 кубовъ, что давало каждому заработокъ лишь 10 марокъ въ день. Конечно, всѣ голодали. Заработная плата на торфяныхъ работахъ была выше: она доходила и до 100 эст. марокъ въ день, но условія работы въ болотныхъ и сырыхъ мѣстахъ, конечно, были еще тяжелѣе. Да и стоимость питанія была выше: она доходила до 50 марокъ въ день. Но и эту мизерную плату рабочіе во время не получали. Были участки, гдѣ рабочіе въ теченіе мѣсяца не имѣли расчета. Получилась безотрадная картина: русскіе рабочіе жили впроголодъ, а о заработкѣ на бѣлье, обувь и одежду и думать было нечего.

Санитарно-гигіеническія условія были еще хуже. Сырой и болотный воздухъ, конечно, не дѣйствовалъ благотворно на людей, только что перенесшихъ тифы разныхъ наимено-

ваній. На гигіеническую обстановку рабочихъ администрація совершенно не обратила вниманія. Помѣщенія для жилья комитетомъ отводились въ деревняхъ, имѣніяхъ и въ баракахъ военнаго времени, а за отсутствіемъ вблизи работъ жилыхъ помѣщеній — въ сараяхъ, чуланахъ и т. п. Помѣщенія для артельнаго жилья рѣдко чистились и дезинфецировались. Особенной грязью отличались бараки: тамъ было полно насѣкомыхъ. Спали люди на соломѣ, на полу и нарахъ.

Въ нежилыхъ помѣщеніяхъ ночью холодно, сыро. Баня не всегда доступна. Стирка — за отсутствіемъ мыла — роскошь санитаріи.

Санитарнаго надзора почти не было, за исключеніемъ двухъ-трехъ мѣстъ, гдѣ на 600 рабочихъ было 2 фельдшера или одинъ санитаръ.

Ко всему этому надо прибавить, что несчастные рабы къ концу работъ остались почти безъ бѣлья и обуви, несмотря на то, что снабженіе бѣльемъ и обувью было оговорено въ устныхъ условіяхъ съ подрядчиками. Въ результатѣ многіе оказались безъ обуви и бѣлья, что лишало ихъ возможности пріисканія себѣ новаго заработка, такимъ образомъ рабочіе оказались прикрѣпленными къ лѣсу.

Такой полузвѣриный бытъ вполнѣ понятно становился не подъ силу самымъ стойкимъ людямъ, прошедшимъ огонь и воду человѣческихъ страданій. Живя по цѣлымъ мѣсяцамъ въ лѣсу, потерявъ вслѣдствіе безпаспортнаго состоянія всякія связи съ культурнымъ міромъ и не видя съ другой стороны заботъ о себѣ, эти «лѣсные люди», брошенные всѣми и ничѣмъ не спаянные между собой, постепенно тупѣли и дичали. Они невольно стали искать исхода въ бѣгствѣ или въ безшабашномъ пьянствѣ. Въ чаду самогоннаго угара они со слезами на глазахъ вспоминали «минувшіе дни», какъ вмѣстѣ сражались у вратъ Петрограда. Какъ они, оставленные тѣми, кто ихъ поддерживалъ и подстрекалъ къ славному подвигу освобожденія міра отъ большевизма попали въ нарвскій гробъ, откуда, далеко немилостивая судьба, да сильный организмъ вытянули ихъ, чтобы снова бросить въ дремучіе лѣса на кормежку упырей-подрядчиковъ.

Къ стыду нѣкоторыхъ офицеровъ сѣверо-западной арміи надо сказать, что были и такіе, которые сами сдѣлались подрядчиками и, увы, въ своихъ эксплоататорскихъ наклонностяхъ не уступали эстонскимъ предпринимателямъ. Образовались такъ называемыя трудовыя артели (Стрекопытова, Вѣтренко и др.). Стрекопытовъ (командиръ тульскаго отряда), по словамъ его жертвъ, жалъ своихъ рабовъ не меньше другихъ подрядчиковъ. Рабочіе вырабатывали едва-ли больше 30 марокъ на ѣду, но и эти деньги они не получали въ срокъ. Не мало офицеровъ было въ роли надсмотрщиковъ, на которыхъ лежала обязанность поддержанія дисциплины, т. е. почти жандармскія функціи, что, конечно, было не достойно офицерскаго званія. Правда, идея остаться со своими солдатами была хороша, но она у многихъ «офицеровъ-надсмотрщиковъ» приняла недостойныя формы «погонщиковъ рабовъ».

Эстонское правительство, какъ я указалъ выше, намѣрено было привлечь къ работамъ 15000 человѣкъ, но въ концѣ концовъ такого количества среди бывшихъ солдатъ сѣверо-западной арміи не нашлось, оно едва-ли собрало болѣе 5000 солдатъ и бѣженцевъ, т. е. лишь одну треть. Такое малое число работающихъ заставляло центральную власть употребить всѣ силы, чтобы погнать на работу бывшихъ военныхъ чиновъ арміи изъ категоріи «безработныхъ». Насколько серьезныя мѣры принимались властью, доказываютъ нижеприводимые документы:

М. В. Д.
Начальникъ главнаго управленія полиціи
28 мая 1920 г.
№ 01770
Ревель.

Начальнику Везенбергской уѣздной полиціи.

Предложить сѣверо-западникамъ, а также и бѣженцамъ приступить къ работѣ, въ противномъ случаѣ, должны взять для себя визы для выѣзда. Въ Эстоніи нѣтъ мѣста для праздношатающихся иностранцевъ.

Уѣздной Земской Управѣ принять желающихъ.

Подписи.

Начальникамъ полицейскихъ участковъ Вирляндскаго уѣзда для исполненія.

Въ нужныхъ случаяхъ праздношатающихъ бѣженцевъ и сѣверо-западниковъ въ будущемъ препроводить въ распоряженіе Уѣздной Земской Управы.

Второй документъ, объявленіе полицейскаго управленія въ Ассеринѣ, слѣдующаго содержанія:

Объявленіе.

Согласно резолюціи министра внутреннихъ дѣлъ отъ 23 мая с. г. за № 1770 и предписанія начальника полиціи отъ 3 іюня с. г. за № 2377 объявляется всѣмъ бѣженцамъ и лицамъ сѣверо-западной арміи, что они въ семидневный срокъ должны пріискать себѣ работы.

Не желающіе работать будутъ высланы по мѣсту жительства въ Россію.

11 іюня 1920 года.

Подлинный подписалъ:
Полицейскій чиновникъ *Вольбакъ*.

Эти высылки въ Совѣтскую Россію практиковались довольно часто и излишне говорить, что ожидало несчастныхъ тамъ. Центральный комитетъ эмигрантовъ предпринималъ

все возможное къ защитѣ несчастныхъ высылаемыхъ, но большей частью его ходатайства оканчивались неудачно и получались свѣдѣнія, что несчастные, выкинутые за границу Эстоніи, разстрѣливались, особенно офицеры.

Центральныя власти въ разговорахъ по этому поводу съ иностранными миссіями, указывавшимъ имъ на нарушеніе права убѣжища, обыкновенно утверждали, что подобныхъ случаевъ не было, но нижеприводимый мною документъ доказываетъ, что высылка нежелательныхъ русскихъ элементовъ имѣла частое примѣненіе. Привожу копію приказа уѣзднымъ начальникамъ полиціи командира эстонской дивизіи, стоявшей въ Нарвѣ генералъ-майора Теннисона.

«У меня имѣются свѣдѣнія, что многіе солдаты, офицеры и чиновники бывшей сѣверо-западной арміи поселились среди бѣженцевъ, выдавая себя за военнобѣженцевъ, такимъ образомъ, получаютъ кормъ и шляются кругомъ безъ работы.

Ни одинъ солдатъ, офицеръ и чиновникъ бывшей сѣверо-западной арміи не есть военнобѣженецъ и не можетъ жить среди бѣженцевъ.

Обязываю начальниковъ уѣздной полиціи въ 7-дневный срокъ изъ среды бѣженцевъ выслать всѣхъ подобныхъ шляющихся; которые не желаютъ работать и работою въ Эстоніи снискивать себѣ пропитаніе, такіе пусть идутъ въ Россію.

Отправки черезъ границы совершаетъ комендантъ города Нарвы, каждый день въ распоряженіи котораго посылать всѣхъ подобныхъ шляющихся. Объ исполненіи мнѣ донести и вмѣстѣ съ отчетомъ о томъ, въ какомъ полицейскомъ участкѣ и сколько было подобныхъ шляющихся.

Нарва, 14 мая 1920 года.
№ 1180.

Генералъ-майоръ *Теннисонъ*.

Съ подлиннымъ вѣрно: урядникъ *Лійма*.

Тонъ приказовъ, обычный въ обращеніи съ русскими, говоритъ за себя.

Результатъ всей лѣсной и торфяной кампаніи не былъ такъ ужасенъ для русскихъ, какъ тифозная кампанія, ибо смертность отъ дезинтеріи и другихъ болѣзней была незначительна. Эстонія получила выгоду отъ тысячей кубическихъ саженей дровъ и торфа, подрядчики нажили громадныя суммы денегъ отъ «выжиманія» русскаго, почти безплатнаго, пота, а русскіе «лѣсные и болотные жители» не только не пріобрѣли себѣ одежды и обуви, но и послѣднія износили въ работѣ, но за то получили память на долгое время въ видѣ эксплоататорскаго обращенія съ ними. Надо прибавить къ этому, что многіе чины бывшей сѣверо-западной арміи не были удовлетворены еще жалованіемъ за службу въ арміи. Борьба за полученіе причитающихся де-

негъ изъ ликвидаціонной комиссіи сѣверо-западной арміи тоже является своего рода тернистымъ путемъ бывшей арміи и заслуживаетъ быть вписанной въ скорбныя страницы исторіи агоніи сѣверо-западной арміи.

IX.

Бѣженскій съѣздъ.

21 марта 1920 года въ Ревелѣ былъ открытъ съѣздъ русскихъ общественныхъ дѣятелей. На этомъ съѣздѣ, съѣхавшіеся со всѣхъ сторонъ Эстоніи въ количествѣ 150 человѣкъ представители остатковъ бывшей сѣверо-западной арміи и гражданской части русскаго населенія, впервые за все время пребыванія своего въ Эстоніи сошлись и повѣдали другъ другу все наболѣвшее у нихъ на душѣ. Здѣсь на съѣздѣ впервые были суммированы тѣ страданія и то безчисленное горе, которыя претерпѣли и продолжали терпѣть прямые и косвенные участники злополучнаго похода на Петроградъ.

Съѣздъ носилъ бурный характеръ, ибо слишкомъ бурны были кошмарные дни послѣ пробужденія отъ неудачнаго похода. На вопросы — «что дѣлать, какъ быть?» — давались самые сумбурные отвѣты. Отвѣты делегацій, ходившихъ къ эстонскому правительству и къ иностраннымъ миссіямъ, внесли кое-какое успокоеніе, хотя дальнѣйшая судьба русскаго бѣженства мало измѣнилась. Иностранныя миссіи, конечно, обѣщали принять участіе въ судьбѣ несчастныхъ, но пользы отъ обѣщаній не получилось никакой, въ особенности по вопросу правового положенія бѣженцевъ.

Въ числѣ делегатовъ я побывалъ у начальника англійской миссіи, фамилію его теперь не помню. Какъ извѣстно, англичане являлись первой скрипкой въ затѣянной сѣверо-западной игрѣ, но въ самую критическую, для судьбы арміи, минуту, они махнули смычкомъ въ обратную сторону, слѣдствіемъ чего было краснорѣчивое молчаніе ихъ военныхъ судовъ у Кронштадта и Красной Горки.

На нашу просьбу, оказать содѣйствіе для тѣхъ слабыхъ бѣженцевъ, которые пали духомъ и, не имѣя никакихъ надеждъ на лучшее будущее за рубежемъ Россіи, собираются вернуться на родину, но не могутъ этого сдѣлать вслѣдствіе злобной мести большевиковъ, начальникъ миссіи сухо спросилъ: — Что же, по вашему, мы должны сдѣлать?

— Съѣздъ желалъ бы, чтобы иностранныя миссіи черезъ международный Красный Крестъ оказали посредничество при возвращеніи той части бѣженцевъ на родину, которые ни въ чемъ не провинились передъ большевиками, развѣ только въ томъ, что, боясь ужасовъ расправы и крови были подхвачены бѣженской волной и очутились въ Эстоніи; имъ необходимо при возвращеніи въ Совѣтскую Россію гарантировать неприкосновенность личности и ихъ имущества.

— Это дѣло внутреннее совѣтской власти, съ которой мы не сносимся и никакихъ дѣлъ имѣть съ ними не желаемъ.

— Но вѣдь нельзя же довѣрять гарантіямъ совѣтской власти о неприкосновенности.

— Нельзя... но и мы больше ничего не можемъ сдѣлать... мы и такъ очень много сдѣлали для русскихъ антибольшевиковъ.

Къ нашему стыду мы ничего не отвѣтили на послѣднее замѣчаніе англійскаго дипломата, хотя изъ нашей груди готовы были сорваться справедливыя возраженія: «Дѣйствительно вы очень много сдѣлали, но... для себя, а не для русскаго народа»...

Не лишне будетъ здѣсь упомянуть о той странной роли, которую игралъ на съѣздѣ по вопросу о возвращеніи въ Каноссу бѣженцевъ Н. Н. Ивановъ, личность крайне неопредѣленныя. То онъ другъ и пріятель пресловутаго Булакъ-Балаховича и является организаторомъ гражданской власти въ Гдовѣ и Псковѣ, то онъ другъ эстонцевъ, и «безпортфельный» членъ сѣверо-западнаго правительства, то онъ, наконецъ, преспокойно въѣзжаетъ въ Совѣтскую Россію и вывозитъ оттуда семью и имущество. Въ 1914—1915 годахъ онъ былъ организаторомъ какихъ-то дутыхъ общественныхъ заводовъ.

Н. Н. Ивановъ горячо настаивалъ на съѣздѣ не препятствовать, а содѣйствовать тягѣ бѣженской массы на родину, причемъ онъ сдѣлалъ такія абсурдныя предложенія: необходимо требовать чрезъ посредство Антанты слѣдующихъ гарантій при возвращеніи бѣженцевъ на родину: 1. уваженіе личности человѣка и правопорядка; 2. участіе въ управленіи Россіи широкихъ круговъ населенія; 3. дѣйствительная отмѣна террора и смертной казни; 4. установленіе общегражданскихъ свободъ и свободы убѣжденій и 5. признаніе безопасности и неприкосновенности возвращающихся и возвращеніе ихъ имущества.

Иначе говоря, онъ диктовалъ отъ имени ревельскаго съѣзда эмигрантовъ условія совѣтской власти. «Мы», — говорилъ этотъ предтеча смѣновѣхизма, — «пойдемъ въ Россію не животы лишь спасать, но и работать въ Россіи и для Россіи. А для работы этой не все равно, вернемся ли мы въ качествѣ снисходительно прощенныхъ преступниковъ и молящихъ о спасеніи кабальныхъ рабовъ, или вернемся, какъ дѣти своего отечества, какъ цѣнные для родины работники... Не бойтесь несбыточности вашихъ требованій!» — заключилъ онъ, предъявляя вышеизложенныя условія гарантіи возвращенія.

На этомъ съѣздѣ много непріятныхъ словъ пришлось выслушать, какъ бывшимъ «министрамъ» сѣверо-западнаго правительства, созданнаго фантазіей англичанина Марша и юристъ-консульту главной ликвидаціонной комиссіи по дѣламъ бывшей сѣверо-западной арміи Б. Е. Агапову, присяжноповѣренному и подполковнику.

Озлобленіе военной части съѣзда противъ Агапова было неописуемое, чтобы понять это враждебное настроеніе необходимо описать ужасное матеріальное положеніе бывшихъ чиновъ многострадальной арміи, во время съѣзда уже вылѣзавшей изъ вшиваго тифознаго мѣшка.

Пока армія воевала, она кое-какъ снабжалась провіантомъ и обмундированіемъ. При переходахъ эстонской границы, армія буквально раздѣвается. Воинскія части дезорганизованы и бродятъ невѣдомо гдѣ. Штабы сами по себѣ, части — тоже. Снабженіе прерывается. Голодные солдаты блуждающихъ частей должны снискивать пропитаніе или грабежомъ или продажей своего верхняго и нижняго платья. Офицерство и солдаты уже давно не получали жалованья и суточныхъ. Въ побѣжденной арміи вообще трудно сохранить дисциплину. Высшее же начальство, чувствуя свое безсиліе, первое махнуло на все рукой и искало только замѣстителей, чтобы ретироваться за границу.

При такомъ общемъ замѣшательствѣ, конечно, заработали мародеры тыловыхъ учрежденій, которые такъ или иначе были прикосновенны къ складамъ, казначействамъ и другимъ «пирогамъ»! Вакханалія злоупотребленій, хищничества и третированія отчетности царило всюду, начиная съ высшихъ центральныхъ управленій и штабовъ и кончая ротными штабами и мастерскими. Спекуляція расцвѣла пышнымъ цвѣтомъ. Игра шла на страданіяхъ несчастной арміи и въ ней принимали участіе всѣ темные элементы, независимо отъ чиновъ и званій.

Но бѣдственное положеніе арміи усугублялось еще «денежной монетой», такъ называемыми «крылатками» или «юденками».

Какъ извѣстно, до пріема власти генераломъ Юденичемъ въ ходу были размѣнные знаки, имѣвшіе малую цѣнность («родзянки»), но въ октябрѣ появились «юденки», изготовленныя въ Швеціи по рисунку Шевелева, который выявилъ свое монархическое настроеніе, помѣстивъ еле различимый простымъ глазомъ рисунокъ царской четы въ мученическомъ ореолѣ. Эти крылатки были обезпечены, внесенными Колчакомъ въ англійскій банкъ, однимъ миллюномъ фунтовъ стерлинговъ и должны были быть обмѣнены черезъ три мѣсяца по занятіи Петрограда на государственные кредитные билеты рубль за рубль.

Кромѣ того сѣверо-западное правительство гарантировало, что каждому, предъявившему въ конторѣ Петроградскаго банка денежныхъ знаковъ сѣверо-западнаго правительства на 40 руб. будетъ обезпечена выдача денежной стоимости въ англійской валютѣ, считая 40 руб. за 1 англійскій фунтъ стерлинговъ.

По мѣрѣ продвиженія сѣверо-западной арміи къ Петрограду деньги эти росли въ цѣнѣ и стали даже угрожать эстонской маркѣ, но первое же отступленіе нанесло ударъ «юденкамъ»; они не только пали, но ихъ отказывались совсѣмъ принимать частныя учрежденія. Солдаты и офицеры

голодали, имѣя на рукахъ никому не нужныя бумажки, а жалованье все шло «крылатками», но, правда, часть давалась и эстонской валютой. Обѣщали гдѣ то обмѣнять «крылатки» на фунты. Вотъ, тутъ то и шла игра спекулянтовъ, скупающихъ за безцѣнокъ пачки «денегъ» и ухитряющихся въ Ревелѣ мѣнять на эстонскія съ большимъ барышемъ.

Офицеры и солдаты голодали. Появилась всеобщая лихорадка получить какъ-нибудь расчетъ, все равно въ какомъ видѣ, — въ формѣ ли путевыхъ (3500 на человѣка), которые давались тѣмъ, кто записался на какой-нибудь фронтъ или въ формѣ пособія. Тутъ развернулись во всю ширь мерзкія безобразія: подлоги, подкупъ лицъ расчетныхъ и ликвидаціонныхъ комиссій, и обманъ.

Большая вина во всемъ этомъ безобразіи падаетъ на ликвидаціонную комиссію, которая волею генерала Глазенапа была основана 22 января 1920 года. Юристъ-консультомъ этой комиссіи во главѣ съ генераломъ графомъ Паленомъ и стоялъ Агаповъ. Агаповъ былъ человѣкъ умный, рѣшительный и находчивый. Его не безъ основанія считали душою ликвидаціонной комиссіи, хотя справедливость требуетъ сказать, что много совершалось въ комиссіи помимо его и онъ не въ состояніи былъ помѣшать тѣмъ или инымъ злоупотребленіямъ. Въ этомъ я убѣдился какъ членъ ревизіонно-контрольной комиссіи. Но онъ могъ многое во время остановить, чего, увы, не замѣчалось. И въ этомъ его главная вина.

Несмотря на возбужденное настроеніе военныхъ, Агаповъ смѣло выступилъ на съѣздѣ съ докладомъ, въ которомъ пытался оправдать тѣ или иныя дѣйствія комиссіи, причемъ обвинялъ въ злоупотребленіяхъ и низшихъ чиновъ, фронтовиковъ, которые являлись въ ликвидаціонную комиссію съ подложными аттестатами.

Изъ доклада Агапова выяснилось, что въ распоряженіи ликвидаціонной комиссіи было оставлено генераломъ Юденичемъ 227 000 фунт. стерлинговъ, что составляло 75 милліоновъ эстонскихъ марокъ, и 280 000 финскихъ марокъ. Задачей комиссіи являлось изъ этихъ средствъ расчитать чиновъ арміи и удовлетворить заштатнымъ содержаніемъ или такъ называемыми «фунтами», наиболѣе боеспособный и морально крѣпкій элементъ и кромѣ того изъ остатковъ погасить, насколько это возможно, долги арміи. Вначалѣ предполагалось, что забота объ удовлетвореніи раненыхъ и больныхъ въ госпиталяхъ не ляжетъ на ликвидаціонную комиссію, а на эстонцевъ, взамѣнъ полученнаго ими русскаго многомилліоннаго имущества, но, увы, и это предположеніе провалилось вслѣдствіе заключенныхъ 23 февраля и 4 марта договоровъ между ликвидаціонной комиссіей и эстонскимъ правительствомъ, которые были крайне невыгодны для бывшей сѣверо-западной арміи. Достаточно указать на то, что договоромъ отъ 4 марта эстонцы отказались отъ всякой уплаты за русское имущество (поѣзда, орудія, снаряженіе, обозы и пр.), не-

смотря на то, что сумма, сравнительно съ стоимостью отобраннаго ими имущества была крайне незначительна. Эстонское правительство лишь брало на себя обязанность лечить въ лазаретахъ больныхъ и раненыхъ чиновъ сѣверо-западной арміи.

Въ результатѣ этихъ договоровъ обязанность расчета больныхъ (16 000 человѣкъ легло на ликвидаціонную комиссію), и было необходимо расчитать всего 26 000 (10 000 здоровыхъ). Но стоило ликвидаціонной комиссіи приступить къ расчету, какъ къ ней посыпались горы счетовъ, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и предпріятій, а также появились и военные чины, до сихъ поръ не подававшіе о себѣ признаковъ жизни.

Частныя предпріятія и лица зачастую являлись въ сопровожденіи судебныхъ приставовъ для описи имущества. Списки солдатъ пухли. Комиссія была, по словамъ Агапова, ошеломлена и сбита съ толку. Но это было не совсѣмъ такъ; комиссія съѣзда выяснила, что ликвидаціонная комиссія была совершенно неспособна совладѣть съ порученной ей задачей. Она обнаружила крайнюю неумѣлость и негибкость въ проведеніи дѣла. Новой смѣты составлено не было: руководствовались старыми предположеніями. Самый расчетъ велся безъ всякаго плана, въ разныхъ мѣстахъ по разному. Дѣятельность бюро по выдачѣ пособій и пенсій была почему то распространена только на Ревельскій районъ, Нарва же и Іевве, гдѣ были собраны большинство солдатъ, оказались забытыми, а при отсутствіи паспортовъ рѣдко кому удавалось проникнуть въ Ревель. Несмотря на то, что было объявлено о невозможности перебросить части на другой фронтъ, или даже отвозить отдѣльныхъ добровольцевъ, куда бы то ни было, «записавшимся на другой фронтъ», прогонныя деньги продолжали выдавать. Получилась странная картина: здоровый человѣкъ получалъ 3500 эст. марокъ только за выраженное имъ желаніе ѣхать куда то на фронтъ, а больные и голодные получили по 2000, а то и ничего.

Развалъ и неразбериха въ комиссіи оказались на лицо. Съѣздъ избралъ ревизіонно-контрольную комиссію надъ ликвидаціонной комиссіей, въ составъ которой вошли бывшій членъ Государственной Думы, П. А. Быстровъ, капитанъ В. В. Дейтрихъ и я, а впослѣдствіи нами былъ еще кооптированъ полковникъ Бадендикъ.

Конечно, практическаго значенія эта комиссія не имѣла, ибо самое избраніе ея уже явилось запоздалымъ. Комиссіи, работавшей почти 2 мѣсяца, пришлось лишь зафиксировать злоупотребленія и недочеты въ ликвидаціонной комиссіи и все. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ликвидаціонной комиссіи, какъ видно уже изъ разъясненія Агапова, былъ графъ Паленъ.

«Во главѣ ликвидаціи стоитъ графъ Паленъ, не первый среди равныхъ, но руководитель и источникъ власти. При

немъ рядъ бюро по отдѣльнымъ отраслямъ: правовой, финансовый, пенсіонный и т. д.»

И вотъ вокругъ этого «источника власти», какъ всякой безотвѣтственной власти, видимо, грѣли руки всѣ, кто только могъ.

X.

Въ ликвидаціонномъ лабиринтѣ.

Нашъ общественный контроль фактически изъ трехъ лицъ совершенно растерялся среди моря бумагъ, счетовъ и претензій. Ежедневно дворъ, гдѣ помѣщалось зданіе ликвидаціонной комиссіи буквально былъ загруженъ жаждущими получить слѣдуемыя или неслѣдуемыя имъ деньги. На дворѣ стонъ и опасный гулъ голосовъ, внутри зданія ликвидаціонной комиссіи — гамъ, ругань и чуть ли не драка.

Лишь соприкоснувшись съ ликвидаціоннымъ аппаратомъ, мы сразу замѣтили, что мы опоздали, ибо слѣдовало этотъ аппаратъ переформировать еще при началѣ его функцій отправленія, теперь же мы, какъ общественный контроль, опоздали, такъ какъ фактически ликвидація такъ или иначе уже оканчивалась, огромное большинство требованій къ ликвидаціонной комиссіи тѣмъ или инымъ путемъ удовлетворено и изъ переданныхъ ей генераломъ Юденичемъ суммъ (227 000 фунт. стерлинговъ и 280 000 финскихъ марокъ) осталось лишь около 5 000 000 эст. марокъ уже своевременно размѣненныхъ, такимъ образомъ роль наша уже была крайне ограничена. Мы быстро поняли, что брать на себя отвѣтственность за всѣ расходы ликвидаціонной комиссіи и выдачи, которыя производились до нашего появленія въ этомъ бурномъ потокѣ фунтовъ, марокъ и рублей, сопровождаемыхъ ручьями слезъ, проклятіями, руганью несчастныхъ чиновъ арміи было болѣе, чѣмъ рискованно. Поэтому мы рѣшили ограничить свой контроль въ отношеніи только оставшихся суммъ. Мы приняли дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ ликвидаціонной комиссіи, уклонившись однако отъ голосованія; главное наше вниманіе мы обращали лишь на информацію и наблюденіе за работой ликвидаціонной комиссіи, которую и подвергли своему контролю. Конечно и эта ограниченная наша дѣятельность не принесла ожидаемаго разультата, ибо насъ было всего трое фактическихъ работниковъ, а механизмъ ликвидаціонной комиссіи былъ до того запутанъ и усложенъ, что приходилось тратить много времени и большой запасъ энергіи, чтобы понять прежде всего этотъ механизмъ.

Какъ я уже упоминалъ, въ распоряженіи ликвидаціонной комиссіи оставалось всего около 5 000 000 эст. марокъ. Изъ этой суммы предстояло еще произвести расчетъ больныхъ и раненыхъ, на что вначалѣ предполагалось ассигновать 2 000 000 эст. марокъ, въ дѣйствительности же было отпущено на 200 000 эст. марокъ меньше, далѣе — уплатить 2 500 000

марокъ по искамъ и претензіямъ къ арміи со стороны разныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, которыхъ налетѣло большое множество. На удовлетвореніе же по аттестатамъ и выдачу путевого пособія оставалось такимъ образомъ всего лишь 600 000 марокъ! Вотъ, тутъ то и получилось катастрофическое положеніе для чиновъ арміи, которые послѣ перенесенныхъ болѣзней и страданій были голодны, обтрепаны и безъ сапогъ.

Конечно, вина за такое положеніе дѣлъ, всецѣло падала на заправилъ ликвидаціонной комиссіи, которые ошибочно сбалансировали смѣту на 5½ милліоновъ эстонскихъ марокъ, не принявъ во вниманіе больныхъ и раненыхъ, такъ какъ предполагалось, что всѣ заботы о нихъ возьметъ на себя Эстонія, взамѣнъ предоставленныхъ ей средствъ и имущества сѣверо-западной арміи, согласно договоровъ отъ 23 февраля и 4 марта; въ силу коихъ къ эстонцамъ перешло все многомилліонное имущество арміи и 500 000 фунт. стерлинговъ наличными деньгами.

Совершенно неправильными оказались и смѣтныя предположенія въ отношеніи размѣра путевого довольствія (такъ называемые «фунты»). Соотвѣтствующій расходъ ликвидаціонная комиссія считала въ 10 500 000 эст. марокъ, а на самомъ дѣлѣ расходъ на это довольствіе превышалъ 25 000 000 эст. марокъ. При составленіи смѣты не были предусмотрѣны долги мѣстнаго отдѣла Краснаго Креста, расплачиваться за которые пришлось ликвидаціонной комиссіей, наконецъ, не были учтены въ достаточной мѣрѣ и поступленія требованій на удовлетвореніе чиновъ арміи за старые мѣсяцы.

Однако, главная вина ликвидаціонной комиссіи состояла не въ томъ, что она составила неправильную смѣту, а въ томъ, что свое вниманіе на непригодность смѣты она обратила лишь тогда, когда уже деньги изсякли и дѣлу нигдѣ помочь уже было невозможно. Затѣмъ ликвидаціонная комиссія прибѣгла къ первой рѣшительной мѣрѣ для того, чтобы какъ-нибудь свести концы съ концами: она сократила размѣръ путевого довольствія съ 3500 эст. марокъ на 2700 — для офицеровъ и 1000 — для солдатъ. Конечно, эта мѣра оказалась палліативомъ и ликвидаціонная комиссія вскорѣ совершенно прекратила выдачу путевыхъ, чтобы хотя частично удовлетворить солдатъ по аттестатамъ за старую службу. Вскорѣ однако и отъ послѣдней мѣры пришлось отказаться по причинѣ недостаточности суммъ, такъ какъ обнаружился перерасходъ по другимъ статьямъ. Оказалось, что нѣкоторыя ассигнованія были произведены помимо ликвидаціонной комиссіи распоряженіемъ наблюдающаго за ликвидаціей, графомъ Паленомъ, который юридически владѣлъ суммами, переданными непосредственно ему, комиссія же была при немъ лишь совѣщательнымъ органомъ.

Интересно отмѣтить, что выдача и тѣхъ крохъ производилась лишь въ Ревелѣ, вслѣдствіе чего солдаты и офицеры, находившіеся на прифронтовой полосѣ не могли

прибыть въ Ревель за деньгами безъ разрѣшенія эстонскаго главнокомандующаго, который весьма туго давалъ пропуски, вслѣдствіе чего многіе оказались совершенно неудовлетворенными путевыми. Конечно, деньги получали тѣ, которые находились случайно въ Ревелѣ или вблизи послѣдняго. Зачастую получалась картина, что прогонные получали служащіе тыловыхъ учрежденіи, даже машинистки, а находящіеся на лѣсныхъ работахъ не имѣли права пріѣхать въ Ревель за деньгами. Неудивительно поэтому тотъ вопль «лѣсныхъ людей», который былъ поднятъ въ лѣсахъ противъ паспортныхъ стѣсненій, несся вопль и со стороны больныхъ, находящихся въ лазаретахъ.

Обнаружили мы и сомнительныя махинаціи ликвидаціонной комиссіи съ валютой. Дѣло въ томъ, что всѣ расчеты съ чинами арміи производились въ эстонскихъ маркахъ. Между тѣмъ, какъ я уже выше писалъ, средства на ликвидацію были переданы графу Палену въ чекахъ на иностранную валюту.

По закону эстонской республики купля-продажа иностранной валютой тогда могла производиться лишь съ особаго разрѣшенія и то по объявленному офиціальному курсу, стоявшему, конечно, ниже дѣйствительнаго. Такъ какъ спросъ на иностранную валюту былъ чрезвычайно великъ, то большинство сдѣлокъ обходило офиціальный путь и обмѣнъ происходилъ либо частнымъ порядкомъ безъ учета гдѣ бы то ни было, либо, хотя и черезъ посредство банковъ по офиціальному курсу, но съ доплатой покупателями разницы продавцамъ частнымъ порядкомъ.

Конечно, подобныя сдѣлки, какъ преслѣдуемыя закономъ, по книгамъ банковъ либо вовсе не проводились, либо поступившія суммы разносились по совершенно невиннымъ статьямъ. Вотъ, эти то комбинаціи установить было совершенно невозможно, ибо для этого нашей комиссіи не хватало ревизирующихъ «сенаторовъ», да и послѣдніе съ большимъ трудомъ могли бы уловить эти тонкія махинаціи съ размѣной валюты.

Положеніе наше было нелѣпое, ибо мы чувствовали, что злоупотребленія съ валютой были въ большомъ ходу, а пресѣчь его мы не были въ силахъ. Мы одно съ несомнѣнностью установили, что случаи обмѣна ликвидаціонной комиссіей или лично графомъ Паленомъ (напримѣръ 39.000 фунт. стерлинговъ) иностранной валюты на эстонскую, по курсу выше офиціальнаго, дѣйствительно имѣли мѣсто, но на этомъ мы, по вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, поставили крестъ, доведя лишь до свѣдѣнія комитета русскихъ эмигрантовъ.

Въ концѣ концовъ ликвидаціонная комиссія кое-какъ удовлетворила по искамъ и претензіямъ учрежденій и частныхъ лицъ, причемъ слѣдуетъ замѣтить, что претензій было заявлено на 13 000 000 эст. марокъ. Но пришлось тщательно провѣрить правильность претензій, большей частью оказавшихся дутыми.

Полтора милліона, отпущенныхъ изъ особаго кредита на погашеніе по искамъ и претензіямъ быстро изсякли, вмѣстѣ съ тѣмъ замирала и дѣятельность ликвидаціонной комиссіи. Между тѣмъ дворъ этой комиссіи не пустѣлъ: въ немъ день и ночь шумѣли кредиторы и солдаты, добивавшіеся хотя бы частично уплаты по аттестатамъ.

Этотъ шумъ, ругань и проклятія по адресу «ликвидаторовъ» причиняли непріятности эстонской полиціи и наконецъ эстонское правительство обратилось съ просьбой къ англійской военной миссіи настоять на прекращеніи дальнѣйшаго существованія ликвидаціонной комиссіи. И вотъ по распоряженію графа Палена комиссія 15 апрѣля 1920 года была закрыта навсегда.

Крышка пустого денежнаго ящика захлопнулась, а вмѣстѣ съ тѣмъ рухнули надежды многихъ на законное вознагражденіе, а другихъ на поживу.

Денежные остатки отъ ликвидаціи, исчисленные ликвидаціонной комиссіей въ суммѣ 239 059 эст. марокъ и 10 689 остъ-марокъ были съ согласія комитета русскихъ эмигрантовъ переданы послѣднему въ даръ съ тѣмъ, чтобы они по усмотрѣнію комитета были обращены на нужды бѣженцевъ изъ бывшихъ чиновъ сѣверо-западной арміи.

Подлинная отчетность была сдана въ англійскую миссію, копія же съ нея по нашему настоянію должна была быть представлена комитету эмигрантовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что условія, при которыхъ происходило закрытіе ликвидаціонной комиссіи были совершенно ненормальныя. Сдача дѣлъ носила хаотическій характеръ. Упакованныя въ ящики дѣла передавали въ англійскую миссію, отчетныя же книги сваливались и забивались въ другіе ящики, которые отправили въ архивъ комитета. Не знаю, что сдѣлала англійская военная миссія со своими ящиками дѣлъ. Быть можетъ, они представлены Ллойдъ Джорджу, которому эти книги, вмѣстѣ съ книгами другихъ бѣлыхъ фронтовъ, пригодятся при составленіи своихъ мемуаровъ, а можетъ быть эти ящики хранятся «на всякій случай» въ англійскомъ банкѣ, чтобы впослѣдствіи представить новой Россіи изрядные счета за интервенцію!

На этомъ я кончаю свои тяжелыя воспоминанія изъ эпохи страданій, выпавшихъ на долю той бѣлой арміи, которая одна изъ всѣхъ имѣла единственное, увы, мимолетное счастье издали преклониться передъ сіяющимъ солнечными лучами крестомъ на золотомъ куполѣ св. Исаакія. Это чудное видѣніе было тяжкимъ искупленіемъ для многихъ тѣхъ, надъ курганами череповъ которыхъ нынѣ возвышается въ Нарвѣ другой простой крестъ съ надписью:

«Упокой, Господи, рабовъ Твоихъ, воиновъ Сѣверо-Западной Арміи.»

Стенограммы
допросовъ слѣдователемъ Е. С. Кобылинскаго въ качествѣ свидѣтеля, а П. Медвѣдева, Ф. Проскурякова и А. Акимова въ качествѣ обвиняемыхъ по дѣлу объ убійствѣ Императора Николая II.

Вмѣсто предисловія.

Редакція журнала «Историкъ и Современникъ» обратилась ко мнѣ съ просьбой предоставить въ ея распоряженіе тѣ матеріалы объ убійствѣ царской семьи, англійскій переводъ коихъ изданъ фирмой G. Doran Co. въ Нью-Іоркѣ.

Исполняя эту просьбу съ полной готовностью, я пользуюсь случаемъ разсказать въ немногихъ словахъ происхожденіе этихъ матеріаловъ, каковой вопросъ не совсѣмъ правильно изложенъ въ американскомъ изданіи.

Когда сибирскія войска въ іюлѣ 1918 года заняли Екатеринбургъ, сибирское правительство, черезъ министра юстиціи, распорядилось назначить предварительное слѣдствіе по дѣлу объ убійствѣ бывшаго императора и его семьи.

Веденіе слѣдствія было поручено сначала члену Екатеринбургскаго суда Сергѣеву, а потомъ судебному слѣдователю Соколову. Не знаю, какая судьба постигла Соколова, но хочу засвидѣтельствовать, что въ его лицѣ это историческое дѣло получило талантливаго и мужественнаго слѣдователя.

Представителемъ прокурорскаго надзора былъ назначенъ прокуроръ Казанской палаты Н. И. Миролюбовъ, одинъ изъ опытныхъ криминалистовъ, находившихся тогда въ Сибири.

Въ это время я былъ назначенъ министромъ юстиціи россійскаго правительства въ Омскѣ. Къ ходу слѣдствія я относился съ жгучимъ интересомъ, и судебный слѣдователь Соколовъ, зная меня какъ профессора исторіи русскаго права, присылалъ мнѣ лично наиболѣе интересныя въ историческомъ смыслѣ показанія допрашиваемыхъ имъ лицъ.

Я далъ общее указаніе судебному слѣдователю: раздвинуть возможно шире рамки слѣдствія, не ограничиваться задачами чисто судебными, а постараться выяснить всю сумму

вопросовъ, связанныхъ съ послѣднимъ годомъ жизни царской семьи.

Мнѣ удалось провести необходимые на слѣдствіе кредиты, выхлопотать слѣдователю отдѣльный вагонъ и конвой и вообще поставить его въ условія, благопріятныя для крупнаго дѣла, къ которому онъ былъ призванъ.

Работа его шла очень успѣшно. Въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ (въ октябрѣ 1919 года) мы обсуждали вопросъ объ обезпеченіи всѣхъ матеріаловъ по этому дѣлу отъ возможныхъ случайностей и рѣшили отпечатать доссье въ 10—12 экземпляровъ, изъ коихъ одинъ долженъ былъ быть помѣщенъ въ библіотекѣ Томскаго университет, а 2—3 экземпляра переданы ближайшимъ родственникамъ убитыхъ, такъ какъ они имѣли право на это.

Въ ноябрѣ 1919 года я вышелъ въ отставку и съ тѣхъ поръ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній о Соколовѣ и о веденномъ имъ слѣдствіи и о судьбѣ доссье.

Около года я хранилъ въ своемъ портфелѣ матеріалы, переданные мнѣ въ копіяхъ судебнымъ слѣдователемъ. Когда наконецъ сдѣлалось очевиднымъ, что ни о какомъ продолженіи предварительнаго слѣдствія не можетъ быть и рѣчи, — насталъ моментъ удовлетворить общественно-историческій интересъ, связанный съ этимъ дѣломъ. Въ это время какъ разъ цѣлый рядъ фантастическихъ и неправдоподобныхъ разсказовъ о судьбѣ царской семьи появилися въ американскихъ журналахъ. Это дѣлало еще болѣе необходимымъ пролить свѣтъ на это дѣло.

Можно было итти двумя возможными путями: можно было, на основѣ судебныхъ матеріаловъ, написать занимательную книгу съ многочисленными комментаріями и добавленіями, среди которыхъ текстъ документовъ былъ бы только канвой собственнаго разсказа автора. Такимъ путемъ пошелъ талантливый англійскій журналистъ, г. Вильсонъ, корреспондентъ «Times'a» въ Россіи, въ руки котораго попала копія всего производства.

Былъ и другой путь, естественно подсказанный мнѣ всѣмъ моимъ прошлымъ: когда изслѣдователь натыкается въ архивѣ на документъ большого историческаго значенія, то его первый долгъ — опубликовать документъ въ цѣлостности, а затѣмъ писать самому или предоставить другимъ писать книги на основѣ опубликованнаго документа. Насколько для журналиста былъ естественъ первый путь, настолько для профессора исторіи права, воспитаннаго на архивныхъ изысканіяхъ, представлялся пріемлемымъ только второй путь: я передалъ имѣющіеся у меня матеріалы редакціи крупнѣйшаго американскаго журнала «Saturday Evening Post» съ просьбой «печатать полностью или ничего не печатать». Редакція приняла это условіе. Матеріалы появились въ печати со всѣми чертами судебной достовѣрности и цѣлостности. Только фамиліи лицъ, о которыхъ было подозрѣніе, что они въ Совѣтской Россіи, были выпущены.

Издательство George Doran C°., съ моего согласія, перепечатало эти матеріалы изъ американскаго журнала, выпустивъ ихъ въ очень изящномъ видѣ, — за что я былъ издательству очень благодаренъ.

Мысль перепечатать эти матеріалы на страницахъ русскаго историческаго журнала я считаю вполнѣ правильной и благовременной и отъ души ее привѣтствую.

Профессоръ *Георгій Тельбергъ.*

Циндао, 1923 г.

Протоколъ.

1919 года апрѣля 6—10 дня судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ въ Екатеринбургѣ въ порядкѣ 443 ст. уст. угол. суд. допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ свидѣтеля, и онъ показалъ:

Евгеній Степановичъ Кобылинскій, 40 лѣтъ, полковникъ, штабъ-офицеръ для порученій при главномъ начальникѣ Тюменскаго военнаго округа, православный.

Я командовалъ ротой Лейбъ-Гвардіи Петроградскаго полка, когда началась великая европейская война.

8 ноября 1914 года въ бояхъ подъ Лодзью я былъ раненъ пулей въ ногу. Въ іюлѣ 1915 года, участвуя въ бояхъ съ Австріей, я подъ Гутой-Старой былъ сильно контуженъ бризантнымъ снарядомъ. Контузія дала себя знать. Она вызвала у меня нефритъ въ очень тяжелой формѣ, и я въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1915 года былъ отправленъ въ лазаретъ въ Царское Село. Отсюда я былъ отправленъ въ Ялту и, по возвращеніи въ Царское и освидѣтельствованіи меня въ 1916 году, былъ признанъ для строя негоднымъ. Послѣ этого я состоялъ въ запасномъ баталіонѣ названнаго мною полка. Здѣсь меня и застала революція. 5 марта поздно вечеромъ мнѣ позвонили по телефону и передали приказаніе явиться въ штабъ Петроградскаго военнаго округа. Въ 11 часовъ я былъ въ штабѣ и узналъ здѣсь, что я вызванъ по приказанію генерала Корнилова, командовавшаго тогда военнымъ округомъ, къ которому и долженъ явиться. Когда я былъ послѣднимъ принятъ, онъ сказалъ мнѣ: «я васъ назначилъ на отвѣтственную должность». Я спросилъ Корнилова: «на какую?» Генералъ мнѣ отвѣтилъ: «завтра сообщу». Я пытался узнать отъ Корнилова, почему именно я назначенъ генераломъ на отвѣтственную должность, но получилъ отвѣтъ: «Это васъ не касается. Будьте готовы.» Попрощался и ушелъ. На слѣдующій день 6 марта я не получилъ никакихъ приказаній. Такъ-же прошелъ весь день 7 марта. Я сталъ уже думать, что назначеніе мое не состоялось, какъ въ 2 часа ночи мнѣ позвонили на квартиру и передали приказъ Корнилова — быть 8 марта въ 8 часовъ утра на Царско-

Сельскомъ вокзалѣ. Я прибылъ на вокзалъ и увидѣлъ тамъ генерала Корнилова съ своимъ адъютантомъ. Корниловъ мнѣ сказалъ: «когда мы сядемъ съ вами въ купэ, я вамъ скажу о вашемъ назначенiи». Сѣли мы въ купэ. Корниловъ мнѣ объявилъ: «сейчасъ мы ѣдемъ въ Царское Село. Я ѣду объявить государынѣ, что она арестована. Вы назначены начальникомъ Царско-Сельскаго гарнизона. Комендантомъ дворца назначенъ штабсъ-ротмистръ Коцебу. Но вы будете имѣть наблюденiе и за дворцомъ, и Коцебу будетъ въ вашемъ подчиненiи.»

Прибыли мы во дворецъ и вошли въ прiемную комнату. Къ намъ вышелъ оберъ-гофмаршалъ генералъ отъ кавалерiи графъ Бенкендорфъ. Корниловъ сказалъ ему, что надо собрать всѣхъ лицъ свиты, и просилъ доложить Ея Величеству его, Корнилова, просьбу принять насъ. Бенкендорфъ послалъ лакея за нужными лицами, а самъ поднялся наверхъ къ государынѣ. Возвратившись, Бенкендорфъ передалъ Корнилову отвѣтъ государыни, что она приметъ насъ черезъ 10 минутъ. Пришелъ лакей и попросилъ насъ къ государынѣ. Мы пошли оба вмѣстѣ. Вошли мы въ дѣтскую комнату, гдѣ никого не было. Какъ только мы входили въ эту комнату, изъ другой двери вошла въ комнату государыня императрица Александра Ѳеодоровна. Мы поклонились ей. Она подала Корнилову руку, мнѣ кивнула головой. Корниловъ сказалъ государынѣ: «Ваше Величество, на меня выпала тяжелая задача объявить вамъ постановленiе Совѣта Министровъ, что вы съ этого часа считаетесь арестованной. Если вамъ что нужно — пожалуйста черезъ новаго коменданта», (т. е. черезъ меня). Затѣмъ Корниловъ сказалъ мнѣ: «полковникъ, оставьте насъ вдвоемъ. Сами идите и станьте за дверью.» Я вышелъ. Спустя минутъ 5, Корниловъ позвалъ меня. Я вошелъ. Государыня подала мнѣ руку. Мы откланялись и сошли внизъ. Въ прiемной комнатѣ собрались нѣкоторыя изъ лицъ свиты. Корниловъ сказалъ имъ: «господа, вотъ новый комендантъ. Съ этого момента государыня считается арестованной. Кто хочетъ остаться и раздѣлить участь арестованной, пусть остается. Но рѣшайте это сейчасъ-же. Потомъ во дворецъ уже не впущу.» Караулъ тогда несъ сводный Его Величества полкъ, командиромъ коего состоялъ генералъ-майоръ Рессинъ. Въ ту-же минуту онъ заявилъ Корнилову, что онъ уходитъ. Оберъ-гофмаршалъ графъ Бенкендорфъ и завѣдывавшiй дѣлами (не денежными) государыни графъ Апраксинъ заявили, что они остаются.

Въ этотъ день Корниловымъ была утверждена инструкцiя, которой должны были руководиться заключенные и произошла смѣна караула: сводный полкъ ушелъ, а вмѣсто него въ караулъ вступилъ первый лейбъ-гвардiи стрѣлковый полкъ. Корниловъ въ тотъ же день уѣхалъ изъ Царскаго; я остался.

Еще до смѣны караула полковникъ Лазаревъ просилъ у меня позволенiя сходить и проститься съ государыней. Я позволилъ, и онъ ходилъ. Въ это время онъ сильно плакалъ.

Заплакалъ Лазаревъ и въ тотъ моментъ, когда знамя своднаго полка, стоявшее въ пріемной комнатѣ, выносилось. Спустя нѣсколько дней (не помню числа), мнѣ было передано по телефону, что пріѣзжаетъ государь императоръ. Я отправился на вокзалъ. Когда подошелъ поѣздъ, государь вышелъ изъ вагона и очень быстро, неглядя ни на кого, прошелъ по перрону и сѣлъ въ автомобиль. Съ нимъ былъ гофмаршалъ князь Василій Александровичъ Долгорукій. Вмѣстѣ съ Долгорукимъ государь и сѣлъ въ автомобиль. Ко мнѣ же на перронѣ подошли двое штатскихъ, изъ которыхъ одинъ былъ членъ Государственной Думы Вершининъ, и сказали мнѣ, что ихъ миссія окончена: государя они передали мнѣ.

Я не могу забыть одного явленія, которое я при этомъ наблюдалъ въ то время. Въ поѣздѣ съ государемъ ѣхало много лицъ. Когда государь вышелъ изъ вагона, эти лица посыпались на перронъ и стали быстро-быстро разбѣгаться въ разныя стороны, озираясь по сторонамъ, видимо, проникнутыя чувствомъ страха, что ихъ узнаютъ. Сцена эта была весьма некрасива.

Я отправился во дворецъ вслѣдъ за государемъ. Государь тутъ же поднялся наверхъ къ больнымъ дѣтямъ.

Вскорѣ привезли съ вокзала вещи государя.

Жизнь царско-сельскаго періода, какъ она была регламентирована инструкціей, вполнѣ соотвѣтствовала тому положенію, какое и должно было быть у семьи. Инструкція ограничивала свободу сношеній августѣйшей семьи съ внѣшнимъ міромъ и вносила, конечно, нѣкоторыя ограниченія во внутреннюю жизнь; корреспонденція проходила черезъ руки коменданта дворца. Изъ дворца можно было выходить только въ паркъ. Дворецъ и паркъ былъ всегда оцѣпленъ карауломъ. Гулять можно было съ утра до наступленія темноты.

Больше никакихъ ограниченій не существовало. Во внутреннюю жизнь семьи, кромѣ вышеуказаннаго ограниченія времени выхода изъ дворца, правительство не вмѣшивалось.

Въ первые дни царско-сельскаго періода дѣти болѣли всѣ корью, а у Маріи Николаевны и, кажется, еще у Ольги Николаевны, кромѣ того, было еще воспаленіе легкихъ. Но потомъ они поправились.

Обычный порядокъ дня былъ таковъ. Вставала семья рано, кромѣ государыни. И она просыпалась рано, но она долго лежала въ постели. Государь утромъ въ 8 часовъ выходилъ гулять, пожалуй, всегда съ Долгорукимъ. Гулялъ онъ часъ-полтора, обязательно занимаясь въ это время физическимъ трудомъ. Въ часъ дня семья завтракала. Послѣ завтрака до 3 часовъ семья выходила и работала на воздухѣ въ саду, огородѣ. Послѣ этого дѣти занимались. Въ 4 часа былъ чай. Послѣ чая семья иногда выходила на воздухъ, иногда нѣтъ. Въ 7 часовъ былъ обѣдъ.

За время этого царско-сельскаго періода я могу отмѣтить слѣдующіе, имѣвшіе мѣсто, факты.

Въ одинъ изъ первыхъ же дней заключенія семьи произошелъ инцидентъ съ трупомъ Распутина. Прахъ его на-

ходился въ Царскомъ Селѣ. Тамъ строилась церковь и онъ былъ похороненъ въ одномъ изъ предѣловъ. Солдаты узнали объ этомъ, разрыли его могилу, сдвинули крышку гроба и осматривали трупъ. Въ его гробу была икона, на которой были подписи: «Александра, Ольга, Татьяна, Марія, Анастасія, Аня». Эта икона лежала около его правой щеки. Обо всемъ случившемся узналъ командиръ зенитной батареи, какой-то капитанъ, и отобралъ эту икону. Я ее видѣлъ самъ. На иконѣ было изображеніе, кажется, Божіей Матери. О случившемся я сообщилъ по телефону въ штабъ округа. Мнѣ было приказано отвезти трупъ Распутина на вокзалъ, доставить его на станцію Средняя Рогатка и тамъ закопать его. Приказано было сдѣлать это въ секретѣ. Выполнить это, конечно, было невозможно, такъ какъ и солдаты и народъ все равно узнали бы объ этомъ. Тогда мнѣ было приказано доставить трупъ на Царско-Сельскій вокзалъ, что мною и было сдѣлано. Я отвезъ трупъ туда и помѣстилъ его въ товарномъ вагонѣ, а въ сосѣднемъ вагонѣ помѣстилъ солдатъ, не говоря имъ, что они охраняютъ.

На слѣдующій день ко мнѣ обратился какой-то комиссаръ Купчинскій (въ его вѣдѣніе, между прочимъ, входило завѣдываніе автомобилями), и предъявилъ мнѣ бумагу, подписанную предсѣдателемъ Совѣта Министровъ, съ приказаніемъ выдать Купчинскому трупъ Распутина (въ скобкахъ значилось: «Новыхъ»), чтобы Купчинскій могъ въ одномъ изъ имѣвшихся въ его распоряженіи грузовыхъ автомобилей доставить трупъ, куда слѣдовало. Сдѣлать этого въ Царскомъ было абсолютно нельзя. Вагонъ мы передвинули на станцію Павловскъ II. Тамъ мы нашли старый ящикъ изъ-подъ гроба, положили въ него гробъ съ трупомъ Распутина, прикрыли ящикъ рогожами и старыми мѣшками, и Купчинскій повезъ его. Онъ былъ долженъ доставить трупъ въ Петроградъ. Но толпа дорогой узнала объ этомъ и отняла трупъ. Купчинскому пришлось тутъ же сжечь трупъ.

Другой случай, нарушившій мирное теченіе жизни, былъ такой. Явился ко мнѣ какой-то неизвѣстный и, назвавшись Масловскимъ, предъявилъ мнѣ требованіе Петроградскаго исполнительнаго комитета совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Человѣкъ, называвшій себя Масловскимъ, былъ одѣтъ въ форму полковника. Наружности его я не помню. Въ требованіи говорилось, что я долженъ оказать всяческое содѣйствіе въ выполненіи возложеннаго на него порученія. Требованіе исполнительнаго комитета было подписано, хорошо это помню, членомъ Государственной Думы Чхеидзе; оно имѣло надлежащую печать. Называвшій себя Масловскимъ заявилъ мнѣ, что, по порученію исполнительнаго комитета, онъ долженъ сейчасъ же взять государя и доставить его въ Петропавловскую крѣпость. Я категорически заявилъ Масловскому, что допустить этого не могу. Тогда онъ мнѣ сказалъ: «ну, полковникъ, знайте, что кровь, которая сейчасъ прольется, падетъ на вашу голову». — «Ну, что же дѣлать? Падетъ, такъ падетъ, исполнить не могу.» Онъ ушелъ. Я

думалъ, что онъ совсѣмъ ушелъ. Но онъ, оказывается, все-таки отправился во дворецъ. Тамъ его встрѣтилъ командиръ перваго полка капитанъ Аксюта. Онъ показалъ ему требованіе и заявилъ, что желаетъ видѣть государя. Осмотрѣвъ его карманы, Аксюта показалъ ему государя такъ, что онъ государя видѣлъ, но государь его — нѣтъ. Объ этомъ я тогда же сообщилъ въ штабъ. Мои дѣйствія были одобрены.

Коцебу недолго пробылъ комендантомъ дворца: недѣли, приблизительно, двѣ. Уволенъ онъ былъ вотъ по какому поводу. Во дворцѣ проживала фрейлина Вырубова и вмѣстѣ съ ней какая-то Денъ, носившая форму сестры милосердія. Черезъ лакеевъ солдаты узнали, что Коцебу по долгу засиживается у Вырубовой, разговаривая съ ней по-англійски. Когда вѣсти объ этомъ дошли до меня, я ихъ провѣрилъ. Лакей (фамиліи его не помню), вынесшій эти слухи солдатамъ, подтвердилъ мнѣ самый фактъ позднихъ засиживаній Коцебу у Вырубовой. Боясь эксцессовъ со стороны солдатъ, я доложилъ объ этомъ Корнилову. Тотъ вызвалъ къ себѣ Коцебу и затѣмъ приказалъ мнѣ больше его во дворецъ не впускать, а самому временно нести его обязанности.

Не болѣе недѣли я несъ обязанности коменданта дворца. Вмѣсто Коцебу былъ назначенъ Павелъ Александровичъ Коровиченко, — полковникъ одного изъ полковъ, стоявшихъ въ Финляндіи. Коровиченко кончилъ Военно-Юридическую Академію, прослужилъ послѣ этого извѣстное время на военной службѣ и вышелъ въ отставку, занявшись адвокатурой. Въ войну онъ былъ призванъ. У него были личныя отношенія съ Керенскимъ, смѣнившимъ тогда князя Львова, и съ министромъ юстиціи Переверзевымъ, смѣнившимъ Керенскаго на посту министра юстиціи.

Керенскій пріѣзжалъ въ Царское нѣсколько разъ. Въ первый разъ, какъ помнится мнѣ, онъ пріѣзжалъ уже при Коровиченко. Про его отношеніе къ государю, обращеніе съ нимъ я самъ лично ничего не могу сказать, потому что свидѣтелемъ ихъ свиданій ни разу не былъ. Не могу объ этомъ ничего разсказать и со словъ Коровиченко. Насколько помню, Теглева мнѣ говорила, что обращеніе Керенскаго съ государемъ было всегда очень вѣжливое. Въ одинъ изъ пріѣздовъ Керенскаго была арестована Вырубова.

Это происходило при мнѣ. Вмѣстѣ съ Коровиченко мы вошли въ ея комнату, гдѣ у нея была и Денъ. Коровиченко объяснилъ ей, что она должна быть доставлена въ Петроградъ. Вырубова одѣлась и попросила позволенія проститься съ государыней. Разрѣшеніе ей было дано. При этомъ прощаніи присутствовали мы оба съ Коровиченко находясь въ отдаленіи. Онѣ разговаривали по-англійски и плакали. Вмѣстѣ съ ней была увезена и Денъ.

При одномъ изъ свиданій Керенскаго съ государемъ присутствовалъ Коровиченко. Керенскій заявилъ государю въ этотъ разъ, что онъ долженъ произвести выемку въ его бумагахъ и уполномачиваетъ на это Коровиченко. Приказано

при этомъ было присутствовать и мнѣ. Я помню эту сцену. Вышло тогда не совсѣмъ хорошо. Бумаги государя находились въ особомъ ящикѣ очень большихъ размѣровъ. При мнѣ и Коровиченко ящикъ былъ открытъ. Бумагъ было очень много; всѣ онѣ были разложены по отдѣльнымъ группамъ въ порядкѣ. Указывая на бумаги и на группы, по которымъ онѣ были тамъ уложены, государь взялъ одно письмо, лежавшее въ ящикѣ со словами «это письмо частнаго характера». Онъ вовсе не хотѣлъ изъять это письмо отъ выемки, а просто взялъ его, какъ отдѣльно лежащее и хотѣлъ его бросить въ ящикъ. Но Коровиченко порывисто ухватился за письмо и получилась такая вещь: государь тянетъ письмо къ себѣ, Коровиченко — къ себѣ. Тогда государь, какъ это замѣтно было, разсердился, махнулъ рукой и со словами: «ну, въ такомъ случаѣ я не нуженъ. Я иду гулять», онъ ушелъ. Коровиченко отобралъ бумаги, какія счелъ нужнымъ отобрать, и доставилъ ихъ Керенскому. Впослѣдствіи онъ передавалъ мнѣ, что Керенскій и Переверзевъ полагали найти въ бумагахъ государя документы, которые бы могли скомпрометировать его и государыню въ смыслѣ измѣны родинѣ въ пользу нѣмцевъ, о чемъ тогда кричали газеты, и не нашли ничего. Попалась тогда одна шифрованная телеграмма, надъ которой они бились, и въ концѣ концовъ прочли ее. Телеграмма эта исходила отъ государя и была адресована государынѣ. Онъ писалъ ей: «цѣлую крѣпко, здоровъ». Семья не очень любила его, хотя я по совѣсти долженъ засвидѣтельствовать, что Коровиченко въ общемъ хорошо самъ относился къ семьѣ и дѣлалъ все, что могъ, чтобы облегчить ея положеніе. Онъ, напримѣръ, выхлопоталъ позволеніе имъ работать въ огородѣ, кататься въ лодкахъ. Наиболѣе порядочное отношеніе было со стороны нѣкоторыхъ изъ солдатъ и офицерскаго состава перваго полка.

Одинъ изъ офицеровъ напился какъ-то пьяный. Когда подошла Пасха, по установившемуся уже издавна обычаю, дежурному офицеру выдавалось на день по полбутылкѣ столоваго вина. Такъ было и на этотъ разъ. Узнавъ объ этомъ, солдаты подняли цѣлую исторію. Пришлось тогда же вылить 50 бутылокъ водки.

Какъ-то они обвиняли прапорщика Зеленай въ томъ, что онъ поцѣловалъ у государыни руку.

Изъ-за этого вина и изъ-за послѣдняго случая возникло тогда цѣлое «дѣло» и производилось цѣлое разслѣдованіе.

Распускаясь все болѣе и болѣе, совсѣмъ уже одурманенные лживымъ пониманіемъ «свободы», солдаты стали выдумывать всякія небылицы. Недостойно велъ себя, преимущественно, второй полкъ, причемъ отличались не одни солдаты, но и офицеры. Однажды кѣмъ-то изъ офицеровъ второго полка мнѣ было заявлено: «мы ихъ должны сами видѣть. А то они арестованы, а мы ихъ не видимъ.» Очевидно, желаніе причинить напрасныя моральныя муки, можетъ быть, даже просто «мѣщанское» любопытство видѣть

августѣйшую семью прикрывалось, якобы, опасностью, что семья бѣжитъ. Напрасно я уговаривалъ не дѣлать этого, такъ какъ отъ больныхъ дѣтей никуда не убѣгутъ родители. Опасаясь, что, въ концѣ концовъ, все это можетъ случиться и помимо меня, я обратился за разъясненіями къ генералу Половцеву, смѣнившему тогда Корнилова. Было рѣшено сдѣлать такимъ образомъ: когда придетъ новый караульный офицеръ для смѣны кончившаго караулъ, они оба будутъ у государя въ присутствіи государыни, причемъ смѣнявшійся съ караула будетъ прощаться, а новый здороваться. Чтобы выходило это менѣе всего тягостно, рѣшено было всю эту процедуру продѣлывать передъ завтракомъ, когда обыкновенно семья сходилась вмѣстѣ. Такъ и дѣлалось. Но вотъ однажды, когда второй полкъ смѣнялъ первый, и оба офицера отправились къ государю, государь простился съ уходившимъ съ караула офицеромъ перваго полка, подавъ ему руку. Когда же онъ протянулъ руку караульному офицеру второго полка, тотъ отступилъ шагъ назадъ и не принялъ руки государя. Его рука повисла въ воздухѣ. Чрезвычайно страдая, вѣроятно, отъ скорби, государь подошелъ къ этому офицеру, взялъ его за плечи обѣими руками и со слезами на глазахъ, сказалъ ему: «голубчикъ, за что же?» Снова отступивъ шагъ назадъ, этотъ господинъ сказалъ государю: «я изъ народа. Когда народъ вамъ протягивалъ руку, вы не приняли ея. Теперь я не подамъ вамъ руки.» Объ этомъ я передаю вамъ со словъ офицера перваго полка, бывшаго очевидцемъ всей этой возмутительной исторіи. Разложеніе, по мѣрѣ углубленія революціи, шло все далѣе и далѣе. Солдаты не знали, къ чему придраться и изыскивали, подъ разными серьезными предлогами, разные поводы причинить какую-либо непріятность царской семьѣ. Однажды они увидѣли въ рукахъ Алексѣя Николаевича маленькое ружье. То была винтовка-модель, сдѣланная спеціально для него на какомъ-то русскомъ заводѣ. Она была совершенно безопасна, такъ какъ изъ нея можно было бы стрѣлять только особыми патронами, которыхъ не было. Сейчасъ же они потребовали отобранія винтовки. Это были солдаты все того же второго полка; офицеръ (не помню его фамиліи) тщетно доказывалъ имъ нелѣпость ихъ требованій, но, чтобы избѣжать насилія, котораго вполнѣ возможно было ожидать отъ нихъ, онъ взялъ у Алексѣя Николаевича ружье. Когда я пришелъ послѣ этого во дворецъ, Жильяръ и Теглева разсказали мнѣ объ этомъ инцидентѣ и сообщили, что Алексѣй Николаевичъ «плачетъ». Тогда я взялъ къ себѣ винтовку и по частямъ перенесъ ее ему.

Въ концѣ концовъ солдаты, а черезъ нихъ и мѣстный Царско-Сельскій совдепъ окончательно перестали мнѣ довѣрять и назначили выбраннаго ими мнѣ въ помощники прапорщика армянина Домодзянца. Это былъ грубый человѣкъ. Онъ всячески домогался какъ-нибудь втиснуться во дворецъ, куда я его упорно не допускалъ. Тогда онъ сталъ постоянно торчать въ паркѣ въ то именно время, когда

семья выходила на прогулку. Однажды, когда государь, проходя мимо него, протянулъ ему руку, онъ не принялъ руки государя и заявилъ ему, что онъ не можетъ по должности помощника коменданта подавать руку государю.

Поставленный въ извѣстность объ этомъ происшествіи Керенскій какъ-то прибылъ въ Царское и пригласилъ къ себѣ предсѣдателя мѣстнаго совдепа (не по поводу этого инцидента, а по какому-то другому поводу). Послѣдній въ разговорѣ сказалъ Керенскому: «позвольте вамъ доложить, г. министръ, что мы выбрали въ помощники коменданта прапорщика Домодзянца». Керенскій отвѣтилъ: «да, я знаю. Но неужели же вы не могли выбрать другое лицо, а не такого?» Но осталось такъ, какъ и было: власти не было и у самого Керенскаго.

Вотъ этотъ-то Домодзянцъ и научилъ солдатъ не отвѣчать государю на его привѣтствіе, съ которымъ онъ обыкновенно обращался къ солдатамъ. Тѣ, конечно, и продѣлали подобную вещь. Это, конечно, были солдаты второго полка. Пришлось мнѣ просить государя не здороваться съ солдатами, такъ какъ, по тѣмъ временамъ, ничего нельзя было подѣлать съ ними, и государь пересталъ привѣтствовать солдатъ.

Впрочемъ, я долженъ сказать, что не надлежащее отношеніе къ августѣйшей семьѣ наблюдалось и не у однихъ солдатъ.

Люди трусили обнаружить свои отношенія къ царской семьѣ. Ольгу Николаевну очень любила Маргарита Хитрово. Она часто приходила ко мнѣ и просила передать письма Ольгѣ Николаевнѣ. Свои письма она всегда такъ и подписывала: «Маргарита Хитрово». Такъ же полно подписывалась въ письмахъ, которыя мнѣ приносила Хитрово, еще Ольга Колзакова. Но были еще письма, которыя авторами ихъ подписывались: «Лили» (Денъ), «Тити» (Вельчковская). Я какъ-то сказалъ Хитрово: «вотъ вы прямо и открыто подписываетесь своимъ именемъ. Такъ же подписывается и Ольга Колзакова. А другія скрываютъ свои имена. Это неудобно. Представьте себѣ, какимъ-либо образомъ переписка попадетъ въ руки власти и меня спросятъ: «отъ кого эти письма?» Вѣдь мое положеніе станетъ глупымъ. Передайте, пожалуйста, авторамъ этихъ писемъ, чтобы онѣ пришли ко мнѣ. Долженъ же я знать, кто онѣ такія.» Послѣ этого я совсѣмъ пересталъ получать письма отъ «Лили» и «Тити».

Графъ Апраксинъ очень скоро подалъ заявленіе и просилъ его выпустить, такъ какъ-де всѣ дѣла здѣсь, во дворцѣ, онъ кончилъ, а семья у него осталась въ Петроградѣ. По распоряженію министра юстиціи (бумага о разрѣшеніи его просьбы была получена черезъ Корнилова) онъ былъ выпущенъ.

Я разсказалъ все, что могъ припомнить о царскосельскомъ періодѣ заключенія августѣйшей семьи.

Только еще добавлю, что семья получала всѣ газеты, какія тогда выходили, англійскіе и французскіе журналы; изъ русскихъ газетъ могу назвать: «Русское Слово», «Русская Воля», «Рѣчь», «Новое Время», «Петроградскій Листокъ», «Петроградская Газета».

Теперь перейду къ переводу семьи въ Тобольскъ. Этому предшествовали слѣдующія событія.

Приблизительно за недѣлю до отъѣзда семьи изъ Царскаго къ намъ пріѣхалъ Керенскій; вызвалъ меня, предсѣдателя совдепа и предсѣдателя военной секціи Царско-Сельскаго гарнизона прапорщика Ефимова (Ефимовъ былъ у насъ въ составѣ второго полка). Керенскій сказалъ намъ слѣдующее: «прежде чѣмъ говорить вамъ что-либо, беру съ васъ слово, что все это останется секретомъ». Мы дали слово. Тогда Керенскій объявилъ намъ, что по постановленію Совѣта Министровъ вся царская семья будетъ перевезена изъ Царскаго; что правительство не считаетъ это секретомъ отъ «демократическихъ организацій, учрежденій», что съ царской семьей поѣду я, Кобылинскій. Послѣ этого я ушелъ, и Керенскій велъ какіе-то свои разговоры съ предсѣдателемъ совдепа и Ефимовымъ. Приблизительно черезъ часъ я увидѣлъ Керенскаго и спросилъ его, куда же мы поѣдемъ. При этомъ я сказалъ, что нужно же предупредить семью, чтобы она могла уложиться. Керенскій отвѣтилъ мнѣ, что это сдѣлаетъ онъ самъ, и отправился во дворецъ. Тамъ онъ одинъ-на-одинъ разговаривалъ съ государемъ. Мнѣ же на мой вопросъ, куда и когда мы ѣдемъ, Керенскій такъ и не далъ отвѣта.

Послѣ этого перваго раза я видѣлъ Керенскаго раза 2—3 и каждый разъ спрашивалъ его, куда же мы ѣдемъ, какія вещи брать семьѣ. Керенскій не отвѣчалъ на мой вопросъ и сказалъ только: «передайте, что надо побольше брать теплыхъ вещей».

Приблизительно дня за два до отъѣзда Керенскій вызвалъ меня к себѣ и приказалъ мнѣ составить отрядъ изъ перваго, второго и четвертаго полковъ, которые несли охрану, и назначить офицеровъ въ роты. «Назначеніе» нужно было понимать въ то время въ особомъ смыслѣ. Конечно, «мы» назначать уже не могли, такъ какъ разложеніе арміи зашло слишкомъ далеко. Полковой командиръ не игралъ тогда никакой роли; его власть была въ рукахъ солдатскихъ комитетовъ. Боясь, что въ офицерскій составъ попадетъ элементъ недостойный, я просилъ Керенскаго разрѣшить мнѣ самому выбрать на каждую роту по 5 офицеровъ, а изъ нихъ 2 (это число офицеровъ полагалось на роту) пусть выбираются солдатами. Керенскій съ этимъ согласился. Въ тотъ же день вечеромъ я позвалъ къ себѣ полковыхъ командировъ и предсѣдателей полковыхъ комитетовъ. Я сказалъ имъ: «предстоитъ секретная и очень важная командировка; мѣсто и цѣль ея мнѣ неизвѣстна. Пусть каждый полковой командиръ выберетъ роту въ 48 рядовъ при 2 офицерахъ.» При этомъ я передалъ списокъ офи-

церовъ, составленный мною, изъ числа коихъ надлежало сдѣлать выборъ. На эти мои слова командиры полковъ и предсѣдатели полковыхъ комитетовъ перваго и четвертаго полка отвѣтили: «слушаю-съ». Предсѣдатель же полкового комитета второго полка, конечно, солдатъ (фамиліи его не помню), сказалъ мнѣ: «мы уже выбрали. Я знаю, какая предстоитъ командировка.» — «Откуда же вы можете знать, когда я самъ этого не знаю?» — «Мнѣ говорили «люди». Мы уже выбрали прапорщика Деконскаго.» Этотъ самый прапорщикъ Деконскій офицерами былъ изгнанъ изъ состава четвертаго полка; это рѣшеніе офицеровъ подтвердили и солдаты своимъ рѣшеніемъ. Тогда второй полкъ принялъ въ свою среду этого Деконскаго. Уже тогда это былъ несомнѣнный большевикъ. Когда я услышалъ, что именно онъ выбранъ, я сказалъ предсѣдателю комитета, что Деконскій ни въ коемъ случаѣ не поѣдетъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ: «нѣтъ, поѣдетъ». Я принужденъ былъ отправиться къ Керенскому и сказалъ ему категорически, что, если поѣдетъ Деконскій, я не поѣду; что онъ, Керенскій, какъ военный министръ, можетъ предупредить эту возможность. Керенскій пріѣхалъ въ Царское, вызвалъ предсѣдателя комитета и пошли у нихъ пререканія. Керенскій стоитъ на своемъ, предсѣдатель отвѣчаетъ военному министру: «Деконскій поѣдетъ». Разсердившись, Керенскій прикрикнулъ: «я вамъ приказываю». Тотъ подчинился и ушелъ. Но, когда назначенные уже солдаты узнали, что Деконскій не поѣдетъ, они тоже отказывались ѣхать, и, благодаря этому, въ составъ попали отъ второго полка наиболѣе дурные элементы. 29 іюля я былъ у Керенскаго. Тамъ же былъ помощникъ комиссара министерства двора (О. А. Головина) Павелъ Михайловичъ Макаровъ, инженеръ по профессіи. Когда я пришелъ къ Керенскому, я засталъ у него уже Макарова. Изъ ихъ разговора я впервые только и узналъ тогда, что семья переводится въ Тобольскъ. Въ тотъ же день Макаровъ посылалъ распоряженіе инженеру Эртелю, который раньше всегда ѣздилъ съ императрицей Маріей Θеодоровной, приготовить составъ поѣзда къ 2 часамъ ночи на 1 августа.

30 іюля семья просила меня принести имъ изъ Знаменской церкви чудотворную икону Знаменія Божіей Матери, чтобы отслужить въ этотъ день напутственный молебенъ и по случаю дня рожденія Алексѣя Николаевича. Помню, что мнѣ въ этотъ день и послѣдующій было очень много хлопотъ, такъ какъ, ввиду настроенія солдатъ, приходилось просьбы, съ какими обращалась царская семья, устраивать самому. Когда дѣло съ иконой было рѣшено и, кажется, былъ уже молебенъ, ко мнѣ прибыли: командующій войсками округа прапорщикъ Кузьминъ, какой-то полковникъ и какой-то штатскій типъ. Подавая мнѣ руку, типъ этотъ сказалъ: «позвольте представиться. Тоже сидѣлъ въ Крестахъ». Помню, какъ сейчасъ, его грязную руку.

Подъ видомъ провѣрки караула Кузьминъ съ полковникомъ пошли къ дворцу и, спрятавшись въ комнатѣ, обращен-

ной дверью въ коридоръ, имѣли терпѣніе цѣлый часъ ждать, когда кончится служба, чтобы посмотрѣть царскую семью, когда она пойдетъ къ себѣ коридоромъ.

Въ этотъ день къ вечеру, послѣ Кузьмина со своей компаніей, ко мнѣ прибылъ Макаровъ и Илья Леонидовичъ Татищевъ. Татищевъ заявилъ мнѣ, что ему предложено государемъ черезъ Керенскаго и Макарова раздѣлить судьбу семьи. Онъ сказалъ тогда же: «меня это удивило: вѣдь я не придворный. Но разъ государь желаетъ этого, я ни на минуту не сомнѣваюсь, что мой долгъ исполнить волю моего государя.» Долженъ сказать, что Татищевъ былъ приглашенъ государемъ, очевидно, вмѣсто Бенкендорфа. Бенкендорфъ дѣйствительно не могъ ѣхать. Онъ весьма старъ и у него, какъ это мнѣ положительно извѣстно, была дѣйствительно больна старуха-жена. Бенкендорфъ женатъ на княгинѣ Долгорукой, матери Василія Александровича Долгорукова. Такимъ образомъ, вмѣсто отчима поѣхалъ пасынокъ. Также непритворно не могла ѣхать и статсъ-дама Нарышкина, больная въ то время крупознымъ воспаленіемъ легкихъ и глубокая старуха.

Въ этотъ же день была у меня Маргарита Хитрово и закатила мнѣ истерику, обвиняя меня въ томъ, что я «скрываю», что хотятъ сдѣлать съ семьей, что ее хотятъ заточить въ крѣпость и т. п. Въ этотъ же день мнѣ телефонировалъ Керенскій, что въ 12 часовъ ночи на 1 августа онъ будетъ въ Царскомъ и скажетъ отряду прощальное слово.

31 іюля весь день прошелъ у меня въ бѣготнѣ, приготовленіяхъ къ отъѣзду. Память мнѣ не сохранила ничего выдающагося за этотъ день, да ничего особаго, кажется, и не случилось въ этотъ день. Въ 12 часовъ ночи пріѣхалъ Керенскій. Отрядъ былъ готовъ. Поѣхали мы съ нимъ въ первый баталіонъ. Керенскій держалъ къ солдатамъ такую рѣчь: «вы несли охрану царской семьи здѣсь. Вы же должны нести охрану и въ Тобольскѣ, куда переводится царская семья по постановленію Совѣта Министровъ. Помните: лежачаго не бьютъ. Держите себя вѣжливо, а не по-хамски. Довольствіе будетъ выдаваться по Петроградскому округу. Табачное и мыльное довольствіе — натурой. Будете получать суточныя деньги.» То же самое Керенскій говорилъ и въ четвертомъ баталіонѣ. Во второй баталіонъ онъ не поѣхалъ. Считаю нужнымъ теперь же отмѣтить, что условія, въ которыя были поставлены солдаты перваго и четвертаго полковъ были иныя, чѣмъ условія, поставленныя для солдатъ второго полка. Первые были одѣты съ иголочки и обмундированіе у нихъ было въ большемъ количествѣ; солдаты второго полка, вообще-то худшіе по своимъ моральнымъ свойствамъ вслѣдствіе указанныхъ мною причинъ, были въ грязной одеждѣ и обмундированія у нихъ было меньше. Эта разница, какъ я скажу потомъ, имѣла впослѣдствіи большое значеніе.

Послѣ напутствія солдатъ Керенскій сказалъ мнѣ: «ну, теперь поѣзжайте за Михаиломъ Александровичемъ. Онъ у Бориса Владимировича.» Я поѣхалъ въ автомобилѣ. Тамъ

я засталъ Бориса Владимировича, какую-то даму, Михаила Александровича съ супругой и его секретаря англичанина Джонсона. Втроемъ (кромѣ шофера), т. е. Михаилъ Александровичъ, Джонсонъ и я поѣхали въ Александровскій дворецъ. Джонсонъ остался ждать въ автомобилѣ. Михаилъ Александровичъ прошелъ въ пріемную комнату, гдѣ были Керенскій и дежурный офицеръ. Втроемъ они прошли въ кабинетъ, гдѣ былъ государь. Я остался въ пріемной. Въ это время выбѣжалъ въ пріемную Алексѣй Николаевичъ и спросилъ меня: «это дядя Мими пріѣхалъ?» Я сказалъ, что пріѣхалъ онъ. Тогда Алексѣй Николаевичъ попросилъ позволенія спрятаться за дверь: «я хочу его посмотрѣть, когда онъ будетъ выходить». Онъ спрятался за дверь и въ щель глядѣлъ на Михаила Александровича, смѣясь, какъ ребенокъ, своей затѣѣ. Свиданіе Михаила Александровича съ государемъ происходило минутъ 10. Затѣмъ онъ уѣхалъ.

Выѣхала семья, приблизительно, часовъ въ 5 утра на вокзалъ и сѣла въ поѣздъ. Поѣздовъ было два. Въ первомъ слѣдовала семья, свита, часть прислуги и рота перваго полка. Во второмъ поѣздѣ — остальная прислуга и остальныя роты. Багажъ былъ распредѣленъ въ обоихъ поѣздахъ. Въ первомъ же поѣздѣ ѣхали членъ Государственной Думы Вершининъ, инженеръ Макаровъ и предсѣдатель военной секціи прапорщикъ Ефимовъ, отправленный въ поѣздку по желанію Керенскаго для того, чтобы онъ, по возвращеніи изъ Тобольска, могъ бы доложить совдепу о перевозѣ царской семьи. Размѣщеніе въ поѣздѣ происходило такъ: — въ первомъ вагонѣ международнаго общества, очень удобномъ, ѣхали государь въ отдѣльномъ купэ, государыня въ отдѣльномъ купэ, княжны въ отдѣльномъ купэ, Алексѣй Николаевичъ съ Нагорнымъ въ купэ, Демидова, Теглева и Эрсбергъ въ купэ, Чемодуровъ и Волковъ въ купэ; во второмъ вагонѣ ѣхали: Татищевъ и Долгорукій въ одномъ купэ, Боткинъ одинъ въ маленькомъ купэ, Шнейдеръ со своей прислугой Катей и Машей въ одномъ купэ, Жильяръ въ отдѣльномъ купэ, Гендрикова со своей прислугой Межанцъ; въ третьемъ вагонѣ ѣхали: Вершининъ, Макаровъ, я, мой адъютантъ подпоручикъ Николай Александровичъ Мундель, командиръ роты перваго полка прапорщикъ Иванъ Трофимовичъ Зима, прапорщикъ Владимиръ Александровичъ (точно не увѣренъ, такъ ли его зовутъ) Мѣснянкинъ и въ отдѣльномъ маленькомъ купэ помѣщался прапорщикъ Ефимовъ, съ которымъ никто не изъявлялъ желанія ѣхать вмѣстѣ; въ четвертомъ вагонѣ помѣщалась столовая, гдѣ обѣдала царская семья, кромѣ государыни и Алексѣя Николаевича, обѣдавшихъ вмѣстѣ въ купэ государыни; въ трехъ, кажется, вагонахъ 3 класса ѣхали солдаты; кромѣ того, были еще багажные вагоны. Ѣхали благополучно до Перми. Передъ самой станціей въ Перми нашъ поѣздъ остановился. Въ вагонъ, въ которомъ находился я, вошелъ какой-то человѣкъ, видимо, изъ какихъ-нибудь маленькихъ желѣзнодорожныхъ служащихъ, съ большой сѣдой бородой, и, назвавшись предсѣда-

телемъ желѣзнодорожныхъ рабочихъ, заявилъ, что «товарищи» рабочіе-желѣзнодорожные желаютъ знать, что это за поѣздъ слѣдуетъ и, пока не узнаютъ, они не могутъ пропустить его дальше. Вершининъ съ Макаровымъ показали ему бумагу за подписью Керенскаго. Поѣздъ пошелъ дальше. Въ Тюмень мы пріѣхали, кажется, 4—5 августа (по старому стилю). Пріѣхали мы въ Тюмень вечеромъ и тутъ же размѣстились на два парохода. Царская семья, свита, всѣ другія лица и рота перваго полка ѣхала на пароходѣ «Русь», часть прислуги и рота второго и четвертаго полка — на пароходѣ «Кормилецъ». Пароходы были хорошіе, удобные; «Кормилецъ» былъ хуже. Пріѣхали мы въ Тобольскъ, кажется, 6 августа подъ вечеръ, такъ часовъ въ 5—6. Домъ, гдѣ должна была жить царская семья, былъ не готовъ, и мы нѣсколько дней провели на пароходахъ.

Когда мы ѣхали въ поѣздѣ, поѣздъ не останавливался на большихъ станціяхъ, а на промежуточныхъ. Здѣсь государь и желающіе часто выходили и слѣдовали пѣшкомъ, гуляя, а поѣздъ медленно двигался за ними. Когда мы жили на пароходѣ, ѣздили верстъ за 10 отъ города, гдѣ семья также выходила на берегъ.

Въ это время, когда семья еще жила на пароходѣ, инженеръ Макаровъ приводилъ въ порядокъ домъ. Тамъ же находились Татищевъ, Гендрикова, Шнейдеръ, Тутельбергъ, Эрсбергъ, Теглева, Демидова, устраивавшіе обстановку въ домѣ.

Когда домъ былъ готовъ, семья перешла въ него. Для государыни былъ поданъ приличный экипажъ на резиновомъ ходу. Она переѣхала въ домъ съ Татьяной Николаевной. Всѣ остальныя лица перешли пѣшкомъ.

Для жизни царской семьи, лицъ свиты и прислуги было отведено два дома: домъ, въ которомъ жилъ губернаторъ, и домъ Корнилова, находящійся вблизи губернаторскаго.

Изъ обстановки изъ Царскаго не было взято ничего. Домъ обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разныхъ вещей пришлось пріобрѣсти и заказывать уже въ Тобольскѣ.

Взяты были изъ Царскаго для царской семьи лишь ихъ походныя кровати. Впослѣдствіи многія вещи пришлось дополнительно выписать изъ Царскаго.

Размѣщеніе въ губернаторскомъ домѣ произошло такимъ образомъ: когда входишь въ нижній этажъ дома, попадаешь въ переднюю, изъ которой идетъ черезъ весь этажъ коридоръ, дѣлящій его на двѣ половины. При входѣ въ переднюю первая комната, угловая, на правой сторонѣ занималась дежурнымъ офицеромъ; рядомъ съ ней была комната, гдѣ жила Демидова и обѣдали съ ней: Теглева, Тутельбергъ, Эрсбергъ; рядомъ съ этой комнатой — комната, гдѣ Жильяръ жилъ и давалъ уроки Алексѣю Николаевичу, Маріи Николаевнѣ и Анастасіи Николаевнѣ; рядомъ съ этой комнатой помѣщалась царская столовая; на лѣвой сторонѣ противъ

дежурной угловой комнаты была комната Чемодурова, рядомъ съ ней — буфетная, рядомъ съ буфетной комната Теглевой и Эрсбергъ, рядомъ съ этой — комната Тутельбергъ. Надъ комнатой Чемодурова шла лѣстница въ верхній этажъ. Она прямо приводила въ угловую комнату, гдѣ былъ кабинетъ государя; рядомъ съ его кабинетомъ былъ залъ; въ залъ также можно было попасть и изъ передней; изъ зала дверь также выходила въ коридоръ, дѣлившій домъ на двѣ половины; первая комната направо по этому коридору была гостиная, рядомъ съ ней — спальня государя и государыни; рядомъ съ ихъ спальней — комната княженъ; на противоположной сторонѣ рядомъ съ передней — шкафная комната, рядомъ съ ней, противъ гостиной и спальни государя и государыни — комната Алексѣя Николаевича, рядомъ съ ней — уборная, а рядомъ съ уборной — ванная.

Всѣ остальныя лица свиты помѣщались въ Корниловскомъ домѣ.

Изъ Царскаго прибыли съ семьей слѣдующія лица: 1. генералъ-адъютантъ Илья Леонидовичъ Татищевъ, 2. гофмаршалъ князь Александръ Васильевичъ Долгорукій, 3. докторъ медицины Евгеній Сергѣевичъ Боткинъ, 4. личная фрейлина графиня Анастасія Васильевна Гендрикова, 5. личная фрейлина баронесса Софія Карловна Буксгевденъ, 6. гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдеръ, 7. Петръ Андреевичъ Жильяръ, 8. няня Александра Александровна Теглева, 9. комнатная дѣвушка у княженъ Елизавета Николаевна Эрсбергъ, 10. комнатная дѣвушка при государынѣ Марія Густавовна Тутельбергъ, 11. другая комнатная дѣвушка при государыни Анна Степановна Демидова, 12. у Гендриковой воспитательница Викторина Владимировна Николаева, 13. прислуга при Гендриковой Паулина Межанцъ, 14. при Шнейдеръ горничныя Катя и Маша (фамилій ихъ я не знаю), 15. камердинеръ государя Терентій Ивановичъ Чемодуровъ, 16. помощникъ Чемодурова Степанъ Макаровъ, 17. камердинеръ государыни Алексѣй Андреевичъ Волковъ, 18. лакей при княжнахъ Иванъ Дмитріевичъ Сѣдневъ, 19. человѣкъ при нихъ же Михаилъ Карповъ, 20. человѣкъ при наслѣдникѣ Клементій Григорьевичъ Нагорный, 21. лакей Жильяра Сергѣй Ивановъ, 22. лакей при Татищевѣ и Долгорукомъ Тютинъ, 23. официантъ Францъ Журавскій, 24. лакей Алексѣй Труппъ, 25. лакей Григорій Солодухинъ, 26. лакей Дормидонтовъ, 27. лакей Киселевъ, 28. лакей Ермолай Гусевъ, 29. поваръ Иванъ Михайловичъ Харитоновъ, 30. поваръ Кокичевъ, 31. поваръ Иванъ, кажется, Верещагинъ, 32. поварскій ученикъ Леонидъ Сѣдневъ, 33. кухонный служитель Сергѣй Михайловъ, 34. кухонный служитель Францъ Пюрковскій, 35. кухонный служитель Терехинъ, 36. писецъ, исполнявшій въ Тобольскѣ обязанности дворника, Александръ Кирпичниковъ, 37. парикмахеръ Алексѣй Николаевичъ Дмитріевъ, 38. завѣдующій погребомъ Рожковъ; послѣ нашего пріѣзда въ Тобольскъ прибыли: 39. докторъ Владимиръ Николаевичъ Деревенько, 40. мистеръ Сидней Ивановичъ Гиббсъ.

Тихо и мирно потекла жизнь въ Тобольскѣ. Режимъ былъ такой же какъ и въ Царскомъ, пожалуй, даже свободнѣе.

Въ дежурной комнатѣ находился дежурный офицеръ. Никто не вмѣшивался во внутреннюю жизнь семьи. Ни одинъ солдатъ не смѣлъ входить въ покои. Вставали всѣ въ семьѣ рано, кромѣ государыни, о чемъ я уже говорилъ, описывая жизнь въ Царскомъ. Послѣ утренняго чая государь обыкновенно гулялъ, занимаясь всегда физическимъ трудомъ. Гуляли и дѣти. Занимался каждый, кто чѣмъ хотѣлъ. Послѣ прогулки утромъ, государь читалъ, писалъ свой дневникъ. Дѣти занимались уроками; государыня читала или вышивала, рисовала что-нибудь. Въ часъ былъ завтракъ. Послѣ завтрака опять обыкновенно семья выходила на прогулку. Государь часто пилилъ дрова съ Долгорукимъ, Татищевымъ, Жильяромъ. Въ этомъ принимали участіе и княжны. Въ 4 часа былъ чай. Въ это время часто занимались чѣмъ-либо въ стѣнахъ дома, напримѣръ, фотографіей, или просто сидѣли у оконъ дома, наблюдая внѣшнюю жизнь города. Въ 6 часовъ былъ обѣдъ. Послѣ обѣда приходили Татищевъ, Долгорукій, Боткинъ, Деревенько. Иногда бывала игра въ карты, причемъ изъ семьи играли: государь и Ольга Николаевна. Иногда по вечерамъ государь читалъ что-нибудь вслухъ, всѣ слушали. Иногда ставились домашніе спектакли: французскія и англійскія пьесы. Въ 8 часовъ былъ чай. За чаемъ велась домашняя бесѣда. Такъ засиживались часовъ до 11, не позднѣе 12 и расходились спать. Алексѣй Николаевичъ ложился спать въ 9 часовъ или около этого времени.

Государыня всегда обѣдала наверху; съ ней иногда обѣдалъ Алексѣй Николаевичъ; вся остальная семья обѣдала внизу въ столовой.

Всѣ лица свиты и вся прислуга свободно выходили изъ дома, когда и куда хотѣли. Никакого стѣсненія никому въ этомъ отношеніи не было. Августѣйшая семья, конечно, въ этомъ правѣ передвиженія была, какъ и въ Царскомъ, ограничена. Она выходила лишь въ церковь. Богослуженія отправлялись такъ: всенощная всегда служилась на дому, причемъ причтъ былъ отъ Благовѣщенской церкви. Служилъ священникъ о. Васильевъ. Къ обѣднѣ семья ходила только къ ранней. Для того, чтобы пройти въ церковь, нужно было пройти садомъ и черезъ улицу. Вдоль пути слѣдованія всегда ставился караулъ. Караулъ былъ и около самой церкви, причемъ въ церковь посторонніе не допускались.

Какъ можете видѣть, хотя бы изъ одного перечня прислуги, бывшей при августѣйшей семьѣ, правительство старалось обставить жизнь ея такъ, какъ это приличествовало ея положенію. Когда мы уѣзжали изъ Царскаго, Керенскій сказалъ мнѣ: «не забывайте, что это бывшій императоръ; ни онъ, ни семья ни въ чемъ не должны испытывать лишеній». Власть надъ охраной и домомъ была въ моихъ рукахъ. Ко времени переѣзда нашего въ Тобольскъ я думаю, что семья привыкла ко мнѣ и, какъ намъ кажется, не могла

имѣть противъ меня какого-либо неудовольствія. Сужу объ этомъ потому, что передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Царскаго государыня пригласила меня къ себѣ и благословила меня иконой.

Но тихая, мирная жизнь продолжалась недолго.

Я усматриваю нѣкоторое сходство въ начальномъ періодѣ царско-сельскаго заключенія и тобольскаго. Сравнительно сносныя условія жизни въ Царскомъ ухудшались постепенно. Верховная власть этого времени постепенно теряла почву подъ ногами. Вмѣстѣ съ тѣмъ общее разложеніе захватывало и солдатъ; они разлагались все больше и больше. Въ концѣ концовъ, чувствуя, что за власть приходится уже бороться, правительство Керенскаго, желая блага семьѣ, и рѣшило перевести ее изъ этого очага политической борьбы въ тихое, спокойное мѣсто, гдѣ ей будетъ лучше. Расчетъ былъ правильный. Отношеніе кореннаго населенія города къ августѣйшей семьѣ было хорошее. Когда мы подъѣзжали къ Тобольску, народъ высыпалъ къ пароходамъ, стоялъ и глядѣлъ на нихъ. Когда семья слѣдовала на жительство въ губернаторскій домъ, чувствовалось, что населеніе хорошо относится къ ней. Оно, видимо, боялось открыто тогда проявлять свои симпатіи и дѣлало это тайно. Много приносилось разныхъ приношеній для августѣйшей семьи, преимущественно изъ съѣстного — сладкаго, хотя долженъ сказать, что по назначенію мало доходило: поѣдалось по пути прислугой. Но общая разруха скоро захватила и Тобольскъ, на который стали больше обращать вниманія разные политическіе дѣятели уже потому только, что здѣсь жила царская семья.

Въ моихъ рукахъ власть была только до сентября мѣсяца. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ къ намъ прибылъ комиссаръ правительства Василій Семеновичъ Панкратовъ. Онъ привезъ съ собой бумагу, за подписью Керенскаго, въ коей говорилось. что я поступаю въ полное подчиненіе Панкратова и долженъ исполнять то, что онъ мнѣ будетъ приказывать. Этотъ Панкратовъ, какъ онъ самъ разсказывалъ, будучи 18 лѣтъ, убилъ въ Кіевѣ, защищая какую-то женщину, какого-то жандарма; былъ за это судимъ и заключенъ въ Шлюссельбургскую крѣпость, гдѣ въ одиночномъ заключеніи пробылъ 15 лѣтъ; послѣ этого онъ былъ сосланъ въ Якутскую область, гдѣ пробылъ 27 лѣтъ.

Его помощникомъ былъ прапорщикъ Александръ Владиміровичъ Никольскій; за принадлежность къ партіи соціалистовъ-революціонеровъ онъ былъ сосланъ также въ Якутскую область, гдѣ и сошелся с Панкратовымъ. Когда Панкратовъ былъ назначенъ комиссаромъ къ намъ, онъ потребовалъ въ помощники къ себѣ Никольскаго.

Панкратовъ былъ человѣкъ умный, развитой, замѣчательно мягкій. Никольскій — грубый, бывшій семинаристъ, лишенный воспитанія человѣкъ, упрямый, какъ быкъ; направь его по одному направленію, онъ и будетъ ломить, не взирая ни на что.

Когда они пріѣхали и ознакомились съ нашими порядками, Никольскій сразу же заявилъ мнѣ о своемъ удивленіи по поводу ихъ: «какъ это у васъ свободно уходятъ, приходятъ (свита и прислуга)? Такъ нельзя. Такъ могутъ и чужого человѣка впустить. Надо ихъ всѣхъ снять.» Я сталъ его отговаривать отъ этого, такъ какъ часовые и безъ того прекрасно всѣхъ знаютъ. Никольскій отвѣтилъ мнѣ: «а, насъ, бывало, заставляли сниматься и въ профиль и въ лицо. Такъ надо же и ихъ снять.» Онъ побѣжалъ къ фотографу и были сняты со многихъ фотографическія карточки, на которыхъ были сдѣланы соотвѣтствующія надписи. Къ характеристикѣ этого человѣка разскажу еще такой фактъ. Шаловливый, очень рѣзвый мальчикъ Алексѣй Николаевичъ выглянулъ разъ, какъ ребенокъ, черезъ заборъ. Увидѣвъ это или узнавъ объ этомъ, Никольскій сейчасъ же прибѣжалъ на мѣсто и поднялъ цѣлую исторію: разнесъ солдата и въ рѣзкой формѣ сдѣлалъ замѣчаніе Алексѣю Николаевичу. Мальчикъ обидѣлся на это и жаловался мнѣ, что Никольскій «кричитъ» на него. Я тогда же потребовалъ отъ Панкратова, чтобы онъ унялъ усердіе не по разуму Никольскаго.

Хотя, какъ я уже вамъ сказалъ, Панкратовъ самъ лично не былъ способенъ совершенно причинить сознательно зло кому-либо изъ царской семьи, но тѣмъ не менѣе выходило, что семья страдала. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсъ-эры, хотѣли, чтобы всѣ были эсъ-эрами и начали приводить въ свою вѣру солдатъ. Завели школу, гдѣ учили солдатъ грамотѣ, преподавая имъ разные хорошіе предметы, но послѣ каждаго урока понемногу они освѣщали солдатамъ политическіе вопросы. Это была проповѣдь эсъ-эровской программы. Солдаты слушали и переваривали по своему. Хотѣли они издавать эсъ-эровскую газету, конечно, «Земля и Воля».

Въ городѣ Тобольскѣ въ то время жилъ какой-то ссыльный Писаревскій, фанатикъ, партійный эсъ-декъ, непримиримый врагъ эсъ-эрамъ. Вотъ этотъ Писаревскій всѣми правдами и неправдами и повелъ черезъ солдатъ борьбу съ Панкратовымъ и Никольскимъ. Писаревскій издавалъ газету большевистскаго направленія, «Рабочую Газету». Видя, что Панкратовъ пользуется у солдатъ нѣкоторымъ вліяніемъ, онъ сталъ приглашать ихъ къ себѣ на чашку чая и сталъ развращать ихъ. Въ концѣ концовъ, очень скоро послѣ прибытія къ намъ Панкратова съ Никольскимъ весь отрядъ разбился на двѣ партіи: Панкратовская партія и партія Писаревскаго, или, другими словами, партія большевиковъ. Въ нее и пошли солдаты второго полка, наиболѣе бѣдные и наиболѣе развращенные. Лишь небольшую часть составляла третья группа, я бы сказалъ, нейтральная, состоявшая преимущественно изъ солдатъ призыва 1906—1907 годовъ.

Когда солдаты подъ вліяніемъ этой партійной борьбы стали разлагаться, они начали хулиганничать. Цѣль у нихъ была иногда вовсе не причинить непріятность августѣйшей семьѣ. Они, не зная ужъ, чего бы имъ потребовать для

самихъ себя, преслѣдовали свои личные интересы, но страдала-то отъ этого именно семья или кто-либо изъ приближенныхъ.

Прежде всего, подъ вліяніемъ этой партійной борьбы вожаковъ, разлагаясь все болѣе и болѣе, они какъ-то пришли ко мнѣ и стали мнѣ говорить, приблизительно, въ такихъ выраженіяхъ: «мы вотъ на нарахъ спимъ. У насъ довольствіе плохое, а «Николашка» (подлинныя слова ихъ), хоть и арестованъ, у него мясо в помойку кидаютъ.» Жизнь въ то время въ Тобольскѣ была не дорога. Хотя мы и получали не по Петроградскимъ окладамъ, какъ обѣщалъ Керенскій, а по Омскимъ, но оклады были вполнѣ достаточны, такъ что питаніе солдатъ было хорошее. Чтобы избѣжать дальнѣйшихъ какихъ-либо выпадовъ солдатъ по этому же поводу, чтобы предупредить возможную непріятность на этой почвѣ для семьи, пришлось, переговоривъ съ губернскимъ комиссаромъ Пигнатти, увеличить суточное довольствіе на 1000 рублей и замѣнить хорошее питаніе солдатъ излишне роскошнымъ.

Какъ я уже говорилъ, Керенскій обѣщалъ солдатамъ передъ отъѣздомъ суточныя деньги. Прошелъ ноябрь мѣсяцъ, а никакихъ суточныхъ намъ не прислали. Пришли ко мнѣ опять солдаты и стали говорить: «вотъ обѣщаютъ все только, а ничего не даютъ. Мы сами себѣ достанемъ суточныя. Пойдемъ и разгромимъ магазины, вотъ и будутъ у насъ суточныя.» Пришлось мнѣ пойти къ Пигнатти и занять у него, какъ комиссара, 15000 рублей. Раздалъ солдатамъ по 50 копеекъ суточныхъ, замазалъ рты. Солдаты тогда же рѣшили послать въ Москву или Петроградъ делегатовъ по этому поводу и выбрали солдатъ Матвѣева и Лупина. Пріѣхали они (Матвѣевъ тогда вернулся уже офицеромъ) и сказалъ, что деньги обѣщали прислать. Снова мнѣ пришлось итти къ Пигнатти и «просить» у него еще 15000 рублей, такъ какъ «обѣщаніямъ» солдаты уже не вѣрили и, распустившись до послѣдней возможности, могли натворить много дурного.

Прочитали они какъ-то въ газетахъ о роспускѣ солдатъ призывовъ 1906—1907 годовъ и потребовали увольненія. Коекакъ, опираясь на личные интересы солдатъ болѣе позднихъ сроковъ, которымъ тогда было бы тяжелѣе, удалось отговорить отъ этого требованія.

* * *

Произошелъ большевистскій переворотъ. Стихійное движеніе, захватившее всю Россію, стало еще больнѣе отражаться на насъ.

Произошелъ слѣдующій фактъ. О. Васильевъ, совершавшій богослуженія, былъ не на высотѣ призванія. Онъ своими выходками оказывалъ медвѣжьи услуги августѣйшей семьѣ. Первая его выходка имѣла мѣсто 21 октября (еще до большевистскаго переворота). Въ этотъ день (день восше-

ствія на престолъ государя императора) вся семья пріобщалась у обѣдни (наканунѣ во время всенощной, бывшей на дому, семья исповѣдывалась). Никто положительно не обратилъ вниманіе на богослуженіе именно въ этотъ день. Но о. Васильевъ позволилъ себѣ устроить такую вещь: — когда семья вышла изъ церкви, раздался звонъ и продолжался до самаго входа ея въ домъ.

Пришло Рождество. 25 декабря вся августѣйшая семья была у ранней обѣдни. Послѣ обѣдни начался молебенъ. Обыкновенно бывало такъ: чтобы не держать солдатъ на холодѣ, я отпускалъ ихъ съ постовъ до окончанія богослуженія, оставляя лишь небольшую часть около самой церкви. Такъ было и на этотъ разъ. Иногда кто-нибудь изъ оставшихся около церкви солдатъ заходилъ въ церковь, но, какъ я замѣчалъ, дѣлали это только болѣе старые, большинство же заходило просто для того, чтобы отогрѣться. Вообще же въ церкви солдатъ всегда бывало мало. Въ этотъ же день, придя въ церковь, я обратилъ вниманіе, что солдатъ было больше, чѣмъ всегда. Чѣмъ это объяснить, я не знаю. Можетъ быть, это потому произошло, что все-таки былъ большой праздникъ. Когда молебенъ сталъ подходить къ концу, я вышелъ изъ церкви, чтобы приказать солдату созвать караулъ. Больше я въ церковь самъ не входилъ и конца молебна не слышалъ. Когда молебенъ кончился и семья вышла изъ храма, бывшій тамъ Панкратовъ сказалъ мнѣ: «вы знаете, что сдѣлалъ священникъ? Вѣдь діаконъ отхватилъ многолѣтіе государю, государынѣ и вообще всѣмъ, именуя ихъ такъ. Солдаты, какъ услыхали это, подняли ропотъ.» Вотъ изъ-за этого пустяшнаго, но совершенно никому ненужнаго поступка о. Васильева и поднялась цѣлая исторія. Солдаты стали бунтовать и вынесли рѣшеніе: убить священника или, по крайней мѣрѣ, арестовать его. Кое-какъ, съ превеликимъ трудомъ, удалось уговорить ихъ самимъ не предпринимать никакихъ репрессивныхъ мѣръ, а подождать рѣшенія этого дѣла въ слѣдственной комиссіи. Епископъ Гермогенъ тогда же услалъ о. Васильева въ Абалакскій монастырь, пока не пройдетъ острота вопроса. Я поѣхалъ къ нему и попросилъ дать другого священника. Былъ назначенъ соборный священникъ о. Хлыновъ.

Этотъ случай, во-первыхъ, совершенно разладилъ мои отношенія съ солдатами: они перестали довѣрять мнѣ и, какъ имъ ни доказывалъ обратное, они стояли на своемъ: «а, значитъ, когда на дому служба бываетъ, всегда ихъ поминаютъ». И постановили: въ церковь совсѣмъ семью не пускать. Пусть молятся дома, но каждый разъ за богослуженіемъ долженъ присутствовать солдатъ. Едва мнѣ удалось вырвать рѣшеніе, чтобы семья посѣщала церковь, хотя бы въ двунадесятые праздники. Съ рѣшеніемъ же ихъ, чтобы за домашними богослуженіями присутствовалъ солдатъ, я бороться былъ безсиленъ. Такимъ образомъ, безтактность о. Васильева привела къ тому, что солдаты все-таки пробрались въ домъ, съ чѣмъ до того времени мнѣ удалось

благополучно бороться. Послѣ этого произошелъ слѣдующій случай: присутствовалъ какъ-то на богослуженіи солдатъ Рыбаковъ. Священникъ, кончая богослуженіе и поминая всѣхъ святыхъ, помянулъ и «царицу Александру» (святую). Цѣлую бурю поднялъ Рыбаковъ изъ-за этого. Пришлось мнѣ вести его къ себѣ, находить календарь и доказывать ему, что поминалась не Александра Ѳеодоровна, а святая царица Александра.

Пошла демобилизація арміи. Стали увольняться солдаты. Стали уходить и мои стрѣлки. Вмѣсто уѣзжавшихъ, солдатъ болѣе старыхъ годовъ, стали мнѣ присылать изъ Царскаго Села пополненія, солдатъ болѣе молодыхъ годовъ и болѣе развращенныхъ тамъ, въ самомъ котлѣ политической борьбы.

Партія Писаревскаго стала рости все больше; все больше и больше стало прибывать къ намъ большевиковъ. Въ концѣ концовъ, Панкратовъ былъ объявленъ, подъ вліяніемъ, конечно, агитаціи Писаревскаго, «контръ-революціонеромъ» и изгнанъ солдатами. Онъ уѣхалъ. Уѣхалъ и Никольскій.

Солдаты же отправили въ центръ телеграмму, прося прислать къ нимъ уже «большевистскаго» комиссара. Пока комиссаръ не ѣхалъ.

Не знали, къ чему придраться. Рѣшили: запретить свитѣ гулять, пусть сидятъ всѣ и не гуляютъ. Сталъ я доказывать всю нелѣпость этого. Тогда рѣшили: пусть гуляютъ, но чтобы провожалъ солдатъ. Надоѣло имъ это и постановили: каждый можетъ гулять въ недѣлю два раза не болѣе двухъ часовъ безъ солдата.

Какъ-то однажды, желая проводить уѣзжавшихъ старыхъ, хорошихъ солдатъ, государь и государыня поднялись на ледяную гору, устроенную для дѣтей. Руководствуясь, конечно, однимъ чувствомъ безсильной злобы, солдаты тотчасъ же срыли эту гору, мотивируя однако свой поступокъ тѣмъ, что кто-нибудь изъ постороннихъ можетъ подстрѣлить ихъ, а они будутъ отвѣчать.

Какъ-то однажды государь надѣлъ черкеску, на которой у него былъ кинжалъ. Увидѣли это солдаты и подняли цѣлую исторію: ихъ надо обыскать, у нихъ есть оружіе. Кое-какъ удалось мнѣ уговорить эту потерявшую всякій стыдъ ватагу, что не надо производить обыска. Пошелъ я самъ и просилъ государя отдать мнѣ кинжалъ, объяснивъ ему о происшедшемъ. Государь передалъ кинжалъ (его потомъ увезъ Родіоновъ), Долгорукій и Жильяръ передали мнѣ свои шашки. Повѣсили мы ихъ у меня въ канцеляріи на видномъ мѣстѣ.

Я привелъ вамъ слова Керенскаго, когда мы уѣзжали изъ Царскаго. Семья дѣйствительно ни въ чемъ не нуждалась въ Тобольскѣ. Но деньги уходили, а пополненій мы не получали. Пришлось жить въ кредитъ. Я писалъ по этому поводу генералъ-лейтенанту Аничкову, завѣдывавшему хозяйствомъ гофмаршальской части, но результатовъ никакихъ не было. Наконецъ, поваръ Харитоновъ сталъ мнѣ говорить, что больше «не вѣрятъ», что скоро и отпускать въ

кредитъ не будутъ. Пришлось мнѣ обратиться къ управляющему Тобольскимъ отдѣленіемъ государственнаго банка. Онъ посовѣтовалъ мнѣ обратиться къ купцу Янушкевичу, монархисту, имѣвшему въ банкѣ свободныя деньги. Подъ вексель, за моей, Татищева и Долгорукаго подписями, Янушкевичъ далъ мнѣ 20 000 рублей. Я просилъ, конечно, Татищева и Долгорукаго молчать объ этомъ займѣ и не говорить объ этомъ ни государю, ни кому-либо другимъ изъ августѣйшей семьи. Но всѣ эти исторіи были мнѣ тяжелы. Это была не жизнь, а сущій адъ. Нервы были натянуты до послѣдней крайности. Тяжело вѣдь было искать и «выпрашивать» деньги для содержанія августѣйшей семьи. И вотъ, когда солдаты вынесли постановленіе о снятіи нами офицерами погонъ, я не выдержалъ. Я понялъ, что больше нѣтъ у меня власти и почувствовалъ полное свое безсиліе. Я пошелъ въ домъ и попросилъ Теглеву доложить государю, что мнѣ нужно его видѣть. Государь принялъ меня въ ея комнатѣ. Я сказалъ ему: — «Ваше Величество, власть выскальзываетъ изъ моихъ рукъ. Съ насъ сняли погоны. Я не могу больше вамъ быть полезнымъ. Если вы мнѣ разрѣшите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу.» Государь обнялъ меня за спину одной рукой. На глазахъ у него навернулись слезы. Онъ сказалъ мнѣ: «Евгеній Степановичъ, отъ себя, отъ жены и отъ дѣтей я васъ очень прошу остаться. Вы видите, что мы всѣ терпимъ. Надо и вамъ потерпѣть.»

Потомъ онъ обнялъ меня и мы поцѣловались.

Я остался и рѣшилъ терпѣть.

Пришелъ какъ-то ко мнѣ солдатъ четвертаго полка (къ этому времени физіономія отряда уже совершенно измѣнилась) и сказалъ мнѣ, что у нихъ было собраніе отряднаго комитета и рѣшили они комитетомъ, чтобы и государь снялъ погоны; что для этого его и послали, чтобы вмѣстѣ со мной пойти и снять ихъ съ государя. Я сталъ отговаривать Дорофѣева отъ этого. Велъ онъ себя въ высшей степени вызывающе, по-хулигански грубо, называя государя «Николашкой». Я говорилъ ему, что нехорошо выйдетъ, если государь не подчинится ихъ рѣшенію. Солдатъ отвѣтилъ мнѣ: «не подчинится, тогда я самъ съ него сорву ихъ». — «А если онъ тебѣ по физіономіи за это дастъ?» — «Тогда и я ему дамъ.» Что было дѣлать. Сталъ я говорить ему, что все это не такъ просто, что государь нашъ — двоюродный братъ англійскому королю, что изъ-за этого могутъ выйти большія недоразумѣнія, и посовѣтовалъ имъ, солдатамъ, запросить по этому поводу Москву. Этимъ я ихъ кое-какъ убѣдилъ и они отъ меня ушли. Телеграмму они дали. Я же отправился къ Татищеву и черезъ него просилъ государя не показываться солдатамъ въ погонахъ. Тогда государь сталъ сверху надѣвать романовскій черный полушубокъ, на которомъ у него не было погонъ.

Для дѣтей были устроены качели, которыми пользовались, конечно, главнымъ образомъ княжны. Во время ка-

раула второго полка, когда караульнымъ былъ унтеръ-офицеръ большевикъ Шикуновъ, солдаты вырѣзали штыками на качеляхъ совершенно непозволительную пахабщину. Государь видѣлъ это, и ее убрали.

Не помню, какого числа, получилъ я телеграмму отъ комиссара надъ бывшимъ министерствомъ двора Карелина. Въ телеграммѣ говорилось, что у народа нѣтъ средствъ содержать царскую семью. Пусть она содержится на свои средства. Совѣтская власть даетъ ей солдатскій паекъ, квартиру, отопленіе и освѣщеніе.

Это было, конечно, едва ли не самымъ главнымъ ухудшеніемъ положенія семьи при большевикахъ. Въ телеграммѣ еще говорилось, что семья не можетъ тратить больше 600 рублей въ мѣсяцъ на человѣка.

Распоряженіе это ухудшило, конечно, столъ семьи. Оно отразилось и на положеніи лицъ свиты. На свои средства августѣйшая семья содержать ея уже не могла. А если у кого-либо изъ нея не было личныхъ средствъ, то эти лица должны были уходить.

Уволено тогда было нѣсколько человѣкъ: 1. лакей Солодухинъ Григорій Ивановъ, 2. лакей Гусевъ Ермолай, 3. лакей Дормидонтовъ, 4. лакей Киселевъ, 5. поваръ Верещагинъ, 6. кухонный человѣкъ Семенъ Михайловичъ, 7. кухонный человѣкъ Францъ Пюрковскій, 8. помощникъ Чемодурова Степанъ Макаровъ, 9. гардеробщикъ Ступель (я забылъ его указать въ числѣ прислуги) и кто-то еще.

По поводу суточныхъ денегъ солдаты еще разъ послали въ Москву солдата Лупина, большевика. Вернувшись оттуда, онъ, конечно, въ соотвѣтствующихъ краскахъ рисовалъ положеніе въ Москвѣ и привезъ радостное извѣстіе для солдатъ: суточными будутъ удовлетворять не по 50 копеекъ, какъ было при временномъ правительствѣ, а по 3 рубля. Ну, тутъ ужъ всѣ солдаты стали большевиками: вотъ что значитъ комиссары! Временное Правительство по 50 копеекъ обѣщало, да и то едва получили, а комиссары по 3 рубля даютъ.

Этотъ же Лупинъ привезъ бумагу, въ которой говорилось, что Татищевъ, Долгорукій, Гендрикова и Шнейдеръ должны считаться арестованными. Онъ же привезъ извѣстіе, что скоро насъ всѣхъ смѣнятъ, т. е. весь составъ охраны; пріѣдетъ новый комиссаръ и привезетъ съ собой новый отрядъ.

Въ солдатахъ, какъ я думаю, говорило тогда чувство страха передъ этимъ будущимъ новымъ комиссаромъ, и они постановили: всѣхъ лицъ свиты перевезти въ губернаторскій домъ и считать ихъ арестованными, въ томъ числѣ и прислугу.

Тогда и были всѣ переселены, кромѣ Гиббса (англичанинъ не любилъ ни съ кѣмъ жить и поселился одинъ въ отдѣльномъ особомъ помѣщеніи), въ губернаторскій домъ.

Пришлось сдѣлать кое-какія перегородки въ домѣ. Рядомъ съ комнатой Чемодурова за счетъ передней устроили комнату для Демидовой, Теглевой и Эрсбергъ; комнату Демидовой перегородили холщевой перегородкой и здѣсь поселились Татищевъ и Долгорукій; въ комнатѣ Эрсбергъ и Теглевой поселилась Шнейдеръ съ двумя своими горничными; въ комнатѣ Тутельберъ — Гендрикова съ своей воспитательницей Николаевой; Тутельбергъ поселилась подъ парадной лѣстницей за перегородкой. Вотъ путемъ такого уплотненія удалось намъ не нарушить покоя августѣйшей семьи.

Гиббсъ поселился во флигелѣ, но рядомъ съ кухней.

Такимъ образомъ, арестовали положительно всѣхъ, даже и прислугу. Только нѣкоторымъ изъ прислуги разрѣшалось ходить въ городъ, въ случаяхъ неотложной надобности.

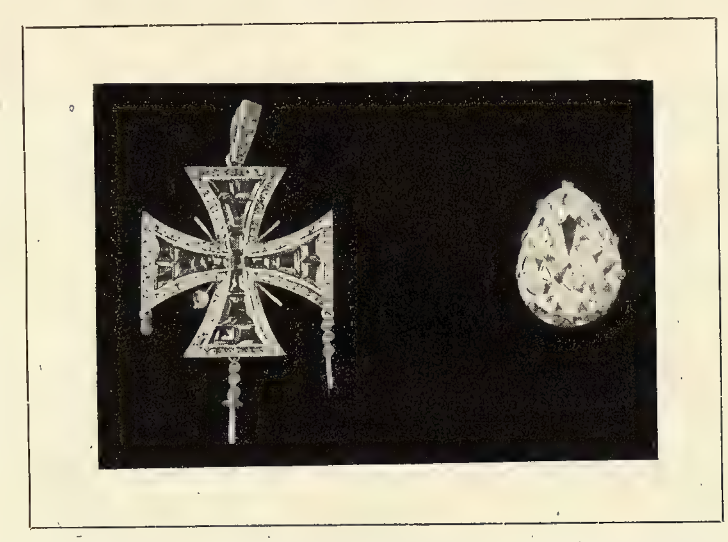
Какъ я уже говорилъ, Лупинъ привезъ извѣстіе о предстоящемъ пріѣздѣ къ намъ особаго комиссара. Комиссаръ намъ былъ присланъ, но не тотъ, о которомъ говорилъ Лупинъ. Къ намъ, именно къ охранѣ семьи, былъ присланъ изъ Омска комиссаръ еврей Дуцманъ. Онъ поселился у насъ въ Корниловскомъ домѣ, но положительно ничѣмъ себя не проявлялъ. Никогда онъ въ домъ не приходилъ. Его скоро выбрали секретаремъ губернскаго совдепа, гдѣ онъ все время и находился.

Въ составѣ совдепа тогда заправилами были: Дуцманъ. еврей Пейсель, латышъ Дислеръ. Кромѣ того, въ засѣданіяхъ совдепа, очевидно, принималъ участіе Заславскій. Онъ былъ, какъ я помню, представителемъ Екатеринбурга, или, вѣрнѣе, Уральскаго областного совѣта. Цѣль его прибытія въ Тобольскъ для меня самого не ясна. Долженъ сказать, что въ то время большевики омскіе вели борьбу съ большевиками екатеринбургскими. Первые, т. е. омскіе хотѣли считать Тобольскъ въ своей сферѣ — западной Сибири, а большевики екатеринбургскіе — въ своей Уральской. Такъ вотъ, Дуцманъ былъ представителемъ омскихъ большевиковъ, а Заславскій — екатеринбургскихъ. Меня беретъ подозрѣніе, не изъ-за насъ ли тогда пріѣхалъ Заславскій въ Тобольскъ, т. е. не было ли уже тогда у екатеринбургскихъ большевиковъ мысли взять насъ изъ Тобольска и перевезти въ Екатеринбургъ?

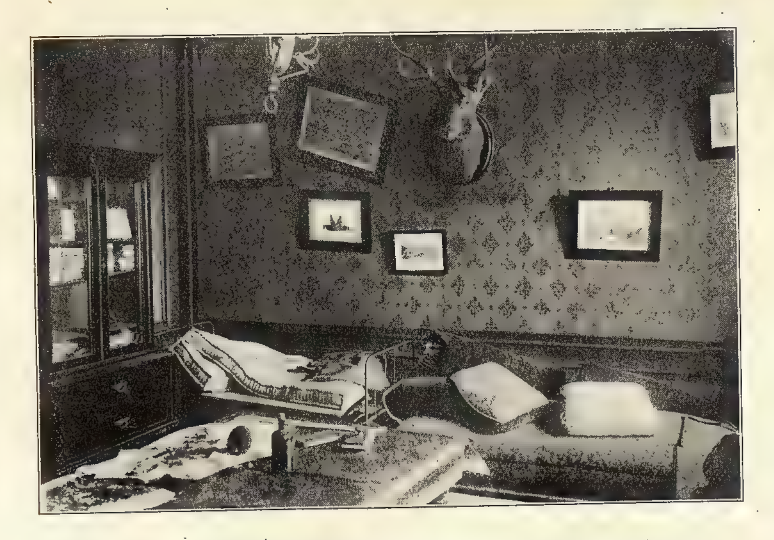
Въ совдепъ часто шатался уже упоминавшійся не одинъ разъ мною большевикъ Матвѣевъ. Какъ-то онъ сказалъ мнѣ, что совдепъ проситъ прислать къ нему по два человѣка выборныхъ отъ каждой роты солдатъ. Выбрали шесть человѣкъ. Пошелъ съ ними я самъ и засталъ въ совдепѣ всѣхъ только что названныхъ мною лицъ. Мнѣ было объявлено, что совѣтъ рѣшилъ перевести всю царскую семью «на гору», т. е. въ тюрьму (въ Тобольскѣ тюрьма помѣщалась на горѣ и ее часто такъ называютъ: «на горѣ»). Я заявилъ этимъ господамъ, что охрана царской семьи подчиняется не мѣстному совѣту, а центру. Это не помогло. Пришлось мнѣ встать на другую почву и говорить, что этого никакъ

Императоръ Николай II и наслѣдникъ въ Тобольскѣ въ сентябрѣ 1917 года.

Крестъ, который носила императрица на груди и крупный брилліантъ, найденные на мѣстѣ, гдѣ были сожжены трупы.

Кабинетъ въ домѣ Ипатьева въ день занятія Екатеринбурга бѣлыми войсками.

нельзя выполнить, такъ какъ придется тогда переводить въ тюрьму и всѣхъ солдатъ нашей охраны, чего нельзя сдѣлать; безъ солдатъ же нашей охраны никакъ нельзя обойтись, потому что, если будетъ какое-либо нападеніе, насъ некому будетъ защищать. Солдаты наши загалдѣли и совѣтъ принужденъ былъ отступить, заявивъ мнѣ, что, собственно говоря, рѣшеніе по этому поводу онъ еще не вынесъ, а только принципіально высказывается.

После пріѣзда Лупина всѣ мы ожидали пріѣзда новаго комиссара. Разнесся слухъ, что ѣдетъ самъ Троцкій. Пріѣхалъ комиссаръ Яковлевъ. Онъ прибылъ въ Тобольскъ девятаго апрѣля вечеромъ и остановился въ Корниловскомъ домѣ. Вмѣстѣ съ нимъ прибыли: какой-то Авдѣевъ (его помощникъ, какъ я его считалъ), телеграфистъ, черезъ котораго Яковлевъ сносился по телеграфу съ Москвой и Екатеринбургомъ, и какой-то молоденькій мальчишка.

Наружность Яковлева такова: ему на видъ лѣтъ 32/33, жгучій брюнетъ, роста выше средняго; худой, но мускулистый и сильный; видимо русскій, производитъ впечатлѣніе энергичнаго мужчины; одѣтъ онъ былъ въ матроску. Рѣчь у него отрывистая, но безъ какихъ-либо дефектовъ. Руки его чистыя и пальцы тонкіе. Онъ производилъ впечатлѣніе интеллигентнаго человѣка и, во всякомъ случаѣ, если и не вполнѣ интеллигентнаго, то «бывалаго», и долго жившаго гдѣ-либо заграницей. Выходя отъ Жильяра, онъ простился съ нимъ: — Bonjour, Monsieur. — Это тонкость. Такъ говорятъ только люди, умѣющіе хорошо говорить по-французски. Яковлевъ разсказывалъ мнѣ, что онъ жилъ въ Финляндіи и тамъ за что-то приговоренъ къ смертной казни черезъ повѣшеніе, но ему удалось бѣжать и онъ жилъ въ Швейцаріи и Германіи. Звали его, кажется, Василій Васильевичъ.

Авдѣеву на видъ лѣтъ 26/27; небольшого роста, скорѣе худой; онъ имѣлъ видъ грязный, неинтеллигентный, одѣтъ былъ въ солдатскую одежду; лицо у него скорѣе круглое и не полное, но и не испитое.

Самъ Яковлевъ говорилъ про себя, что онъ изъ Уфы или изъ Уфимской губерніи. Съ нимъ прибылъ отрядъ красноармейцевъ, очень молодыхъ, конныхъ и пѣшихъ. Про отрядъ Яковлевъ говорилъ, что его онъ набралъ тоже въ Уфѣ или Уфимской губерніи. Вообще идея была та, что его, Яковлева, въ Уфѣ знаютъ, и онъ самъ тамъ людей знаетъ, почему онъ и привезъ набранный тамъ отрядъ. Отрядъ его размѣстился частью въ Корниловскомъ домѣ, частью въ помѣщеніяхъ, въ которыхъ жили мои солдаты.

Десятаго утромъ Яковлевъ пришелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ Матвѣевымъ и отрекомендовался мнѣ «чрезвычайнымъ комиссаромъ». У него на рукахъ было три документа. Всѣ эти документы имѣли бланкъ: «Россійская Федеративная Совѣтская Республика». Документы имѣли подписи Свердлова и Ованесова (или Аванесова). Первый документъ былъ на мое имя; въ немъ мнѣ предписывалось исполнять безпрекословно всѣ требованія чрезвычайнаго комиссара товарища

Яковлева, на котораго возложено порученіе особой важности; неисполненіе мною его требованій влекло за собой разстрѣлъ на мѣстѣ. Второй документъ былъ на имя нашего отряда; онъ аналогиченъ по содержанію съ первымъ; санкція была въ немъ такова: судъ революціоннаго трибунала и также разстрѣлъ. Третій документъ — былъ удостовѣреніе о томъ, что предъявитель удостовѣренія есть такой-то, на котораго возложено порученіе особой важности. О сущности же порученія въ документахъ не говорилось.

Не говоря мнѣ ничего о цѣли своего пріѣзда, Яковлевъ заявилъ, что онъ желаетъ говорить съ отрядомъ. Къ 11 часамъ я собралъ отрядъ. Яковлевъ, съ первыхъ же словъ, заявилъ солдатамъ, что вотъ-де ихъ представитель товарищъ Лупинъ былъ въ Москвѣ и хлопоталъ о суточныхъ деньгахъ; что деньги онъ привезъ, причемъ каждому будетъ выдано по 3 рубля суточныхъ. Затѣмъ онъ предъявилъ свое удостовѣреніе, содержаніе котораго было оглашено Матвѣевымъ. Солдаты стали осматривать удостовѣреніе, стали особо подробно разсматривать печать на немъ, видимо, читая нѣкоторое сомнѣніе къ личности Яковлева. Онъ это сразу же понялъ и снова началъ говорить солдатамъ о суточныхъ, о томъ, что вотъ-де теперь они всѣ отпускаются и т. д.

Видно было, что онъ прекрасно умѣетъ говорить съ толпой, умѣетъ играть на ея слабыхъ стрункахъ и говорилъ онъ хорошо, красно. Въ концѣ онъ сказалъ, что вотъ-де между отрядомъ и мѣстнымъ совѣтомъ произошли недоразумѣнія изъ-за вопроса о перевозѣ царской семьи въ тюрьму; что онъ эти недоразумѣнія выяснитъ. Тутъ онъ отправился со мной смотрѣть домъ. Обошелъ онъ снаружи домъ, зашелъ въ нижній этажъ и поднимался наверхъ. Какъ мнѣ помнится, онъ государя и княженъ видѣлъ издали: они были во дворѣ. Государыни, кажется, онъ въ этотъ день не видѣлъ. А къ Алексѣю Николаевичу они ходили, какъ мнѣ кажется, съ Авдѣевымъ. Было тогда такое впечатлѣніе, что Яковлевъ какъ бы хочетъ Авдѣева убѣдить въ томъ, что Алексѣй Николаевичъ боленъ. Помню, дежурнымъ офицеромъ тогда былъ прапорщикъ Семеновъ. Авдѣевъ хотѣлъ остаться въ дежурной комнатѣ; но, помню, Семеновъ протестовалъ противъ этого и отдѣлался отъ него.

11 апрѣля Яковлевъ опять потребовалъ собрать отрядъ. На собраніе отъ совѣта явились: Заславскій и одинъ студентъ Дегтяревъ. Онъ былъ изъ Омска и, слѣдовательно, являлся представителемъ въ Тобольскомъ совѣтѣ, такъ сказать, сибирскихъ интересовъ, а не уральскихъ, какъ Заславскій. Студентъ сталъ держать къ солдатамъ рѣчь, все содержаніе которой сводилось къ обвиненіямъ Заславскаго въ томъ, что онъ искусственно нервировалъ отрядъ, создавая ложные слухи о томъ, что семьѣ угрожаетъ опасность, что подъ домъ ведутся подкопы (слухи такіе дѣйствительно были и одна ночь была тревожная; пошли они отъ совѣта же, и я лично узналъ объ этомъ отъ него, когда былъ тамъ по поводу перевода семьи въ тюрьму; этимъ тогда совѣтъ

и мотивировалъ свое рѣшеніе перевезти семью «на гору»). Заславскій защищался, но безполезно. Его ошикали и онъ удалился. Онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ за недѣлю, приблизительно, до прибытія Яковлева и уѣхалъ изъ Тобольска часовъ за 6, приблизительно, до отъѣзда Яковлева. Что означало это собраніе отряда, для чего все это продѣлывалъ Яковлевъ, я скажу потомъ.

Въ этотъ день часовъ въ 11 вечера ко мнѣ пришелъ капитанъ Аксюта и сказалъ мнѣ, что Яковлевъ собиралъ отрядный комитетъ и заявилъ комитету, что онъ увозитъ царскую семью; Яковлевъ заявилъ объ увозѣ не одного только государя, а всей августѣйшей семьи.

12 апрѣля утромъ Яковлевъ пришелъ ко мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что по постановленію «Центральнаго Исполнительнаго Комитета» онъ долженъ увезти всю семью. Я спросилъ его: «какъ же? А Алексѣй Николаевичъ? Вѣдь онъ же не можетъ ѣхать. Вѣдь онъ боленъ.»

Яковлевъ мнѣ отвѣтилъ: «вотъ въ томъ-то и дѣло. Я говорилъ по прямому проводу съ Цикомъ. Приказано всю семью оставить, а государя (онъ называлъ государя обыкновенно «бывшій государь») перевезти. Когда мы съ вами пойдемъ къ нимъ? Я думаю ѣхать завтра.» Я предложилъ ему пойти послѣ завтрака часа въ два. Тутъ онъ ушелъ отъ меня. Я отправился въ домъ, и, кажется, черезъ Татищева просилъ государя отвѣтить, когда онъ можетъ принять меня съ Яковлевымъ. Государь назначилъ послѣ завтрака въ 2 часа. Въ 2 часа мы вошли съ Яковлевымъ въ залъ. Посрединѣ зала рядомъ стояли государь и государыня. Остановившись на нѣкоторомъ отдаленіи и поклонившись имъ, Яковлевъ сказалъ: «Я долженъ сказать вамъ (онъ говорилъ собственно по адресу одного государя), что я чрезвычайный уполномоченный изъ Москвы отъ Центральнаго Исполнительнаго Комитета, и мои полномочія заключаются въ томъ, что я долженъ увезти отсюда всю семью, но такъ какъ Алексѣй Николаевичъ боленъ, то я получилъ вторичный приказъ выѣхать съ однимъ вами». Государь отвѣтилъ Яковлеву: «я никуда не поѣду». Тогда Яковлевъ продолжалъ: «прошу этого не дѣлать. Я долженъ исполнить приказаніе. Если вы отказываетесь ѣхать, я долженъ или воспользоваться силой, или отказаться отъ возложеннаго на меня порученія. Тогда могутъ прислать вмѣсто меня другого, менѣе гуманнаго человѣка. Вы можете быть спокойны. За вашу жизнь я отвѣчаю своей головой. Если вы не хотите ѣхать одинъ, можете ѣхать съ кѣмъ хотите. Будьте готовы. Завтра въ 4 часа мы выѣзжаемъ.»

Яковлевъ при этомъ снова поклонился государю и государынѣ и вышелъ. Одновременно и государь, ничего не сказавъ Яковлеву на его послѣднія слова, круто повернулся и они оба съ государыней пошли изъ зала. Яковлевъ направлялся внизъ. Я шелъ за нимъ. Но государь, когда мы выходили съ Яковлевымъ, сдѣлалъ мнѣ жестъ остаться. Я спустился съ Яковлевымъ внизъ и, когда онъ ушелъ,

поднялся наверхъ. Я вошелъ въ залъ, гдѣ были государь, государыня, Татищевъ и Долгорукій. Они стояли около круглаго стола въ углу зала. Государь спросилъ меня, куда его хотятъ везти? Я доложилъ государю, что это мнѣ самому неизвѣстно, но изъ нѣкоторыхъ намековъ Яковлева можно понять, что государя хотятъ увезти въ Москву. Такъ я думалъ тогда вотъ почему: когда Яковлевъ пришелъ ко мнѣ 12 апрѣля утромъ и впервые сказалъ мнѣ, что онъ увезетъ государя, онъ мнѣ при этомъ говорилъ, что онъ вернется вторично за семьей. Я его спросилъ: — «когда же вы думаете вернуться?» На это Яковлевъ сказалъ: «ну, что же? Дней въ 4—5 доѣдемъ; ну, тамъ нѣсколько дней и назадъ; черезъ 1½—2 недѣли вернусь.» Вотъ почему я и доложилъ тогда государю, что Яковлевъ, видимо, хочетъ увезти его въ Москву. Тогда государь сказалъ: «ну, это они хотятъ, чтобы я подписался подъ Брестскимъ договоромъ. Но я лучше дамъ отсѣчь себѣ руку, чѣмъ сдѣлаю это.» Сильно волнуясь, государыня сказала: «я тоже ѣду. Безъ меня опять его заставятъ что-нибудь сдѣлать, какъ разъ уже заставили», и что-то при этомъ упомянула про Родзянко. Безусловно, государыня намекала на актъ отреченія государя отъ престола.

На этомъ разговоръ кончился, и я пошелъ въ Корниловскій домъ къ Яковлеву. Яковлевъ спросилъ меня: «кто же ѣдетъ?» и еще разъ повторилъ, что съ государемъ можетъ ѣхать, кто хочетъ, лишь бы немного брали вещей. Я снова пошелъ въ домъ и просилъ Татищева узнать, кто именно ѣдетъ, обѣщавъ зайти черезъ часъ. Когда я пришелъ, Татищевъ сказалъ мнѣ, что ѣдутъ: государь, государыня, Марія Николаевна, Боткинъ, Долгорукій, Чемодуровъ, лакей Сѣдневъ, дѣвушка Демидова. Яковлевъ снова сказалъ: «мнѣ это все равно». У Яковлева, я увѣренъ въ этомъ, была въ то время мысль: «какъ можно скорѣе уѣхать, какъ можно скорѣе увезти». Встрѣтившись съ противодѣйствіемъ государя ѣхать одному, Яковлевъ думалъ: «все равно. Пусть берутъ, кого хотятъ. Только бы уѣхать, только бы скорѣй.» Вотъ почему онъ такъ часто и повторялъ тогда слова: «мнѣ все равно; пусть ѣдетъ, кто хочетъ», не выражая на словахъ второй части своей мысли: «только бы поскорѣй». Объ этомъ онъ не говорилъ, но всѣ его дѣйствія обнаруживали это желаніе: онъ страшно торопился. Поэтому онъ и обусловилъ: немного вещей, чтобы не задержать время отъѣзда.

Въ этотъ день я въ домъ больше не входилъ. Тамъ было не до меня, и я не рѣшался итти къ нимъ. Въ домѣ въ это время шли сборы, и государыня, какъ мнѣ говорилъ Жильяръ, страшно убивалась. Очень выдержанная женщина, она плакала, мучась между принятымъ рѣшеніемъ быть около государя и необходимостью оставить самаго любимаго въ семьѣ — сына. Почему государыня такъ убивалась? Если бы тогда она знала, что ее везутъ въ Екатеринбургъ, чего бы убиваться? Екатеринбургъ не такъ далекъ отъ Тоболь-

ска. Безусловно она, какъ и всѣ въ домѣ чувствовали, изъ всѣхъ дѣйствій, всѣхъ поступковъ Яковлева догадывались, что вовсе не въ Екатеринбургъ ихъ везутъ, а далеко: въ Москву; что цѣль ихъ увоза туда не ихъ личное благополучіе, а что-то необходимое, что-то связанное съ государственными интересами; что тамъ въ Москвѣ государю и ей придется на что-то рѣшиться, что-то серьезное, отвѣтственное предпринять. Такъ текли и мысли государя. Онъ ихъ и высказалъ въ словахъ о Брестскомъ договорѣ.

Всю эту ночь я не спалъ. Вечеромъ, по требованію Яковлева, я снова собралъ отрядъ. Яковлевъ объявилъ отряду, что онъ увозитъ государя, не указывая, куда именно, и просилъ отрядъ держать это въ секретѣ. Почему Яковлевъ просилъ отрядъ держать увозъ государя въ секретѣ? Отъ кого онъ это скрывалъ? Я объясняю его мысль такимъ образомъ: въ мѣстномъ совдепѣ (Пейсель, Дислеръ, Каганицкій, Писаревскій, его супруга), вообще было два теченія: сибирское, считавшее Тобольскъ въ сферѣ своихъ западно-сибирскихъ интересовъ, и уральское, считавшее Тобольскъ своимъ. Представителемъ послѣдняго теченія былъ Заславскій. Что именно его привело въ Екатеринбургъ, я не могу сказать, многое въ этомъ отношеніи мнѣ самому неизвѣстно. Изъ-за насъ ли спеціально онъ пріѣхалъ въ Тобольскъ, или нѣтъ, не знаю. Изъ всѣхъ же рѣчей Яковлева можно было совершенно ясно понять, что онъ, Яковлевъ, считалъ себя и въ дѣйствительности былъ представителемъ третьей силы: центральной, московской. Прибывъ сюда въ Тобольскъ, онъ, видимо, боялся противодѣйствія увозу со стороны Тобольскаго совдепа. Но съ Тобольскимъ совдепомъ онъ уладилъ. Противился, видимо, Заславскій. Цѣль его просьбы къ солдатамъ держать все въ секретѣ объясняется именно боязнью его, что не дадутъ увезти; не дадутъ мѣстныя силы. Отсюда выводъ только одинъ: являясь самъ представителемъ третьей силы: центральной, московской, онъ работалъ на нее, на Москву, куда именно онъ и хотѣлъ для чего-то увезти государя.

Солдаты были все-таки нѣсколько смущены заявленіемъ Яковлева и еще просьбой держать все въ секретѣ. Замѣтно было, что они потрухивали за себя: какъ бы чего потомъ ни было. Они стали говорить Яковлеву, что необходимо, чтобы и они сопровождали государя.

Яковлевъ отклонилъ это, ссылаясь на то, что его отрядъ надежный, но пошелъ на компромиссъ. Былъ выбранъ маленькій отрядъ изъ нашей охраны въ 6 человѣкъ.

Въ 4 часа утра были поданы сибирскія «кошевы» — плетеныя телѣжки на длинныхъ дрожкахъ, одна была съ верхомъ; сидѣнье было изъ соломы, которая держалась при помощи веревокъ, прикрѣпленныхъ къ бокамъ кузова телѣжки. Вышелъ государь, государыня и всѣ остальные. Государь меня обнялъ, поцѣловалъ, государыня дала мнѣ руку. Яковлевъ сѣлъ съ государемъ. Государыня сѣла съ Маріей Николаевной. Долгорукій сѣлъ съ Боткинымъ, Че-

модуровъ — съ Сѣдневымъ. Впереди и сзади было нѣсколько подводъ съ солдатами нашими и пѣшими изъ Яковлевскаго отряда, причемъ на этихъ подводахъ было два пулемета, и конная охрана изъ отряда Яковлева. Еще нѣсколько подводъ было съ вещами. Отъѣздъ состоялся часа въ 4 съ чѣмъ-то.

Уѣхали, и создалось чувство какой-то тоски, унынія, грусти. Это чувство замѣчалось и у солдатъ. Они сразу стали много сердечнѣе относиться къ дѣтямъ. Помню, тогда же удалось добиться поставить въ залѣ походную церковь.

И дорогой Яковлевъ страшно торопился; гнали во всю (объ этомъ мнѣ самому потомъ говорили ямщики на станціяхъ, когда я уѣзжалъ въ Тюмень); когда пріѣзжали на станцію, сейчасъ же перепрягали лошадей и мчались дальше. Перепрягали лошадей и въ селеніи Покровскомъ на станціи, какъ разъ противъ дома Распутина. Мнѣ передавали, что у его дома стояла жена, у окна сидѣла дочь; обѣ онѣ крестили уѣзжавшихъ. Я просилъ Лебедева и Набокова (порядочные люди изъ охраны) телеграфировать мнѣ съ дороги, какъ будутъ ѣхать. Отъ Лебедева я получилъ телеграмму изъ селенія Ивлева, отъ Набокова — изъ селенія Покровскаго; они кратко телеграфировали: «ѣдемъ благополучно». Съ одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій была получена телеграмма: «Ѣдемъ благополучно. Христосъ съ вами. Какъ здоровье маленькаго? Яковлевъ.» Это, очевидно, телеграмма государя или государыни, поданная съ разрѣшенія Яковлева и имъ подписанная.

20 апрѣля отряднымъ комитетомъ была получена отъ Матвѣева телеграмма, извѣщавшая о пріѣздѣ въ Екатеринбургъ. Точныхъ выраженій телеграммы я не помню. Насъ же всѣхъ эта телеграмма огорошила: что такое случилось, почему въ Екатеринбургъ? Всѣ были этимъ поражены, такъ какъ всѣ были увѣрены, что государя съ государыней повезли въ Москву. Стали ждать возвращенія солдатъ нашего отряда. Когда они вернулись, Лупинъ сдѣлалъ докладъ нашему отряду, ругательски ругая екатеринбургскихъ большевиковъ. Мнѣ же Лебедевъ и Набоковъ разсказали слѣдующее: когда прибыли въ Тюмень, государя, государыню и другихъ помѣстили въ классный вагонъ (большаго ничего о вагонѣ, объ удобствахъ не могу сказать). Вагонъ этотъ охранялся нашими шестью солдатами. Изъ Тюмени поѣхали на Екатеринбургъ, на какой-то станціи узнали, что черезъ Екатеринбургъ не проѣдутъ, что тамъ задержатъ (вотъ тутъ-то Яковлевъ ошибся: Заславскій раньше его на нѣсколько часовъ выѣхалъ изъ Тобольска и, какъ я думаю, предупредилъ о предстоящемъ отъѣздѣ изъ Тобольска). Узнавъ объ этомъ, Яковлевъ кинулся на Омскъ, чтобы оттуда держать путь: Челябинскъ—Уфа и т. д. Какъ я понялъ тогда Набокова, они были подъ самымъ Омскомъ, какъ ихъ поѣздъ задержали. Яковлевъ вышелъ узнать, въ чемъ дѣло. Оказалось слѣдующее: Екатеринбургъ извѣстилъ Омскъ, что

Яковлевъ объявляется внѣ закона; что онъ везетъ семью въ Японію. Тогда Яковлевъ отправился въ Омскъ и говорилъ по прямому проводу съ Москвой. Возвратившись назадъ, онъ сказалъ: «я получилъ приказаніе ѣхать въ Екатеринбургъ». Поѣхали въ Екатеринбургъ. Здѣсь государя, государыню, Марію Николаевну, Боткина, Чемодурова, Сѣднева, Демидову отправили въ домъ Ипатьева, а Долгорукаго — прямо въ тюрьму. Всѣхъ нашихъ солдатъ сначала задержали въ вагонѣ. Затѣмъ ихъ всѣхъ вывели по одиночкѣ, обезоружили и куда-то посадили. Продержали ихъ въ заключеніи нѣсколько дней и выпустили. Можно было понять, что отношеніе къ нимъ, нашимъ арестованнымъ солдатамъ, было различное: къ Лебедеву, Набокову относились хуже, къ другимъ лучше, особенно къ Матвѣеву, и освобожденіе ихъ состоялось въ разное время. Матвѣевъ ходилъ зачѣмъ-то къ Голощекину и Бѣлобородову. Когда всѣхъ ихъ освободили и они были уже въ вагонѣ, чтобы возвращаться въ Тобольскъ, къ нимъ приходилъ Яковлевъ и говорилъ, что онъ сложилъ съ себя полномочія; что онъ ѣдетъ въ Москву и что солдаты должны съ нимъ ѣхать, чтобы тамъ въ Москвѣ доложить о случившемся. Ясно было, что для Яковлева, какъ говорили наши солдаты, остановка въ Екатеринбургѣ была фактомъ проявленія неповиновенія екатеринбургскихъ большевиковъ приказанію центра. Въ чемъ же дѣло? Почему, въ самомъ дѣлѣ, Яковлевъ не могъ доѣхать до Москвы (солдаты говорили, что онъ «бросилъ» ихъ, въ концѣ концовъ, и одинъ укатилъ въ Москву)? Я объясняю себѣ это такимъ образомъ: въ Екатеринбургѣ былъ свой центръ большевизма. Здѣсь была своя столица всего «Урала»: — «красный Екатеринбургъ». Я слышалъ отъ кого-то, что Москва упрекала екатеринбургскихъ большевиковъ въ томъ, что они «много тратятъ денегъ», и грозила имъ не давать больше денегъ. Вотъ, преслѣдуя свои, мѣстные, уральскіе (конечно, въ концѣ-то концовъ, «личные») интересы, большевики екатеринбургскіе и задержали августѣйшихъ особъ въ Екатеринбургѣ, какъ «заложниковъ», чтобы разговаривать съ Москвой имъ было свободнѣе, чтобы Москва была болѣе податлива на ихъ требованія. Затѣмъ оставшійся послѣ отъѣзда Яковлева телеграфистъ получилъ отъ него телеграмму, приблизительно слѣдующаго содержанія: — «Собирайте отрядъ, уѣзжайте. Полномочія я сдалъ. За послѣдствія не отвѣчаю.» Часть отряда Яковлева оставалась въ Тобольскѣ. Поэтому онъ такъ и писалъ. Телеграфистъ, молодой юноша, и отрядъ уѣхали; куда уѣхали, не знаю. Авдѣевъ же уѣхалъ раньше Яковлева въ Тюмень, куда его послалъ Яковлевъ приготовить поѣздъ для дальнѣйшаго слѣдованія.

Потомъ въ отрядный комитетъ изъ Москвы пришла телеграмма (не знаю, отъ кого именно), въ которой говорилось, что комиссаромъ вмѣсто Яковлева назначается Хохряковъ. Про появленіе этого Хохрякова въ Тобольскѣ я могу сказать слѣдующее: настоящихъ большевиковъ въ Тоболь-

скомъ совдепѣ не было довольно долго. Тамъ руководили преимущественно эсъ-эры; это было даже тогда, когда уже почти вездѣ совѣты были изъ коммунистовъ. Одно время даже нашъ Никольскій былъ предсѣдателемъ совдепа. Потомъ прибылъ въ Тобольскъ изъ Омска «чрезвычайный» комиссаръ Дементьевъ. Онъ пріѣзжалъ налаживать организацію именно большевистской власти. Съ нимъ прибылъ изъ Омска особый отрядъ. Еще въ то время Екатеринбургъ проявлялъ свои права на Тобольскъ, и туда прибылъ какой-то отрядъ изъ Тюмени. Но Дементьевъ, какъ представитель сибирскаго теченія, осилилъ, и Тюменскій отрядъ уѣхалъ. Наладивъ «власть», Дементьевъ уѣхалъ въ Омскъ. Вотъ въ это то время организаціи совѣтской «власти» въ Тобольскѣ первымъ большевистскимъ предсѣдателемъ совдепа и былъ Хохряковъ. Въ это время въ Тобольскъ сходились съ разныхъ сторонъ разные большевистскіе отряды. Образовался тамъ и отрядъ латышей. Они задолго до отъѣзда всѣхъ остальныхъ членовъ семьи изъ Тобольска были уже тамъ и чинили свои безобразія, напримѣръ, производили обыскъ у Буксгевденъ. Кто былъ ихъ командиромъ тогда, я не знаю. Но этотъ ихъ командиръ не понравился Хохрякову, и Хохряковъ выписалъ изъ Екатеринбурга какого-то Родіонова. Родіоновъ и сталъ у латышей начальникомъ отряда. Спустя нѣкоторое время послѣ назначенія Хохрякова нашимъ комиссаромъ вмѣсто Яковлева, онъ получилъ отъ кого-то изъ Москвы телеграмму, въ которой говорилось, что ему поручается перевезти всю остальную семью въ Екатеринбургъ. Я долженъ сказать, что Родіонова Хохряковъ вытащилъ изъ Екатеринбурга уже послѣ того, какъ онъ былъ назначенъ къ намъ комиссаромъ. Такимъ образомъ, выписывая именно Родіонова, Хохряковъ имѣлъ ввиду уже именно насъ, а не вообще Тобольскъ. Онъ уже распоряжался не какъ предсѣдатель совдепа, а какъ чрезвычайный комиссаръ по охранѣ семьи. Нѣкоторое время послѣ назначенія его комиссаромъ, но еще до замѣны нашего отряда латышами, когда караулъ несли еще наши солдаты, я однажды хотѣлъ пройти въ домъ. Солдаты меня не пропустили, сославшись на приказъ Хохрякова. Я обратился къ Хохрякову. Онъ мнѣ сказалъ: «они меня не поняли». Я продолжалъ послѣ этого въ теченіе нѣсколькихъ дней ходить въ домъ. Но скоро прибылъ Родіоновъ и состоялась замѣна нашего караула латышскимъ отрядомъ. Латыши сразу заняли всѣ посты и не пропустили меня въ домъ. Это было за нѣсколько дней до отъѣзда семьи. О томъ, что тамъ происходило послѣ этого, передаю со словъ другихъ лицъ, оставшихся въ Тобольскѣ. Припоминаю еще вотъ что: Родіоновъ еще при мнѣ, какъ только появился у насъ, пришелъ въ домъ и устроилъ всѣмъ форменную перекличку. Это поразило меня и всѣхъ другихъ. Послѣ этого латыши заняли посты, и я уже не могъ попасть въ домъ. Мнѣ разсказывали, что въ домѣ за время было одно богослуженіе. Латыши обыскали священника, обыскали, грубо «ощупывая»

монашенокъ, перерыли все на престолѣ. Во время самаго богослуженія Родіоновъ поставилъ латыша около престола слѣдить за священникомъ. Это такъ всѣхъ угнетало, на всѣхъ такъ подѣйствовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что, еслибъ она знала, что такъ будетъ, то она и не стала бы просить о богослуженіи. Я слегъ въ постель и когда семья уѣзжала 7 мая я не могъ встать съ постели и не могъ проститься съ ними. Уѣхали съ семьей слѣдующія лица: 1. Татищевъ, 2. Деревенько, 3. Гендрикова, 4. Буксгевденъ, 5. Шнейдеръ, 6. Жильяръ, 7. Гиббсъ, 8. Теглева, 9. Эрсбергъ, 10. Тутельбергъ, 11. Межанцъ, 12. Катя, 13. Маша, 14. Волковъ, 15. Нагорный, 16. Ивановъ, 17. Тютинъ, 18. Журавскій, 19. Трупп, 20. Харитоновъ, 21. Кокичевъ, 22. Леонидъ Сѣдневъ.

Послѣ нашего переѣзда въ Тобольскъ изъ Царскаго туда еще прибыли комнатныя дѣвушки Анна Уткина и Анна Павловна Романова. Ихъ солдаты не пустили тогда въ домъ. Онѣ остались жить въ Тобольскѣ и въ Екатеринбургъ не ѣздили.

Откуда взялся въ Тобольскѣ Хохряковъ, я не знаю. Человѣкъ онъ не развитой. Онъ былъ кочегаромъ на броненосцѣ «Императоръ Александръ II». Носилъ онъ обыкновенно черную кожаную куртку.

Также не знаю, откуда былъ Родіоновъ. Ему было лѣтъ 28/30; роста ниже средняго. Человѣкъ онъ не интеллигентный и производилъ непріятное впечатлѣніе. Въ немъ чувствовалась жестокость и хитрость. Буксгевденъ увѣряла, что во время одной своей заграничной поѣздки она видѣла его на одной изъ пограничныхъ станцій въ формѣ русскаго жандарма. Я бы сказалъ, что въ немъ дѣйствительно чувствовался «жандармъ», но не хорошій, дисциплинированный солдатъ-жандармъ, а жестокій человѣкъ съ нѣкоторыми пріемами и манерами жандармскаго сыщика.

Когда этотъ Родіоновъ появился у насъ, онъ производилъ обыскъ у Нагорнаго, когда тотъ пришелъ изъ города. Онъ нашелъ у него письмо отъ сына доктора Деревенько къ Алексѣю Николаевичу и сказалъ объ этомъ Хохрякову: «Вотъ типъ, говоритъ, что у него ничего нѣтъ, а у самого письмо.» И обращаясь ко мнѣ, добавилъ: «а при васъ, навѣрно, и не то еще приносили». Хохряковъ обрадовался: «я, давно точу зубъ на эту сволочь. Осрамилъ насъ.» Это говорилъ матросъ Хохряковъ про матроса Нагорнаго. Иначе, конечно, и быть не могло: одинъ «краса и гордость русской революціи», — другой — преданный семьѣ человѣкъ, глубоко любившій Алексѣя Николаевича и имъ любимый. За это онъ и погибъ.

За этотъ же «срамъ», конечно, погибъ и Сѣдневъ, также матросъ и также преданный семьѣ человѣкъ.

Послѣ отъѣзда семьи я былъ долгое время отрѣзанъ отъ внѣшняго міра. Въ іюнѣ палъ Омскъ. Омскіе большевики бѣжали на пароходахъ и прибыли въ Тобольскъ. Наши тобольскіе бѣжали съ ними. Власть у насъ взяли

въ свои руки офицеры. Тюмень продолжала оставаться въ рукахъ большевиковъ. Получился фронтъ. Вотъ въ это время я услышалъ о Хохряковѣ. Онъ «командовалъ» гдѣ-то около селенія Покровскаго по рѣкѣ. Говорили, что командовалъ чѣмъ-то и Матвѣевъ. (Хохрякова, какъ мнѣ потомъ говорила Теглева, не пустили въ домъ Ипатьева, хотя онъ и былъ увѣренъ, что онъ тамъ будетъ комиссаромъ.) Потомъ пала Тюмень и изъ Тюмени прибыли всѣ уѣхавшія съ семьей лица, кромѣ слѣдующихъ: 1. Долгорукаго, 2. Татищева, 3. Деревенько, 4. Гендриково, 5. Боткина, 6. Шнейдеръ, 7. Теглевой, 8. Эрсбергъ, 9. Тутельбергъ, 10. Волкова, 11. Нагорнаго, 12. Чемодурова, 13. Сѣднева, 14. Труппъ, 15. Харитонова, 16. Леонида Сѣднева, 17. Иванова.

Пріѣхавшіе разсказывали слѣдующее: обращеніе съ семьей, когда она еще ѣхала, было возмутительное. Родіоновъ запрещалъ запирать изнутри каюты на пароходѣ, а Алексѣя Николаевича и Нагорнаго заперъ снаружи. Нагорный не утерпѣлъ и сильно съ нимъ поругался изъ-за того, что онъ заперъ больного ребенка. (Еще здѣсь въ Тобольскѣ онъ не позволилъ Ольгѣ Николаевнѣ не только запирать на ночь дверь ихъ спальни, но и затворять ее.)

Когда поѣздъ прибылъ въ Екатеринбургъ, въ домъ были отвезены Алексѣй Николаевичъ, Ольга Николаевна, Марія Николаевна, Татьяна Николаевна, Анастасія Николаевна. Съ государемъ и государыней въ домъ были пропущены всѣ, уѣхавшіе съ ними, кромѣ Долгорукаго. Онъ былъ отправленъ въ тюрьму, о чемъ я впервые только отъ пріѣхавшихъ и узналъ. Когда пріѣхали въ Екатеринбургъ дѣти, тотчасъ же были арестованы слѣдующія лица: Татищевъ, Гендрикова, Шнейдеръ, Волковъ. Но потомъ, какъ мнѣ говорилъ Жильяръ, Сѣднева и Нагорнаго увезли изъ дому. Эту картину увоза ихъ они видѣли вмѣстѣ съ Гиббсомъ. Изъ остальныхъ не возвратившихся въ Тобольскъ въ Екатеринбургѣ остался Деревенько; Теглева, Эрсбергъ и Ивановъ остались въ Тюмени, Тутельбергъ — въ Камышловѣ. Слѣдовательно, въ домѣ Ипатьева оставались слѣдующія лица при царской семьѣ: Чемодуровъ, Сѣдневъ (мальчикъ), Труппъ, Харитоновъ, Демидова и Боткинъ.

Спустя нѣкоторое время послѣ освобожденія Екатеринбурга въ Тобольскъ прибылъ Чемодуровъ. Я видѣлъ его и говорилъ съ нимъ. Долженъ прежде всего вамъ сказать, что Чемодуровъ вернулся въ Тобольскъ, совершенно разбитый и совсѣмъ душой больной старикъ. Недавно онъ и умеръ. Его разсказы были безсвязны. Онъ могъ только отвѣчать на вопросы, причемъ отвѣты его часто бывали противорѣчивы. Передаю то главное изъ его разсказовъ, что сохранила память: когда государь съ государыней и Маріей Николаевной прибыли въ домъ Ипатьева, ихъ обыскали. Обыскивали хамски, грубо. Государь вышелъ изъ себя и сдѣлалъ замѣчаніе. На это ему было въ грубой формѣ указано что онъ арестованный. Какъ главнаго начальника Чемодуровъ называлъ Авдѣева. Обѣдъ былъ плохой. Съ

нимъ запаздывали: приносили его готовымъ изъ какой-то столовой вмѣсто часа — въ 3—4. Обѣдъ былъ общій съ прислугой. Ставилась на столъ миска; ложекъ, ножей, вилокъ не хватало; участвовали въ обѣдѣ и красноармейцы; придетъ какой-нибудь и лѣзетъ въ миску: «ну, съ васъ довольно. Я себѣ возьму.» Княжны спали на полу, такъ какъ кроватей у нихъ не было. Устраивалась перекличка. Когда княжны шли въ уборную, красноармейцы, якобы для караула, шли за ними въ уборную. Вообще, даже со словъ Чемодурова, не способнаго дать ясную картину, благодаря своему угнетенному состоянію, можно было понять, что августѣйшая семья подвергалась невыносимымъ моральнымъ мукамъ. Въ убійство августѣйшей семьи Чемодуровъ не вѣрилъ. Онъ говорилъ слѣдующее: убили Боткина, Харитонова, Демидову, Труппа, а августѣйшую семью вывезли, причемъ убійствомъ названныхъ лицъ симулировали убійство семьи. Для этого, какъ можно было понять Чемодурова, симулировали и разгромъ дома: сожженіе вещей и бросаніе ихъ въ помойку. Я помню, что онъ мнѣ говорилъ о найденныхъ гдѣ-то остаткахъ иконъ, орденѣ Владиміра, съ которымъ не разставался Боткинъ.

Спустя нѣкоторое время пріѣхалъ въ Тобольскъ Волковъ. Онъ разсказывалъ, что вмѣстѣ съ Гендриковой и Шнейдеръ онъ изъ вагона былъ отправленъ въ екатеринбургскую тюрьму, откуда ихъ перевели въ пермскую. Изъ пермской тюрьмы ихъ троихъ вмѣстѣ съ какими-то еще лицами повели на разстрѣлъ, но дорогой онъ бѣжалъ, а всѣхъ остальныхъ разстрѣляли.

Про убійство государя я впервые прочиталъ въ Тобольскѣ или въ омской газетѣ «Заря», или въ тобольской газетѣ «Народное Слово». Тамъ приводилось большевистское сообщеніе о «казни» императора Николая «Кроваваго». На вамъ вопросъ, что представляли собой лица августѣйшей семьи въ частной жизни, могу сказать слѣдующее:

Государь былъ человѣкъ умный, образованный, весьма интересный собесѣдникъ, съ громадной памятью, особенно на имена. Хорошо онъ зналъ исторію. Онъ любилъ физическій трудъ и жить безъ этого не могъ: онъ такъ былъ воспитанъ. Въ своихъ потребностяхъ онъ былъ очень скроменъ: вытертые штаны, износившіеся сапоги я видѣлъ на немъ еще въ Царскомъ Селѣ. Вина онъ почти не пилъ. За обѣдомъ ему подавался портвейнъ или мадера, и онъ выпивалъ не больше рюмки. Онъ любилъ простыя русскія блюда: борщъ, щи, кашу. Припоминаю, между прочимъ, такой случай: онъ зашелъ однажды въ погребъ съ винами и, увидѣвъ коньякъ, сказалъ Рожкову, чтобы онъ отдалъ его мнѣ: «ты знаешь, я самъ его не пью». И я самъ никогда не видѣлъ, чтобы онъ пилъ что-нибудь, кромѣ портвейна и мадеры. Былъ онъ весьма религіозенъ. Не любилъ, не переваривалъ нѣмцевъ. Отличительной чертой въ его натурѣ, наиболѣе его характеризовавшей, было свойство доброты, душевной мягкости. Это былъ человѣкъ замѣча-

тельно добрый. Если бы это зависѣло лично отъ него, какъ человѣка, онъ бы совершенно не былъ способенъ причинить никому какое-либо страданіе. Вотъ это его свойство и производило сильное впечатлѣніе на окружающихъ. Добрый онъ былъ и весьма простой человѣкъ, прямой и безхитростный. Держалъ онъ себя очень просто: съ солдатами въ Тобольскѣ онъ игралъ въ шашки. Многіе вѣдь и солдаты питали въ душѣ, я увѣренъ, хорошія чувства къ царской семьѣ: напримѣръ, когда солдаты (хорошіе, настоящіе солдаты) уходили изъ Тобольска, они тихонько ходили къ царю наверхъ и прощались и цѣловались съ нимъ. У него самого въ душѣ сидѣло: русскій человѣкъ — это мягкій, хорошій, душевный человѣкъ; онъ многаго не понимаетъ, но на него можно воздѣйствовать добромъ. Такъ это и было у царя. Иногда изъ-за этого мнѣ было тяжело. Солдатишки, наиболѣе развращенные, позволяли себѣ хулиганскія выходки, конечно, болѣе всего за глаза августѣйшей семьи: трусили все-таки. Въ глазахъ же держались болѣе или менѣе прилично. Это и вело къ тому, что августѣйшая семья не понимала своей опасности.

Россію онъ любилъ, и не одинъ разъ мнѣ приходилось слышать выраженіе боязни быть увезеннымъ заграницу.

Искусствъ государь не зналъ, но онъ любилъ сильно природу и охоту. Безъ этого онъ томился и по охотѣ скучалъ.

Его слабость заключалась въ его безхарактерности: онъ не имѣлъ твердаго характера и подчинялся супругѣ. Это я наблюдалъ даже въ мелочахъ: когда, бывало, обращаешься къ нему по какому-либо вопросу, обыкновенно получаешь отвѣтъ: «какъ жена, я ее спрошу».

Государыня — умная съ большимъ характеромъ, весьма выдержанная женщина. Отличительной чертой ея натуры была властность. Она была величественна. Когда, бывало, бесѣдуешь съ государемъ, не видишь царя. Когда находишься передъ ней, всегда, бывало, чувствуешь царицу. Благодаря своему характеру она всегда властвовала въ семьѣ и покоряла государя. Конечно, она сильнѣе и страдала: у всѣхъ на глазахъ она сильно старѣла. Она хорошо, правильно говорила и писала по-русски. Россію она безусловно любила. Также, какъ и государь, она боялась увоза за границу. Она хорошо вышивала и рисовала. Въ ней не только не была видна нѣмка, но можно было подумать, что она родилась въ какой-то другой странѣ, враждебной Германіи. Это объясняется ея воспитаніемъ. Рано, маленькой дѣвочкой лишившись матери, она все время воспитывалась въ Англіи у бабушки своей королевы Викторіи. Никогда я не слыхалъ отъ нея ни одного нѣмецкаго слова: она говорила по-русски, по-англійски, по-французски. Была она безусловно больная: мнѣ докторъ Боткинъ говорилъ, въ чемъ было у нихъ дѣло. Дочь герцога гессенскаго, она унаслѣдовала ихъ болѣзнь: хрупкость кровеносныхъ сосудовъ. Это влекло за собой параличи при ушибахъ, чѣмъ и страдалъ Алек-

сѣй Николаевичъ. Эта болѣзнь въ мужскомъ поколѣніи продолжается до полового созрѣванія, и затѣмъ болѣзненныя явленія исчезаютъ. У женщинъ же, страдающихъ ею, не наблюдается никакихъ болѣзненныхъ явленій до климактерическаго періода. Съ этого времени у нихъ начинаетъ развиваться истерія. Государыня и страдала истеріей: это было совершенно ясно. На этой почвѣ у нея, какъ мнѣ говорилъ Боткинъ, развился религіозный экстазъ. Всѣ ея рукодѣлія, всѣ ея занятія носили такой характеръ: она вышивала, вообще что-нибудь работала только въ одной области: духовной. Если она что-либо дарила или писала, это было обязательно что-нибудь духовное: «Спаси и сохрани» или что-либо въ этомъ духѣ. Мужа она безусловно любила, но не любовью молодой женщины, а какъ отца своихъ дѣтей: женщины въ ней не чувствовалось. И въ этомъ отношеніи государь сохранился куда больше ея. Любила она всѣхъ дѣтей, но больше всего Алексѣя Николаевича.

Ольга Николаевна — недурная блондинка, кажется, лѣтъ 23. Барышня въ русскомъ духѣ. Она любила читать, была способная, развитая дѣвушка, хорошо говорила по-англійски и плохо по-нѣмецки. Она имѣла способности къ искусствамъ: играла на рояли, пѣла и въ Петроградѣ училась пѣнію (у нея было сопрано), хорошо рисовала. Была она очень скромная и не любила роскоши. Одѣвалась она очень скромно и въ этомъ отношеніи постоянно одергивала другихъ сестеръ. Сущность ея натуры я бы сказалъ вотъ въ чемъ: это — русская хорошая дѣвушка, съ большой душой. Она производила впечатлѣніе дѣвушки, какъ будто бы испытавшей какое-либо горе: такой на ней лежалъ отпечатокъ. Мнѣ казалось, что она больше любила отца, чѣмъ мать, а затѣмъ она больше всего любила Алексѣя Николаевича и звала его «маленькій» или «бэби».

Татьяна Николаевна — лѣтъ 20. Она была совсѣмъ другая. Въ ней чувствовалась мать: та же натура, тотъ же характеръ. Въ ней именно чувствовалось, что она — дочь императора. Къ искусствамъ она склонности не питала. Ей можетъ быть лучше было бы родиться мужчиной. Когда государь съ государыней уѣхали изъ Тобольска, никто какъ-то не замѣчалъ старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли къ Татьянѣ: «какъ Татьяна Николаевна». Она была ближе всѣхъ дочерей съ матерью и видимо любила ее больше отца.

Марія Николаевна — 18 лѣтъ, высокая, сильная, самая красивая изъ всѣхъ. Она хорошо рисовала. Изъ всѣхъ сестеръ она была самая привѣтливая. Вѣчно она, бывало, разговариваетъ съ солдатами, распрашиваетъ и прекрасно знаетъ, у кого какъ звать жену, сколько ребятишекъ, сколько земли. Вся подноготная подобныхъ явленій ей всегда была извѣстна. Она, какъ и Ольга Николаевна, больше любила отца. За ея свойство простоты и привѣтливости она и получила въ семьѣ названіе «Машки». Такъ звали ее сестры и Алексѣй Николаевичъ...

Анастасія Николаевна имѣла, кажется, 17 лѣтъ. Физически она была развитѣе своихъ лѣтъ: она была низенькая, очень полная. Ея маленькій ростъ не соотвѣтствовалъ ея полнотѣ. Ея отличительной чертой была способность подмѣчать слабыя стороны людей и передразнивать ихъ. Это былъ природный комикъ: вѣчно бывало она всѣхъ смѣшитъ. Она также больше любила отца и больше другихъ сестеръ Марію Николаевну.

Всѣ они были очень милыя, симпатичныя, простыя въ общемъ, даже и Татьяна Николаевна, дѣвушки чистыя, невинныя. Куда они чище были въ своихъ помыслахъ очень многихъ современныхъ дѣвицъ.

Кумиромъ всей семьи былъ Алексѣй Николаевичъ. Онъ былъ еще ребенокъ: характерныя отличія въ немъ еще не выработались. Онъ былъ умный, весьма способный мальчикъ, весьма шаловливый и живой. Онъ говорилъ по-русски, по-французски и по-англійски; по-нѣмецки не зналъ ни слова.

Про всю августѣйшую семью въ цѣломъ могу сказать, что всѣ они очень любили другъ друга, и жизнь въ своей семьѣ всѣхъ ихъ духовно такъ удовлетворяла, что они иного общенія не требовали и не искали. Такой дружной любящей семьи я никогда въ жизни не встрѣчалъ и, думаю, въ своей жизни никогда больше не увижу.

Вотъ теперь я могу сказать, что настанетъ время, когда русское общество узнаетъ, какимъ невѣроятнымъ мукамъ подвергалась эта семья, когда разные газетные писаки съ первыхъ дней революціи надѣляли ихъ интимную жизнь разными своими измышленіями. Возьмите хотя бы всю эту грязь съ Распутинымъ. Мнѣ много приходилось бесѣдовать по этому вопросу съ Боткинымъ. Государыня болѣла истеріей. Болѣзнь привела ее къ религіозному экстазу. Кромѣ того, такъ долго жданный и единственный сынъ боленъ и нѣтъ силъ помочь ему. Ея муки: какъ матери на почвѣ религіознаго экстаза, и создали Распутина. Распутинъ былъ для нея святой. Властвуя надъ мужемъ, она и его увлекла на этотъ путь. Вотъ когда живешь и имѣешь постоянное общеніе съ этой семьей, тогда понимаешь, какъ пошло и подло обливали эту семью грязью. Поняли бы хоть одно, что Александра Ѳеодоровна, какъ женщина, не существовала уже давно. Можно себѣ представить, что они всѣ переживали и чувствовали, когда читали въ царскомъ русскія газеты.

Ихъ обвиняли чуть ли не въ измѣнѣ въ пользу Германіи. Я уже говорилъ въ этомъ отношеній про государя. Государыня также терпѣть не могла Вильгельма. Она говорила: «меня обвиняютъ, что я люблю нѣмцевъ; никто не знаетъ, какъ я ненавижу этого Вильгельма за все то зло, какое онъ причинилъ моей родинѣ». Подъ родиной она разумѣла при этомъ не Россію, а Германію. Со словъ Татищева могу также сказать какъ образецъ ея дальновидности, что однажды, разговаривая съ ними о развалѣ Россіи, она гово-

рила, что то же самое будетъ и въ Германіи. Такое же отношеніе къ императору Вильгельму было и у великихъ княженъ. Помню однажды, княжны роздали прислугамъ подарки, полученныя ими отъ Вильгельма при свиданіи его съ августѣйшей семьей на яхтѣ.

Больше ничего вспомнить не могу. Вспоминаю: государь велъ дневникъ. Вела ли государыня, не знаю. Великія княжны всѣ вели дневникъ, но передъ отъѣздомъ изъ Тобольска Марія и Анастасія Николаевны свои дневники уничтожили.

Я читалъ въ какой-то газетѣ, что къ государю, когда онъ содержался въ Екатеринбургѣ, пріѣзжало какое-то лицо, предлагавшее ему спасеніе на извѣстныхъ условіяхъ. Но государь, узнавъ, что посланный былъ отъ императора Вильгельма, его не принялъ.

Откуда въ Тобольскѣ появились латыши, не знаю. Но обращаю ваше вниманіе, что латышскій отрядъ, подъ конвоемъ котораго были увезены дѣти изъ Тобольска, больще въ Тобольскъ не возвращался. Не возвращался въ Тобольскъ также Хохряковъ.

Въ Тобольскъ пріѣзжала Хитрово. Это — молоденькая дѣвушка, проникнутая чисто институтскимъ обожаніемъ къ Ольгѣ Николаевнѣ. Изъ-за ея пріѣзда была цѣлая исторія, раздутая тогда газетами. Ее обыскивали и ничего не нашли.

Показаніе мое, мнѣ прочитанное, записано съ моихъ словъ правильно.

Полковникъ Евгеній Степановичъ *Кобылинскій.*

Судебный слѣдователь *Соколовъ.*

Протоколъ.

1919 года февралъ 21 дня въ городѣ Екатеринбургѣ членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда Сергѣевъ допрашивалъ нижепоименованнаго въ качествѣ обвиняемаго съ соблюденіемъ ст. 403 устава уголовнаго судопроизводства, причемъ допрашиваемый показалъ:

Я, Павелъ Спиридоновичъ Медвѣдевъ, 31 года, православный, грамотный, происхожу изъ крестьянъ Сысертскаго завода Екатеринбургскаго уѣзда, имѣю въ заводѣ свой домъ и хозяйство.

Въ сентябрѣ 1914 года я былъ мобилизованъ и былъ зачисленъ въ ополченскую дружину, расположенную въ городѣ Верхотурьѣ. Въ дружинѣ я пробылъ два мѣсяца и затѣмъ отъ военной службы былъ освобожденъ, какъ рабочій завода, работавшаго на оборону.

Послѣ февральской революціи, кажется, въ апрѣлѣ 1917 года я, какъ и большинство рабочихъ нашего завода, записался въ партію большевиковъ и въ теченіи трехъ мѣсяцевъ

вносилъ въ кассу партіи денежное отчисленіе въ размѣрѣ одного процента съ заработка, а затѣмъ уплату денегъ прекратилъ, такъ какъ въ партійной работѣ участія принимать не пожелалъ.

Послѣ октябрьскаго переворота, въ январѣ 1918 года меня записали въ красную армію, а въ февралѣ я уже былъ отправленъ на Дутовскій фронтъ. Начальникомъ отряда, въ который я былъ назначенъ, состоялъ комиссаръ Сергѣй Мрачковскій; воевали мы за городомъ Троицкомъ, но война была для насъ неудачной, и мы больше блуждали по степи, чѣмъ сражались. Въ апрѣлѣ я съ фронта вернулся домой и отдыхалъ здѣсь недѣли три. Во второй половинѣ мая въ нашъ заводъ прибылъ названный мною комиссаръ Мрачковскій и сталъ набирать изъ числа рабочихъ команду для охраны дома, въ которомъ содержался бывшій императоръ Николай II со своей семьей. Условія службы показались мнѣ подходящими, и я записался въ эту команду. Всего набрано было 30 человѣкъ.

Сформированная Мрачковскимъ команда прибыла въ Екатеринбургъ 19 мая и поселилась въ зданіи «Новаго гостинаго двора», гдѣ мы и прожили до 24 мая. За это время, по распоряженію Уральскаго областного совѣта мы выбрали изъ своей среды двоихъ старшихъ. Избранными оказались я и Алексѣй Никифоровъ. 24 мая команда была переведена въ новое помѣщеніе — въ нижній этажъ дома Ипатьева. Какъ разъ въ этотъ день прибыла вся семья бывшаго императора. Императоръ съ семьей помѣщался въ верхнемъ этажѣ дома, въ ихъ распоряженіи находился весь верхъ, за исключеніемъ одной комнаты (налѣво отъ входа), отведенной для коменданта и его помощниковъ. Комендантомъ дома былъ тогда рабочій Злоказовской фабрики Александръ Авдѣевъ, а помощникомъ его — Мошкинъ (имени его не знаю). Находились въ комендантской еще два человѣка, но я именъ ихъ не знаю, а извѣстно мнѣ, что это также были Злоказовскіе рабочіе.

По вселеніи насъ въ домъ Ипатьева, комендантъ Авдѣевъ повелъ меня, какъ старшаго, принимать заключенныхъ. Я съ Авдѣевымъ и Мошкинымъ прошелъ въ угловую комнату (царская спальня), гдѣ находились слѣдующія лица: государь, его жена, сынъ, четыре дочери, докторъ Боткинъ, поваръ, лакей и мальчикъ (фамилій ихъ не знаю). Пересчитавъ всего 12 человѣкъ, мы ушли, ни въ какіе разговоры ни съ кѣмъ не вступали. Въ сосѣдней съ царской спальной комнатѣ помѣщались царскія дочери. Первые два-три дня кроватей въ этой комнатѣ не было, а потомъ были поставлены кровати. Внутреннимъ распорядкомъ въ домѣ завѣдывалъ комендантъ, а служащіе охранной команды только несли караульную службу. Сначала караулъ дежурилъ на три смѣны, а потомъ на четыре. Въ домѣ Ипатьева мы прожили недѣли двѣ-три, а затѣмъ намъ отвели помѣщеніе въ расположенномъ насупротивъ домѣ Попова. Черезъ нѣсколько дней послѣ этого составъ команды былъ дополненъ рабочими

Екатеринбургской фабрики Злоказовыхъ въ числѣ 15 человѣкъ. Злоказовскіе рабочіе изъ своей среды также избрали «старшаго» по фамиліи Якимова. Караульныхъ постовъ было всего одиннадцать, изъ нихъ два внутреннихъ, два пулеметныхъ и четыре наружныхъ.

Царская семья выходила ежедневно на прогулку въ садъ; наслѣдникъ былъ все время боленъ, и его выносилъ на рукахъ государь въ кресло-качалку. Обѣдъ для семьи сначала приносили изъ совѣтской столовой, а затѣмъ разрѣшили было готовить обѣдъ въ устроенной въ верхнемъ этажѣ кухнѣ. Обязанности разводящихъ (старшихъ) заключались въ завѣдываніи хозяйствомъ и вооруженіемъ команды, въ назначеніи дежурныхъ на посты и въ наблюденіи за дежурными; во время своего дежурства разводящій долженъ былъ находиться при канцеляріи коменданта. Разводящіе дежурили сначала по 12 часовъ, а затѣмъ былъ выбранъ третій разводящій — Константинъ Добрынинъ, и мы стали дежурить по 8 часовъ. Въ концѣ іюня или началѣ іюля, хорошенько не помню, комендантъ Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ были смѣщены (они, кажется, попались въ кражѣ царскихъ вещей) и былъ назначенъ новый комендантъ по фамиліи Юровскій. Съ нимъ же прибылъ и новый помощникъ коменданта, имени и фамиліи котораго положительно не помню. Вечеромъ 16 іюля я вступилъ въ дежурство, комендантъ Юровскій часу въ восьмомъ того же вечера приказалъ мнѣ отобрать въ командѣ и принести ему всѣ револьверы системы «Ноганъ». У стоявшихъ на постахъ и у нѣкоторыхъ другихъ я отобралъ револьверы, всего 12 штукъ, и принесъ въ канцелярію коменданта. Тогда Юровскій объявилъ мнѣ: «сегодня придется всѣхъ разстрѣлять, предупреди команду, чтобы не тревожились, если услышатъ выстрѣлы». Я догадался, что Юровскій говоритъ о разстрѣлѣ всей царской семьи и жившихъ при ней доктора и слугъ, но не спросилъ, когда и кѣмъ постановлено рѣшеніе о разстрѣлѣ. Долженъ вамъ сказать, что находившійся въ домѣ мальчикъ-поваренокъ съ утра, по распоряженію Юровскаго, былъ переведенъ въ помѣщеніе караульной команды (въ домѣ Попова). Въ нижнемъ этажѣ дома Ипатьева находились латыши изъ Латышской коммуны, поселившіеся здѣсь послѣ вступленія Юровскаго въ должность коменданта; было ихъ человѣкъ 10.

Часовъ въ 10 вечера я предупредилъ команду, согласно распоряженію Юровскаго, чтобы они не безпокоились, если услышатъ выстрѣлы. Часовъ въ 12 ночи Юровскій разбудилъ царскую семью. Объявилъ ли онъ имъ, для чего ихъ безпокоитъ и куда они должны пойти, — я не знаю. Утверждаю, что въ комнаты, гдѣ находилась царская семья, заходилъ именно Юровскій. Ни мнѣ, ни Константину Добрынину порученія разбудить спавшихъ Юровскій не давалъ.

Приблизительно черезъ часъ вся царская семья, докторъ, служанка и двое слугъ встали, умылись и одѣлись. Еще прежде, чѣмъ Юровскій пошелъ будить царскую семью, въ домъ Ипатьева пріѣхали изъ Чрезвычайной комиссіи два

члена. Часу во второмъ ночи вышли изъ своихъ комнатъ царь, царица, четыре царскихъ дочери; служанка, докторъ, поваръ и лакей. Наслѣдника царь несъ на рукахъ. Государь и наслѣдникъ были одѣты въ гимнастерки, на головахъ фуражки. Государыня и дочери были въ платьяхъ, съ непокрытыми головами. Впереди шелъ государь съ наслѣдникомъ, за ними царица, дочери и остальные. Сопровождали ихъ: Юровскій, его помощникъ и указанные мною два члена изъ Чрезвычайной комиссіи. Я также находился тутъ. При мнѣ никто изъ членовъ царской семьи никакихъ вопросовъ никому не предлагалъ, не было также ни слезъ ни рыданій. Спустившись по лѣстницѣ, ведущей изъ второй прихожей въ нижній этажъ, вышли во дворъ, а оттуда — черезъ вторую дверь (считая отъ воротъ) во внутреннія помѣщенія нижняго этажа. Дорогу указывалъ Юровскій. Привели въ угловую комнату нижняго этажа, смежную съ опечатанной кладовой. Юровскій велѣлъ подать стулья. Его помощникъ принесъ три стула. Одинъ стулъ былъ данъ государынѣ, другой — государю, третій — наслѣднику. Государыня сѣла у той стѣны, гдѣ окно, ближе къ заднему столбу арки; за ней встали три дочери (я ихъ всѣхъ знаю очень хорошо въ лицо, такъ какъ почти каждый день видѣлъ ихъ на прогулкѣ, но не знаю хорошенько, какъ звали каждую изъ нихъ). Наслѣдникъ и государь сѣли рядомъ, почти посреди комнаты, за наслѣдникомъ всталъ докторъ Боткинъ; служанка, высокаго роста женщина, встала у лѣваго косяка двери, ведущей въ опечатанную кладовую; съ ней встала одна изъ царскихъ дочерей (четвертая); двое слугъ встали въ лѣвомъ отъ входа углу, у стѣны, смежной съ кладовой.

У служанки была съ собой подушка, маленькія подушки были принесены съ собой и царскими дочерьми. Одну изъ подушекъ положили на стулъ государыни, другую — на стулъ наслѣдника. Видимо, всѣ догадывались о предстоящей имъ участи, но никто не издалъ ни одного звука. Одновременно въ ту же комнату вошло одиннадцать человѣкъ: Юровскій, его помощникъ, два члена Чрезвычайной комиссіи и семь человѣкъ латышей. Юровскій выслалъ меня, сказавъ: «сходи на улицу, нѣтъ ли тамъ кого и не будутъ ли слышны наши выстрѣлы». Я вышелъ въ огороженный большимъ заборомъ дворъ и, не выходя на улицу, услышалъ звуки выстрѣловъ. Тотчасъ же вернулся въ домъ (прошло всего 2—3 минуты времени) и зайдя въ ту комнату, гдѣ былъ произведенъ разстрѣлъ, увидѣлъ, что всѣ члены царской семьи: царь, царица, четыре дочери и наслѣдникъ уже лежатъ на полу съ многочисленными ранами на тѣлахъ. Кровь текла потоками. Были также убиты: докторъ, служанка и двое слугъ. При моемъ появленіи наслѣдникъ былъ еще живъ и стоналъ; къ нему подошелъ Юровскій и два или три раза выстрѣлилъ въ него въ упоръ. Наслѣдникъ затихъ.

Картина убійства, запахъ и видъ крови вызвали во мнѣ тошноту. Передъ убійствомъ Юровскій раздалъ всѣмъ «Наганы», далъ револьверъ и мнѣ, но я, повторяю, въ разстрѣлѣ

не участвовалъ. По окончаніи убійства Юровскій послалъ меня въ команду за людьми, чтобы смыть кровь въ комнатѣ. По дорогѣ въ домъ Попова мнѣ попались навстрѣчу бѣгущіе изъ команды разводящіе: Иванъ Старковъ и Константинъ Добрынинъ; послѣдній изъ нихъ спросилъ меня: «застрѣлили-ли Николая II? Смотри, чтобы вмѣсто него кого другого не застрѣлили, тебѣ отвѣчать придется.» Я отвѣтилъ, что Николай II и вся его семья убиты. Изъ команды я привелъ человѣкъ 12—15. Приведенные мною люди сначала занялись переноской труповъ убитыхъ на поданный къ парадному подъѣзду грузовой автомобиль. Трупы выносили на носилкахъ, сдѣланныхъ изъ простынь, натянутыхъ на оглобли, взятыя отъ стоявшихъ во дворѣ саней. Сложенные въ автомобиль трупы завернули въ кусокъ солдатскаго сукна. Шоферомъ автомобиля былъ Злоказовскій рабочій Люхановъ. На грузовикъ сѣли члены Чрезвычайной комиссіи и увезли трупы. Въ какомъ направленіи они поѣхали и куда дѣли трупы, я не знаю. Кровь въ комнатѣ и на дворѣ замыли, и все привели въ порядокъ. Въ три часа ночи все было окончено, и Юровскій ушелъ въ свою канцелярію, а я къ себѣ въ команду. Проснулся я часу въ девятомъ утра и пришелъ въ комендантскую комнату. Здѣсь уже были предсѣдатель областного совѣта Бѣлобородовъ, комиссаръ Голощекинъ и Иванъ Старковъ, вступившій на дежурство разводящимъ (онъ былъ выбранъ на эту должность недѣли за три до того). Во всѣхъ комнатахъ былъ полный безпорядокъ: всѣ вещи разбросаны, чемоданы и сундуки вскрыты, на всѣхъ бывшихъ въ комендантской комнатѣ столахъ были разложены груды золотыхъ и серебряныхъ вещей. Тутъ же лежали и драгоцѣнности, отобранныя у царской семьи передъ разстрѣломъ и бывшія на нихъ золотыя вещи — браслеты, кольца, часы. Драгоцѣнности были уложены въ два сундука, принесенные изъ каретника. Помощникъ коменданта находился тутъ же. Обходя комнаты, я въ одной изъ нихъ подъ книжкой «Законъ Божій» нашелъ 6 десятирублевыхъ кредитныхъ билетовъ и деньги эти присвоилъ себѣ. Взялъ я также нѣсколько серебряныхъ колецъ и еще кое-какія бездѣлушки. Утромъ 18 ко мнѣ пріѣхала жена, и я съ ней уѣхалъ въ Сысертскій заводъ, получивъ порученіе раздать деньги семьямъ служащихъ въ командѣ. Вернулся я въ Екатеринбургъ 21 іюля. Всѣ вещи царскія изъ дома были уже увезены, и караулъ былъ снятъ. 24 іюля я уѣхалъ изъ Екатеринбурга вмѣстѣ съ комиссаромъ Мрачковскимъ. Въ Перми комиссаръ Голощекинъ назначилъ меня въ охрану приспособленій для взрыва каменнаго моста, въ случаѣ появленія бѣлогвардейцевъ. Подорвать мостъ, согласно полученнаго приказанія, я не успѣлъ да и не хотѣлъ, рѣшивъ добровольно сдаться. Приказаніе о взрывѣ моста пришло мнѣ тогда, когда уже сибирскія войска стали обстрѣливать мостъ, и я пошелъ и сдался добровольно.

О томъ, куда скрыты трупы убитыхъ, я знаю только вотъ что: по выѣздѣ изъ Екатеринбурга я встрѣтилъ на

ст. Алапаевскъ Петра Ермакова и спросилъ его, куда увезли трупы. Ермаковъ объяснилъ мнѣ, что трупы сбросили въ шахту за Верхъ-Исотскимъ заводомъ и шахту ту взорвали бомбами, чтобы она засыпалась. О сожженныхъ близъ шахты кострахъ я ничего не знаю и не слышалъ. Болѣе никакихъ свѣдѣній о мѣстѣ нахожденія труповъ я не имѣю. Вопросомъ о томъ, кто распоряжался судьбой царской семьи и имѣлъ ли на то право — я не интересовался, а лишь исполнялъ приказанія тѣхъ, кому служилъ. Вотъ все, что могу вамъ объяснить по поводу предъявленнаго мнѣ обвиненія. Повторяю, что непосредственнаго участія въ разстрѣлѣ я не принималъ. Болѣе объяснить ничего не имѣю.

Прочитано. Записано вѣрно. *Медвѣдевъ.*

Членъ Екатеринбургскаго окружнаго суда *И. Сергѣевъ.*

Постановленіе.

1919 года февраля 22 дня въ городѣ Екатеринбургѣ членъ окружнаго суда Сергѣевъ, допросивъ сего числа крестьянина Павла Медвѣдева, обвиняемаго въ соучастіи въ убійствѣ бывшаго императора и членовъ его семьи, и обращаясь къ избранію ему мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда, — нашелъ: 1. что Павелъ Медвѣдевъ обвиняется въ преступленіи, влекущемъ за собой уголовное наказаніе; 2. что Медвѣдевъ до задержанія его скрывался въ рядахъ красной арміи, бѣжавъ изъ Екатеринбурга передъ занятіемъ его правительственными войсками. На основаніи изложеннаго постановилъ:

Павла Спиридонова Медвѣдева 31 года заключить по настоящему дѣлу подъ стражу въ екатеринбургскую тюрьму.

Членъ окружнаго суда *И. Сергѣевъ.*

Протоколъ.

1919 года апрѣля 1—3 дня судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ Н. А. Соколовъ въ Екатеринбургѣ допрашивалъ, въ порядкѣ 403—409 ст. ст. уст. угол. суд., нижепоименованнаго въ качествѣ обвиняемаго и онъ объяснилъ:

Имя, отчество, фамилія — Филиппъ Поліевктовъ Проскуряковъ. Возрастъ во время совершенія преступленія 17 лѣтъ. Крестьянинъ, русскій, православный, холостой. Образованіе: учился 3 года въ Сысертской пятиклассной школѣ. Занятіе: электро-монтеръ.

Могу, на ваши вопросы, разсказать слѣдующее:

Отецъ мой многіе годы состоялъ мастеромъ по желѣзодѣлательной работѣ и все время проживалъ въ Сысертскомъ заводѣ. Тамъ я и родился. 3 года я учился въ Сысертской

школѣ, но курса не кончилъ: грамота мнѣ плохо давалась и отецъ тутъ какъ разъ заболѣлъ. Онъ меня взялъ изъ школы и отдалъ сначала тамъ же на заводѣ въ кузницу къ Василію Афанасьевичу Бѣлоносову въ ученье. Я проработалъ у него съ годъ и ушелъ: очень тяжелая работа, а потомъ старшій братъ устроилъ меня въ художественный театръ въ «Пале-Рояль»; тамъ я сталъ учиться «электрическому дѣлу» — на моторѣ работать. Здѣсь я прослужилъ съ годъ, выучился электрическому дѣлу и сталъ работать самостоятельно: — проводить электричество по городу. Потомъ я поступилъ на службу въ центральную электрическую станцію въ Екатеринбургѣ, проработалъ здѣсь, приблизительно, съ мѣсяцъ и передъ Пасхой 1918 года уѣхалъ домой.

Хорошо помню, 9 мая на базарѣ я встрѣтилъ своего товарища Ивана Семенова Талапова. Онъ мнѣ сказалъ, что къ намъ на заводъ пріѣхалъ какой-то комиссаръ Мрачковскій и производитъ наборъ среди нашихъ заводскихъ рабочихъ для охраны царя. Мрачковскаго я самъ лично не зналъ. Слыхалъ только я, что онъ командовалъ на Дутовскомъ фронтѣ и вернулся оттуда. О словахъ Талапова я передалъ своему отцу. И отецъ и мать не совѣтовали мнѣ итти въ охрану. Отецъ говорилъ мнѣ: «не ходи, Филиппъ. Одумайся.» Но мнѣ охота была посмотрѣть царя. Я не послушался ихъ совѣта и на другой же день отправился записываться въ охрану. Запись происходила въ домѣ Василія Еркова на Церковной улицѣ, гдѣ помѣщался совдепъ. Ее принималъ нашъ Сысертскій рабочій Павелъ Спиридоновъ Медвѣдевъ. Медвѣдевъ сказалъ мнѣ, что жалованья охранѣ будутъ платить 400 рублей въ мѣсяцъ, что надо будетъ стоять на посту и не спать. Вотъ только эти условія онъ мнѣ и сказалъ. Я тутъ же и записался.

Было принято въ охрану, какъ тогда говорили, ровно тридцать человѣкъ изъ нашихъ Сысертскихъ рабочихъ. Потомъ нѣкоторые изъ нихъ уволились; такихъ было очень немного и вмѣсто нихъ нанимали другихъ изъ нашихъ же рабочихъ.

Изъ числа этихъ 30 людей, 11 человѣкъ состояли въ партіи большевиковъ-коммунистовъ у насъ на заводѣ, какъ они мнѣ сами говорили.

Всѣ вмѣстѣ мы и прибыли въ городъ Екатеринбургъ во второй половинѣ мая мѣсяца. Поселились мы сначала въ «Новомъ гостиномъ дворѣ», гдѣ находились красноармейцы. Прожили здѣсь мы нѣсколько дней безъ дѣла, а въ концѣ мая насъ переселили въ домъ Ипатьева, гдѣ находилась царская семья. Поселили насъ всѣхъ въ нижнихъ комнатахъ этого дома.

Главнымъ начальникомъ надъ домомъ и надъ нашимъ карауломъ былъ рабочій со Злоказовской фабрики Александръ Мошкинъ. Въ нашей же командѣ былъ главнымъ начальникомъ Медвѣдевъ. Онъ именно былъ начальникомъ. Никто его на это не выбиралъ, а такъ, просто, съ са-

маго начала онъ принималъ въ охрану; но онъ намъ раздавалъ жалованье, онъ ставилъ на посты и вообще былъ у насъ, какъ начальникъ. Мы всѣ получали 400 рублей жалованья, а Медвѣдевъ получалъ 600 рублей. Авдѣевъ былъ весь день въ домѣ, помѣщаясь въ комендантской комнатѣ. Онъ приходилъ съ утра часовъ въ 9 и уходилъ домой часовъ въ 9 вечера. Мошкинъ все время находился въ комендантской комнатѣ, жилъ тамъ. Медвѣдевъ при нихъ также находился все время въ этой же комнатѣ и ночевалъ даже тамъ.

Караульные посты были слѣдующіе: 1. постъ наружный у будки около воротъ, 2. постъ наружный у будки вблизи часовенки, 3. между заборами у оконъ дома, 4. въ переднемъ дворѣ у дверей въ домъ, 5. въ заднемъ дворѣ, 6. въ саду; внутри дома было два поста: 7. у парадной двери въ верхнемъ этажѣ около комендантской комнаты, 8. около уборной, гдѣ находился клозетъ и ванная комната; кромѣ того, было еще три пулеметныхъ поста: 9. на чердакѣ дома у окна, 10. на террасѣ, выходившей въ садъ и 11. въ нижнемъ этажѣ дома въ средней комнатѣ.

Приблизительно съ недѣлю пронесли мы охрану, и Авдѣевъ привелъ еще человѣкъ 15, приблизительно, рабочихъ со Злоказовской фабрики. Вышло это, надо думать, потому, что намъ было тяжело: приходилось дежурить по 4 часа, пошли дожди, а мы — народъ непривычный.

Злоказовскіе рабочіе стали жить вмѣстѣ съ нами же внизу дома Ипатьева. Женщинъ никакихъ у насъ въ охранѣ не было. У насъ были свои повара, которые и готовили на всѣхъ. Сначала былъ поваромъ Иванъ Категовъ, а потомъ Андрей Старковъ.

Приблизительно въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня или въ первыхъ числахъ іюля мѣсяца Авдѣевъ арестовалъ Мошкина за то, что онъ укралъ что-то изъ царскихъ вещей, кажется, какой-то золотой крестикъ. Но тутъ же былъ уволенъ и самъ Авдѣевъ. Вмѣсто его заступилъ въ начальники Юровскій. Помощникомъ его былъ Никулинъ.

Кто именно такіе были Юровскій съ Никулинымъ, я положительно не знаю. Появились они въ домѣ одновременно. Находились они все въ той комендантской комнатѣ. Юровскій приходилъ съ утра, часовъ въ 8—9 и уходилъ вечеромъ въ 5—6. Никулинъ же жилъ въ комендантской, ночевалъ тутъ. Медвѣдевъ также продолжалъ ночевать въ этой комнатѣ. Спустя, приблизительно, съ недѣлю послѣ назначенія Юровскаго и Никулина, насъ, рабочихъ Сысертскаго завода и Злоказовской фабрики, перевели въ домъ Попова или Обухова противъ дома Ипатьева, а вмѣсто насъ внизу дома Ипатьева поселились латыши; ихъ было, приблизительно, человѣкъ 10.

До появленія латышей охрану въ домѣ несли мы, рабочіе Сысертскаго завода. Послѣ появленія латышей охрану въ верхнемъ этажѣ дома, гдѣ жила царская семья, стали нести исключительно одни латыши. Насъ, русскихъ рабо-

чихъ, туда уже не впускали. Такое было приказаніе Юровскаго.

Пулеметчики, которые стояли исключительно у пулеметовъ, были изъ нашихъ Сысертскихъ рабочихъ.

Эти рабочіе всегда стояли только у пулеметовъ. На остальныхъ постахъ стояли при Авдѣевѣ всѣ остальные рабочіе. При Юровскомъ же, со времени появленія латышей, мы, рабочіе, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши. До появленія ихъ мнѣ приходилось, какъ и другимъ, нѣсколько разъ стоять на постахъ внутри дома и у комендантской и у уборной, такъ всего, примѣрно, разъ шесть на обоихъ постахъ. Стоялъ я на этихъ постахъ и утромъ, и днемъ, и вечеромъ, и ночью. Я видѣлъ за это время всю царскую семью: самого государя, государыню, наслѣдника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марію и Анастасію. Мнѣ приходилось хорошо ихъ видѣть, когда они шли на прогулку, въ уборную или проходили изъ одной комнаты въ другую. Гуляли они всѣ, кромѣ государыни. Я никогда не видѣлъ, чтобы она ходила гулять въ садъ. Наслѣдника я, правда, видѣлъ только одинъ разъ, когда его несла на рукахъ на прогулку старшая дочь государя Ольга. Наслѣдникъ все время былъ боленъ.

Жизнь свою они проводили такъ (разсказываю я объ этомъ со словъ Медвѣдева, который видѣлъ ихъ, конечно, больше меня): вставали они утромъ часовъ въ 8—9. У нихъ была общая молитва. Они всѣ собирались въ одну комнату и пѣли тамъ молитвы. Обѣдъ у нихъ былъ въ 3 часа дня. Всѣ они обѣдали вмѣстѣ въ одной комнатѣ, т. е. я хочу сказать, что вмѣстѣ съ ними обѣдала и вся прислуга, которая была при нихъ. Въ 9 часовъ вечера у нихъ былъ ужинъ, чай, а потомъ они ложились спать. Время дня они проводили, по словамъ Медвѣдева, такъ: государь читалъ, государыня также читала или вмѣстѣ съ дочерьми вышивала что-нибудь или вязала. Наслѣдникъ, если могъ, дѣлалъ изъ проволоки цѣпочки для своихъ игрушекъ-корабликовъ. Гуляли они въ день часъ-полтора. Никакимъ физическимъ трудомъ имъ не позволялось заниматься. Помню, Пашка Медвѣдевъ сказывалъ, что царь Николай Александровичъ просилъ разъ позволенія у Юровскаго чистить садъ. Юровскій ему этого не позволилъ.

Ихъ пѣніе я самъ не одинъ разъ слышалъ. Пѣли они исключительно однѣ духовныя пѣсни. По воскресеньямъ у нихъ служилъ священникъ съ діакономъ, кажется, изъ Верхне-Вознесенской церкви.

Пищу имъ сначала приносили изъ совѣтской столовой; носили ее какія-то двѣ женщины; поваръ ихъ ее разогрѣвалъ. Но потомъ имъ позволили готовить у себя дома.

Кромѣ царской семьи, въ домѣ въ верхнемъ этажѣ съ ними жили еще слѣдующія лица, которыхъ я самъ лично видѣлъ: былъ докторъ, изъ себя полный, сѣдой, лѣтъ такъ, примѣрно, 55. Онъ носилъ пенснэ, какъ мнѣ по-

мнится, въ золотой оправѣ. Затѣмъ былъ лакей, лѣтъ 35, высокій, худощавый, смугловатый. Былъ при нихъ поваръ. Ему было лѣтъ 40, онъ былъ низенькій, худощавый, нѣсколько плѣшивый, волосы на головѣ были чернаго цвѣта, усы маленькіе, черные. Еще была при нихъ горничная, лѣтъ 40, высокая, худая, смуглая; цвѣта волосъ я не видѣлъ, потому что голову она повязывала платкомъ. Еще былъ при нихъ мальчикъ. Мальчику было лѣтъ 15; волосы у него были черные, носилъ онъ ихъ косымъ рядомъ; носъ у него былъ длинный, глаза черные.

Были еще при царской семьѣ какихъ-то два человѣка, какъ мнѣ объяснялъ Медвѣдевъ, тоже слуги. Одинъ изъ нихъ былъ высокаго роста, худощавый, лѣтъ 35, свѣтлорусый, коротко стриженый, бороду брилъ, усы подстригалъ; носъ средней величины, прямой; остальныхъ примѣтъ не помню, но лицо у него было чистое, какъ у женщины. Другой также высокаго роста, лѣтъ 30, волосы на головѣ были черные, косымъ рядомъ, усы и борода бритые. Первый носилъ черную тужурку, брюки и ботинки. Второй ходилъ въ пиджакѣ, въ крахмальномъ бѣльѣ съ галстухомъ, брюкахъ и ботникахъ. Я еще видѣлъ, какъ первый выносилъ резиновую подушку съ мочей наслѣдника. Этихъ двоихъ людей я видѣлъ только одинъ разъ, когда въ первые же дни стоялъ на посту внутри дома. Больше я не видѣлъ. Медвѣдевъ сказывалъ мнѣ, что ихъ обоихъ отвезли въ тюрьму № 2, но за что, собственно, ихъ отвезли въ тюрьму, онъ мнѣ не сказалъ, а я не интересовался. Нѣсколько разъ я видѣлъ большевика Бѣлобородова, который приходилъ въ домъ, должно быть, для провѣрки, какъ живетъ царская семья. Мнѣ по крайней мѣрѣ Медвѣдевъ сказывалъ, что для этого приходилъ онъ въ домъ. Бѣлобородова этого я хорошо разглядѣлъ. Ему было на видъ лѣтъ 25, изъ себя онъ былъ роста средняго, худощавый, лицо блѣдное. Этотъ Бѣлобородовъ ходилъ въ домъ и при Авдѣевѣ и при Юровскомъ.

Про порядки въ домѣ и про отношенія къ государю и къ его семейству со стороны начальства и охраны я могу по сущей совѣсти объяснить слѣдующее: Авдѣевъ былъ простой рабочій, мало развитой. Бывалъ онъ и пьяненькій иногда. Но ни онъ самъ, ни охранники при немъ ничемъ какъ есть царской семьи не обижали и не утѣсняли. Юровскій съ Никулинымъ держали себя самихъ совсѣмъ по другому. При нихъ царской семьѣ было хуже. Оба они выпивали у себя въ комендантской и начиналось у нихъ пѣніе. Никулинъ могъ на піанино играть (въ комендантской оно стояло); вотъ, бывало, Никулинъ играетъ, а Юровскій свои «шары» (глаза) нальетъ, и начнутъ оба орать: «отречемся отъ стараго міра, отрясемъ его прахъ съ нашихъ ногъ. Намъ не нужно златого кумира, ненавистенъ намъ царскій чертогъ» и т. д. Или, бывало, все поютъ: «вы жертвою пали въ борьбѣ роковой». Мошкинъ тоже позволялъ себѣ иногда пѣть эти пѣсни, но всегда въ отсутствіи Авдѣева,

и Авдѣевъ этого не зналъ. А эти не стѣснялись. При Авдѣевѣ никогда женщины не ходили къ намъ въ домъ. А Никулинъ имѣлъ, должно быть, любовницу, и она постоянно къ нему шаталась, оставаясь у него послѣ ухода Юровскаго. Она была лѣтъ 20, низенькая, полная, блондинка, глаза каріе, носъ маленькій, прямой. Фамиліи ея не знаю. Откуда она приходила и гдѣ жила, не знаю. Про нее Медвѣдевъ ничего не сказывалъ. Также и богослуженія при Юровскомъ стали совершаться рѣже.

Ну, и охранники при Юровскомъ стали себя вести много хуже. Файка Сафоновъ сильно сталъ безобразничать. Уборная въ домѣ была одна, куда ходила вся царская семья. Вотъ около этой уборной Файка сталъ писать разныя нехорошія слова; писалъ онъ напримѣръ «...» и разныя другія слова, совсѣмъ неподходящія. Какъ онъ писалъ эти слова на стѣнахъ около уборной, видѣлъ Алексѣевъ, стоявшій тогда вверху дома вмѣстѣ съ Файкой (Файка стоялъ около уборной, а Алексѣевъ около комендантской), — и, вернувшись съ охраны, онъ разсказывалъ намъ всѣмъ объ этомъ. Залѣзъ разъ Файка на заборъ передъ самыми окнами царскихъ комнатъ и давай разныя нехорошія пѣсни играть.

Андрей Стрекотинъ въ нижнихъ комнатахъ началъ разныя безобразныя изображенія рисовать. Въ этомъ принималъ участіе и Бѣломоинъ: смѣялся и училъ Стрекотина, какъ лучше надо нарисовать. Это я самъ видѣлъ, какъ Стрекотинъ эти вещи рисовалъ.

А разъ иду по улицѣ мимо дома и вижу, въ окно выглянула младшая дочь государя Анастасія, а часовой, стоявшій тогда на караулѣ, какъ увидалъ это, и выстрѣлилъ въ нее изъ винтовки. Только пуля въ нее не попала, а угодила повыше въ косякъ.

О разныхъ этихъ безобразіяхъ Юровскому было извѣстно. О поступкѣ Подкорытова ему, я знаю, докладывалъ Медвѣдевъ, но Юровскій сказалъ: «пусть не выглядываютъ».

Какъ я уже говорилъ, съ того времени, какъ въ охрану поступили латыши, они стали жить внизу Ипатьевскаго дома, а мы, рабочіе, всѣ были переведены напротивъ дома Попова или Обухова. Тамъ наверху мы занимали всѣ комнаты, а внизу жили какіе-то квартиранты.

Въ этихъ же комнатахъ жили и Злоказовскіе рабочіе.

Въ послѣдній разъ я видѣлъ всю царскую семью, кромѣ государя, за нѣсколько дней до ихъ убійства. Они тогда всѣ выходили гулять въ садъ и гуляли какъ есть всѣ, кромѣ государыни. Значитъ, тутъ были самъ государь, сынъ, дочери: Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія; тутъ же былъ докторъ, лакей, поваръ, горничная и мальчикъ. Я хорошо тогда разглядѣлъ, что наслѣдникъ былъ одѣтъ въ рубаху и былъ подпоясанъ кожанымъ чернымъ поясомъ съ металлической небольшой пряжкой, на которой былъ изображенъ гербъ. Это я хорошо тогда разглядѣлъ, потому что Ольга Николаевна пронесла его близко отъ меня. Наслѣдникъ и тогда былъ боленъ и его каталъ въ колясочкѣ жившій

при нихъ мальчикъ. Въ какой именно это было день, когда я видѣлъ ихъ гуляющими въ саду, я не могу припомнить, но было это не задолго до ихъ смерти.

Убійство ихъ произошло въ ночь со вторника на среду. Числа я не помню. Я помню, что въ понедѣльникъ мы получили жалованье. Значитъ, это было 15 числа въ іюлѣ мѣсяцѣ, считая по новому стилю. На другой день послѣ получки жалованья, во вторникъ 16 іюля до 10 часовъ утра я стоялъ на посту у будки около Вознесенскаго проспекта и Вознесенскаго переулка. Егоръ Столовъ, съ которымъ я вмѣстѣ жилъ въ одной комнатѣ, стоялъ тогда въ эти же часы на посту въ нижнихъ комнатахъ дома. Кончивъ дежурство, мы со Столовымъ пошли пьянствовать на Водочную улицу въ домъ № 85.

Подъ вечеръ мы пришли домой, такъ какъ намъ предстояло дежурить съ 5 часовъ. Медвѣдевъ увидѣлъ, что мы пьяны, и посадилъ насъ подъ арестъ въ баню, находившуюся во дворѣ дома Попова. Мы тамъ и уснули. Спали мы до трехъ часовъ ночи. Въ три часа ночи къ намъ пришелъ Медвѣдевъ, разбудилъ насъ и сказалъ: «вставайте, пойдемъ». Мы спросили его, куда. Онъ намъ отвѣтилъ: «зовутъ, идите». Я потому вамъ говорю, что это было въ три часа, что у Столова были при себѣ часы, и тогда смотрѣлъ на нихъ: было именно три часа. Мы встали и пошли за Медвѣдевымъ. Привелъ онъ насъ въ нижнія комнаты дома Ипатьева. Тамъ были всѣ рабочіе-охранники, кромѣ стоявшихъ тогда на постахъ. Въ комнатахъ стоялъ какъ бы туманъ отъ пороховаго дыма и пахло порохомъ. Въ задней комнатѣ съ рѣшеткой въ окнѣ, которая рядомъ съ кладовой, въ стѣнахъ и въ полу были удары пуль. Пуль было особенно много въ одной стѣнѣ, но были слѣды пуль и въ другихъ стѣнахъ. Штыковыхъ ударовъ нигдѣ въ стѣнахъ комнаты не было. Тамъ, гдѣ въ стѣнахъ и на полу были пулевыя отверстія, вокругъ нихъ была кровь, на стѣнахъ она была брызгами и пятнами, на полу маленькими лужицами. Были капли и лужицы крови и въ другихъ комнатахъ, черезъ которыя нужно было проходить во дворъ дома Ипатьева изъ этой комнаты, гдѣ были слѣды пуль. Были такіе же слѣды крови и во дворѣ по направленію къ воротамъ на камняхъ. Ясное дѣло, въ этой именно комнатѣ съ рѣшеткой, незадолго до нашего прихода, разстрѣляли много людей. Увидѣвъ все это, я сталъ спрашивать Медвѣдева и Стрекотина, что произошло. Они мнѣ сказали, что только что разстрѣляли всю царскую семью и всѣхъ бывшихъ съ нею лицъ, кромѣ мальчика.

Медвѣдевъ приказалъ намъ убирать комнаты. Стали мы всѣ мыть полы, чтобы уничтожить слѣды крови; въ одной комнатѣ были принесенныя нѣсколько штукъ метелъ. Кто ихъ принесъ, не знаю. По приказанію Медвѣдева были принесены опилки. Всѣ мы мыли холодной водой и опилками полы, замывали кровь. Кровь на стѣнахъ, гдѣ былъ разстрѣлъ, мы смывали мокрыми тряпками. Въ этой уборкѣ

принимали участіе всѣ рабочіе, кромѣ постовыхъ. И въ этой именно комнатѣ, гдѣ была побита царская семья, уборку производили многіе, работали тутъ человѣка два латышей и самъ Медвѣдевъ. Убиралъ въ этой комнатѣ и я. Такимъ же образомъ, т. е. водой, мы смывали кровь во дворѣ и съ камней. Пуль при уборкѣ я лично никакихъ не находилъ. Находили ли другіе, я не знаю.

Когда мы со Столовымъ пришли въ нижнія комнаты, тутъ никого, кромѣ нѣсколькихъ латышей, Медвѣдева и нашихъ рабочихъ, не было. Никулинъ же, какъ говорилъ тогда Медвѣдевъ, былъ въ верхнихъ комнатахъ, куда дверь изъ нижнихъ комнатъ была заперта со стороны верхнихъ комнатъ.

Золотыхъ вещей или какихъ-либо драгоцѣнностей, снятыхъ съ убитыхъ, въ нижнихъ комнатахъ я нигдѣ не видалъ.

Я распрашивалъ потомъ Медвѣдева, какъ убили царскую семью, и онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее: «во вторникъ утромъ, когда я стоялъ на посту, я самъ видѣлъ, что Юровскій пришелъ въ домъ часовъ въ 8 утра. Послѣ него, спустя нѣсколько времени, въ домъ пришелъ Бѣлобородовъ». Я ушелъ съ поста въ 10 часовъ утра. Медвѣдевъ же сказывалъ мнѣ, что Юровскій съ Бѣлобородовымъ потомъ поѣхали кататься на автомобилѣ. Дома въ это время оставался Никулинъ. Передъ вечеромъ они вернулись. Вечеромъ Юровскій сказалъ Медвѣдеву, что царская семья ночью будетъ разстрѣляна и приказалъ ему предупредить объ этомъ рабочихъ и отобрать у постовыхъ револьверы.

Вотъ этого я толкомъ понять не могу. Правда это была или нѣтъ, я доподлинно не знаю, потому что никого изъ рабочихъ я спросить не догадался, отбиралъ ли на самомъ дѣлѣ у нихъ Медвѣдевъ револьверы. Для чего это нужно было, я самъ не понимаю: по словамъ Медвѣдева, разстрѣливали царскую семью латыши, а они всѣ имѣли «Наганы». Я тогда еще не зналъ, что Юровскій еврей. Можетъ быть онъ, руководитель этого дѣла, и латышей для этого нагналъ, не надѣясь на насъ, на русскихъ. Можетъ быть онъ для этого и захотѣлъ постовыхъ русскихъ рабочихъ обезоружить. Медвѣдевъ приказаніе Юровскаго въ точности исполнилъ: револьверы отобралъ, передалъ ихъ Юровскому, а команду предупредилъ о разстрѣлѣ царской семьи въ 11 вечера. Въ 12 часовъ ночи Юровскій сталъ будить царскую семью, потребовавъ, чтобы они всѣ одѣлись и сошли въ нижнія комнаты. По словамъ Медвѣдева, Юровскій будто бы привелъ такія объясненія царской семьѣ: онъ имъ сказалъ, что ночь будетъ опасная, что въ верхнемъ этажѣ опасно будетъ находиться въ случаѣ стрѣльбы на улицахъ, — и поэтому потребовалъ, чтобы они всѣ сошли внизъ. Они требованіе исполнили и сошли въ нижнія комнаты въ сопровожденіи Юровскаго, Никулина, Бѣлобородова. Здѣсь были самъ государь, государыня, наслѣдникъ, всѣ четыре дочери, докторъ, лакей, горничная

и поваръ. Мальчика же Юровскій сутокъ, кажется за полтора, приказалъ увести въ помѣщеніе нашей команды, гдѣ я его видѣлъ до убійства самъ. Всѣхъ ихъ привели въ ту самую комнату, гдѣ въ стѣнахъ и въ полу было много слѣдовъ пуль. Встали они всѣ въ два ряда. Самъ Юровскій сталъ читать имъ какую то бумагу. Государь не дослышалъ и спросилъ Юровскаго «что». А онъ, по словамъ Медвѣдева, поднялъ руку съ револьверомъ и отвѣтилъ государю, показывая ему револьверъ: «вотъ что»; и при этомъ добавилъ: «вашъ родъ недолженъ больше жить».

Хорошо я еще помню, что разсказывая мнѣ про бумагу, которую Юровскій вычитывалъ государю, Медвѣдевъ называлъ эту бумагу «протоколомъ».

Какъ только Юровскій это сказалъ, онъ, Бѣлобородовъ, Никулинъ, Медвѣдевъ и всѣ латыши выстрѣлили всѣ сначала въ государя, а потомъ тутъ же всѣ стали стрѣлять въ остальныхъ. Всѣ они упали мертвыми на полъ. Медвѣдевъ самъ мнѣ разсказывалъ, что онъ выпустилъ пули двѣ-три въ государя и въ другихъ лицъ, кого они разстрѣливали.

Когда ихъ всѣхъ разстрѣляли, Александръ Стрекотинъ, какъ онъ самъ мнѣ говорилъ, снялъ съ нихъ всѣ драгоцѣнности. Ихъ тутъ же отобралъ Юровскій и унесъ наверхъ. Послѣ этого ихъ всѣхъ навалили на грузовой автомобиль, кажется одинъ, и куда-то увезли. На этомъ грузовомъ автомобилѣ съ трупами убитыхъ уѣхали: Юровскій, Бѣлобородовъ и нѣсколько человѣкъ латышей. Изъ нашихъ же рабочихъ-охранниковъ не попалъ ни одинъ.

Послѣ уборки комнатъ мы со Столовымъ пошли въ городъ и прошатались до вечера. Знакомыхъ мы никого не видѣли и никому про убійство не говорили. Вечеромъ мы пришли въ казарму, поѣли и спали. Въ четвергъ 18 іюля съ 6 часовъ утра меня Медвѣдевъ поставилъ на постъ внутри дома у комендантской. До этого времени ни одинъ рабочій, какъ только появились латыши, въ домъ не ставились, когда была жива царская семья, а тутъ, какъ ихъ убили, опять поставили насъ. Около уборной никого не было. Когда я въ этотъ день вступилъ на постъ, въ домѣ уже были Юровскій, Никулинъ, Медвѣдевъ и латыши. Изъ нашихъ рабочихъ и изъ Злоказовскихъ не было никого. Я хорошо помню, что Юровскій, когда я пришелъ становиться на постъ, былъ уже въ домѣ. Должно быть онъ и ночевалъ тогда тутъ. У нихъ шла уборка царскихъ вещей, и они всѣ очень торопились. Укладывали всѣ вещи, какія только можно было уложить. О чемъ разговаривали между собой въ это время Юровскій, Никулинъ и Медвѣдевъ, я не слышалъ. Были они всѣ спокойные и, какъ мнѣ тогда казалось, Юровскій и Никулинъ были нѣсколько пьяные.

Въ этотъ день вещи еще никуда не вывозились, а только укладывались. Сойдя съ поста, я пошелъ въ караульное помѣщеніе, поспалъ, поѣлъ и пошелъ къ своему брату Александру, служившему въ милиціи. Брату я ничего про убійство не разсказывалъ. До вечера я проболтался по городу,

а къ вечеру пришелъ въ караульное помѣщеніе. Тутъ намъ Медвѣдевъ объявилъ, что мы всѣ должны уѣзжать изъ Екатеринбурга.

19 іюля утромъ насъ отправили на станцію Екатеринбургъ 1. Нашу партію прикомандировали для охраны штаба третьей красной арміи. Штабъ тогда былъ уже въ вагонахъ, около штаба мы и находились. Въ это время я видѣлъ, что на вокзалъ привозились на автомобиляхъ царскія вещи, которыя раньше укладывались въ чемоданы и въ сундуки. Ихъ привозили и складывали въ нѣсколько вагоновъ, вагоны были большіе, американскіе.

Какъ уѣзжалъ Юровскій, я видѣлъ самъ. Онъ уѣхалъ, какъ мнѣ кажется, въ ночь на 21 іюля по направленію къ Перми. Съ нимъ уѣхала его семья и Никулинъ, это я самъ видѣлъ. Съ Юровскимъ же уѣхали и всѣ латыши, которые жили въ Ипатьевскомъ домѣ внизу и убивали семью царя. Это я также самъ видѣлъ. Всѣ мы, которыхъ я вамъ указалъ, уѣхали изъ Екатеринбурга со штабомъ третьей арміи въ то время, когда городъ уже занимался сибирскими войсками. Уѣхали мы въ Пермь. Когда войска генерала Пепеляева стали брать Пермь, штабъ третьей красной арміи и всѣ рабочіе нашей партіи уѣхали изъ Перми по направленію къ Вяткѣ. Я же отсталъ отъ нихъ и вернулся въ Екатеринбургъ, когда Пермь была взята, и поселился у брата Александра. Про меня узнали въ уголовномъ розыскѣ и велѣли мнѣ прійти въ милицію. Тамъ меня сталъ допрашивать сѣденькій чиновникъ, я напугался и сталъ ему врать, что я на охранѣ вовсе не былъ. Потомъ я сознался, что былъ на охранѣ, но сталъ говорить, что ничего не знаю. Теперь я разсказалъ вамъ все, что зналъ про это дѣло.

Я самъ вполнѣ сознаю, что напрасно я не послушался отца и матери и пошелъ въ охрану. Я теперь сознаю, что нехорошее это дѣло сдѣлали, что убили царскую семью, и я понимаю, что и я нехорошо поступилъ, что кровь убитыхъ уничтожалъ. Я совсѣмъ не большевикъ и никогда имъ не былъ. Сдѣлалъ я это по глупости и по молодости. Если бы я теперь могъ чѣмъ помочь, чтобы всѣхъ тѣхъ, кто убивалъ, переловить, я бы все для этого сдѣлалъ.

У всѣхъ рабочихъ, которые стояли на посту, были револьверы «Ногана», раздавалъ ихъ Медвѣдевъ за нѣсколько дней до убійства. У Юровскаго былъ револьверъ системы Браунинга, у Медвѣдева былъ револьверъ «Нагана».

Куда дѣвался мальчикъ, который прислуживалъ царской семьѣ и который до убійства былъ переведенъ въ нашу казарму, я не знаю. Онъ спалъ на моей койкѣ и я съ нимъ разговаривалъ. Зналъ ли онъ про убійство царской семьи, я не знаю. Онъ не плакалъ и мы ничего про это съ нимъ не говорили. Онъ мнѣ сказалъ, что комендантъ хочетъ отправить его домой и называлъ какую то губернію, но я забылъ ея названіе. При этомъ онъ мнѣ жаловался, что Юровскій отобралъ у него одежду.

Ни одного изъ латышей я назвать не могу.

Когда я стоялъ на посту внутри дома, я ни одного разу не видѣлъ, чтобы государыня входила въ комендантскую комнату. Думаю я, что этого и быть никакъ не могло, потому что Юровскій нехорошо обходился съ ними. Если въ комендантскую комнату попали четки государыни, то вѣроятно ихъ тамъ забыли, когда укладывали вещи въ чемоданы послѣ убійства.

Государя мнѣ приходилось видѣть обыкновенно въ тужуркахъ сѣраго или чернаго цвѣта со стоячимъ воротникомъ и мѣдными пуговицами. Носилъ онъ сапоги, въ бородѣ его замѣтны были сѣдѣющіе волосы. Княжны выходили въ садъ въ лѣтнихъ платьяхъ: въ кофточкахъ и юбкахъ разныхъ цвѣтовъ.

Больше объяснить ничего не могу. Объясненіе мое, мнѣ прочитанное, записано съ моихъ словъ правильно.

Филиппъ Проскуряковъ.

Судебный слѣдователь *Н. Соколовъ.*

При допросѣ присутствовалъ: прокуроръ *Іорданскій.*

Протоколъ.

1919 года мая 7—11 дня судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ при Омскомъ окружномъ судѣ въ Екатеринбургѣ допрашивалъ, въ порядкѣ 403—409 ст. ст. угол. суд. въ качествѣ обвиняемаго Анатолія Александровича Якимова, крестьянина 31 года, русскаго, православнаго, женатаго, который объяснилъ: по настоящему дѣлу я могу дать такія объясненія:

> Я — рабочій, по ремеслу токарь. Отецъ мой тоже рабочій. Онъ родомъ изъ Юговскаго завода, Пермскаго уѣзда. Мать мою звали Марія Николаевна. Изъ дѣтей я самый старшій.

Отецъ работалъ на Мотовилихинскомъ заводѣ, когда я родился. Когда мнѣ было лѣтъ 8, меня отдали въ школу при Духовной семинаріи, гдѣ я проучился 3 года. Когда мнѣ было лѣтъ 12, отецъ умеръ. Мать отдала, было, меня въ городскую школу, но я, перейдя, въ третій классъ, вышелъ изъ училища: не было средствъ къ жизни, да и большого желанія къ ученію у меня тоже не было. Я пожелалъ чѣмъ-нибудь заняться, мать отдала меня на Мотовилихинскій заводъ, гдѣ я и поступилъ въ разсыльные при чертежномъ бюро. 16 лѣтъ меня перевели въ токарный цехъ учиться токарному дѣлу. Въ 1906 году я женился на дочери рабочаго Мотовилихинскаго завода. Въ 1916 году я ушелъ въ добровольцы и былъ зачисленъ въ 494 Верейскій полкъ 124 дивизіи. Находился нашъ полкъ на румынскомъ фронтѣ. Бывалъ я въ бояхъ, но раненъ ни разу не былъ. Послѣ революціи въ іюлѣ мѣсяцѣ 1917 года я былъ выбранъ въ полковой

комитетъ. Вы меня спрашиваете, почему же именно меня выбрали? Выбрали меня въ полковой комитетъ, какъ я самъ объясняю, потому, что я былъ болѣе развитымъ въ сравненіи съ другими солдатами. Въ составъ политическихъ партій я никогда не входилъ. По убѣжденіямъ же я примыкалъ скорѣе всего къ социалъ-демократамъ.

Въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца 1917 года я поступилъ на Злоказовскую фабрику въ Екатеринбургѣ. Фабрикой въ это время еще владѣли хозяева Злоказовы, но уже существовалъ фабричный комитетъ изъ рабочихъ. Былъ и комиссаръ фабрики. Этимъ комиссаромъ былъ Александръ Дмитріевъ Авдѣевъ, по ремеслу слесарь. Ему было 34—35 лѣтъ, выше средняго роста, худощавый, лицо худощавое, блѣдное.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ Авдѣевъ отвезъ хозяина фабрики Николая Федоровича Злоказова въ острогъ. Вмѣсто хозяевъ образовался «дѣловой» совѣтъ. Этотъ совѣтъ и сталъ править фабрикой. Главой на заводѣ и сталъ Авдѣевъ. Около него самыми приближенными къ нему лицами были рабочіе: братья Иванъ, Василій и Владиміръ Логиновы, Сергѣй Ивановъ Люхановъ и его сынъ Валентинъ. Логиновы были изъ Каштымскаго завода, Екатеринбургскаго уѣзда. Всѣ эти лица были въ особо близкихъ отношеніяхъ съ Авдѣевымъ и занимали особо привилегированное положеніе: они или входили въ составъ фабричнаго комитета и дѣлового совѣта или же состояли при какихъ-нибудь «легкихъ» должностяхъ, не работали. Еще такимъ приближеннымъ лицомъ къ Авдѣеву былъ Александръ Михайловъ Мошкинъ. Мошкинъ, какъ помнится мнѣ, былъ родомъ изъ Семипалатинска. Ему было 27—28 лѣтъ, низенькій, коренастый. По ремеслу онъ былъ слесарь. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ стало извѣстно въ городѣ, что къ намъ въ Екатеринбургѣ привезли царя. Объясняли объ этомъ среди насъ, рабочихъ, такъ, что царя-де хотѣли выкрасть изъ Тобольска, поэтому, его и перевезли въ болѣе надежное мѣсто: въ Екатеринбургъ. Такіе разговоры тогда въ нашей рабочей средѣ шли. Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца, въ скоромъ времени послѣ перевезенія къ намъ царя, стало извѣстно, что нашъ Авдѣевъ назначенъ главнымъ начальникомъ надъ домомъ, гдѣ содержался царь. Домъ этотъ тогда почему-то всѣ называли «домъ особаго назначенія», а про Авдѣева говорили, что онъ надъ этимъ домомъ «комендантомъ» назначенъ.

Дѣйствительно, скоро самъ Авдѣевъ объ этомъ намъ объяснилъ на митингѣ. Какъ произошло его назначеніе, я хорошо вамъ объяснить не берусь. Авдѣевъ былъ большевикъ самый настоящій. Онъ считалъ, что настоящую хорошую жизнь дали они — большевики. Онъ много разъ открыто говорилъ, что большевики уничтожили богачей-буржуевъ, отняли власть у Николая «Кроваваго» и т. п. Постоянно онъ терся въ городѣ съ здѣшними заправилами изъ областного совѣта. Я думаю, что такимъ образомъ онъ,

какъ ярый большевикъ, и былъ назначенъ областнымъ совѣтомъ комендантомъ «дома особаго назначенія». На митингѣ же, который онъ тогда собиралъ, онъ намъ разсказывалъ, что вмѣстѣ съ Яковлевымъ онъ ѣздилъ за царемъ въ Тобольскъ. Что это былъ за Яковлевъ, я самъ не знаю. Авдѣевъ же разсказывалъ намъ на митингѣ, что Яковлевъ — рабочій изъ Златоуста. Авдѣевъ его поносилъ и говорилъ намъ, что Яковлевъ хотѣлъ царя увезти изъ Россіи и повезъ его для этого въ Омскъ. Но они, т. е. екатеринбургскіе большевики, все это узнали и не допустили увоза царя, сообщивъ о намѣреніи Яковлева въ Омскъ. Про царя онъ тогда говорилъ со злобой. Онъ ругалъ его, какъ только могъ и называлъ не иначе, какъ «кровопійца». Главное, за что онъ ругалъ царя, была ссылка на войну; что царь захотѣлъ этой войны и три года проливалъ кровь «рабочихъ», что рабочихъ массами въ эту войну разстрѣливали за забастовки. Вообще онъ говорилъ то, что вездѣ говорили большевики. Изъ его словъ можно было понять, что за эту его заслугу передъ «революціей», т. е. за то, что онъ не допустилъ Яковлева увезти царя, его и назначили комендантомъ «дома особаго назначенія». И, какъ видать было, этимъ самымъ назначеніемъ Авдѣевъ былъ очень доволенъ. Онъ былъ такой «радостный», когда говорилъ на митингѣ и обѣщалъ рабочимъ: «я васъ всѣхъ свожу въ домъ и покажу вамъ царя».

Какъ я сужу по словамъ Авдѣева, въ то время, когда онъ поступилъ комендантомъ «дома особаго назначенія», охрана этого дома состояла изъ мадьяръ. Авдѣевъ тогда опредѣленно говорилъ объ этомъ и собирался мадьярскую охрану замѣнить русской. Онъ именно говорилъ про мадьярскую охрану, а не про какую-либо другую. Свое слово «показать» рабочимъ царя Авдѣевъ сдержалъ. Постоянно туда ходили съ нашей фабрики рабочіе, но только не всѣ, а тѣ, которыхъ выбиралъ Авдѣевъ. А выбиралъ онъ указанныхъ уже мною своихъ приближенныхъ. Всѣ они охраны въ «домѣ особаго назначенія» не несли, а «помогали» Авдѣеву, были его помощниками. Ходили они не всѣ вмѣстѣ, а по одному, по два. И находились они въ «домѣ особаго назначенія» не подолгу, а такъ, день-два. Главная цѣль у нихъ, какъ я думаю, была въ деньгахъ. За пребываніе въ «домѣ особаго назначенія» они получали особое содержаніе изъ разсчета 400 рублей въ мѣсяцъ, за вычетомъ кормовыхъ. Кромѣ того они и на фабрикѣ получали жалованье, какъ состоящіе въ фабричномъ комитетѣ или дѣловомъ совѣтѣ. Однимъ словомъ, эти рабочіе пользовались своимъ особымъ положеніемъ при Авдѣевѣ и извлекали изъ него выгоду.

30 мая въ нашъ фабричный комитетъ пришла отъ начальника центральнаго штаба красной арміи Украинцева (того самаго Украинцева, который состоялъ нашимъ рабочимъ) бумага, въ которой требовалось отъ нашего комитета выслать на охрану въ «домъ особаго назначенія» 10 человѣкъ рабочихъ, среди нихъ былъ и я.

Мадьярской охраны, когда мы пришли въ домъ Ипатьева, уже не было. Охрана состояла изъ рабочихъ Сысертскаго завода и рабочихъ съ разныхъ еще другихъ фабрикъ и заводовъ: Макаровской фабрики, завода Ятиса, съ монетнаго двора. Сысертскіе рабочіе остались, когда пришли мы, всѣ же остальные рабочіе тутъ же ушли. Вмѣстѣ съ Сысертскими рабочими мы всѣ расположились въ нижнихъ комнатахъ дома Ипатьева. Съ верхнимъ этажемъ можно было сообщаться черезъ парадный ходъ верхняго этажа.

Въ моментъ нашего прибытія въ домъ Ипатьева не было ни среди насъ, Злоказовскихъ рабочихъ, ни среди Сысертскихъ никакого особаго начальника. Были лишь разводящіе. Въ первую недѣлю у насъ, Злоказовскихъ рабочихъ, былъ разводящимъ я. У Сысертскихъ — былъ разводящимъ Медвѣдевъ и еще кто-то другой. Медвѣдевъ, пожалуй, былъ главнымъ среди Сысертскихъ рабочихъ лицомъ, такъ сказать, вообще распоряжался среди нихъ, къ нему обращались съ разными вопросами, но особой власти онъ никакой не имѣлъ. Раньше него на такомъ же положеніи былъ Никифоровъ, но скоро заболѣлъ и ушелъ. Его тогда и замѣнилъ Медвѣдевъ. Это такъ было однако въ первое время послѣ нашего прихода въ домъ Ипатьева. Спустя же, приблизительно, съ недѣлю, такой порядокъ измѣнился. Прежде всего насъ всѣхъ охранниковъ перевели въ домъ Попова. Медвѣдевъ сдѣлался уже «начальникомъ» надъ нами всѣми, т. е. и Злоказовскими и Сысертскими. Было выбрано трое разводящихъ, которые обязаны были ставить на посты всѣхъ охранниковъ. Такими разводящими были я, Веніаминъ Сафоновъ и Константинъ Добрынинъ. Когда же не задолго до убійства Сафоновъ заболѣлъ, его замѣнилъ Иванъ Старковъ. Значитъ, до самаго убійства царской семьи разводящими были: я, Иванъ Старковъ и Константинъ Добрынинъ.

Обязанности разводящаго состояли въ слѣдующемъ:

Мы дежурили 8 часовъ: съ 6 утра до 2 часовъ дня; съ 2 часовъ дня до 10 часовъ вечера; съ 10 часовъ вечера до 6 часовъ утра. Въ это дежурство мы ставили охрану на посты, провѣряли время отъ времени посты. Кромѣ того мы обязаны были находиться въ комендантской комнатѣ и выходить на звонокъ постового, когда онъ давалъ знать звонкомъ въ комендантскую о приходѣ какого-нибудь лица.

Всѣхъ постовъ, когда мы пришли въ домъ Ипатьева, было 10, и они такъ и различались по номерамъ:

Постъ № 1 находился въ первой же комнатѣ верхняго этажа, какъ только войдешь съ параднаго хода въ домъ. Постъ № 2 находился въ проходной комнатѣ, гдѣ находится ванная и уборная.

Постъ № 3 находился въ переднемъ дворѣ у самой калитки. Калитка, какъ и ворота, была всегда заперта. Въ ней было продѣлано окошечко, чтобы постовой могъ видѣть человѣка, подошедшаго къ калиткѣ.

При нашемъ приходѣ въ домъ Ипатьева домъ уже былъ обнесенъ двумя заборами. Первый заборъ шелъ близко отъ стѣнъ дома. Онъ начинался со стороны Вознесенскаго переулка или отъ стѣны дома или отъ стѣны сада и, огораживая домъ со стороны Вознесенскаго переулка, загибался угломъ, гдѣ этотъ переулокъ пересѣкается съ Вознесенскимъ проспектомъ, и шелъ дальше, огораживая домъ со стороны Вознесенскаго проспекта, оканчиваясь съ этой стороны передъ параднымъ крыльцомъ, ведущемъ въ верхній этажъ. Онъ, такимъ образомъ, образовывалъ маленькій передній передъ домомъ дворикъ. Въ него можно было попасть только изъ парадного хода дома, ведущаго въ нижній этажъ со стороны Вознесенскаго переулка. Въ этомъ дворикѣ у самаго угла Вознесенскаго переулка и Вознесенскаго проспекта была старая будка.

Второй заборъ также начинался со стороны Вознесенскаго переулка. Онъ былъ пристроенъ къ первому забору и шелъ дальше, загибаясь также угломъ, огораживая домъ со стороны Вознесенскаго проспекта. Онъ шелъ дальше за ворота, закрывая ихъ, и оканчивался угломъ у стѣны дома со стороны Вознесенскаго проспекта. Такимъ образомъ этотъ второй заборъ закрывалъ и парадное крыльцо, ведущее въ верхній этажъ дома, и ворота и калитку. Въ этомъ второмъ заборѣ было двое сквозныхъ воротъ: одни были обращены въ сторону Вознесенскаго переулка, другія какъ разъ противъ нихъ въ противоположной стѣнѣ забора вблизи воротъ дома.

И тѣ и другія ворота запирались изнутри забора. Когда мы пришли на охрану, были только одни ворота, ближайшія къ воротамъ дома. Воротъ, обращенныхъ къ Вознесенскому переулку не было. Ихъ выстроили уже при насъ и потому выстроили, что автомобилямъ трудно было, благодаря крутому подъему, выходить отъ дома черезъ первыя ворота. Для этого спеціально и были выстроены ворота, обращенныя къ Вознесенскому переулку. Автомобили входили и черезъ тѣ и черезъ другія ворота; выходили же они только черезъ ворота, обращенныя къ Вознесенскому переулку.

Въ заборѣ около воротъ, которыя были выстроены еще до насъ, была калитка съ окошечкомъ.

По обоимъ угламъ наружнаго забора было выстроено по будкѣ, въ которыхъ должны были находиться постовые.

Постъ № 4 находился за наружнымъ заборомъ у калитки около тѣхъ воротъ, которыя были выстроены первыми.

Постъ № 5 находился у будки вблизи этихъ воротъ, такъ что постовой видѣлъ весь Вознесенскій проспектъ.

Постъ № 6 находился у другой будки, которая находилась снаружи забора на углу Вознесенскаго проспекта и Вознесенскаго переулка около часовни.

Постъ № 7 находился въ старой будкѣ въ переднемъ дворикѣ, образованномъ стѣнами дома и первымъ заборомъ.

Постъ № 8 находился въ саду. Здѣсь постовой ходилъ по всему саду.

Постъ № 9 находился на террасѣ, гдѣ стоялъ пулеметъ.

Постъ № 10 находился въ комнатѣ нижняго этажа.

Всего и было 10 постовъ, когда мы пришли въ домъ Ипатьева.

Наше переселеніе въ домъ Попова произошло по нашему требованію. Въ особенности на этомъ настаивали Сысертскіе рабочіе. Къ нимъ, какъ къ дальнимъ отъ города, пріѣзжали жены. А между тѣмъ въ домѣ Ипатьева они останавливаться не могли, такъ какъ туда никого не пускали. Вотъ по этому насъ всѣхъ перевели въ домъ Попова.

До второй половины іюня мы, Злоказовскіе и Сысертскіе рабочіе, несли охрану всѣхъ 10 постовъ. Со второй же половины іюня произошла нѣкоторая перемѣна. Дѣло въ томъ, что къ этому времени у рабочихъ Злоказовской фабрики наросло уже сильное неудовольствіе Авдѣевымъ и его изъ комиссаровъ фабрики турнули. Остался онъ только комендантомъ Ипатьевскаго дома. Также и вся его компанія изъ указанныхъ лицъ была изгнана со всѣхъ мѣстъ. Тогда Авдѣевъ перетащилъ ихъ всѣхъ въ домъ Ипатьева. Попали сюда всѣ указанныя мною лица: три брата Логиновыхъ, Мишкевичъ, Соловьевъ, Гоншкевичъ, Корякинъ, Крашенинниковъ, Сидоровъ, Украинцевъ, Комендантовъ, Лабушевъ, Валентинъ Люхановъ и Скороходовъ. Всѣ они, кромѣ Скороходова, заболѣвшаго вскорѣ и отвезеннаго въ больницу, размѣстились въ комендантской комнатѣ и въ прихожей.

Со времени ихъ прибытія въ домъ Ипатьева они и стали нести охрану на постахъ за № 1 и 2.

Размѣщались всѣ они въ комендантской и въ прихожей вповалку, прямо на полу. Для спанья взяли они два или три матраца изъ кладовой.

Такъ мы несли охрану до первыхъ чиселъ іюля мѣсяца, приблизительно, числа до 3—4 іюля, когда Авдѣевъ, Мошкинъ и вся эта компанія, переселившаяся къ Авдѣеву, была разогнана.

Вышло же это такъ:

Авдѣевъ былъ пьяница. Онъ любилъ пьянство и пилъ всегда, когда можно было. Пилъ онъ дрожжевую гущу, которую доставалъ на Злоказовскомъ заводѣ. Пилъ онъ здѣсь въ домѣ Ипатьева. Съ нимъ пили и эти его приближенные. Когда послѣдніе переселились въ домъ Ипатьева, они стали воровать царскія вещи. Часто стали они ходить въ кладовую и выносить оттуда какія-то вещи въ мѣшкахъ. Мѣшки они увозили въ автомобилѣ и на лошадяхъ. Возили они вещи къ себѣ домой по квартирамъ. Пошли объ этомъ разговоры. Говорили по поводу этого воровства и наши охранники, въ особенности Павелъ Медвѣдевъ. Говорили объ этомъ и на фабрикѣ Злоказовыхъ, указывая опредѣленно какъ на воровъ на Авдѣева и на Люханова. Это, конечно,

такъ и было. Авдѣевъ со своей компаніей намозолилъ еще на фабрикѣ глаза рабочимъ. Всѣ они пристроились тамъ къ легкой работѣ въ комитетѣ да въ дѣловомъ совѣтѣ, получали деньги и пили гущу. Когда они переселились въ домъ Ипатьева, стали они также себя вести и здѣсь: гущу пили и царскія вещи воровали.

Приблизительно числа 3—4 іюля, какъ разъ въ мое дежурство, Авдѣевъ куда-то ушелъ изъ дома. Я думаю, что его тогда не вызвали-ли въ областной совѣтъ по телефону. Спустя немного времени ушелъ и Мошкинъ. Онъ, я знаю, ушелъ тогда по вызову по телефону въ областной совѣтъ. Остался за Авдѣева Василій Логиновъ. Спустя нѣкоторое время послѣ ухода Авдѣева и Мошкина пришли въ домъ Ипатьева Бѣлобородовъ, Софаровъ, Юровскій, Никулинъ и еще какіе-то два человѣка.

Бѣлобородовъ спросилъ насъ, бывшихъ въ домѣ, кто у насъ остался за Авдѣева. Василій Логиновъ сказалъ ему, что за Авдѣева остался онъ. Тогда Бѣлобородовъ объяснилъ намъ, что Авдѣевъ больше не комендантъ, что онъ съ Мошкинымъ арестованы. За что именно они были арестованы, Бѣлобородовъ намъ не объяснилъ. Объ этомъ, помню я, тогда Бѣлобородовъ сказалъ и Медвѣдеву, который тоже приходилъ изъ дома Попова. Тутъ же Бѣлобородовъ намъ и объяснилъ, что Юровскій — новый комендантъ, а Никулинъ — его помощникъ. Съ того же момента Юровскій и сталъ распоряжаться въ домѣ, какъ уже комендантъ. Онъ тутъ же приказалъ Логинову и другимъ изъ ихъ Авдѣевской партіи (я не могу припомнить, кто именно изъ нихъ въ тотъ моментъ находился въ домѣ), «улетучиться» изъ дома.

Помню я, что всѣ указанныя мною лица: Бѣлобородовъ, Сафаровъ, Никулинъ, Юровскій и еще двое мнѣ неизвѣстныхъ были во всѣхъ комнатахъ дома; были они и въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ проживалъ съ семействомъ Николай Александровичъ. Но я съ ними туда не ходилъ. Были они тамъ не долго. Надо думать, Бѣлобородовъ освѣдомлялъ ихъ о назначеніи Юровскаго и Никулина. Юровскій тогда же спрашивалъ Медвѣдева, кто несетъ охрану внутри дома, т. е. на постахъ № 1 и 2. Узнавъ, что внутреннюю охрану несутъ эти самые «привилегированные» изъ партіи Авдѣева, Юровскій сказалъ: «пока несите охрану на этихъ постахъ вы, а потомъ я потребую къ себѣ людей на эти посты изъ Чрезвычайной комиссіи».

Дѣйствительно черезъ нѣсколько дней эти люди изъ Чрезвычайной слѣдственной комиссіи и прибыли въ домъ Ипатьева. Ихъ было 10 человѣкъ. Ихъ имущество привозили на лошади. Чья была эта лошадь, кто былъ кучеръ, не знаю. Но только всѣмъ тогда было извѣстно, что прибыли всѣ эти люди изъ Чрезвычайки, изъ «Американской гостинницы».

Всѣхъ этихъ людей мы безразлично называли почему-то латышами. Но дѣйствительно ли они были латыши, никто

изъ насъ этого не зналъ. Вполнѣ возможно, что они были и не латыши, а, напримѣръ, мадьяры.

Они поселились въ нижнемъ этажѣ дома. Обѣдали же они и пили чай въ комендантской комнатѣ. Они были всѣ на особомъ положенiи сравнительно съ нами. Пожалуй, правильнѣе будетъ, если сказать, что было у насъ три партiи: вотъ эти самые латыши, Злоказовскiе рабочiе и Сысертскiе. Къ латышамъ Юровскiй относился какъ къ равнымъ себѣ, лучше относился къ Сысертскимъ и хуже къ намъ. Различiе въ отношенiи его къ намъ и къ Сысертскимъ объяснялось тѣмъ, что насъ онъ причислялъ къ тѣмъ же рабочимъ со Злоказовской фабрики, которые были изгнаны вмѣстѣ съ Авдѣевымъ. Кромѣ того нѣкоторую роль въ этомъ игралъ и Медвѣдевъ. Онъ лебезилъ передъ Юровскимъ и Никулинымъ, угодничалъ передъ ними. Поэтому они и относились лучше, съ большимъ расположенiемъ къ Сысертскимъ.

Юровскiй, прежде всего, увеличилъ число постовъ. Онъ поставилъ еще пулеметъ на чердакѣ дома и установилъ постъ на заднемъ дворѣ. Этотъ постъ на заднемъ дворѣ сталъ называться номеромъ 10; постъ у пулемета, сталъ называться номеромъ 11, а постъ на чердакѣ — номеромъ 12. Охрану постовъ за № 1, 2 и 12 при Юровскомъ, со времени прибытiя въ домъ «латышей», несли исключительно они.

Вы спрашиваете меня, почему я пошелъ караулить царя? Я не видѣлъ въ этомъ тогда ничего худого. Какъ я вамъ уже говорилъ, я все-таки нѣсколько читалъ разныя книги. Читалъ я книги «партiйныя» и разбирался въ партiяхъ. Я, напримѣръ, знаю разницу между взглядами соцiалистовъ-революцiонеровъ и большевиковъ. Тѣ считаютъ крестьянъ — трудовымъ элементомъ, а эти — буржуазнымъ, признавая пролетарiатомъ только однихъ рабочихъ. Я былъ по убѣжденiямъ болѣе близокъ большевикамъ, но я не вѣрилъ въ то, что большевикамъ удастся установить «настоящую», «правильную» жизнь ихъ путями, т. е. насилiемъ. Мнѣ думалось и сейчасъ думается, что «хорошая», «справедливая» жизнь, когда не будетъ такихъ богатыхъ и такихъ бѣдныхъ, какъ сейчасъ, наступитъ только тогда, когда весь народъ путемъ просвѣщенiя пойметъ, что теперешняя жизнь не настоящая. Царя я считалъ первымъ капиталистомъ, который всегда будетъ держать руку капиталистовъ, а не рабочихъ. Поэтому я не хотѣлъ царя и думалъ, что его надо держать подъ стражей, вообще въ заключенiи для охраны революцiи, но до тѣхъ поръ, пока народъ его не «разсудитъ» и не поступитъ съ нимъ по его дѣламъ: былъ ли онъ плохъ и виноватъ передъ родиной, или нѣтъ. И если бы я зналъ, что его убьютъ такъ, какъ его убили, я бы ни за что не пошелъ его охранять. Его, по моему, могла судить только вся Россiя, потому что онъ былъ царь всей Россiи. А такое дѣло, какое случилось, я считаю дѣломъ нехорошимъ: несправедливымъ и жестокимъ. Убiйство же всѣхъ остальныхъ изъ его семьи еще того хуже. За что же убиты были его дѣти? А такъ еще я долженъ сказать, что пошелъ я на охрану изъ-за

заработка. Я тогда былъ все нездоровъ и больше поэтому пошелъ: дѣло не трудное.

Вотъ значитъ, мы и охраняли царя Николая Александровича съ семьей. Жили они всѣ въ домѣ Ипатьева, т. е. самъ царь Николай Александровичъ, его жена Александра Өеодоровна, сынъ Алексѣй и дочери Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія.

Изъ постороннихъ съ ними жили: докторъ Боткинъ, «Фрейлина», какъ мы ее назвали, Демидова, поваръ Харитоновъ и лакей Труппъ. Фамилію лакея Труппа я хорошо помню потому, что списокъ всѣхъ лицъ, проживавшихъ въ домѣ Ипатьева, висѣлъ въ комендантской комнатѣ.

Боткинъ изъ себя былъ уже пожилой, полный, сѣдой, высокій. Онъ носилъ синюю тройку: пиджакъ, жилетъ и брюки, крахмальное бѣлье и галстухъ; на ногахъ — ботинки.

Демидова была высокая, полная блондинка, лѣтъ 30—35. Одѣвалась она чисто, хорошо, не какъ прислуга, носила корсетъ: по фигурѣ видать было, что она стянутая ходила.

Поваръ изъ себя былъ лѣтъ 50, низенькій, коренастый, темнорусый.

Лакей былъ лѣтъ 60, высокаго роста, худой.

Еще жилъ при царской семьѣ мальчикъ, лѣтъ 14. Имени и фамиліи его не знаю. Онъ былъ по своему возрасту высокій, худой, изъ себя лицомъ бѣловатый. Носилъ онъ темносѣрую тужурку съ стоячимъ воротникомъ.

Про жизнь царской семьи, какъ она жила, какъ проводила время я ничего вамъ разсказать не могу. Самъ я ни разу не былъ въ тѣхъ комнатахъ, гдѣ жила она. Видѣть же издали я ничего не могъ, такъ какъ дверь изъ прихожей въ первую же комнату всегда обязательно была закрыта.

Какъ проводила время царская семья въ домѣ, я не знаю. Обѣды для нея приносились какими-то женщинами изъ «совѣтской» столовой, что на углу Вознесенскаго и Главнаго проспектовъ, гдѣ нынѣ кинематографъ и кафэ «Лоранжъ». Но потомъ, еще при Авдѣевѣ, было разрѣшено готовить обѣды имъ на дому. Провизія для этого доставлялась изъ областнаго совѣта какимъ-то особымъ человѣкомъ. Монашенки изъ монастыря приносили имъ молоко, яйца и хлѣбъ. Только одно я самъ наблюдалъ изъ жизни царской семьи: они иногда пѣли. Мнѣ приходилось слышать духовныя пѣснопѣнія. Пѣли они Херувимскую пѣсню. Но пѣли они и какую-то свѣтскую пѣсню. Словъ ея я не разбиралъ, а мотивъ ея былъ грустный. Это былъ мотивъ пѣсни: «Умеръ бѣдняга въ больницѣ военной». Слышались мнѣ одни женскіе голоса, мужскихъ ни разу не слыхалъ.

Богослуженія совершались въ домѣ, но за все время, пока я находился въ домѣ, богослуженіе совершалось три раза. Два раза служилъ священникъ Сторожевъ и одинъ разъ священникъ Мелединъ. Но служили и до насъ. Это я знаю потому именно, что я какъ разъ и ходилъ за священни-

комъ, когда совершалось богослуженіе. Первый разъ послалъ меня Авдѣевъ за священникомъ и указалъ мнѣ церковь, изъ которой требовался священникъ. Фамиліи священника онъ мнѣ не указалъ. Я въ церкви уже узналъ, что служилъ Мелединъ. Я хотѣлъ его звать, но онъ въ это время служилъ обѣдню. Тогда я позвалъ Сторожева. За нимъ ходилъ я же и второй разъ. Я же потомъ ходилъ и за Мелединымъ. Отыскивая священниковъ, я обращался къ церковному старостѣ, который стоялъ за свѣчнымъ ящикомъ. Кто онъ такой, не знаю. Но онъ однажды меня просилъ, нельзя ли ему служить вмѣсто діакона: «мнѣ больно хочется посмотрѣть царя». Богослуженій при Авдѣевѣ было, за мое нахожденіе въ домѣ, два, при Юровскомъ одно. Самъ я ни разу не присутствовалъ при богослуженіяхъ: насъ въ комнаты не допускали. На богослуженіяхъ присутствовали Авдѣевъ, Юровскій. Издали я слышалъ во время богослуженія мужскіе и женскіе голоса: должно быть они и пѣли сами. Видѣть мнѣ пришлось всѣхъ лицъ семьи и всѣхъ лицъ, которыя жили при ней.

Видѣлъ я ихъ въ домѣ, когда они проходили въ уборную, шли на прогулку въ садъ и во время самой прогулки въ саду. Въ уборную они ходили мимо комендантской комнаты черезъ прихожую и черезъ постъ № 1. Могли бы они пройти и черезъ ту комнату, гдѣ помѣщалась кухня, но почему-то тамъ они никогда не ходили. На прогулки они ходили, если не гулялъ наслѣдникъ, черезъ лѣстницу, которая идетъ внизъ отъ уборной, далѣе черезъ сѣни во дворъ и изъ двора въ садъ. Если же на прогулку отправлялся и наслѣдникъ, то тогда они всѣ шли черезъ парадную дверь на улицу, далѣе черезъ ворота (а не калитку), во дворъ и въ садъ. Онъ, видимо, болѣлъ и его выносилъ на прогулку до коляски, которая выносилась къ парадному крыльцу, царь всегда самъ. Я ни разу не видѣлъ, чтобы его выносилъ еще кто-нибудь.

Непосредственно наблюдать, какъ относился Авдѣевъ къ царю и его семьѣ, мнѣ не приходилось. Но я наблюдалъ самого Авдѣева, имѣвшаго съ ними общеніе. Авдѣевъ былъ пьяница, грубый и неразвитой; душа у него была недобрая. Если, бывало, въ отсутствіи Авдѣева кто-нибудь изъ царской семьи обращался съ какой-либо просьбой къ Мошкину, тотъ всегда говорилъ, что надо подождать возвращенія Авдѣева. Когда же Авдѣевъ приходилъ и Мошкинъ передавалъ ему просьбу, у Авдѣева отвѣтъ былъ: «ну ихъ къ черту». Возвращаясь изъ комнатъ, гдѣ жила царская семья, Авдѣевъ, бывало, говорилъ, что его просили о чемъ-либо, и онъ отказалъ. Это отказываніе ему доставляло видимое удовольствіе. Онъ объ этомъ «радостно» говорилъ. Напримѣръ, я помню, его просили разрѣшить открывать окна, и онъ, разсказывая объ этомъ, говорилъ, что онъ отказалъ въ этой просьбѣ. Какъ онъ называлъ царя въ глаза, не знаю. Въ комендантской онъ называлъ ихъ, всѣхъ «они»; царя онъ называлъ «Николашка». Я уже говорилъ, что онъ, какъ только попалъ въ домъ Ипатьева, такъ началъ таскать

туда своихъ приближенныхъ рабочихъ. А потомъ они и вовсе перекочевали въ домъ, когда ихъ поперли изъ комитета и совѣта. Всѣ эти люди бражничали съ Авдѣевымъ въ домѣ Ипатьева, пьянствовали и воровали царскія вещи. Разъ Авдѣевъ напился до того пьяный, что свалился въ одной изъ нижнихъ комнатъ дома. Какъ разъ въ это время пріѣхалъ Бѣлобородовъ и спросилъ его. Кто-то совралъ изъ приближенныхъ Авдѣева и сказалъ Бѣлобородову, что Авдѣевъ вышелъ изъ дома. А въ нижній этажъ онъ попалъ тогда послѣ посѣщенія въ такомъ пьяномъ видѣ царской семьи: онъ въ такомъ видѣ ходилъ къ ней. Пьяные — они шумѣли въ комендантской комнатѣ, орали, спали вповалку кто — гдѣ хотѣлъ и разводили грязь. Пѣли они пѣсни, которыя, конечно, не могли быть пріятными для царя. Пѣли они всѣ «вы жертвою пали въ борьбѣ роковой», «отрешимся отъ стараго міра», «дружно, товари, въ ногу». Украинцевъ умѣлъ играть на піанино, стоявшее въ комендантской, и аккомпанировалъ пѣвшимъ. Вотъ, зная Авдѣева, какъ большевика, какъ человѣка грубаго, пьянаго и душой недобраго, думаю, что обращался онъ съ царской семьей плохо: не могъ онъ обращаться съ ней хорошо по его натурѣ; по его поведенію, какъ я его самаго наблюдалъ въ комендантской, думаю, что его обращеніе съ царской семьей было для нея оскорбительнымъ. Припоминаю еще, что велъ Авдѣевъ съ своими товарищами разговоры и про Распутина. Говорилъ онъ, что многіе говорили, о чемъ и въ газетахъ писалось много разъ.

Я никогда ни одного раза не говорилъ ни съ царемъ, ни съ кѣмъ-либо изъ его семьи. Я съ ними только встрѣчался. Встрѣчи были молчаливыя. Только одинъ разъ я слышалъ и видѣлъ, какъ царь говорилъ съ Мошкинымъ. Они гуляли въ саду. Царь ходилъ по саду. Мошкинъ сидѣлъ въ саду на диванчикѣ. Царь подошелъ къ нему и заговорилъ съ нимъ что-то о погодѣ.

Однако эти молчаливыя встрѣчи съ ними для меня не прошли безслѣдно. У меня создалось въ душѣ «впечатлѣніе» отъ нихъ, ото всѣхъ. Царь былъ уже не молодой. Въ бородѣ у него пошла сѣдина. Видѣлъ я его въ гимнастеркѣ, подпоясаннымъ офицерскимъ ремнемъ съ пряжкой. Пряжка была желтаго цвѣта и самый поясъ былъ желтаго цвѣта, не свѣтложелтаго цвѣта, а темножелтаго цвѣта. Гимнастерка на немъ была защитнаго цвѣта. Такого же защитнаго цвѣта на немъ были и штаны и уже старые поношенные сапоги. Глаза у него были хорошіе, добрые, какъ и все лицо. Вообще онъ на меня производилъ впечатлѣніе какъ человѣкъ добрый, простой, откровенный, разговорчивый. Такъ и казалось, что вотъ онъ заговоритъ съ тобой и, какъ мнѣ казалось, ему охота была поговорить съ нами.

Царица была, какъ по ней замѣтно было, совсѣмъ на него не похожая. Взглядъ у нея былъ строгій, фигура и манеры ея были какъ у женщины гордой, важной. Мы, быва-

ло, въ своей компаніи разговаривали про нихъ и всѣ мы такъ думали, что Николай Александровичъ простой человѣкъ, а она не простая и какъ есть похожа на царицу. На видъ она была старше его. У нея въ вискахъ была замѣтна сѣдина, лицо у нея было уже женщины не молодой, а старой. Онъ передъ ней означался моложе. Во что она одѣвалась, я положительно не могу описать.

Такая же, видать, какъ и царица, была Татьяна. У нея видъ былъ такой же строгій и важный, какъ и у матери. А остальныя дочери: Ольга, Марія и Анастасія важности никакой не имѣли. Замѣтно по нимъ было, что были онѣ простыя и добрыя. Во что онѣ одѣвались, также я не знаю: не замѣчалъ.

Наслѣдникъ былъ все время больной. Ничего про него я сказать вамъ не могу. Вынесетъ его царь до коляски, а тамъ онъ закрытъ одѣяломъ. Его одежды я тоже описать не могу.

Отъ моихъ мыслей прежнихъ про царя, съ какими я шелъ въ охрану, ничего не осталось. Какъ я ихъ самъ своими глазами поглядѣлъ нѣсколько разъ, я сталъ душой къ нимъ относиться совсѣмъ по другому: мнѣ стало ихъ жалко. Жалко мнѣ стало ихъ, какъ людей. Сущую правду вамъ говорю, хотите — вѣрите, хотите — нѣтъ, была у меня въ головѣ мысль: пускай убѣгутъ; какъ-нибудь сдѣлать такъ, чтобы они бѣжали. Никому я того не сказывалъ. А была у меня тогда мысль сказать объ этомъ доктору Деревенько, который къ нимъ ходилъ. Только я его поостерегся. Почему поостерегся, не могу вамъ и самъ объяснить, а такъ, думаю, себѣ: человѣкъ, а какой онъ человѣкъ, кто его знаетъ? Какъ-то лицо у него, когда онъ, этотъ Деревенько, уходилъ отъ нихъ, ничего не выражало и никогда ни одного слова про нихъ онъ, уходя, не высказывалъ. Я и поостерегся его. Я вамъ сущую правду разсказываю: были у меня въ головѣ вотъ такія мысли, про какія сказываю. Раньше, какъ я поступилъ въ охрану, я, не видя ихъ, и не зная ихъ, тоже и самъ передъ ними нѣсколько виноватъ. Поютъ, бывало, Авдѣевъ съ «товарищами» революціонныя пѣсни. Ну, и я маленько подтяну, бывало, имъ. А какъ я разобрался, какъ оно и что, бросилъ я это и всѣ мы, если не всѣ, то многіе, Авдѣева за это осуждали.

При Юровскомъ мы всѣ были отшиты отъ дома. Въ комендантской уже не приходилось задерживаться, какъ это бывало при Авдѣевѣ. Придешь, бывало, по звонку (въ домъ Попова изъ комендантской звонокъ былъ проведенъ), прикажетъ что-нибудь, и уходи. Собственно, намъ, разводящимъ, не приходилось по звонку ходить. По звонку вызывался Медвѣдевъ, а черезъ него уже насъ звали. Около Юровскаго были Никулинъ, Медвѣдевъ тоже «примазывался» къ нему, близки были всѣ эти «латыши» изъ Чрезвычайки. Поэтому я и не могу вамъ описать, какъ Юровскій въ душѣ относился къ царю. Авдѣевъ все-таки былъ для насъ

ближе, потому что онъ былъ свой братъ — рабочій и былъ у насъ на виду, а Юровскій держалъ себя, какъ начальникъ, и насъ отстронилъ отъ дома.

Я вотъ что могу только отмѣтить. Онъ, какъ домъ принялъ, сейчасъ же пулеметный постъ на чердакѣ поставилъ, какъ я уже и говорилъ; новый постъ онъ на заднемъ дворѣ поставилъ. Пьяныя безобразія онъ прекратилъ. Никогда я его пьянымъ или выпивши не видѣлъ. Къ Никулину ходила изъ Чрезвычайки Сивелева, но она не допускалась въ комендантскую. Однако же онъ, Юровскій, что-то однажды или измѣнили или вовсе отмѣнили относительно монашескихъ приношеній: — къ ухудшенію положенія царской семьи, но что именно онъ измѣнилъ или отмѣнилъ, я не помню. Что-то такое непонятное для меня вышло и со священникомъ. Богослуженіе, какъ я помню, при Юровскомъ было одинъ разъ. Это было въ субботу 13 іюля. Позвалъ меня къ себѣ Юровскій и велѣлъ мнѣ позвать «котораго-нибудь» священника. Онъ меня сначала спросилъ, какіе священники служатъ. Я ему назвалъ о. Меледина и о. Сторожева. Тогда онъ мнѣ и велѣлъ позвать котораго-нибудь. А какъ о. Мелединъ жилъ поближе, то я тогда же въ субботу вечеромъ его и позвалъ. Вечеромъ же я и сказалъ Юровскому, что Меледина я позвалъ, назвавъ его по фамиліи. Утромъ Юровскій меня позвалъ и снова спросилъ, какого священника я позвалъ. Я сказалъ ему, что позвалъ о. Меледина. Тогда Юровскій меня спросилъ: «это который живетъ на Водочной, гдѣ докторъ Чернавинъ проживаетъ?» Я сказалъ, что именно тамъ. Тогда Юровскій меня послалъ къ Меледину сказать ему, чтобы онъ не приходилъ: «поди и скажи Меледину, что богослуженія не будетъ: отмѣнено. А спроситъ, кто отмѣнилъ, такъ скажи, что они сами отмѣнили, а не я. Вмѣсто Меледина позови Сторожева.» Ну, я что же? Пошелъ къ Меледину и говорю: «такъ и такъ, обѣдницы не будетъ». Онъ меня спросилъ: «почему?» Я сказалъ, какъ велѣлъ Юровскій, что они сами отмѣнили. Тутъ же я пошелъ къ Сторожеву и позвалъ его. Что это означало, что не захотѣлъ Юровскій Меледина, а пожелалъ Сторожева, не знаю. И со мной тоже Юровскій поступилъ противъ желанія команды и по своему желанію. 12 іюля команда выбрала вмѣсто Медвѣдева меня въ начальники. Въ воскресенье 14 іюля я отлучился изъ дома дольше позволеннаго мнѣ времени. Тогда Юровскій меня отмѣнилъ, а вмѣсто меня назначилъ Медвѣдева. Такъ онъ до конца и былъ.

Послѣдній разъ я видѣлъ царя и дочерей 16 іюля. Они гуляли въ саду часа въ 4 дня. Видѣлъ ли я въ этотъ день наслѣдника, не помню. Царицы я не видѣлъ. Она тогда не гуляла.

15 іюля въ понедѣльникъ у насъ въ нашей казармѣ въ домѣ Попова появился мальчикъ, который жилъ при царской семьѣ и каталъ въ коляскѣ наслѣдника. Я тогда же обратилъ на это вниманіе. Вѣроятно и другіе охранники

также на это обратили вниманіе. Однако никто не зналъ, что это означаетъ, почему къ намъ перевели мальчика. Сдѣлано же это было безусловно по приказанію Юровскаго. 16 іюля я былъ дежурнымъ разводящимъ. Я дежурилъ тогда съ 2 часовъ дня до 10 часовъ вечера. Въ 10 часовъ я поставилъ постовыхъ на всѣ 8 постовъ (посты № 1, 2, 11, 12 окарауливались не нами). Постовые, которыхъ я поставилъ въ 10 часовъ вечера, должны были смѣняться въ 2 часа ночи уже новымъ разводящимъ, которому я сдалъ дежурство — Константиномъ Добрынинымъ. Сдавъ ему дежурство, я ушелъ въ свою казарму. Помню я, что я пилъ чай, а потомъ легъ спать, должно быть часовъ въ 11. Въ одной комнатѣ со мной помѣщались Клещевъ, Романовъ и Осокинъ. Часа, вѣроятно, въ 4 утра, когда уже было свѣтло, я проснулся отъ словъ Клещева. Проснулись и спавшіе со мной Романовъ и Осокинъ. Клещевъ говорилъ взволнованно: «ребята, вставайте, новость скажу, идите въ ту комнату». Мы встали и пошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ было больше народа, почему насъ и звалъ туда Клещевъ. Когда мы собрались всѣ, Клещевъ сказалъ: «сегодня разстрѣляли царя». Всѣ мы стали спрашивать, какъ это произошло, и Клещевъ и Дерябинъ разсказали намъ слѣдующее, взаимно пополняя слова другъ друга:

Въ 2 часа ночи къ нимъ на посты приходили Медвѣдевъ съ Добрынинымъ и предупредили ихъ, что имъ въ эту ночь придется стоять на постахъ дольше 2 часовъ ночи, потому что въ эту ночь будутъ разстрѣливать царя. Получивъ такое предупрежденіе, Клещевъ и Дерябинъ подошли къ окнамъ: Клещевъ къ окну прихожей нижняго этажа, которое приходилось противъ двери, ведущей изъ прихожей въ ту комнату, гдѣ произошло убійство, а Дерябинъ — къ окну этой самой комнаты, выходящей на Вознесенскій переулокъ. Въ скоромъ времени — все это было, по ихъ словамъ, въ первомъ часу ночи, считая по старому времени, или въ третьемъ часу, считая по новому времени, которое большевики перевели тогда на 2 часа впередъ, — въ нижнія комнаты вошли люди и направились въ комнату, гдѣ потомъ происходило убійство. Это шествіе было Клещеву хорошо видно: впереди шли Юровскій и Никулинъ, за ними шелъ государь, государыня и дочери — Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія, а также Боткинъ, Демидова, Труппъ и поваръ Харитоновъ. Наслѣдника несъ на рукахъ самъ государь. Сзади шли Медвѣдевъ и латыши, т. е. тѣ 10 человѣкъ, которые жили въ нижнихъ комнатахъ и были выписаны Юровскимъ изъ Чрезвычайки. Изъ нихъ двое были съ винтовками. Когда царская семья была введена въ комнату, она размѣстилась такъ: по срединѣ комнаты стоялъ царь, рядомъ съ нимъ на стулѣ сидѣлъ наслѣдникъ по правую руку отъ царя, а справа отъ наслѣдника стоялъ докторъ Боткинъ. Сзади нихъ у стѣны стала царица съ дочерьми, въ одну сторону отъ царицы сталъ поваръ съ лакеемъ, а въ другую сторону — Демидова.

Въ комнатѣ кромѣ нихъ находились: Юровскій, Никулинъ и латыши, позади латышей стоялъ Медвѣдевъ.

Что именно говорилъ Юровскій, Дерябинъ не могъ передать: ему не слышно было. Клещевъ же положительно утверждаетъ, что слова Юровскаго онъ слышалъ. Юровскій такъ сказалъ царю: «Николай Александровичъ, ваши родственники старались васъ спасти, и мы поэтому принуждены васъ сами разстрѣлять». Въ ту же минуту раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Стрѣляли исключительно изъ револьверовъ.

Вслѣдъ за первыми же выстрѣлами раздался женскій визгъ и крикъ нѣсколькихъ женскихъ голосовъ. Разстрѣливаемые стали падать одинъ за другимъ. Первымъ палъ царь, за нимъ — наслѣдникъ. Демидова же металась, и она была приколота штыками. Когда всѣ они лежали, ихъ стали осматривать, и нѣкоторыхъ изъ нихъ дострѣливали и докалывали. Изъ лицъ царской семьи они называли Анастасію, какъ приколотую штыками. Затѣмъ убитыхъ стали осматривать: разстегивали одежду и искали вещи. Всѣ найденныя у покойныхъ вещи Юровскій взялъ себѣ и отнесъ наверхъ. Кто-то принесъ изъ верхнихъ комнатъ нѣсколько простынь, убитыхъ стали завертывать въ эти простыни и выносить во дворъ черезъ тѣ же комнаты, черезъ которыя ихъ вели на казнь. Со двора ихъ выносили въ автомобиль, стоявшій за воротами дома. Всѣхъ ихъ перенесли въ грузовой автомобиль, изъ кладовой взяли сукно, его разложили въ автомобилѣ и на него положили трупы, и сверху ихъ закрыли этимъ же сукномъ. Шоферомъ на этомъ автомобилѣ былъ Сергѣй Люхановъ. Автомобиль съ трупами Люхановъ повелъ въ ворота, которыя выходили на Вознесенскій переулокъ. Вмѣстѣ съ трупами уѣхалъ самъ Юровскій и человѣка три латышей. Когда трупы были уже унесены изъ дома, тогда двое изъ латышей стали заметать метелками кровь и смывать ее водой при помощи опилокъ.

Разсказы Клещева и Дерябина объ этомъ убійствѣ были столь похожи на правду и сами они были такъ всѣмъ видѣннымъ ими поражены и потрясены, что и тѣни сомнѣнія ни у кого не было, кто ихъ слушалъ, что они говорятъ правду. Особенно былъ разстроенъ этимъ Дерябинъ, онъ прямо ругался за такое дѣло и называлъ убійцъ мясниками и вообще говорилъ про нихъ съ отвращеніемъ.

Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней или самъ Медвѣдевъ или же кто-либо съ его словь говорилъ мнѣ, что Люхановъ увезъ трупы за Верхъ-Исетскій заводъ. Автомобиль шелъ лѣсистой мѣстностью. Почва пошла, по мѣрѣ дальнѣйшаго слѣдованія автомобиля, мягкая, болотистая, и автомобиль сталъ останавливаться, колеса его тонули. Съ трудомъ автомобиль дошелъ до мѣста, гдѣ оказалась заранѣе вырытая яма. Въ нее положили всѣ трупы и зарыли.

Все это я разсказываю вамъ сущую правду. Ни я, ни другіе наши Злоказовскіе рабочіе ничего съ вечера не знали

о предстоящемъ убійствѣ. Къ намъ въ казарму Медвѣдевъ съ вечера не приходилъ и ничего намъ не объяснялъ. Я допускаю, что нѣкоторые изъ Сысертскихъ рабочихъ могли заранѣе объ этомъ знать черезъ Медвѣдева, но Сысертскіе держались отдѣльно отъ насъ, а мы отъ нихъ. Среди Сысертскихъ было гораздо больше большевиковъ, чѣмъ среди нашихъ рабочихъ.

Относительно оружія я могу сказать слѣдующее: у Юровскаго было два револьвера: одинъ былъ у него большой Маузеръ, другой — Наганъ. Кромѣ того я видѣлъ въ комендантской комнатѣ большой револьверъ: возможно, что это былъ Кольтъ. У всѣхъ латышей были револьверы, судя по кобурамъ, Наганы. Кромѣ того, при Юровскомъ откуда-то были доставлены еще нѣсколько Нагановъ.

Разсказъ объ убійствѣ царя и его семьи на меня подѣйствовалъ сильно. Я сидѣлъ и трясся. Спать я уже не ложился, а часовъ въ 8 утра отправился къ своей сестрѣ Капитолинѣ, у меня были хорошія отношенія съ ней, и я пошелъ къ ней, чтобы подѣлиться мыслями: у меня на душѣ было страшно тяжело. Сестру я засталъ одну: мужъ ея былъ на службѣ въ комиссаріатѣ юстиціи. Сестра, увидѣвъ мое разстроенное лицо, спросила меня: «ты что это?» Я сказалъ ей: «царя разстрѣляли». Сестра спросила меня: «неужели и ты тамъ былъ?» Я разсказалъ сестрѣ то же самое, что и вамъ, только не такъ подробно. Я сказалъ ей, что царская семья разстрѣляна по приказанію и постановленію «областного совѣта рабочихъ депутатовъ». Я такъ думаю и сейчасъ: вѣдь не самъ же Юровскій устроилъ это. А такъ какъ вся власть тогда была въ рукахъ областного совѣта, то я и думаю, что убійство царской семьи произошло по приказанію изъ совѣта.

Среди красноармейцевъ ходили тогда разговоры: что будетъ, если подойдутъ чехи, какъ поступятъ тогда съ царской семьей? Высказывались предположенія, что ихъ могутъ разстрѣлять.

Помню я, что Дерябинъ говорилъ, что Демидовой нанесли штыкомъ около 30 ранъ, это я говорилъ сестрѣ.

Около 10 часовъ утра я вернулся отъ сестры въ домъ Попова. Не помню, какъ у меня протекло время до 2 часовъ, когда я опять всталъ на дежурство. Я разставилъ охрану на всѣ посты и вошелъ въ комендантскую. Тамъ я засталъ Никулина и двоихъ изъ латышей, тамъ же былъ и Медвѣдевъ. Всѣ они были невеселые, озабоченные, подавленные. Никто изъ нихъ не произносилъ ни одного слова. На столѣ въ комендантской лежало много разныхъ драгоцѣнностей: были тутъ и камни, и серьги, и булавки съ камнями, и бусы, много разныхъ украшеній. Частью они лежали въ шкатулочкахъ, которыя всѣ были открыты. Дверь изъ прихожей въ комнаты, гдѣ жила царская семья, по прежнему была закрыта, но въ комнатахъ никого не было: оттуда не раздавалось ни одного звука. Раньше, когда тамъ жила царская семья, всегда слышалась въ ихъ комнатахъ жизнь: голоса,

шаги. Теперь тамъ никакой жизни не было. Стояла только въ прихожей, у самой двери въ ихъ комнаты, ихъ собачка и ждала, когда ее впустятъ въ эти комнаты. Хорошо помню, я еще подумалъ тогда: «напрасно ты ждешь». До убійства въ комендантской стояла кровать и диванъ. Въ этотъ же день, т. е. въ 2 часа дня 17 іюля, когда я пришелъ въ комендантскую, тамъ стояло еще двѣ кровати, на одной изъ нихъ лежалъ латышъ. Потомъ Медвѣдевъ разсказалъ намъ, что латыши больше не хотятъ жить въ комнатѣ, гдѣ произошло убійство (въ которой они жили раньше). Очевидно, поэтому двѣ кровати и были перенесены въ комендантскую.

Съ 2 часовъ дня 17 іюля я дежурилъ до 10 часовъ вечера. Юровскаго я не видѣлъ въ этотъ день въ домѣ.

Въ тотъ же день Медвѣдевъ сказалъ намъ, что насъ всѣхъ охранниковъ отправятъ на фронтъ. Поэтому 18 іюля я съ утра отправился на Злоказовскую фабрику получить тамъ денежныя суммы, причитающіяся намъ за прежнее время. Въ 2 часа дня я опять всталъ на дежурство. Въ этотъ день вывозились вещи изъ Ипатьевскаго дома и грузились на легковой автомобиль, на которомъ сидѣлъ самъ Бѣлобородовъ; вещи вывозились также на лошадяхъ.

18 іюля я видѣлъ въ домѣ Юровскаго, часовъ въ 6 вечера; онъ постоянно отлучался изъ дома. Часовъ въ 8 вечера онъ позвалъ Медвѣдева и выдалъ ему для насъ деньги. 19 іюля я вещей въ домѣ уже не видѣлъ.

Въ ночь на 20 іюля меня вмѣстѣ съ другими охранниками отправили на вокзалъ Екатеринбургъ I. Въ Ипатьевскомъ же домѣ осталась часть охраны.

Въ концѣ іюля мы прибыли въ Пермь, а спустя недѣлю послѣ нашего прибытія прибыли туда и всѣ остальные изъ указанныхъ мною лицъ, находившихся въ охранѣ. Всѣхъ ихъ причислили въ распоряженіе комиссара по снабженію третьей арміи Горбунова и отправили на пароходѣ въ Левшино. Съ ними не попалъ въ Левшино только Клещевъ, оставшійся тогда въ Перми, потому что онъ заболѣлъ венерической болѣзнью.

Мѣсяцъ я находился на охранѣ парохода и вагона комиссара Горбунова. А 1 ноября я самовольно ушелъ въ Мотовилиху и тамъ остался. Послѣ перехода территоріи подъ власть верховнаго правителя я былъ взятъ по мобилизаціи, принималъ участіе въ бояхъ съ красными, а затѣмъ былъ арестованъ.

Еще я помню изъ жизни царя слѣдующій случай: однажды пришелъ я въ комендантскую комнату и засталъ тамъ Никулина и Кабанова. Никулинъ при мнѣ спросилъ Кабанова, о чемъ онъ разговаривалъ въ саду на прогулкѣ съ царемъ. Кабановъ отвѣтилъ ему, что царь спрашивалъ его, не служилъ ли онъ ранѣе въ какомъ-то кирасирскомъ полку. Кабановъ по его словамъ отвѣтилъ утвердительно и говорилъ, что онъ, дѣйствительно, въ этомъ полку служилъ и однажды былъ на смотру этого полка, который тогда производился царемъ. Мы тогда удивились памяти царя.

Куда дѣвался мальчикъ изъ нашей команды, я не знаю. Въ одинъ изъ послѣдующихъ дней послѣ убійства я видѣлъ этого мальчика издали: онъ сидѣлъ въ той комнатѣ, гдѣ обѣдали Сысертскіе рабочіе, и горько плакалъ, такъ что его рыданія были слышны мнѣ издали. Я самъ къ нему не подходилъ и его ни о чемъ не спрашивалъ. Мнѣ разсказывали, что мальчикъ узналъ про убійство царской семьи и сталъ плакать.

17 же іюля я, успокоившись послѣ такого злого дѣла, не утерпѣлъ и пришелъ къ Медвѣдеву въ его комнату. Здѣсь я засталъ еще одного человѣка, который черезъ продовольственную управу ставилъ для царской семьи и для нашей команды всѣ продукты. Я сталъ Медвѣдева распрашивать про убійство. Медвѣдевъ разсказалъ мнѣ, что въ первомъ часу ночи Юровскій разбудилъ царскую семью и при этомъ сказалъ царю: «на домъ готовится нападеніе, я долженъ всѣхъ васъ перевести въ нижнія комнаты». Тогда они и пошли всѣ внизъ. На мой вопросъ, кто стрѣлялъ, Медвѣдевъ отвѣтилъ, что стрѣляли латыши. Когда я сталъ его спрашивать, куда дѣли трупы, онъ мнѣ подтвердилъ, что трупы на автомобилѣ увезъ Юровскій съ латышами и съ Люхановымъ за Верхъ-Исетскій заводъ и тамъ въ лѣсистой мѣстности около болота трупы были зарыты всѣ въ одну яму, заранѣе приготовленную. Я помню, онъ говорилъ, что автомобиль вязнулъ и съ трудомъ дошелъ до приготовленной могилы.

Я знаю, что Авдѣевъ, передъ назначеніемъ его комендантомъ Ипатьевскаго дома, ѣздилъ въ Тобольскъ за царемъ и его семействомъ. Съ нимъ ѣздилъ Хохряковъ, который потомъ былъ убитъ на фронтѣ и похороненъ большевиками съ большимъ торжествомъ въ Перми.

Еще я помню, что въ вагонѣ, когда я ѣхалъ изъ Екатеринбурга, я слышалъ, какъ два рабочихъ говорили, что будто бы царь уѣхалъ изъ Екатеринбурга. Тогда мы всѣ, бывшіе въ охранѣ, стали имъ говорить, что царь разстрѣлянъ.

Больше объяснить я ничего не могу. Объясненіе мое мнѣ прочитано, записано съ моихъ словъ правильно.

Анатолій Александровичъ Якимовъ.

Судебный слѣдователь *Соколовъ.*

Мартирологъ царской семьи.
(1917—1918 годы.)

1917:

1. 2 марта. Императоръ Николай II подписалъ въ Псковѣ манифестъ объ отреченіи отъ престола и о передачѣ верховной власти великому князю Михаилу Александровичу.

2. 3 марта. Великій князь Михаилъ Александровичъ отказался принять верховную власть до созыва Учредительнаго Собранія.
3. 4 марта. Прибытіе отрекшагося императора въ ставку верховнаго главнокомандующаго.
4. 7 марта. Генералъ Корниловъ, на основаніи постановленія Совѣта Министровъ, подвергаетъ аресту императрицу Александру Ѳеодоровну въ Царско-Сельскомъ дворцѣ. Всѣ дѣти царя больны корью.
5. 8 марта. Арестъ императора въ ставкѣ комиссарами Временнаго Правительства.
6. 9 марта. Прибытіе арестованнаго императора въ Царское Село.
7. 31 іюля. Выѣздъ изъ Царскаго Села на жительство въ Тобольскъ по распоряженію Временнаго Правительства и подъ надзоромъ делегатовъ Петроградскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ.
8. 6 августа. Прибытіе царя и царской семьи въ Тобольскъ; ночь на пароходѣ передъ водвореніемъ въ губернаторскомъ домѣ.
9. 25 декабря. Солдатскій бунтъ въ Тобольскѣ изъ-за того, что священникъ и дьяконъ на богослуженіи провозгласили многолѣтіе царской семьѣ.

1918:

10. 12 февраля. Предписаніе изъ Москвы отъ большевистской власти о сокращеніи бюджета царской семьи до размѣровъ солдатскаго пайка; начало матеріальныхъ лишеній.
11. 30 марта. Предписаніе изъ Москвы усилить строгость режима и надзора.
12. 13 апрѣля. Выѣздъ императора и императрицы изъ Тобольска въ Екатеринбургъ; тяжело больной наслѣдникъ и младшія дочери остаются въ Тобольскѣ.
13. 20 апрѣля. Прибытіе царя и царицы въ Екатеринбургъ; обыскъ царской семьи на вокзалѣ.
14. 21 апрѣля. Устраненіе отъ царской семьи всѣхъ лицъ свиты, кромѣ доктора.
15. 7 мая. Наслѣдникъ и великія княжны выѣзжаютъ изъ Тобольска въ Екатеринбургъ.
16. 10 мая. Прибытіе наслѣдника и великихъ княженъ въ Екатеринбургъ.
17. 16 іюля. Послѣдній день жизни всей царской семьи; послѣдняя прогулка по саду.
18. 17 іюля. На разсвѣтѣ царь, его жена и дѣти убиты въ подвалѣ Ипатьевскаго дома; трупы обысканы.
19. Въ тотъ же день ихъ тѣла увезены и преданы сожженію.

„ИСТОРИКЪ И СОВРЕМЕННИКЪ"

Историко-литературный сборникъ

ТОМЪ I. Содержаніе:

НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — П. Бермондтъ въ Прибалтикѣ въ 1919 году. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху великой войны. И. И. СТЕБЛИНЪ-КАМЕНСКІЙ — Ютландскій бой (31 мая 1916 года). Д. И. ДОРОШЕНКО — Война и революція на Украинѣ. Р. Р. КЕЛЛЕЙ — Промышленное производство въ Совѣтской Россіи. Бар. ВЛАД. ПЛОТО — Три года въ русскомъ плѣну. Критика и библіографія.

ТОМЪ II. Содержаніе:

Кн. С. П. МАНСЫРЕВЪ — Мои воспоминанія о Государственной Думѣ (1912—1917). МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху великой войны. (Продолженіе.) НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ. (Изъ записокъ редактора.) Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ — Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ — Театральныя воспоминанія. Майоръ Г. ФРАНЦЪ — Очеркъ эвакуаціи германскихъ войскъ съ Украины. Критика и библіографія.

ТОМЪ III. Содержаніе:

Кн. С. П. МАНСЫРЕВЪ — Мои воспоминанія о Государственной Думѣ (1912—1917). (Окончаніе.) МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху великой войны. (Продолженіе.) НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — Польско-совѣтскій миръ въ Ригѣ. (Окончаніе.) Н. В. ГЕРАСИМЕНКО — Махно. Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ — Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. (Продолженіе.) А. ЛЯСКОВСКІЙ — М. Е. Салтыковъ въ ссылкѣ. ЛЕВЪ УРВАНЦОВЪ — Театральныя воспоминанія (Комиссаржевская, Савина, Миронова). — Актъ разслѣдованія о взрывѣ бомбы на пароходѣ „Ріонъ". М. Г. Петръ Конашевичъ-Сагайдачный.

ТОМЪ IV. Содержаніе:

М. И. СМИРНОВЪ — Адмиралъ Александръ Васильевичъ Колчакъ во время революціи въ Черноморскомъ флотѣ. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху великой войны. Мемуары. (Продолженіе.) ВАС. И. НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО — У союзниковъ (Поѣздка русскихъ писателей въ 1916 году въ Англію, Францію и Италію). Е. Н. ШЕЛЬКИНГЪ — Самоубійство монархій. Императоры Вильгельмъ II и Николай II. (Окончаніе.) П. Н. КРАСНОВЪ — Когда Богъ оставилъ. Д. И. ДОРОШЕНКО — Война и революція на Украинѣ. НИК. БЕРЕЖАНСКІЙ — 4½ мѣсяца латышскаго большевизма. М. ИВ. — Чайковскій и Ратгаузъ. Критика и библіографія.

ТОМЪ VI. Содержаніе:

Н. В. САБЛИНЪ III — Три года въ красномъ флотѣ. МОРИСЪ ПАЛЕОЛОГЪ — Императорская Россія въ эпоху великой войны. А. ФИЛИППОВЪ — Смутные годы на югѣ Россіи. С. Р. МИНЦЛОВЪ — Синодикъ погибшихъ въ Россіи во время войны и революціи библіотекъ, архивовъ и художественныхъ коллекціи. Критика и библіографія.

Типографія I. ВИЗИКЕ, Бранденбургъ на Гавелѣ.

